
EYES BEHIND THE LINES

L Company Rangers in Vietnam, 1969

**In Vietnam, nightmares came true.
The only question was whether
they killed you or not.**

GARY A. LINDERER

Author of *The Eyes of the Eagle*

ГЛАЗА ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Гэри А. Линдерер

Бэллентайн Букс. Нью-Йорк

THE EYES BEHIND THE LINES

ISBN 0-8041-0819-6

Library of Congress Catalog Library Card Number:
91-92201

Copyright © 1991 by Gary A. Linderer

Перевод: © Lis (G. S.)

Верстка: Винд

ПРОЛОГ

Когда С-130 хлопнулся на взлётно-посадочную полосу авиабазы Фубай, что рядом с имперским городом Хюе, меня позабавила ирония момента. Лишь семь месяцев назад другой С-130 доставил меня на ту же самую горячую, липкую полосу асфальта, расположенную на прибрежной равнине в северной части республики Вьетнам. В то время, я был зелёным двадцатиоднолетним юнцом, купившимся на идею о том, что я один из лучших в Америке, отозвавшийся на зов моей страны. Я был полон мочи и уксуса, и готов порвать Дядюшку Хо вместе со всей его азиатской ордой. В попытке попасть в офицерскую школу я пошёл добровольцем в воздушно-десантные войска, школу специалистов и воздушно-десантную школу: два года колледжа и ROTC не произвели на армию впечатления, достаточного чтобы отобрать меня кандидатом в эту программу. Однако его оказалось достаточно, чтобы послать меня за полмира для участия в годичном семинаре по выживанию в боевых условиях.

Я оказался достаточно удачлив, чтобы попасть к знаменитым «Кричащим Орлам» из 101-й

воздушно-десантной дивизии и выбрал «жизнь братства», пойдя добровольцем в роту F 58-го пехотного полка (глубинной разведки).

Армия проделала отличную работу, доверху накачав нас всех колоссальными дозами самоуверенности. В Штатах, в Форте Гордон и Форте Беннинг, кадровые вояки горячо убеждали меня и моих приятелей в том, что мы действительно «самые злобные негодяи в долине». В нас выработали стойкие чувства бессмертия и корпоративного духа, заставлявшие многих из нас каждый вечер молиться, чтобы война продлилась достаточно долго, и мы успели оказаться там.

Некоторые из наших инструкторов пугали нас историями о том, насколько круты были «Чарли» и предупреждали, что нас схарчат в мгновение ока, если застигнут врасплох. Они обещали, что если мы заснём на посту, то проснёмся, улыбаясь вторым ртом – от уха до уха. Мы решили, что они, похоже, несут полную чушь. В конце концов, мы десантники, и самые злобные негодяи в долине. Десантники не лажаются, и уж точно не спят на посту. Когда мы доберёмся до Нама, мистеру Чарли придётся спасать свою задницу.

Первые семь месяцев, проведённые в стране, показали, где ложь. То, что нам говорили, не было ерундой, равно как мы не были самыми злобными негодьями в долине. В проклятой долине было полно плохих негодяев. По прибытии мы быстро обнаружили, что столь же зелены, как выданная нам жёсткая, необношенная форма. Месяцы подготовки там, в Штатах, совершенно не соответствовали тому, с чем нам пришлось столкнуться в Наме.

Первые несколько недель оказались ускоренными круглосуточными курсами под названием «Как остаться в живых во враждебном окружении». Но на самом деле никакое обучение, сколь бы продолжительным оно ни было, не могло подготовить нас к испытаниям настоящего боя. Именно он был нашим главным испытанием. Но мы учились! Медленно, но верно, мы стали закалёнными джунглями LRP.

Мы выработали умение действовать в неблагоприятных условиях и в ситуациях, способных уничтожить менее мужественных. Тех, кто не мог это выдержать, быстро и спокойно убирали из наших рядов и переводили в другие подразделения. В глубинной разведке не было места слабым, роб-

ким и малодушным. Со временем, наша «зелень» сошла, как выгорели на солнце наша форма и снаряжение. Густые, гористые джунгли и постоянные циклы солнце-жара, солнце-дождь, солнце-пот, солнце-пыль, из которых и состоял Вьетнам, выщелочили из нас парадный лоск.

Лазание по крутым склонам Аннамских гор* со стофунтовыми рюкзаками за плечами выработало у нас выносливость. Мы учились со скрытностью пантеры красться сквозь густую растительность, обрамляющую вражеские тропы. Мы узнали, как ждать врага возле тех троп, и нанести удар со скоростью и смертоносностью кобры. Мы заключили союз с джунглями. Вскоре они стали нашим другом, укрывая и маскируя, когда мы искали наших врагов. Мы победили страх темноты, и узнали, как использовать её, чтобы укрыться от глаз ищущих нас NVA. Мы научились игре, которую вёл

* *Аннамские горы – нагорье во Вьетнаме и Лаосе. Расположено вдоль восточной окраины полуострова Индокитай. Длина около 1300 км, ширина до 300 км, высота до 3280 м. Восточные склоны до высоты 1000 м покрыты влажнотропическими лесами, выше — хвойными. На западных склонах — листопадные тропические леса и саванны (прим. перев.)*

наш противник. Через некоторое время мы стали мастерами.

В течение многих лет наши группы по шесть человек скрытно проникали в районы сосредоточения противника, чтобы вести разведку, находить и убивать их там, где они считали себя в безопасности. В результате быстрых и смертоносных засад множество патрулей NVA остались лежать кучами падали вдоль идущих по джунглям троп. Многие курьеры NVA и политические деятели VC погибли на пути между лежащими на равнинах деревнями и отдалёнными горными убежищами. Тайники с боеприпасами взрывались вместе с ничего не подозревающими солдатами NVA, пытающимися пополнить свои запасы. Базовые лагеря и базы снабжения уничтожались в ходе внезапных артиллерийских ударов и точно спланированных налетов бомбардировщиков B-52. Отряды в пунктах сбора внезапно попадали под удары Кобр-ганшипов или налёты «шустрил» из ВВС.

В NVA знали, что все эти смерти и разрушения не были результатом обычных случайностей. Кто-то был там, наблюдая за ними! Враг относился к «людям с зарисованными лицами» со страхом

и ненавистью, но, в то же время, и с определённым уважением. Мы приняли их стиль войны. Они всегда предпочитали выбирать время и место, навязывая бой противнику. Члены подразделений глубинной разведки отняли у них этот выбор. Им преподали тот же деморализующий урок, который они вынудили выучить наших солдат: во Вьетнаме смерть была повсюду. От неё не существовало убежищ!

За несколько недель до того, как я достиг «бугра», середины моего двенадцатимесячного срока пребывания во Вьетнаме, северовьетнамцам удалось отыгаться. Это было моё четырнадцатое задание, патрулирование в долине Руонг-Руонг в составе «тяжёлой» группы из двенадцати человек.

Двумя объединёнными группами командовал сержант Эл Контрерос. На закате мы высадились в заросшую слоновой травой лощину на краю густых джунглей. Во время высадки Джон Соерс сломал обе лодыжки. Не желая подставить группу под угрозу, он преуменьшил степень своих травм.

В сумерках мы выдвинулись в джунгли и нашли широкую, хорошо натопанную тропу, идущую вдоль основания хребта. Мы проследовали вдоль неё на восток, пока не услышали в нескольких сот-

нях метров впереди предупредительный выстрел. Устроив L-образную засаду на повороте тропы, мы залегли в ожидании рассвета.

Всю ночь патрули противника с фонарями разыскивали нас. Они проходили не более чем в десятке футов от наших позиций. Мы не открывали огонь, не желая вступать в бой, когда в окрестностях в полной готовности находится столько солдат NVA.

На рассвете мы обнаружили, что лодыжки Сорера распухли настолько, что он не мог двигаться без посторонней помощи. Командир группы принял решение эвакуировать его, используя нашу изначальную посадочную площадку, и послал его вниз в лощину в сопровождении ещё двух LRP. Когда подбравший его медэвак улетал, мы снова услышали выстрел, раздавшийся выше по тропе от места нашей засады. Должно быть, вертолёт, забравший Сорера, заставил NVA думать, что нас всех эвакуировали. Второй выстрел был, по-видимому, сигналом «все чисто» для находящихся в районе солдат NVA.

Час спустя в нашу зону поражения вошло десять NVA, и мы взорвали Клейморы, убив девяти из них. Их пойнтмену, несмотря на ранения,

удалось убежать. Обыскав трупы, мы обнаружили, что среди мёртвых были четыре медсестры и майор NVA с полевой сумкой, полной карт и документов. Мы вызвали подразделение быстрого реагирования для организации охраны территории. Через час нас проинформировали, что выслать его нет возможности. Кроме того, наши вертолёты были задействованы в обеспечении десантно-штурмовой операции одной из бригад, и в течение нескольких часов их невозможно будет задействовать для нашей эвакуации.

Наше положение становилось рискованным. Мы слишком долго находились в зоне поражения, ожидая помощи, которой не будет, нарушив тем самым одно из основных правил разведки – никогда не оставаться на месте засады, не получив подкреплений. Командир группы сказал, что нам нужно немедленно уходить и попытаться найти более удобную для обороны позицию выше по склону.

Джим Венэйбл, заместитель командира нашей группы, вышел на ближайшую поляну, чтобы обозначить нашу позицию командиру роты, кружащему в вертолёте управления. Пока он пытался завизировать вертолёт через центральное отверстие

сигнального зеркала, северовьетнамские солдаты, укрывающиеся в окружающих джунглях, открыли огонь из автоматов, тяжело ранив его в руку, шею, и грудь. Двое LRP бросились вперед и оттащили раненого пойнтмена обратно к периметру, в то время как остальная часть группы прикрывала их огнём.

Тридцать или сорок NVA бросились на наши позиции со стороны посадочной площадки. Мы отбили атаку, убив нескольких из них. Следующие несколько часов были адом. Мы отбивали одну атаку за другой, корректируя огонь артиллерии и удары Кобр по окружившим нас NVA. У нас начали заканчиваться боеприпасы, когда командир группы приказал сжать периметр, чтобы дать средствам огневой поддержки возможность работать ближе к нам. Когда остальные члены группы начали перемещаться, чтобы объединить свои позиции, в нашем тылу взорвалась большая, дистанционно управляемая мина направленного действия, послав сквозь наши порядки тысячи смертоносных осколков. Когда дым рассеялся, четверо LRP были мертвы, а остальные ранены. Только трое из нас все ещё были в состоянии оборонять периметр.

В течение двух часов мы отчаянно сражались за выживание. Кобры металась над нашим периметром, решительно пресекая попытки NVA истребить выживших. Мы запросили медэваку и с помощью пенетраторов смогли отправить троих наиболее тяжело раненых.

Когда мы совсем было собирались расстаться с жизнями, спешно сформированное подразделение быстрого реагирования, состоявшее из LRP нашей собственной роты, высадилось с вертолётов в находящуюся в ста метрах от наших позиций воронку, и пробилось к нам сквозь окружающих NVA. Мы были спасены. Позже, в хирургическом центре в Фубай, я узнал, насколько тяжелы были наши потери. Погибли командир группы, сержант Эл Контрерос, сержант Майк Райфф, специалист четвёртого класса Арт Херингаузен, и мой лучший друг, специалист четвёртого класса Терри Клифтон. Специалист четвёртого класса Франк Суза, специалист четвёртого класса Райли Кокс, специалист четвёртого класса Джим Бэкон, сержант Джим Венэйбл, и специалист четвёртого класса Стив Чепарны были ранены настолько тяжело, что их отправили обратно в Штаты. Для них война закончилась.

Только сержант Джон Соерс, специалист четвёртого класса Билли Волкэбаут, и я сам смогли, излечившись от ран, вернуться к исполнению обязанностей.

Это была тяжёлая потеря для роты F, потребуется несколько месяцев, чтобы оправиться от неё. На вершине того холма я потерял лучшего друга. Эта потеря в течение многих лет будет причинять мне горе и мучения. То, что он оказался там в тот день, было моей ошибкой.

Я стал свидетелем героизма ещё одного человека, достойного награждения Медалью Почета. Три раза подряд Билли Волкэбаут, будучи раненым в руки, безоружным бросался в сторону позиций NVA, чтобы достать сброшенный пенетратор, обеспечивая эвакуацию наших раненых.

Там я осознал собственную уязвимость. В тот день смерть была на моей стороне. Я принял это, заключил мир с Создателем и обратился к Нему с мольбой об избавлении. У меня даже появилась мысль добить раненых, а потом покончить с собой, если станет ясно, что нас захватят. Я не мог позволить себе или моим товарищам попасть в плен. Был ли это героизм, корысть или игра в Бога? На эти вопросы у меня нет ответа.

Проведя четыре недели в Камрани, в 6-ом центре выздоравливающих, я убедил своего лечащего врача досрочно отправить меня обратно в подразделение. Я не мог маяться хернёй в безопасности, пока мои товарищи ходят на задания там, в 1-ом Корпусе. Жизнь REMF была не для меня! Я получил приказ отправиться для получения нового назначения на тыловую базу дивизии в Бьенхоа. Там меня за просто могли отправить в другое подразделение.

Проведя пару дней с приятелем из моего родного города на авиабазе в Камрани, я запрыгнул в С-130, летящий прямо в Фубай. Я не решился показаться в Бьенхоа, где рисковал быть отправленным в другое подразделение. Было здорово вернуться к своим. Я не собирался встречать первое Рождество, проведённое вдали от моей семьи и невесты, с незнакомцами.

16 декабря 1968

¾-тонный грузовик резко затормозил перед расположением LRP. Я осторожно выбрался из кузова и подошёл с пассажирской стороны поблагодарить подбросивших меня двух инженеров из 326-го. Они помахали в ответ и покатали дальше, оставив меня стоять в облаке красной пыли. Я повернулся к охраняющему вход в ротное расположение большому фанерному знаку с изображениями ленты роты F 58-го пехотного (LRP) и шеврона 101-й дивизии с «Кричащим Орлом». Под эмблемами жирными буквами было написано: «Глаза за Линией Фронта». Девиз вызвал у меня прилив гордости. Забросив сумку на плечо, я направился в сторону дежурки.

Я чувствовал себя довольно глупо с тростью в руке, но раненая правая нога все ещё вызвала некоторый дискомфорт, когда я пытался опереться на неё. Возвращаясь в своё подразделение, я не мог не задаться вопросом – как оно там? Помимо того, что на моем последнем выходе мы потеряли одиннадцать человек убитыми и ранеными, более двух дюжин «стариков» собиралось на дембель в тече-

ние следующих нескольких недель. Это было почти месяц назад, а за тридцать дней может многое случиться.

Подойдя к деревянным ступенькам, ведущим под крышу дежурки, я увидел Кена Миллера, топавшего по дорожке от складской палатки. Заметив меня, он завопил: «Линдерер! Ты когда тут объявился?» Он подбежал и облапил меня, хлопая по спине. «Чёрт, Линдерер, как здорово, что ты вернулся, мужик!»

Я улыбнулся ему и ответил: «Чертовски здорово вернуться, Кен. Вся эта Камрань меня уже задрала».

Он подхватил мою сумку и поднялся на крыльцо вместе со мной.

«Чувак, ты не поверишь, сколько «вишенок» мы тут наполучали в последнее время. Черт, да почти все старики свалили. Теперь это совсем другое подразделение. Бля, как здорово, что ты вернулся». Он замешкался, казалось, лишь тут заметив мою палку. «Так, дружище, иди, доложись. А я отволоку твоё дерьмо к себе в казарму – третью с конца. У нас есть несколько свободных коек. Поживёшь с нами, пока не получишь назначение».

Я кивнул в знак согласия и поглядел, как он уходит. Я не мог сдержать улыбку. Не ожидал видеть его снова. Когда я был ранен, у него как раз заканчивался шестимесячный дополнительный срок. Похоже, он опять продлил его. Миллер был бесстрашным маленьким убудком, на которого всегда можно было положиться в трудной ситуации. Кому-то было нельзя доверять, на кого-то можно было надеяться. А на Миллера можно было ставить смело!

Зайдя в дежурку, я лицом к лицу столкнулся с «Первой рубашкой», который, увидев меня, расплылся в улыбке. «Ну-ну, блудный сын вернулся! Устал маяться хернёй в городе REMF?» Он засмеялся и указал мне садиться, пока он разбирается с моими бумагами. Через минуту, он оторвался от документов и сказал: «Проклятье, парень, что за херня? Тут сказано, что тебе следует прибыть для получения назначения в Бьенхоа. Какого хрена ты тут делаешь?» Я надеялся, что моё нарушение не будет замечено, но, похоже, от первого сержанта было сложно что-либо скрыть.

«Старшой, я могу все объяснить. Видишь ли, когда меня выписывали из центра выздоравливаю-

щих, я обратил внимание, что мне следует отправиться в Бьенхоа. Я поговорил с несколькими парнями из соседней палаты, которые уже были ранены и проходили через эту процедуру. Они рассказывали, что в половине случаев тебя направляют в другое подразделение. Я не собирался давать им шанс проделать это со мной, так что просто вскочил на борт, отправляющийся из Камрани прямо в Фубай. Черт, да погляди, сколько времени и денег я сэкономил армии, старшой!»

Когда эта идея пришла мне в голову, в ней, казалось, был смысл, но теперь я не был столь уверен в этом. Глаза первого сержанта вернулись к пачке бумаг в его руках. «Ладно, коль уж ты тут, я уверен, никакой хрен не отправит тебя обратно в Бьенхоа. Думаю, о бумагах мы позаботимся. Что это за дерьмо с медицинскими ограничениями? У них там в 6-м центре что, коек не хватает, что они выпиывают бойцов досрочно?»

«Это я тоже могу объяснить, старшой. Видишь ли, я чуть не погиб в ходе бунта на шоу USO, когда корейцы дрались с «джи-ай». Если уж мне суждено погибнуть, то, черт возьми, не от того, что меня забьют до смерти моими собственны-

ми костылями. Кроме того, сержант, ну не проводить же мне Рождество среди толпы прямоногих REMF, как по твоему?»

Он снова улыбнулся: «Линдерер, тебе бы адвокатом быть, или долбанным продавцом подержанных авто». Он швырнул моё дело в проволочную корзину на своём столе. "Иди, ищи себе койку. У нас сейчас достаточно свободных. Мы найдём, чем тебе заняться, пока не сможешь выйти в поле. Как бы то ни было, сынок, это здорово, что ты снова с нами».

Когда я повернулся, чтобы идти, вошли наш командир роты, капитан Экланд, и его заместитель, лейтенант Уильямс. Ротный схватил меня за руку и горячо пожал её. «А я все думал, надолго ли ты спрятался от нас в Камрани? Рад, что ты вернулся. Иди, разберись с пожитками, а потом заходи ко мне. Ты ещё помнишь, как играть в бридж?»

Я кивнул и ответил: «Довольно неплохо, сэр. Рад был вернуться». Отдав честь и повернувшись кругом, я свалил за дверь.

Миллер уже ждал меня. «Веди, долбоёб, показывай, как оно тут», шепнул я, когда мы двинулись вдоль ряда барачков.

Мы прошли мимо нескольких LRP, ни одного из которых я не знал. Миллер, увидев моё озадаченное выражение, заявил: «Вот видишь, я тебе говорил. Из тех, кто был тут, когда тебя ранили в том месяце, осталась лишь пара дюжин парней. Это совсем другое подразделение. Потребуется поработать, чтобы снова привести его в чувство. Ты представляешь, меня, специалиста четвёртого класса, поставили на должность взводного сержанта! Я чуть ли не единственный, кто тут всех знает. Командир все никак не пробьёт в дивизии наши повышения».

Я недоумённо покачал головой: «Соерс и Волкэбаут уже вернулись?»

«Нет», ответил он. «Соерс все еще в Кэмп Зама, в Японии, и, похоже, пробудет там до февраля, а Волкэбаут неделю назад отправился домой, в тридцатидневный отпуск перед продлением. Из остальных никто не вернётся. Они слишком тяжело ранены. Точно не знаю, но по слухам у Венэйбла, Кокса и Сузы все очень хреново. Так что ты вернулся первым».

Он выделил мне койку в дальнем конце казармы и помогал раскладывать барахло, когда внутрь вва-

лились Джон Луни, Джей-Би Билеш, Джон Мезэрос, «Бум-Бум» Эванс, Ларри Чэмберс, «Мамаша» Ракер, «Клеймор» Оуэнс, и Рей Зошак, чтобы поздравить меня с возвращением. Боже, как здорово было снова видеть этих парней. В подразделении было не так уж много ветеранов, но те, что ещё остались, были достаточно хороши, чтобы составить ядро нескольких новых групп.

После того, как я разместился, мы направились в «рейнджерскую ложу» (ротный солдатский клуб), пропустить по пиву-другому. После ужина я отправился повидать капитана Экланда. Недолго думая, он предложил мне исполнять обязанности ротного писаря. Прочитав моё дело, он узнал, что я умею обращаться с пишущей машинкой. Я вежливо отказался, ответив, что хотел бы как можно скорее вернуться в группу. Похоже, он обрадовался моему ответу, и сказал, что оставит меня помогать в канцелярии, пока не заживёт нога, а потом поглядит, что можно будет сделать, чтобы вернуть меня в группу. По его мнению, в ближайшее время у нас будет немного заданий – количество опытных людей в роте позволит вывести в поле не более трёх-четырёх групп. Остаток декабря и часть января

придётся потратить на приём и обучение пополнения, способного заменить тех LRP, которых мы потеряли за прошедший месяц.

Мы поговорили о моем крайнем задании, обменявшись мнениями о случившемся. Я заметил, что он чувствовал себя в ответе за людей, которых мы потеряли. Свой первый срок во Вьетнаме наш ротный прослужил в 1965-66 годах в качестве командира взвода в 1-й Бригаде 101-й дивизии, не потеряв ни одного человека. Четверо LRP, погибшие на задании 20 ноября в Руонг-Руонг, были для него первыми потерями, и он тяжело переживал это. Я от всей души сочувствовал ему и попытался заверить, что никто не винит его в случившемся. Причиной нашего затруднительного положения в тот день стала совокупность множества факторов. Он сделал все, что можно было сделать. Нам просто выпали не те карты. То, что мы перебили более двух сотен северовьетнамцев, включая командира 5-го полка NVA, не облегчало его скорбь.

Я подумал, не рассказать ли ему о Терри Клифтоне, источнике моей собственной вины, но решил, что должен нести эту ношу сам. Когда мы за-

кончили, я извинился и вернулся к себе в казарму. Это был долгий день, и я все еще ощущал эйфорию от возвращения в LRP.

17 декабря 1968

Свой первый полный день после возвращения в роту F я потратил на получения оружия и снаряжения взамен потерянных 20 ноября. Все пришлось собирать с нуля: полевое снаряжение, рюкзак, грузовую раму. Потом я отправился на склад боеприпасов, где взял пару бандольер с патронами для M-16 и четырнадцать пустых магазинов. Было приятно снова чувствовать себя вооружённым. Поверьте, совсем не здорово ковылять по Вьетнаму, имея для обороны лишь трость.

После завтрака я отправился в медпункт 2/17-го кавалерийского на осмотр. Медик сказал, что, похоже, рана в моем левом бедре хорошо дренировалась, но его беспокоит возможность формирования нарыва после того, как рана зарастёт. Он решил удалить пластиковый дренаж и тампонировать рану, чтобы она могла зарости на всю глубину. О, это-то я и хотел услышать. Я ещё помнил резкую боль в правом бедре, когда медики обрабатывали ту рану.

18 декабря 1968

Некоторое время я провёл в канцелярии, печатая ежедневный отчёт. Тим Лонг, ротный писарь, оживился от того, что теперь ему было с кем развеять скуку. Я достаточно быстро понял, что времени, необходимому для избавления от остатков медицинских ограничений, можно найти гораздо лучшее применение. Там, в Камрани, доктор сказал мне, что полное выздоровление займёт два-три месяца.

Зашедший ротный сказал, чтобы я не планировал ничего на вечер. Ему никак не удавалось собрать четвёрку для бриджа – Соерса, Сузы и меня не было уже месяц, а Шварц отправился в школу Рекондо в Нячанге. Билл Марси, один из тех свежеиспеченных сержантов, немного играл в бридж. С лейтенантом Уильямсом, ротным и мной получалась четвёрка. Я ответил, что буду счастлив принять участие в игре, если он сможет найти мне задачу, хоть немного более привлекательную, нежели забивание до смерти ремингтоновской пишущей машинки. Капитан пообещал посмотреть, что можно будет сделать. Мы с Марси четыре раза подряд продули офицерскому корпусу роты F, но опу-

стошённая по ходу дела бутылка виски Dewar's несколько смягчила горечь поражения.

19 декабря 1968

Ротный вызвал меня в дежурку и сказал, что, если я это потяну, он дал бы мне полетать «беллименом»* на предстоящих предварительных облетах и высадках групп. Кроме того, я могу отправиться в этом качестве на его следующую охотничью вылазку в долину Ашау. Капитан Экланд иногда искал себе дополнительных впечатлений, отправляясь на «лоче» или, когда имелась такая возможность, на Хьюи-слике,

* «Беллимен» (*bellyman*) находится в десантном отсеке вертолета. Его задачами являются обеспечение взаимодействия между экипажем вертолета и находящейся на борту группой LRP, помощь им в высадке и посадке на борт, закрепление и использование веревочных лестниц и сидел Макгвайра, забота об оружии и снаряжении раненых, оказание им первой помощи при перелете на базу, помощь экипажу в обороне в случае падения вертолета и т.п. Эта внештатная должность обычно существовала во всех подразделениях LRP и исполнялась оперативными и взводными сержантами, NCO, имеющими медицинскую подготовку, или другими командирами среднего звена (прим.перев.)

поглядеть, кого можно шугануть в долине. Время от времени он натыкался на укрытые под деревьями стоянки грузовиков NVA или группы укрытий, и обстреливал их. Если поблизости оказывалась «розовая команда»* кавалеристов, то вскоре он получал пару Кобр, разносящих всю округу 40-мм гранатомётами и ракетами. Это было отличное развлечение, вдобавок весьма эффективное. Такие полёты дали бы мне шанс вновь почувствовать себя полезным и, глядишь, набрать часы налёта, необходимые для получения лётной медали ВВС США.

20 декабря 1968

Капитан Экланд отобрал меня для представления на комиссию 2/17-го кавалерийского, выбирающую «солдата месяца». Я гадал, считать это проявлением уважения, или оскорблением. В августе нас организационно прикрепили к кавалеристам,

* *«Розовая команда» (Pink Team) – подразделение воздушной кавалерии, состоящее из легкого вертолетаразведчика («лоча») и нескольких Кобр в качестве ударной силы. Позывной команды получался из смешения позывных «лоча» («белый» – white) и Кобр («красный» – red) (прим. перев.)*

и они ожидали, что мы будем выставлять на этот конкурс по человеку в месяц. Победитель должен будет представлять кавалеристов на дивизионном соревновании на титул «солдата месяца». В конце концов, я решил, что причиной, по которой мне выпала эта сомнительная честь, было то, что я оказался под рукой, и не годился ни на что другое.

Кавалеристы действительно не слишком жаловали LRP, и мы отвечали им взаимностью, особенно после «героических» действий их подразделения быстрого реагирования 20 ноября (когда они остались сидеть на площадке приземления, в то время как наши товарищи LRP бросились на наше спасение). Со времени начала этих соревнований не могу припомнить, чтобы LRP хоть раз победили даже на первом этапе. Разумеется, ни один из наших участников не ожидал победы, так что, по-видимому, не особенно и старался.

Первый сержант проел мне весь мозг уставами и приказами, чтением карт, правилами ведения радиосвязи, и знанием матчасти стрелкового оружия. Предполагалось, что я должен буду предстать в своём лучшем камуфляже, выглаженном и накрахмаленном, со всеми положенными знаками и нашив-

ками, расположенными в установленных местах. Он сказал, что хотя и не считает, что от этой подготовки зависит моя судьба, но уж поскольку мне придётся участвовать в шоу, он будет весьма признателен, если я попытаюсь выглядеть хоть немного лучше, чем это у нас обычно получалось. Обычный, средний LRP не был неумехой, бездельником, или аморальным типом. Нет, господа, ни в одном из нас не было ни капли крови тех парней из ВВС. Но мы не слишком хорошо ладили с остальными. У LRP было естественное стремление совершать неожиданное, пробовать нетрадиционное, быть нонконформистами. Это не значило, что нас ничего не интересует – черт возьми, заинтересованность, это то, что спасало нас в буше. Так что я пообещал первому сержанту, что приложу все усилия. Как бы то ни было, мне все равно было нечем заняться.

Ежедневные походы в медчасть становились чертовски обременительны. Медик ощупывал и осматривал раны, отмечая, как хорошо идут дела, советовал, какие укрепляющие упражнения делать, а потом менял тампон в ране, заставляя волосы на жопе вставать дыбом. Я понял, что заставить его действовать хоть немного нежнее можно лишь за-

жав его яйца в руке на время процедуры. Черт возьми, я не мог дождаться, когда же можно будет избавиться от медицинских ограничений и вернуться в группу.

22 декабря 1968

В 10.00 двадцать второго я предстал перед отборочной комиссией «солдата месяца». Передо мной было ещё четверо парней: по одному от рот А, В и С и один из штаба. Все они выглядели весьма круто. Я задавался вопросом, а выбирался ли кто-нибудь из них хоть однажды за периметр? Мы ждали возле помещения для совещаний, расположенного в сборном здании штаба кавалеристов. Парни явно нервничали. Похоже, они планировали победить. Я же хотел лишь не опозорить роту. Должен признаться, что в своём накрахмаленном камуфляже я выглядел впечатляюще. Корейцы в прачечной превзошли себя, выполняя поставленную мной задачу. Мои свежеполученные джангл-бутсы ослепительно сияли. На куртке во всех положенных местах были нашиты свеженькие нашивки и знаки различия. Если они собираются выбирать по внешнему виду, победителем, без сомнения, должен стать я.

Когда настала моя очередь, я был поражён всесторонностью опроса. По какой-то причуде природы вышло, что все задаваемые вопросы оказывались именно теми, на которые я обращал особое внимание в ходе подготовки. Я смог ответить на все – и ответить правильно. На заключительном этапе требовалось подойти к столу, где лежали карта, компас, треугольник и карандаш, и, имея две точки и азимуты на них, определить точку стояния и расстояние от неё до одной из точек. Э-э, да фигня! За пару минут я взял обратные азимуты и провёл линии до точки пересечения, после чего поразил пятерых членов отборочной комиссии, оценив расстояние от полученной точки стояния до нужной точки в 1350 метров. Оказалось, что это абсолютно точный результат. По виду, с которым они переглянулись, я понял, что произвёл впечатление.

Вернувшись в роту, я сказал первому сержанту, что, похоже, выступил вполне прилично, но соперничество было крайне острым.

Мне снова начала приходить почта. Было очень много писем и посылок, отправленных совершенно незнакомыми людьми, пока я был в госпитале. Ну, вы понимаете – друзья друзей, дальние родственни-

ки, просто местные жители, прочитавшие обо мне в газете. Все эти знаки внимания вызывали чувство уважения. К этому времени я получил пачку писем от восьмидесяти шести разных людей. Я подумал – коль уж все эти люди взялись написать мне, я тоже должен найти время и ответить на каждое письмо.

Написать такому количеству людей будет непростой задачей, но мне было приятно знать, что кто-то все же беспокоится за нас. Мы тут всего лишь пытались выполнить свой долг – как мы его понимали. Возможно, кто-то всё-таки надеялся на нас. Подобно нашим предшественникам, мы ответили на зов своей страны, и не нам заниматься объяснением причин. Если наступит день, когда американский солдат оставит себе право выбирать, будет он сражаться или нет, это станет днём, в который наша великая нация превратится в третьесортную.

Наша служба во Вьетнаме не означала, что каждый из нас поддерживал американскую внешнюю политику, или одобрял способы, которыми ведётся война. Она была лишь знаком любви к свободе и патриотизма, ощущаемых нами, военнослужащими Соединенных Штатов. Судить наши дей-

ствия и давать оценку нашему участию будет история. Назвавших нас «детоубийцами», порочивших и клеймивших нас, она покажет трусами и предателями, которыми они и были.

24 декабря 1968

Придя утром двадцать четвёртого на почту, я получил ещё сорок два письма и двенадцать посылок. Девять писем были от незнакомцев. Чтобы написать такое количество ответов, придётся стрелкнуть бумагу у товарищей. И за все это время хоть бы одно письмо, осуждающее войну или мое участие в ней. Откуда брались все эти протестующие, о которых мы постоянно слышали? Уж, черт возьми, точно не из моего родного города.

Все эти письма и посылки, а также то, что я смог вернуться к моим товарищам, должны были сделать грядущее Рождество одним из самых счастливых и незабываемых в моей жизни. Лишь отсутствие Барбары, моей невесты, делало радость неполной.

В казарму зашёл Тим Лонг и сообщил, что старшой только что получил из штаба кавалеристов известие, гласящее, что «солдатом месяца» от них

был выбран представитель роты F. Старшой передавал мне поздравления и сообщал, что у меня есть пять дней на подготовку к дивизионной отборочной комиссии. Ну что за геморрой на мою задницу!

25 декабря 1968

Наступил день Рождества, такой же счастливый и радостный, как предыдущий, и, вероятно, следующий будет не хуже. Ожидаемый снегопад промазал примерно на 1600 миль. Радио Вооружённых сил радостно сообщило, что, согласно докладам, Санта Клаус был сбит зенитной ракетой в момент пересечения DMZ, и в последний раз его видели падающим в дыму и пламени к северу от Донгхо. Поисково-спасательная служба ВВС не смогла обнаружить место крушения.

На самом деле он не очень-то отличался от любого другого дня. Разве что почта была исключительно урожайна, доставив прибывшие в последний момент письма и посылки, да несколько казарм украсились присланными из дома искусственными рождественскими ёлками. Судя по их состоянию, они прибыли с караваном верблюдов, шедшим через Тибет. Армейское радио весь день играло рож-

дественские гимны и праздничную музыку, но все это было совсем не похоже на Рождество.

Ходили слухи, что будет действовать всеобщее праздничное перемирие, но на самом деле никто особенно не ожидал, что NVA или VC будут соблюдать его. У всех в памяти был все ещё слишком свеж Тет 68-го года. На утреннем построении первая рубаха сказал, что в столовой повара приготовили специальное праздничное меню и предложил всем пойти и поучаствовать в банкете. Общеизвестно, что LRP никогда не упустят шанс как следует поесть.

Когда мы прибыли, столовая была набита битком. Фантастические запахи, разносящиеся по помещению, обещали, что получасовое ожидание в длинной очереди стоит того. Когда мы, наконец, добрались до раздачи, то были поражены, обнаружив, что повара и их помощники улыбаются и изо всех сил пытаются выглядеть дружелюбно. Мы перемещались вдоль линии, а они громоздили на наши подносы горы картофельного пюре, бататов, клюквенного соуса, зелёных бобов и подливки. В тот самый момент, когда мы решили, что утащить больше еды уже не сможем, три последних раздатчика на-

кинули поверх всего толстые пласты грудки индейки, а потом попытались накрыть всю эту кучу исходящими паром кусками розовой ветчины. Для равновесия они добавили несколько больших, свежеспечённых бисквитов.

Пошатываясь, мы двинулись от раздачи к ближайшим столам, где оставались свободные места, миновав сияющего столовского сержанта-пуэрториканца. Клянусь, когда мы подошли, в наш адрес не прозвучало ни одного оскорбления или ругательства. Вместо этого он поразил нас, произнеся: "М'жики, прятн'го аапытыта. Пдходите еще и б'рыте ффсе, что см'жыте съестъ. Вы жы ны хотите, шоб у тех динкав на сывалке тож был б'нкет, н'так ли?)"

Ну, спокойной, бля, ночи, сержант! Мы и представить себе не могли, что тебе все это не до лампочки! Еда была изумительна. Мы наелись так, что не могли пошевелиться. Если бы в этот самый момент NVA решили устроить ракетный обстрел, мы бы точно не успели доползти до бункеров. По пути обратно в расположение Чэмберс рассуждал: «Слушайте, если эти ублюдки могут приготовить такую еду, как в это Рождество, какого чер-

та они делают там, на кухне, остальные 364 дня в году?»

Около 14.00 на вертолетке приземлился один из наших сликов. Несколько LRP, участвовавших в вылете, выпрыгнули и замахали нам, призывая спуститься. Мы как раз толпились вокруг рейнджерской ложи, пропуская по пиву в попытке стимулировать пищеварение, и отправились вниз, поглядеть, чего они хотят.

Когда мы подошли, двое LRP сунулись внутрь и вытянули на асфальт тушу здорового тигра. Они рассказали, что были на пути назад, когда пилот заметил «кошку» на пустоши к югу от базы огневой поддержки Бирмингем. Резко развернувшись, он оказался сбоку от бегущего тигра, который пытался вертеться и уворачиваться, но не смог избежать меткой стрельбы двух LRP и одного из бортстрелков. Они приземлились и подобрали свою добычу. Это был прекрасный экземпляр, но, похоже, ещё не совсем взрослый.

Мы помогли пилоту освежевать тушу. Тот сказал, что попробует найти в Сайгоне таксидермиста, который сможет выделать шкуру, чтобы её можно было отослать домой.

Ближе к вечеру, после изрядного количества пива, Джон Луни, Ларри Чэмберс, Джон Мезэрос, и я решили устроить для роты небольшое развлечение – что-то вроде шоу Боба Хоупа. В духе сезона мы решили нарядиться рождественскими персонажами и пройти по расположению, распевая рождественские гимны. Луни вернулся из своей казармы, вырядившись римским центурионом. На нем были кожаные сандалии, туника, сварганенная из чёрной футболки с оторванными рукавами и чёрного полотенца, перекинутое через плечо аварийное одеяло и висящее на поясе мачете. Для завершения образа, он сделал римский шлем из стандартного армейского «стального горшка», присобачив к нему в качестве гребня половую щетку. Приз за достоверность ему точно не светил, но оригинальность стоило оценить по высшему разряду.

Чэмберс был сногшибателен в роли Святой Девы. На то, как он реализовал своё представление об иудейских покрывалах и платьях, что носили еврейские женщины во времена Нового Завета стоило поглядеть. Хотя две тысячи лет назад камуфляж был, наверное, не в моде,

по общему впечатлению это точно была Мария – в виде командос.

Мезэрос оказался в рукодельных бурнусах и рубашке Назаретского пастуха – опять же, камуфлированных. Однако костюм и посох в его руке придавали нашей рождественской труппе дополнительную убедительность.

Явно не будучи столь изобретательным, как мои сотоварищи, я вернулся без костюма. Перерыв за двадцать минут все сундучки в нашей лачуге, я так ни хрена и не нашёл. Все ограничивалось тем, что можно сделать из аварийного одеяла. Немного посоветовавшись, мы решили: все, что нам нужно для завершения программы – младенец Иисус. В один голос мы воскликнули: «Миллер!» Вскоре мы вчетвером нашли его в казарме, загнали в угол, и огласили наше предложение. Он был просто разъярен! Похоже, дух праздника бьёт коротышкам в голову. А мы-то думали, что он воспримет это как почёт! В качестве возможной альтернативы был упомянут Пенчански, но он не годился, потому что был евреем. Кроме того, он был боль-

ше похож на Худи-Дуди* в бифокальных очках, чем на Иисуса-младенца.

Времени не оставалось, так что Мезэрос взял слово и назначил на эту роль меня. В моей жизни многое было, но какой из меня, нахрен, Иисус-младенец при шести футах одном дюйме роста, и 195 фунтах веса? Вдохновившись, я решил изобразить пасхального Иисуса. Мы понадеялись, что никто из LRP не заметит разницы. Я поскакал в казарму, где разделся и напялил пляжные тапочки. Натянув плавки, я обернул вокруг талии чёрное полотенце. С помощью доброй порции гуталина Киви получилась довольно реалистичная борода, а накинутый на голову кусок тонкой ткани, оторванный от чёрной пижамы «хорошего VC»**, изобразил прическу. Я конфисковал чей-то рождественский венок, чтобы использовать его в качестве тернового венца. Кто-то сварганил мне крест из пары планок 1x4 дюйма, и мы были готовы действовать.

* *Худи-Дуди – детская телевизионная программа, шедшая по каналу NBC с 1947 по 1960 годы, послужившая образцом для множества прочих детских шоу. Собственно Худи-Дуди был куклой-марионеткой, изображавшей ребенка со щекатым, веснушчатым лицом. Изначально ее озвучивал Боб Смит (прим. перев.)*

** *Мертвого (прим. перев.)*

Вскоре бродячий цирк роты F начал двигаться от казармы к казарме, распевая один рождественский гимн за другим. Немедленно возникла проблема, когда обнаружилось, что ни один из нас не знает всех слов ни в одном из гимнов. Мы начинали орать первые один-два куплета, потом один или двое из нас постепенно умолкали, или начинали вставлять любую бессмыслицу, лишь бы она рифмовалась. Острый слух мог чётко различить чуждые слова в нашем исполнении «Кам Олл Йе Вейстфул» и «Джангл Боллз»*.

Народ в казармах проявлял разную степень участия, однако у большинства парней хватило сострадания присоединиться к нам и помочь исправить ошибки. Когда мы добрались до последней лачуги, то набрали немало последователей (Иисус будет нами гордиться!).

Потом мы откочевали к клубу. От пения пересохло в глотке, так что наш добрый пастырь, Мезэ-

* *Игра слов, основанная на созвучии названиям рождественских гимнов «Придите, верные» (Came All Ye Faithful) и «Звенящие колокольчики» (Jingle Bells), превратившихся соответственно в «Придите, расточительные» и «Яйца джунглей» (прим. перев.)*

рос, предложил сделать остановку на «постоялом дворе», чтобы освежиться, прежде чем двинуться дальше. Всем окружающим, а общее число последователей было уж около сорока, эти слова пришлись по сердцу, и они начали кучковаться в предвкушении возлияний. Празднество, в ходе которого было много песен и веселья, продлилось до поздней ночи. Появилось множество зрителей, которых мы обращали в веру. Позже, когда запасы пива начали подходить к концу, кто-то предложил мне повторить чудо, сотворённое на свадебном пиру в Кане Галилейской*, и превратить немного воды в вино. Я отказался на том основании, что данное конкретное чудо случилось в жизни Христа намного позже, и вообще сейчас мне просто не до того.

Вечеринка закончилась около 23.00, когда Кен Миллер, которого, по-видимому, совершенно не впечатлила религиозная подоплёка происходящего, попытался приударить за нашей Святой Девой и в результате получил по морде. (Полагаю, на самом деле Чэмберс высоко оценил его подход!)

* *Первое чудо, сотворенное Иисусом Христом – превращение воды в вино (прим. перев.)*

26 декабря 1968

Никогда не мажьте лицо гуталином! Всю следующую неделю я был похож на тётушку Джемиму*.

На утреннем построении Первый сержант объявил, что с двадцать седьмого мы начнем занятия по втягиванию прибывшего пополнения. Инструктаж будут вести взводные сержанты и наиболее опытные LRP. Задача состояла в том, чтобы к середине января мы могли выставить двенадцать боеготовых групп. Было очевидно, что при достижении этой цели ни в одной из групп окажется не более двух человек с опытом. Меня расстраивала сама мысль о том, что такое возможно. Большинство из парней, с которыми я прибыл в страну, ещё не чувствовало себя столь же опытными, какими были Старые Грязные Пижоны. А их уже давно не было с нами. Теперь мы были призваны стать основной новых групп и обеспечить лидерство. Это будет непросто!

* *Тетушка Джемима (Aunt Jemima) – торговая марка смеси для блинчиков, сиропа и прочих продуктов для завтраков. Логотипом является жизнерадостно улыбающаяся негрятянка (прим. перев.)*

После построения Старшой сказал, что хочет, чтобы я провёл занятия по чтению карт и помог ЗоЩаку в проведении тренировок по отработке навыков немедленных действий и техники патрулирования. Кроме нас двоих, ещё десять старших членов групп будут вести занятия по другим аспектам глубокой разведки. Похоже, у нас будет не очень много выходов, пока «вишенки» не врубятся в ситуацию.

Как и раньше, частью обучения будет состоять из многочисленных выходов на засады за пределами периметра. Они очень редко приводили к успеху, но при этом служили отличной лабораторией для закрепления и усовершенствования навыков, изученных в классе.

Прошёл слух, что меня, вроде бы, наградят Бронзовой Звездой за отвагу, проявленную 4 ноября на задаче в Нуйки. Это было для меня полнейшим сюрпризом. ЗоЩак был награждён Серебряной Звездой, а пилоты вертолётов получили Лётные Кресты. По-хорошему, за ту задачу стоило наградить всех, включая командира роты. Мне сказали, что медаль будет вручена на следующей церемонии награждения. Я был очень рад. Бронзовая Звезда

будет здорово смотреться рядом с Серебряной Звездой и Пурпурным Сердцем. Я знал, что мои семья и невеста будут гордиться, когда я появлюсь из самолёта с ними на груди.

27 декабря 1968

Это был день рождения Барб. Боже, как же жаль, что я не могу разделить его с нею! Ей исполнился двадцать один, и она стала настоящей леди. Я был восхищён тем, как она держится, пока я нахожусь тут, во Вьетнаме. Я знал, что ей приходится гораздо тяжелее, чем мне. Я всегда был в курсе происходящего со мной, в то время как она была вынуждена полагаться на информацию, которой к моменту получения исполнялась неделя.

Она писала и говорила мне, что понимала, что может получить письмо, рассказывающее, что я жив и здоров, тогда как в ту самую минуту я могу лежать в джунглях, убитый или раненый. Я молил о том, чтобы её голова была занята работой медсестры и планированием нашей свадьбы в июне. Я писал ей всякий раз, как выдавалась возможность, рассказывая обо всем, что происходило в моей жизни, потому что знал, насколько важны

были эти письма. Определённо, я был удачливым парнем, имея такую замечательную леди.

Это знание придавало моему присутствию в Наме цель и значение – больше, чем что бы то ни было иное. Это было главным, что побуждало меня преодолевать страхи и тяготы, через которые мы проходили во время нашей службы здесь. Привязанность к семье и патриотизм подпитывали мой инстинкт самосохранения, но именно Барб помогала мне продолжать держаться, когда казалось, что у меня ничего не осталось. Мне было по-настоящему жаль тех парней, которых никто не ждал там, дома. Ещё хреновее было, когда я видел несчастных ублюдков, получающих письма «дорогой Джон». Я видел, как это разрушало их отношение к делу и влияло на действия в поле.

Во Вьетнаме ослабление внимания было смертельно опасно, и не существует ничего более отвлекающего, чем «дорогой Джон». Если бы только молодые особы там, дома, могли представить себе эффект от таких писем, думаю, очень многие из них не были бы написаны. От вида друзей, чьё сердце было разорвано и брошено в грязь, сводило кишки и мутился разум. И в этом случае ты ничего не мог

для них сделать. Вне всякого сомнения, письма «дорогой Джон» послужили причиной смерти изрядного количества американских солдат.

Я все пытался справиться со всей этой почтой из Штатов. Я писал примерно по восемь-десять писем в день, но особых успехов не достиг. Хорошо хоть, что благодаря медицинским ограничениям у меня вообще появилось время писать ответы.

29 декабря 1968

Около 09.30 мы с Чэмберсом отправились «за проволочку», чтобы задержать вьетнамца, которого заметили роющимся за одной из могил метрах в семидесяти пяти от нашего периметра. Добравшись туда, мы обнаружили у него американскую дымовую гранату и сигнальную мину-фальшфейер. Он выглядел весьма нервным и явно испугался, когда в нескольких футах приземлился вертолёт кавалеристов. Когда вертушка, взяв его на борт, взлетела, его глаза закатились. Его собирались доставить в штаб дивизии для допроса. Если он в итоге попадёт к «арвинам»*, у него будут большие неприятности. Не хотел бы я оказаться в его шкуре.

* *Прозвище военнослужащих ARVN – армии Южного Вьетнама (прим. перев.)*

Санитар в медпункте был доволен тем, как я восстанавливаюсь. Дренаж удалили, и рана затянулась. Он порекомендовал попробовать бегать трусцой и выполнять упражнения на растяжку, чтобы восстановить функции мышц.

После обеда я принял участие в проходившей на вертолётке игре в бесконтактный футбол*. Я знал, что, похоже, слегка перебираю, но забава выглядела настолько классной, что не присоединиться было невозможно. «Большой Джон» Берфорд тут же пару раз посадил меня на задницу, заставив забеспокоиться. Впрочем, я чувствовал себя весьма неплохо, однако заплатил сполна ночью, когда у меня свело судорогой правое подколенное сухожилие.

Ближе к вечеру я предстал перед дивизионной отборочной комиссией. Соревнование было намного жёстче, чем при прохождении комиссии у кавалеристов. Я готовился не столь упорно, как в тот

* *Разновидность американского футбола, в которой не используются захваты и броски – чтобы остановить несущего мяч игрока, достаточно «запятнать» его рукой, также называемая «пасс энд тэг» (pass-and-tag – проходи и пятнай) (прим. перев.)*

раз, и хотя и чувствовал, что сделал все вполне лично, но победы не ждал. В конце концов, те парни были профессиональными лайферами-REMF.

Там был командир 101-й, генерал Зэйс. Он вспомнил, что видел меня тогда, в ноябре, в госпитале Фубай. Должен заметить, что этот человек производил на меня сильное впечатление.

И, наконец, наступил Новый Год. Год, в который я вернусь домой. Год, в который я женюсь на Барбаре. Несомненно, это будет самый важный год в моей жизни. Все, что меня волновало – буду ли я на этом свете, когда он подойдет к концу? Я поймал себя на том, что много думаю об этом, возможно, намного больше, чем надо бы. Теперь я понимал, каким счастливым был, вернувшись обратно четвёртого ноября, и потом снова двадцатого. За шестнадцать дней я выжил на двух заданиях, которые, по всем правилам, должны были привести к преждевременной кончине восемнадцати LRP. В обоих случаях мы избежали гибели, пройдя по самому краю. Я всегда был прагматиком и полагал, что мы сами творцы своей удачи. Но те два случая убедили меня, что нечто – назовите это судьбой, или рукой Всемогущего Бога, вмеша-

лось, чтобы спасти наши жизни. Нет, не расступились воды, не вспыхнули сами собой кусты, вражеских солдат не поразило молниями. Но, черт возьми, когда все вокруг тебя мертвы или ранены, почти не осталось боеприпасов, а противник превосходит числом двадцать к одному, для того, чтобы спасти твою задницу, понадобится нечто большее, чем просто удача.

На наше выживание на тех двух заданиях повлияло множество переменных. Погода, ландшафт, артиллерия, авиационная поддержка, подразделения быстрого реагирования, эвакуировавшие нас вертолёты, возможности противника и его оценка ситуации, наши возможности и наша оценка ситуации. Все это внесло свой вклад в наши шансы на выживание.

Однако, взвесив все это, было очень сложно понять, как мы выжили. Разумеется, мы оказывали определённое влияние на шансы, но, чертовски уверен, не управляли ими. Единственное, что я вынес для себя из этого опыта – иметь немного удачи это здорово, но уверен, умение молиться тоже никому не повредит. Я лишь надеялся, что Бог не окажется буддистом.

Я чувствовал опасность философствования и рациональных размышлений. Солдатам предписывалось следовать приказам, а размышления оставить начальству. Это позволяло избежать излишней неуверенности и предчувствий. В первой половине моего срока я мог следовать этому образцу. Но столкновение со смертью лишило меня уверенности.

У меня появилось чувство, что на самом деле бой – это игра случая. Все решали шансы – и проценты. Судьба была не в моих руках. Я почувствовал опасность такого рода размышлений, и решил, что нужно дать моему разуму справиться с ними прежде, чем возвращаться в группу. Я не мог позволить страху и неуверенности возобладать над собой.

Тим Лонг зашёл ко мне в казарму и сказал, что я занял второе место в дивизионном соревновании на звание «солдата месяца». Я удивился тому, что сумел подобраться так близко. Однако «близко» засчитывается лишь при метании подков и ручных гранат (тот, кто придумал эту фразочку, никогда не видал, что такое «Арк Лайт»). Я был рад, что все это закончилось!

За участие в соревновании я получил «шикарную» зажигалку «Шторм Кинг»* с эмблемой Кричащих Орлов на одной стороне и очертаниями Вьетнама на другой (дать нам «Зиппо» они, конечно, не могли!), целый ящик старой доброй Кока-Колы, ручку «Паркер» и набор карандашей, и благодарность в личное дело. Кавалеристы наградили меня статуэткой парашютиста с дарственной надписью. Поверьте, я с радостью отдал бы все это за шанс снова оказаться в группе.

В канун Нового Года мы устроили большую вечеринку в «рейнджерской ложе». Наши «вишенки» превзошли себя, стараясь, чтобы немногие оставшиеся ветераны почувствовали себя уважаемыми людьми. Проклятье, трудно поверить, что мы, пара дюжин оставшихся, «старики». Мы стали ими за семь проведённых в стране месяцев? Старые

* *Один из брендов компании The Park Sherman Company из города Спрингфилд, штат Иллинойс. Компания в разное время выпускала алюминиевые бензиновые зажигалки под марками Park, Storm King, Storm Queen (женская модель, часто отделялась кожзаменителем). Конструктивно очень близка к аналогичным зажигалкам фирмы «Зиппо», но находилась в существенно более низком ценовом сегменте (прим. перев.)*

Грязные Пижоны точно были «стариками». В наших глазах они навсегда останутся ими. Но они ушли, и мы, оставшиеся, беспокоились – а сможем ли мы занять их места? Они были великолепны в буше. Они были непоколебимы. Они передали все лучшие качества нам. Теперь, когда их больше нет с нами, сможем ли мы действовать так же?

Возможно, дело было лишь в привыкании к новым отношениям, через которое должен был пройти каждый, но что-то говорило мне, что нам предстоит долгий путь, прежде чем мы сможем сравняться с ними. В роте появилось множество новичков, которые будут полагаться на наши навыки, опыт и лидерство. Я мог лишь молиться, чтобы их оказалось достаточно, когда настанет время настоящих испытаний.

Я заглянул в свой «дембельский» календарь и обнаружил, что мне осталось 155 суток и одна ночь. Хотя я ещё и не был по-настоящему «коротким», или даже «карликом» с двузначным числом, но все равно был потрясён, поняв, что нахожусь в Наме уже 209 дней. Время прошло действительно быстро, но все равно казалось, что я тут и родился. Я не был «действительно короток», но все же был

намного «короче» семидесяти пяти процентов LRP в роте. Я не мог даже представить, каково это – когда у тебя ещё 364 и ночь... Да, мое время летело очень быстро, да и всё-таки, один год, это действительно не так уж долго.

Стало совершенно ясно, что проводимая нашим правительством политика годичных сроков была трагической ошибкой. Я знал, что это делалось, чтобы американская общественность не отвергала наше участие во Вьетнамском конфликте. Год был приемлемым промежутком времени, на который восемнадцати – девятнадцатилетнего парня можно было оторвать от семьи и его будущего. Если заставить его сражаться в течение более длительного периода или вообще постоянно, это немедленно вызовет протесты общественности там, в Америке. Вьетнам – это не Вторая мировая. Мы не подвергались нападению, и ничто не угрожало безопасности нашей нации. Годичный срок на войне хорошо сочетался с двухлетней службой по призыву.

Проблема заключалась в том, что среднему американскому призывнику требовалось шесть месяцев, чтобы достичь степени уверенности и мастерства, необходимых для превращения в эффективно-

го боевого солдата. И едва достигнув столь высокой степени эффективности, он «переваливал через бугор» и оказался на другой стороне своего срока. Он впервые видел белый свет и начинал предполагать, что сможет пережить свой срок – если не будет рисковать понапрасну. Он больше не мог сконцентрироваться на нанесении поражения врагу, не стремился вступить с ним в смертельную схватку. Он пытался лишь остаться в живых, дожить до конца срока и отправиться домой. Когда он, наконец, получал навыки и приобретал необходимый для дела опыт, побуждение делать его пропадало.

Я не говорю, что он переставал выполнять обязанности или делать свою работу. Просто в нем больше не было той отточенности. Его задача менялась в сторону чистого выживания. По моему мнению, срок пребывания на войне нужно было увеличить до двух лет. Так или иначе, многие ветераны Вьетнама продлевали его ещё на шесть-двенадцать месяцев. Кто-то потому, что им это нравилось, а некоторые – потому что проведённое в Наме время позволяло им уволиться раньше, не дослуживая остаток срочной службы в Штатах. Однолетний срок вёл к потере опы-

та и талантов, не передававшихся вновь прибывшим. За эту ошибку мы платили увеличением потерь и, частенько, низким качеством наших солдат. Мы оказались на войне, которую не могли выиграть, сражаясь по глупым правилам, выдуманным офицерами-карьеристами, чтобы удовлетворить дезинформированное правительство, скрывающее правду от бестолковых СМИ, пытающихся возбудить американскую общественность, которую это вообще не волновало. Мы умирали ни за что.

3 января 1969

Третьего опять начался дождь. После моего возвращения из госпиталя муссоны взяли что-то вроде перерыва, но после Нового Года навалились с удвоенной силой. Тренировки отложили до тех пор, пока погода не улучшится.

Из школы Рекондо в Нячанге вернулся Джим Шварц. Было здорово вновь увидеть его. Предполагалось, что мы отправимся в школу вместе, но отъезду, намеченному на двадцать седьмое ноября, помешали события, произошедшие двадцатого в Руонг-Руонг.

5 января 1969

Непрекращающийся дождь заставил нас перенести обучение в казармы. По прогнозу дождь будет идти ещё несколько дней, потом можно будет ожидать перерыва. Из-за отсутствия места, и чтобы инструктора могли уделять обучаемым больше личного внимания, группы сделали небольшими. Навыки немедленных действий и способы патрулирования могли даваться лишь в теории, без демонстрации на практике.

«Мамаша» Ракер и Джон Луни вели занятия по технике и организации радиосвязи. Они проделали превосходную работу в преподавании столь сложного предмета. Я тоже многому научился у них, поскольку был немного слабоват в вопросах корректировки артиллерийского огня и вызова авиационной поддержки. Чтобы возглавлять группу, нужно быть специалистом во всех навыках глубокого патрулирования.

Моей специализацией были карта и компас. Тут я был хорош. В поле у меня открывалось какое-то шестое чувство, позволявшее без проблем привязывать карту к местности, на которой

я находился. Зошак говорил, что у меня на это «чувство». Я мог изучить карту местности перед выходом на задание, а потом идти через район разведки так, как будто я уже бывал там. Нанесённые на карте горизонтали в моем мозгу складывались в трехмерную картинку. Обычно, когда мы оказывались в поле, местность казалась мне знакомой. Этому я научился не в армии – ровно то же самое я мог проделывать, когда был бойскаутом и позже, скитаясь по плато Озарк, выслеживая белохвостых оленей.

6 января 1969

Ночью шестого числа температура начала падать, дойдя до 40 градусов*. Мы жутко мёрзли, и все остальное становилось до лампочки. Жаркий климат Вьетнама сделал нас неготовыми к столь резкому изменению температуры. Мы сидели в казармах, кучкуясь вокруг пятигаллонных металлических банок из-под краски, наполненных на четверть песком. Все, что было достаточно сухим, чтобы поджечь, ломалось и заталкивалось в эти банки. В огонь летели доски от ящиков для боеприпасов,

* По Фаренгейту, около 4,5 C (прим. перев.)

поддонов, полок, и старых солдатских сундучков. Когда они заканчивались, огонь поддерживали старыми газетами, журналами, письма от дома, картонными коробками – всем, что могло гореть. Даже драгоценные таблетки сухого горючего, которые мы использовали для разогрева пищи и брикеты взрывчатки С-4 использовали, чтобы получить немного тепла.

Пронизывающая сырость, вызванная непрекращающимися муссонными ливнями, делала холод ещё хуже. Никто из нас не осознавал угрозы гипотермии. Те из нас, кому было смутно знакомо это слово, не могли с уверенностью сказать, был ли это медицинский термин, обозначающий бешенство, или герметично запечатанная бутылка, походящая на большое водное африканское животное.

Это были условия, неведомые для войны во Вьетнаме. Мы провели унылый день, пытаясь сохранить тепло под проливным дождём и хлещущим ветром. Нас поддерживало лишь знание, что во Вьетнаме такая погода не может длиться долго.

7 января 1969

И вновь такая же погода. Кто-то поднял вопрос о возможности задохнуться в дыму от костров, бу-

шующих внутри нашей казармы. Последовала минутная паника, но потом мы осознали, что проносщийся через затянутые сеткой окна со скоростью 25 миль/час ветер, несомненно, унесёт любые вредные газы – вместе с теплом. Мы кипятили воду в кружках. Кофе и какао помогали поддерживать внутри огонёк жизни, пока мы переживали эту тропическую «снежную бурю».

8 января 1969

К нам зашёл взводный сержант, чтобы сообщить, что бортом из Кореи будут доставлены полевые куртки и одеяла. Их обещали доставить сюда, как только улучшится погода. Но когда она улучшится, они нам больше не понадобятся.

9 января 1969

Мы спалили в наших банках заднее крыльцо казармы и поклялись, что завтра будем тянуть жребий – кто будет взрывать находящийся возле заграждений периметра огневой фугас в то время, как остальные будут сидеть на нем верхом. Смерть на пожаре начала выглядеть привлекательно. Мак-

симальная температура днём была около 60 градусов*, понижаясь ночью до 40. Мы не могли нормально согреться днём, чтобы спать ночью. Единственной защитой от холода были сырые одеяла выживания и подстёжки к пончо.

10 января 1969

Дождь закончился. Ветер утих. К полудню температура повысилась до 90 с лишним градусов**. Наше обмундирование высохло, но лишь затем, чтобы промокнуть от пота, льющегося с наших тел. С ума сойти!..

Одиннадцатого мая должны были возобновить занятия. Нам сказали, что где-то начиная с шестнадцатого мая снова начнём получать задания. Группы должны быть подготовлены. Я чуть не убился, когда отправился через чёрный ход к писсуару. Какой-то слабоумный сукин сын стёрлил наше заднее крыльцо...

11 января 1969

Примерно в 22.00 нашу казарму сотрясли два мощных взрыва. Кажется, они произошли в паре

* Около 15,5 по Цельсию (прим. перев.)

** Более 32 по Цельсию (прим. перев.)

сотен метров за периметром. Находившиеся в казарме «вишенки», не зная, что происходит, и что теперь делать, ударились в панику. Изображая из себя ветерана, я спокойно вышел в проход и объявил: «Это ракеты. Отправляйтесь-ка по бункерам». В следующее мгновение перепуганные обитатели казармы, ринувшиеся к расположенным между постройками укрытиям, едва не затоптали меня насмерть.

Полагая, что к этому времени обстрел уже закончится, я спокойно вышел в переднюю дверь, и огляделся – как раз вовремя, чтобы увидеть, как ещё одна 122-миллиметровая ракета взрывается в ста метрах по ту сторону проволоки. На западе я заметил ещё две белые полосы, «железо» на конце которых направлялось к нашему периметру. Я увидел красноватую вспышку вдалеке, между горами Нуйки и Банановой, когда ещё одна ракета вырвалась из джунглей, чтобы присоединиться к ее товаркам. Все, с меня довольно! И только я нырнул в бункер, как раздались ещё два взрыва, один прямо возле находящегося у периметра бункера, а другой на противоположном склоне холма, среди обваловок, защищающих «Кобры» кавалеристов. Это не по нам, это по вертолётам.

Мы оставались в укрытии, пока обстрел не прекратился. Из района близ горы Нуйки успели запустить десять ракет, прежде чем туда долетели нёсшие патрулирование ганшипы, воспрепятствовавшие продолжению обстрела. Первые четыре упали за пределами Кэмп Игл. Одна разорвалась в расположении кавалеристов, но не нанесла большого ущерба. Остальные пять не разорвались. На этот раз нам повезло.

12 января 1969

Из тридцатидневного дополнительного отпуска в роту вернулся Билли Волкэбаут. Он задержался дней на шесть, но никто не стал пенять ему за это. Все «старики» LRP пришли, чтобы поздравить его с возвращением в подразделение. Я был очень рад видеть его. Кроме меня он был единственным, пережившим задание в Руонг-Руонг, и вернувшимся в роту. Но занятая им позиция поразила меня. Он выглядел совершенно изменившимся, в корне отличающимся от смешливого, любящего веселье парня, каким я его знал два месяца назад. Он казался то далёким, почти недоступным, потом, в следующую минуту, он полностью менял настроение,

становясь почти невыносимым. Он был шумным и возбуждённым, его высказывания были вызывающими, а не снисходительными, возмутительными, а не умиротворёнными. Я попытался быть ближе к нему. Я чувствовал, что после того, через что нам вместе довелось пройти, между нами, выжившими, сформировалась особая связь. Но он, казалось, игнорировал мою дружбу, не желая поделиться впечатлениями или воскресить воспоминания.

Это отторжение причиняло мне боль, но вскоре я понял, что, наверное, на том задании Билли был ранен куда глубже, чем кто-нибудь из нас мог представить.

После вечернего построения я отправился поговорить с ротным. С момента возвращения в подразделение я много размышлял, и стало ясно, что у меня появились довольно серьёзные сомнения относительно уверенности в себе и моих способностей действовать в группе. Эти чувства не были внезапными. Они выросли за несколько прошедших недель из маленького семечка сомнений, зароненного месяцем ранее, когда я залечивал свои раны там, в Камрани. Я впервые понял, насколько уязвим.

За те семь месяцев, что я был в роте, LRP не потеряли ни одного человека убитым или тяжело раненым. Множество раз наши группы попадали в опасные ситуации, но выходили из них невредимыми. 20 ноября мы лишились бессмертия. Я получил жестокий урок: LRP истекают кровью, LRP испытывают боль, LRP умирают. Это напугало меня до усрачки! Я впервые понял, что моя жизнь может внезапно и трагически оборваться в бесконечных джунглях Вьетнама, и я запросто могу кончить как Райфф, Херингаузен, Контрерос или мой друг, Терри Клифтон.

Мне снились их исковерканные тела, лежащие там, куда упали в пылу боя. Я был свидетелем мгновенного превращения четырёх сильных, здоровых молодых тел в безжизненные кучки изорванной плоти и перебитых костей, беспомощно наблюдал, как кровь покидала их, чтобы напитать плодородную почву джунглей. Мои друзья и товарищи просто перестали быть – в считанное мгновение, в одно моргание, пока длилась вспышка одного-единственного взрыва. Жизнь была слишком хрупка для войны, а смерть – слишком окончательна и бесповоротна для жизни! В своих снах я на-

чал видеть себя, лежащего на спине среди мертвецов на той вершине. В них я был ещё одной безжизненной грудой рваной плоти и изломанных костей. Я больше не ощущал боли, дискомфорта, одиночества, товарищества или любви. Я ничего не чувствовал. Про себя я начал думать, что если это была смерть, то на самом деле это не так уж и плохо. За исключением жалкого состояния моего тела, лежащего там, на земле джунглей, ничто особенно не изменилось. Во сне я могу сказать себе, что настало время покинуть это место смерти и разрушения, и вернуться домой, к моим любимым. У меня было куда пойти, и было что сделать, пока время пропадало впустую. Потом я понимал, что без своего тела не могу покинуть ту вершину. Я желал заставить его встать и пойти со мной, но оно игнорировало мои просьбы, удовлетворённое возможностью навечно остаться там со своими товарищами. Для мёртвых нет места среди живых, кроме как в их памяти.

Я просыпался в холодном поту, судорожно вцепившись руками в бока койки и надеясь, что окружающие не были свидетелями кошмара, нарушившего мой сон. Эти сны стали приходить все чаще,

становясь все ярче. Они подрывали уверенность и создавали мрачные предчувствия о выходе в поле. Я знал, что моим единственным спасением может стать возвращение в группу прежде, чем сны превратятся в манию.

Я сказал капитану Экланду, что полагаю себя готовым к выходам и спросил, не может ли он вновь назначить меня в группу. Он ответил, что ценит мой дух, но не собирается направлять меня обратно, пока медики не снимут свои ограничения. Ротный не мог отвечать за меня, пока моё состояние не станет 100-процентным. Он сказал, что очень нуждается в опытных LRP, но не может вновь назначить меня в боевую группу, пока я не буду готов – и физически и умственно.

Я был потрясён. Казалось, он чувствовал, что за битва кипит у меня внутри. Потом он улыбнулся и сказал: «Все твои раны должны зажить, прежде чем ты снова пойдёшь в поле. И только ты будешь знать, когда на самом деле окажешься готов. Когда решишь, что это так, просто подойди и скажи мне». Я медленно брёл обратно к своей казарме, осознав, что мой командир знает больше, чем кажется на первый взгляд. Он, долж-

но быть, знал о моем смятении и сомневается, что я преодолел его! Мне нужно последовать его совету. Я должен иметь мужество самостоятельно справиться со своей проблемой. Пока я не добьюсь этого, я не буду достаточно здоров, чтобы занять место в одной из групп. И только я буду знать, когда настанет этот день.

13 января 1969

Я решил, что возьму свой отпуск в конце апреля. Сначала я думал обойтись без него, желая сэкономить деньги для жизни после Нама. Но я подсчитал, что если возьму отпуск в конце апреля, то к тому времени смогу закончить ходить в поле. Ко времени возвращения я проведу несколько дней, занимаясь всякой фигнёй в Бьенхоа, и окажусь уже слишком «короток», чтобы снова ходить на задания. За два месяца до этого, я бы и не задумался о том, как избежать выходов. Что со мной случилось? Что меня изменило? Страх отобрал все лучшее, что было во мне? Волкэбаут был не единственным, кто страдал от скрытых ран!

18 января 1969

В роте провели поминальную службу по четырём LRP, погибшим 20 ноября. Все подразделение стояло в строю на вертолётной площадке, в то время как дивизионный капеллан возносил хвалу нашим павшим товарищам.

Стоя лицом к четырём перевернутым винтовкам, воткнутыми в грунт примкнутыми штыками, я упёрся взглядом в стоящие перед каждой из них пустые ботинки. Потом мой взор переместился на четыре шлема, украшающих расположенный позади винтовок мемориальный алтарь. Я смотрел, не моргая, в то время как слова священника пытались пробиться сквозь охватившее меня онемение: «... храбрый... героический... доблестный... благородный... слава... обязанность... высшая жертва... благодарная нация... воздаяние на небесах».

Потом внезапно я был поражён, поняв, что все это полнейшая ерунда – чистейшая, настоящая ерунда. Они были мертвы! Я был там! Я видел, что они умерли... и как они умерли. В этом не было ничего великолепного или благородного. Смерть – не акт великолепия или благородства. О да, они были хра-

бры, все правильно. Бедные ублюдки, если бы они не были храбрыми их бы там просто не было.

Героические и доблестные? Что определяет героизм и доблесть? В тот день я был свидетелем акта героизма и доблести, такого, за который награждают Медалью Почёта. Я видел, как Билли Волкэбаут раз за разом бросался к вражеским позициям, чтобы достать пенетратор, несмотря на то, что был ранен и безоружен. Он делал это не потому, что хотел стать героем и не из желания совершить доблестный поступок. Он сделал это потому, что вокруг него лежали раненые товарищи, и этот пенетратор был их единственной надеждой на спасение. Его вдохновляли любовь и преданность.

Райли Кокс сражался с врагом с улыбкой на устах. Его правое предплечье было сломано и запястье свободно болталось на нем. Пользуясь другой рукой и зубами, он как-то смог замотать его. Потом он затолкал полотенце в дыру на животе, чтобы кишки не вываливались ему на колени. Невзирая на тяжёлые раны, он больше трёх часов сражался, выпуская по вражеским позициям заряд за зарядом из своего дробовика. Он делал это ради славы? Да нет же, черт возьми! Он делал это потому, что его товари-

щи больше не могли защищаться, и кто-то должен был сделать это за них. Его тоже вдохновляли любовь и преданность.

А ещё был Джим Бэкон, наш радист. Я видел, что он игнорировал боль, хотя у него выше правого колена вырвало кусок мяса размером с кулак. Он продолжал информировать командира роты, летающего над нами в вертолёте управления, потом вызвал медэвак забрать наших раненых. Все это время, он боролся с шоком от кровопотери. Он делал это, потому что это была его обязанность? Как бы не так! И его вдохновляли любовь и преданность.

Нет, святой отец, не надо нам проповедей о вышедших жертвах. Жертва – это добровольный отказ от чего-то дорогого ради высшего блага. Те парни не сами пожертвовали своими жизнями. Их отняли у них! Они не хотели умирать. Я абсолютно уверен, что для них это было полной неожиданностью. Скажите, что это такое на самом деле, капеллан. Они заплатили максимальную цену. Они прокомпостировали свои билеты. Они купили ферму*. Но, пожалуйста, не надо стоять там и рассказы-

* *Идиоматические выражения, обозначающие смерть (прим. перев.)*

вать нам, что они принесли высшую жертву. Если уж что и привело к жертвам, так это решение, принятое каким-то бесчувственным, некомпетентным командиром бригады, полагающим, что «тяжёлая» группа LRP из двенадцати человек, окружённая в джунглях, в двадцати милях от своих, может потерпеть несколько часов, ожидая спасения. Это и был сукин сын, «принёсший» жертву.

Благодарная нация? Да расслабьтесь! Мы читаем газеты. Мы знаем, что о нас думает наша нация. После 1945 они ни разу не выказала благодарности нашим солдатам. Да, конечно, это относилось не ко всей стране. У некоторых из них во Вьетнаме были близкие. Но все остальные были абсолютно безразличны и им было совершенно наплевать на все это. Они были лишь благодарны, что сражаться и умирать довелось не им. Думаю, что война без должного повода всегда будет не слишком популярна.

И пожалуйста, священник, что там о воздаянии на небесах? Значит ли это, что Бог на нашей стороне, и каким-то образом благословил смерть и разрушение, которые мы несём, выдав некий знак высшего одобрения? Он может принять войну как не-

избежное зло, омрачающее человечество, но конечно не будет потворствовать ей!

Мы должны верить мусульманской доктрине, утверждающей, что небеса – гарантированная награда для погибших в бою? Было бы замечательно, если бы это было верно! Но что, если это не так? Что, если наградой солдату за смерть на поле битвы будет лишь холодное, тёмное, пустое, одинокое, вечное отсутствие жизни? Вы хотите вызвать религиозные чувства, чтобы вдохновить оставшихся в живых воспринять это открыто и без страха? «Вот что, святой отец, просто заканчивайте свою службу и дайте нам вернуться к работе. У нас есть друзья, за которых надо отомстить».

20 января 1969

Я решил, что завтра или через день пойду в медпункт, чтобы мне сняли эти проклятые ограничения. Прошедшая несколько дней назад поминальная служба помогла в схватке с моими страхами. Я пришёл к выводу, что коль уж мне придёт время умереть, то оно придёт, и ни я, ни кто-либо ещё не сможем с этим ничего поделать. Я вновь обрёл контроль и, возможно, стал немного мудрее. Бо-

язнь смерти и чувство вины за этот страх – это личный конфликт, в котором не может быть победителей.

24 января 1969

Отличные новости! После завтрака я отправился к медикам и позволил им в течение нескольких минут обследовать мои раны. Удовлетворённые их заживлением, они посмотрели, как я бегу на месте и двигаюсь вверх-вниз по ступенькам. Когда я закончил, они подписали медицинское заключение, сняв ограничения. Я снова становился солдатом.

Вернувшись в расположение роты, я отдал копию заключения первому сержанту. Он просмотрел его, улыбнулся и сказал: «Ты хорошо выбрал время, юноша! У нас есть задание на завтра. Пойдёшь заместителем командира группы с сержантом Клоссоном. Пригляди за ним, это у него всего лишь второй выход в качестве командира группы».

Я вернулся в свою казарму, задаваясь вопросом, а не поспешил ли я, избавляясь от медицинских ограничений. Клоссон был из свежеиспечённых (выпускник курсов подготовки сержантского состава), и не был особенно опытен как LRP, не го-

воря уже о руководстве группой. Я знал, что нуждаюсь в своего рода адаптационном задании, безо всяких дополнительных нагрузок, просто чтобы удостовериться, что у меня сохранились все необходимые навыки. Выход в качестве ЗКГ у Клоссона создавал проблему. Ладно, по крайней мере, старшим радистом и пойнтменом пойдут «Мамаша» Ракер и Джим Шварц!

Около 14.00 мы с Клоссоном отправились на предварительный облёт. Наша зона ответственности находилась у Реки Благовоний, сразу к северу от Пиявочного острова. Нам предстояло разведать район в четыре квадратных клика к западу от реки. Местность была низинная, холмистая, покрытая плотными одноярусными джунглями с вкраплениями зарослей слоновой травы и бамбука. По предыдущему опыту я знал, что продвижение будет медленным и тяжёлым.

Сделав два прохода над районом, мы обнаружили несколько троп. С высоты в тысячу футов было сложно сказать, пользовались ли ими в последнее время. Ради этого мы туда и пойдём. Все тропы, казалось, спускались к реке с лежащих к западу гор. Очевидно, в то или иное время NVA пользовались

ими для перемещений из своих укрытий в джунглях на равнины, лежащие вокруг городов Хюе и Фубай.

Вернувшись в расположение роты, мы провели инструктаж с остальными членами группы. Согласно отданному нам приказу предполагалось, что наше задание будет чисто разведывательным. Устраивать засады на тропах не требовалось. С нами должны были пойти несколько «вишенок». Грофф был застенчивым парнишкой из центральной Пенсильвании. Однако во время тренировок он продемонстрировал, что способен учиться и следовать приказам. Ещё одним был низенький, полный солдат по фамилии Килберн, которому Клоссон поручил нести радиостанцию для связи с артиллерией. У него, похоже, были трудности с адаптацией, и он нуждался в присмотре на задании.

Мне нужно было отправиться на склад, чтобы получить новый комплект экипировки. Все моё старое снаряжение было утеряно в ноябре, когда я был ранен. У меня уже были новый рюкзак с рамой и полевое снаряжение, но пока не доходили руки получить всевозможные мелочи, необходимые LRP, чтобы выжить в поле при выполнении задачи: фонарик-карандаш, компас, подстёжку к пон-

чо, карабин, верёвку, нож ка-бар, альбумин, медикаменты, сигнальное полотнище, сигнальное зеркало и т. п. Список был бесконечен. Два часа спустя я смотрел на свою койку, заваленную таким количеством военного барахла, что можно было открывать собственную лавку.

Я был рад обнаружить, что ко мне вернулись все старые навыки укладки рюкзака и «звукоизоляции» снаряжения. Надеюсь, так же будет и с полевым мастерством. Я провёл беспокойную ночь, копаясь в глубинах души в поисках храбрости и уверенности в себе, которые понадобятся мне на следующий день. Мне нужно было многое изменить в своём отношении. Я понял, что, если не смогу стать таким же, каким был до ранения, то для меня, как для LRP это конец. Мне не надо будет ничьих слов. Я сам уйду из группы.

25 января 1969

Вертолёт высадил нас примерно за два часа до наступления темноты. Выпрыгнув с правого борта зависшего в пяти футах над землёй вертолётта, и направляясь к находящимся в двадцати футах плотным зарослям бамбука я испытал мгновенный

приступ паники. Я оглянулся через плечо: Шварц и Килберн следовали за мной по пятам. Командир группы и ещё двое человек были слева и немного впереди от меня, и бежали к тому же укрытию.

Мы нырнули в середину бамбуковой чащи и заняли круговую оборону – привычно, как на тренировке. Паника улеглась, как только спало напряжение первых секунд. Я обратил внимание, что, похоже, группа действовала как хорошо отлаженная и смазанная машина – все, даже «вишенки». Мы «заложили собаку» минут на пятнадцать, сохраняя тишину и неподвижность, после чего Клоссон просигналил Ракеру, чтобы тот попытался установить связь с нашей группой ретрансляции на базе огневой поддержки «Кирпич». «Мамаша» кивнул, давая понять, что он «лима-чарли» (понял чётко и ясно), и принялся за отправку ситрепа.

После того, как сеанс радиосвязи был закончен, Клоссон жестом дал Шварцу команду вести группу на юг. Командир пошёл ведомым, двигаясь следом за пойнтменом, в то время как Ракер занял место позади него. Кивком головы я отдал команду Гроффу и Килберну занимать свои места в патрульном порядке, а затем двинулся позади них, обеспечивая

тыловое охранение. Мы шли не спеша, осторожно продвигаясь через заросли бритвенно острой слоновой травы и время от времени пересекая узкие полосы густого кустарника.

Было очень жарко, и вскоре мы взмокли от пота. Чтобы засветло достичь нашего района разведки, нам предстояло пройти несколько сотен метров. Я очень быстро понял, что совершенно потерял форму, пока выздоравливал в течение последних двух месяцев. Правую ногу сводило судорогой, а семидесятипятифунтовый рюкзак на моей спине, казалось, прибавил в весе вдвое.

Внезапно Шварц поднял руку и медленно опустил её ладонью вниз, давая группе команду остановиться – он нашел первую тропу. Мы остановились, развернувшись по секторам. Я прикрывал тыл, пока Клоссон и Шварц выдвинулись проверить тропу на предмет признаков недавнего использования. Несколько минут спустя они вернулись. Клоссон обернулся в мою сторону и покачал головой. Тропа была «холодной». Оставалось слишком мало времени до наступления темноты, чтобы идти дальше и пытаться найти ещё одну тропу, так что мы, позаботившись о том, чтобы не остав-

лять следов, пересекли ту, что мы нашли, и спустились к реке, чтобы устроить НОП (ночную оборонительную позицию). Если у нас и не получится наблюдать за используемой тропой, то, по крайней мере, мы сможем следить за движением по реке. А Клоссон-то голова! Он демонстрировал все признаки хорошего командира группы.

Шварц нашёл густую бамбуковую рощу на высоком берегу возле самой воды. Он тоже знал свое дело. Это было превосходное место, дающее хорошую маскировку, а небольшая возвышенность к западу от нас, могла обеспечить превосходное укрытие в случае ночного нападения. Мы дождались темноты, после чего Шварц и я выползли вперёд и установили четыре Клеймора, чтобы прикрыть подход к нашему расположению со стороны суши. Это было здорово – вновь быть в патруле. В конце концов, я не забыл, что и как делать.

Мы поели по очереди, попарно меняя друг друга. Холодный сублимированный цыплёнок с рисом из пайка LRP был восхитителен на вкус. Аппетит должен подпитываться адреналином! Я обратил внимание, что в группе только Шварц, Ракер и я подготовили наш первый приём пищи, ещё бу-

дучи в Кэмп Игл. Перед посадкой в забрасывающий нас борт мы сняли с пайков толстую фольгу и залили их водой. Этому трюку научили нас «стариками». Нашей сублимированной пище нужно много времени, чтобы холодная вода вновь пропитала её. Если же ещё перед высадкой замешать паек на первый приём пищи, а потом, вновь заклеив пакет, засунуть его в передний карман куртки, то, когда соберёшься есть, он будет не только тёплым, но и вдобавок мягким и вкусным. Кроме того, можно было не беспокоиться о том, чем вскрыть и как потом избавиться от внешней оболочки из коричневой плёнки. Закончив есть, мы брали следующий паек, вскрывали прозрачный полиэтиленовый пакет, добавляли холодную воду, а потом вновь запечатывали его. Когда настанет время утреннего приёма пищи, он будет готов.

Клоссон назначил охранение со сменами по полтора часа. «Вишенкам» достались первая и вторая смены. Моя очередь была последней, с 04.00 до 05.30. Я одобрял его решение, но лично меня не слишком радовали смены по полтора часа. Было слишком тяжело лежать, бодрствуя и будучи постоянно настороже в течение столь длительного време-

ни. Я предпочитал разбивать каждую смену на интервалы по сорок пять минут, чтобы каждый отдежурил по два отдельных интервала. Но это была его группа, и я не собирался оспаривать его предпочтения.

Когда сгустилась тьма, и наше зрение приспособилось к ночи, меня снова поразил период гробовой тишины, наступивший перед тем, как ночные создания начали свой непрерывный щебет, щелчки и гудение. Они всегда начинали словно по сигналу, как если бы какая-то сверхразумная тварь взмахивала дирижёрской палочкой. Едва начавшись, этот шум превращался в непрерывный фон, не прекращающийся до тех пор, пока кто-то или что-то не появлялось в непосредственной близости. Тогда, так же быстро, как и начинались, звуки джунглей стихали – как будто кто-то повернул выключатель, прекращая всякую деятельность. Природная сигнализация! Это был знак для нас, что поблизости находится нечто чужеродное.

Должно быть, было уже около полуночи, когда я, наконец, натянул на голову подстёжку к пончо и устроился в нем, подобно младенцу в материнской утробе. Двое «вишенок» несли свою стражу

не одни. Я был их тихим резервом. Должно быть, Клоссон понимал это, когда назначал их смены.

26 января 1969

Через четыре часа рука Ракера, опустившаяся на мое предплечье, предупредила о том, что теперь моя очередь обеспечивать безопасность наших спящих товарищей. Я сел, завернувшись в отсыревшую от росы подстёжку пончо. Узкая полоска месяца, висящая над самыми горами на западе, бросала бледный свет на лежащую под нами реку. Над ее гладью поднимался плотный слой тумана, скрывающий все, что могло двигаться по воде. Через час, я увидел, как на востоке у горизонта чернота начинает сереть, по мере того, как утреннее солнце начало расталкивать собой темноту. Ночной шум начал стихать, как будто дирижёр решил, что настало время уменьшить громкость.

В предрассветных сумерках я начал будить остальную часть группы. Пришло время первого из наших двух ежедневных приёмов пищи. Когда люди вокруг начали шевелиться, я достал двухкварттовую мягкую флягу и сделал пару больших глотков тепловатой воды. Засунув в рот указатель-

ный палец, я попытался стереть с зубов образовавшийся за ночь налёт. Вряд ли это сможет заменить зубную щётку!

Мы с Ракером уничтожили нашу утреннюю порцию, пока остальная часть группы несла охранение. Закончив, я выдвинулся к периметру, чтобы снять два Клеймора, в то время как Шварц отправился за остальными. Когда я оказался там, острый спазм подсказал, что стоит воспользоваться возможностью и опорожнить кишечник. Я вновь привык к регулярному питанию в столовой, и съеденный прошлым вечером сублимированный ужин решил, что сейчас самое время поискать свободы на вольном воздухе. Я быстро выкопал «кошачью ямку» в мягкой, чёрной почве, в сторонке от небольшого бугорка, на котором мы провели ночь. Когда она стала достаточно глубокой, чтобы скрыть её содержимое от местных животных или солдат NVA, я быстро спустил штаны и вывалил содержимое кишечника в отверстие, принося точность в жертву скорости. Потом я поспешно заровнял дыру землёй, тщательно замаскировав все признаки моего «ночного клада». Не только медведи гадят в лесах! Вот только интересно, ощущают ли они себя столь же уяз-

вимыми, как я, оказавшись в подобном положении. Боже, что за ужас, если в этот момент на тебя наткнётся противник! Что делать – закончить выполнение задачи, или попытаться Е&Е? Пожалуй, вид разведчика в камуфляже, мчащегося сквозь джунгли со штанами, болтающимися возле лодыжек, настолько ошеломит противника, что на некоторое время он окажется неспособен начать преследование. Разумеется, при первой же возможности, нужно будет что-то сделать, чтобы скрыть запах следов.

Я вернулся к периметру как раз когда «Мамаша» отправлял утренний ситреп. Прежде чем мы двинулись дальше, я проверил, чтобы все привели в порядок места, на которых спали, и, оставшись позади, привнёс последние штрихи в приведение места нашей НОП в первоначальное, нетронутое состояние. Оставшись в удовлетворении от того, что никакой вражеский солдат не сможет обнаружить нашего присутствия, я тоже выдвинулся и догнал остальную часть группы. Мы продолжили движение вверх по реке, надеясь найти следующую тропу до того, как солнце взойдёт высоко. Нам нужно было соблюдать особую осторожность, потому что именно в это время суток мистер Чарли и его

мальчики проявляли максимальную активность. Мы медленно продвигались сквозь смесь густых одноярусных джунглей и слоновой травы. Каждые десять-пятнадцать метров Шварц останавливал группу для прослушивания местности. Он проявлял исключительную осторожность, но никто из нас, похоже, не собирался возражать. Если в непосредственной близости окажутся NVA, мы услышим их раньше, чем они нас.

Через две сотни метров мы натолкнулись на другую тропу. На ней тоже не было признаков недавнего использования. Мы переступили через неё, и осторожно продолжили путь вверх по течению.

Позже, после обеда, мы нашли третью тропу. Судя по всему, трое-четверо человек воспользовались ею в течение последних сорока восьми часов. Земля была все ещё влажной после шедших всю последнюю неделю дождей, и на ней были чётко видны слабые отпечатки, оставленные сандалиями Хошимина. Следы вели на восток, прочь от гор. Мы двинулись от реки, держась параллельно тропе, и сквозь одноярусные джунгли дошли до находящегося в одном клике от нас подножья гор.

Осторожно войдя под полог двухъярусных джунглей, мы неожиданно оказались посреди комплекса бункеров. Мы замерли на месте, в то время как Шварц отправился проверить первые два бункера. Они выглядели старыми и неиспользуемыми в течение нескольких месяцев. Их примерно на метр заглубили в землю и перекрыли тиковыми брёвнами, оставив шестидюймовую амбразуру спереди и входной лаз с тыла. Бревенчатые крыши были закиданы землёй, которой была придана такая форма, чтобы ничего не подозревающий пришелец мог принять их за еще несколько из разбросанных повсюду термитников. Они были достаточно велики, чтобы вместить трёх-четырёх человек и их оружие. По вершинам насыпей рос мох, обеспечивая дополнительную естественную маскировку. Будь они заняты противником, мы бы оказались без весел в Реке-из-Говна. Мы были всего в пяти метрах, когда впервые заметили их.

Обшарив местность, мы нашли ещё три бункера примерно в таком же состоянии. Все пять бункеров находились лишь в пятнадцати метрах от тропы, вдоль которой мы шли. Мы решили не оставаться рядом с ними, так что, пройдя ещё пятьдесят метров, мы пересекли тропу, и устроили НОП, с которой мог-

ли в течение ночи наблюдать за любым движением по ней.

27 января 1969

Вторая ночь прошла без происшествий. Никто не пытался воспользоваться тропой под покровом темноты. Я чувствовал, как с каждым часом возвращается моя уверенность в себе. Я гордился своими способностями и тем, как работают мои товарищи. Никто не заскучал и не расслабился, невзирая на то, что район разведки выглядел «холодным».

Мы решили двинуться обратно к реке и провести последнюю ночь, наблюдая за ней. По своему опыту мы знали, что эта тридцатиметровой ширины река часто использовалась NVA для перемещения предметов снабжения и личного состава между населёнными районами на востоке и базовыми лагерями противника на западе. Во многих случаях наши группы пресекали такие попытки.

28 января 1969

Около 02.00 я был разбужен Шварцем, трясущим меня за плечо. Его рука, прижатая к моему рту, дала

понять, что в воздухе витает опасность. Я сел и медленно взялся за CAR-15 справа от меня и лежащий слева замыкатель Клеймора. Прошло несколько секунд прежде чем я смог расслышать приглушённый звук двигателя, движущийся вниз по течению в направлении Хюе. Он, похоже, двигался медленно, держась середины реки.

Мы были в зоне свободного огня и могли устроить засаду на лодку и её обитателей. Я понял, что мы лажанулись, не направив ни один из наших Клейморов в сторону реки.

Клоссон подтянулся ко мне и прошептал на ухо, что полагает, что нам надо пропустить их. Видимость была меньше десяти метров, висящий над рекой туман делал обнаружение совершенно невозможным. Он также глушил звук сампана, делая затруднительным определение его точного положения по звуку двигателя. Мы позволили ему пройти в темноте мимо нас, после чего Ракер связался с группой ретрансляции на базе «Кирпич» и сообщил об обнаружении. В ответ они радировали, что если мы снова обнаружим что-то подобное, нам следует вызвать артиллерию.

На всякий случай мы оставались в полной готовности, но оставшаяся часть ночи прошла спокойно. С приближением рассвета мы оставили лагерь, вновь убедившись, что место НОП насколько возможно приведено в изначальное состояние. Нашим местом эвакуации была поляна, находящаяся в нескольких сотнях метров к югу от нашего местонахождения и в ста метрах от реки. Мы должны были дойти до него к 09.30. Ракер сообщил нашей группе связи, что мы движемся к точке подбора и сообщим им, когда дойдём до неё.

На то, чтобы добраться до поляны, у нас ушло почти два часа. Растительность была густой – однопоросные джунгли и заросли меч-травы*, перепле-

* *Меч-трава (трава-пила или кладуим) – травянистое растение семейства осоковых, имеет высокие, узкие, острогранные или зазубренные стебли высотой до 1-3 метров. Заросли этой травы труднопроходимы, так как боковые грани листьев заострены и при движении легко повреждают мягкие ткани млекопитающих, и в особенности кожу человека. Из-за этого кладуим получил название трава-пила, а также тропическая осока, зубчатая осока, зазубренная осока, осока-пила (прим. перев.)*

тённые стеблями растения «подожди немного»* . Мы были вынуждены двигаться рывками, покрывая за раз метров по десять. Пойнтмену было тяжело идти через заросли, не производя шума. Мы трижды менялись в голове, лишь бы уберечь идущего первым от изнурения.

Среди густых зарослей стояла невыносимая жара. Не было ни ветерка, способного освежить нас, а влажность в сырой растительности, похоже, приближалась к 100%. По мере приближения к поляне, заросли начали редеть, делая продвижение немного более лёгким. Мы дошли, имея в запасе десять минут.

Ракер сообщил, что мы вышли на точку эвакуации. Ему ответили, что борт уже на подлёте и прибудет меньше чем через пять минут. Мы заняли

* *Род лиан или лазающих кустарников из семейства Смилаксовые. Известно более 200 видов этого рода, распространённых главным образом в тропиках Азии и Америки, на островах Тихого океана. Представители рода деревянистые лианы или цепляющиеся кустарники и полукустарники с изгибистым, большей частью шиповатым стеблем и двурядными вечнозелёными листьями, снабжёнными усиками. Шипы кривые (прим. перев.)*

круговую оборону среди доходящей до пояса травы и устроились ждать нашу птичку. Через несколько секунд мы слышали, как она приближается, идя вдоль реки. Она летела низко, и её было трудно заметить, но раздающийся в долине звук идущей низко над водой вертушки было невозможно не узнать.

Лейтенант Уильямс, летящий на вертолёте управления, радировал, чтобы мы давали дым. Клоссон выдернул чеку из дымовой гранаты фиолетового цвета и бросил её по ветру. Наконец, я увидел Хьюи, взмывший над деревьями к востоку от нас, и, выйдя на середину площадки, принялся наводить борт, подавая сигналы руками. Пилот приземлил Хьюи в сорока футах передо мной. На эвакуации нам не так уж часто выпадала возможность сесть в приземлившийся вертолёт.

Как только борт коснулся земли, мы вшестером вскочили и бросились бежать. Посадка производилась в порядке, обратном высадке. Самым главным как при высадке, так и при посадке был вопрос времени. Это были самые критические моменты всего выхода. Мы могли проделать это, редко задерживая вертолёт на земле более чем на семь секунд.

Я показал борттехнику большие пальцы, и тот передал пилоту, что мы все на борту. Мистер Поли, командир вертолѐта, потянул ручку, и через считанные секунды мы оставили поляну, взмыв в воздух. Я откинулся назад, наслаждаясь десятиминутным перелѐтом в наше расположение. Рѐв мощной турбины Хьюи делал невозможным любое общение кроме крика. Воздух, задувающий сквозь открытые двери кабины, охлаждал нас, заставив на время забыть об утренней жаре, уже доходящей до 90 с лишним градусов*. Мы снизились над пологими, поросшими травой холмами к северу от вертолѐтной площадки роты F и, сделав аккуратный заход, мягко приземлились на асфальт. Выбравшись из битком набитой кабины, мы повернулись и помахали, благодаря мистера Поли и его экипаж. В батальоне армейской авиации, обеспечивавшем LRP, они были одними из лучших. Мы понимали, с каким риском им приходилось сталкиваться, забрасывая и эвакуируя нас, не считаясь со встающими перед ними опасностями. Многие из нас были обязаны своими жизнями отваге и лѐтному мастерству этих пилотов и их экипажей.

* *Более 32°C (прим. перев.)*

Мы потащились вверх, к своим казармам, чтобы сбросить снаряжение перед тем, как спуститься в дежурку для разбора. За четыре дня, проведённые в буше, мы прошли весь наш район разведки. Во всей четырехкликовой зоне ответственности противник не предпринимал активных действий. Однако NVA использовали реку по ночам для перемещения через район предметов снабжения и личного состава.

После разбора Бернелл, мой взводный сержант, сказал, что я снова буду ходить в 30-й группе в качестве ЗКГ Зошакка. Как я был рад! По моему мнению, Зо был лучшим КГ в роте. Былой энтузиазм вернулся, и я понял, что справился со своей проблемой. Ходить на задачи с Зо и его «Воющими Командос» – это уже прямо как глазурь на тортике! Он побывал на одних из самых рискованных выходов, которые выполняло наше подразделение, и всегда возвращался, благоухая как майская роза. Он был командиром на том двойном выходе 4 ноября, когда в течение двенадцати часов мы вступали в перестрелки в двух зонах ответственности. Северовьетнамцы обстреливали нас из минометов, а потом атаковали «со свистками и горнами», но Зо оба раза

благополучно вытащил нас всех оттуда. Нет, этот крутой маленький сержант из Вустера, что в Мас-сачусетсе, знал своё дерьмо и умел держать его прохладным даже в самой отчаянной ситуации. Было сложно паниковать, если там был Зо с широкой улыбкой на лице.

29 января 1969

В 13.00 мы с Зо отправились на облёт нашей зоны ответственности. На рассвете тридцатого нас высадят в двухъярусных джунглях к северу от горы Нуйки. Все то же самое дерьмо – найти позиции, с которых обстреливают ракетами Кэмп Игл.

В районе было полно воронок от бомб, оставшихся от нескольких налётов бомбардировщиков В-52, так что подбор площадки для высадки превратился в простой выбор дырки в джунглях. Зо выбрал ту, что находилась на полпути вниз по отрогу, отходящему от главного хребта, являвшегося западной границей нашего района разведки. Выбор выглядел замечательно. Гребень отрога простирался ещё на двести метров к центру нашей зоны ответственности, а затем начинал плавно понижаться к главному местному ориентиру нашего района

разведки – большой чашеобразной долине, разделённой пополам протекающей через джунгли речкой трёхметровой ширины. Мы быстро нашли запасную площадку в четырёхстах метрах к северу, у основания более низкого хребта, а затем наметили основную и запасную площадки на восточном краю долины, которые будут нашими точками эвакуации. Все четыре места представляли собой глубокие воронки от авиабомб. Эвакуационные борты должны быть оснащены сорокафутовыми лестницами.

Восточная граница нашей зоны ответственности простиралась до западного склона Лысой Горы, которая находилась именно там, откуда в последний раз запускали ракеты, поразившие Кэмп Игл одиннадцатого января.

30 января 1969

Небо позади нас едва начинало светлеть, когда высаживающая нас вертушка взлетела с нашей площадки и направилась на запад, к горе Нуйки. Заглядывая через плечо пилота, я едва различал общие очертания местности на горизонте. К нашему борту вскоре присоединились вертолёт управления и две

«Кобры» эскорта. Когда мы приблизились к Реке Благовоний, наш строй из четырёх машин повернул к северу, в направлении Лысой Горы. Наш маршрут пролегал вокруг северной стороны Старины Лысого, к тянущемуся позади него с юга на север хребту, и затем вниз по его склону к зоне высадки. Мы рассчитали высадку так, чтобы площадка приземления ещё была в тени, отбрасываемой Лысой Горой.

Я почувствовал, как желудок подскочил к кадыку, когда пилот потянул рукоятку, позволяя Хьюи выпасть из строя и опуститься в лежащую внизу долину. Мы полетели на юг, держась чуть ниже гребня главного хребта, отыскивая отрог, на котором укрывалась наша площадка приземления. Внезапно я услышал, как изменился звук турбины Хьюи, когда мистер Поли скользнул налево и взмыл над гребнем отрога. Когда он перевёл вертолёт в зависание, наша воронка была прямо под нами. Я бросил взгляд вниз, не уверенный, сколько там до земли — пять футов или пятнадцать, и спрыгнул. Это было явно не пять футов. Я приземлился на четвереньки на мягкую, красную землю на склоне воронки. Краем сознания я отметил, что вокруг меня высадились остальные LRP. Пара из них оказалась на краю во-

ронки, пролетев всего пару футов. Я увидел, что Зо лежит на спине на самом дне воронки. Его высадку следовало бы расценивать как затяжной прыжок. Как ни странно, он совершенно не пострадал при приземлении.

Мы четверо, оказавшиеся в воронке, потратили несколько весьма неприятных секунд, пытаюсь вскарабкаться наверх, однако рыхлая почва на склонах делала подъем почти невозможным. Рюкзаки, которые мы несли, угрожали опрокинуть нас на спину и вновь отправив катиться на дно ямы. Но нам, наконец, удалось проложить путь наверх и присоединиться к двум нашим товарищам, несущим охранение. Мы переместились прочь от воронки метров на пятьдесят к востоку, оставаясь на гребне отрога, пока наш пойнтмен не рванул направо, в сторону группы папоротников, растущих среди скопления больших махагоновых деревьев.

Мы «заложили собаку» на пятнадцать минут, чтобы отдышаться и прислушаться к звукам возможной погони. Наконец, Зо просигналил приготовиться к движению. Он хотел сойти с хребта и углубиться в долину, пока мы все ещё находились в тени Лысой Горы. Мы спустились с хребта, не прямо

по склону, а траверсом, с разворотами. Чтобы пройти триста метров, нам потребовался почти час. Наконец, мы добрались до густых зарослей кустарника в двадцати пяти метрах выше дна долины. Отсюда нам был слышен плеск и бульканье речки, скачущей по камням в пятидесяти метрах от нас.

Прямо под нами лежала хорошо натопанная ровная тропа, огибающая подножье хребта, с которого мы только что спустились. Она была не намного больше метра в ширину, но полное отсутствие растительности указывало, что совсем недавно по ней прошло множество народу. Джунглям требовалось совсем немного времени, чтобы залечить раны, причинённые им людьми.

Зо хотел провести немного времени, наблюдая за тропой, прежде чем спуститься в долину. Обычно противник много передвигался ранним утром, а у нас была отличная позиция, позволяющая обнаружить его, если он воспользуется этим путём. Так что Зо просигналил, что мы остаёмся тут на час или больше. По тому, как он продолжал смотреть вверх по склону, в направлении, откуда мы пришли, я бы сказал, что ему не нравится устраиваться так близко к точке высадки, но это было единственное

место, где мы могли наблюдать за тропой с высоты, не возвращаясь и не выходя обратно на хребет. Так что мы оставались там, укрывшись среди папоротников, в течение трёх часов, после чего Зо жестом скомандовал готовиться двигаться дальше. Мы потратили изрядно времени, выдвигаясь к тропе. Дойдя до нее, мы по одному пересекли ее, и углубились в густые заросли между тропой и речкой.

Осторожно переступая через тропу, я не мог не заметить следы на её влажной, уплотнённой поверхности. Их было много, идущих в обоих направлениях. И они были оставлены не сандалиями Хошимаина – там безошибочно читались следы подошв парусиновых ботинок наподобие кедров, которые носили в NVA. Давность некоторых следов, похоже, была менее сорока восьми часов. Мы заняли оборону, расположившись «тележным колесом» и лежали неподвижно, пока Зо, взяв у радиста гарнитуру, докладывал о наших наблюдениях. Мы находились посреди большого количества NVA, теперь мы точно знали это. Группа связи передала, что наш «Шестой» (позывной командира роты) хотел, чтобы в течение следующих двадцати четырёх часов мы оставались поблизости и наблюдали

за тропой. Зо дал «роджер» о получении распоряжений, после чего жестом указал, что мы устраиваемся там, где оказались.

Мы находились метрах в пятнадцати от тропы и почти на таком же расстоянии от речки. Саму тропу было не видно, но если кто-нибудь пойдёт по ней в любом направлении, нам не составит проблем заметить его сквозь растительность. Шум, производимый водой, скроет любые звуки, которые мы можем издавать, но он же будет заглушать звук приближающихся сил противника. Нам нужно будет соблюдать особую осторожность и скрестить пальцы, надеясь, что высадка прошла незамеченной. Пойнтмен и я выползли за периметр и установили пять Клейморов. Два мы направили на тропу перед нами. Ещё два я поставил сзади, так, чтобы их сектора поражения перекрывались крест-накрест, прикрывая подходы к нам со стороны ручья. Всякий раз, когда была такая возможность, я старался устанавливать их именно таким образом. Майк Тони, мой предыдущий командир группы, рассказывал, что если поставить Клеймор перпендикулярно позиции, а потом провести провод прямо к периметру, подкравшийся сапёр NVA, руководству-

ясь положением мины и направлением, в котором идёт провод, сможет предположить, где вы находитесь. Помимо того, что он будет знать о вашем местонахождении, он также может перевернуть Клеймор, нацелив его по ходу провода. После этого он отступит и немного пошумит, чтобы заставить вас взорвать мину. БАХ! – и от вас остаётся одно воспоминание. Если же поставить Клейморы, повернув их под сорок пять градусов к периметру, а провода проложить так, чтобы первые несколько метров они шли прямо от мин, и лишь потом поворачивали к вам, можно было ввести противника в заблуждение, заставив поверить, что ваше расположение находится под сорок пять градусов, а не там, где на самом деле. И если он развернёт Клеймор и начнет отходить, то как раз окажется в зоне поражения второго, нацеленного крест-накрест. Перевернутый Клеймор не окажется направленным на его владельцев, а резервный все равно сможет уничтожить сапёра.

В то время как я был занят установкой ловушек, поинтмен устанавливал пятый Клеймор к востоку от нашей НОП. Его можно будет использовать, чтобы пробить путь сквозь пытающихся взять нас

в кольцо солдат NVA в случае, если ночью нам потребуется Е&Е в направлении точки встречи, находящейся на другой стороне долины, на гребне Банановой Горы. Закончив работу, мы вернулись к группе. До наступления темноты оставалось ещё часа три.

Мистеру Чарли нравится передвигаться на исходе светлого времени суток – почти так же, как и утром, в течение двух-трех часов после восхода солнца. Мы быстро уничтожили свои вечерние пайки и избавились от мусора. Чтобы нам было удобно ночью, мы убрали все камешки и сучки с наших лёжек. Если ночью начать ворочаться, пытаясь изменить положение тела, это вызовет слишком много шума.

31 января 1969

Ночь прошла спокойно. Джунгли были черны как смоль, делая визуальное наблюдение за тропой невозможным. В могильной тишине ночи шум текущей воды в нашем тылу казался ещё громче, заглушая любые звуки, которые могли бы издавать проходившие северовьетнамцы. Вряд ли они возьмутся маршировать по долине с оркестром, во всех же

остальных случаях они смогут пройти незамеченными.

Зо решил остаться на месте на протяжении светлого времени, наблюдая за тропой. Если к концу дня мы ничего не увидим, то в сумерках пересечём речку и устроим НОП на другом берегу. Это позволит нам провести два заключительных дня нашего выхода, обследуя оставшуюся часть долины.

Время тянулось медленно. Мало что может быть столь же утомительным, как наблюдение за тропой. К концу второго дня я начал задумываться о том, как здорово было бы сыграть в бридж.

Перед самыми сумерками Зо дал общую команду влезать в рюкзаки и готовиться к выдвигению. Через несколько минут мы были по колено в прохладной воде ручья, медленно пробираясь к противоположному берегу. Не успели мы пройти и тридцати метров среди деревьев на другой стороне, как тут же наткнулись на ещё одну тропу – полного близнеца той, присмотром за которой мы занимались прежде.

Дойдя до неё, поинтмен замер и дал группе сигнал оттянуться назад. В нескольких метрах вверх по течению от нашей переправы мы нашли группу

больших валунов, где устроили следующую НОП. Она находилась лишь в десяти метрах от вновь обнаруженной тропы, но наше укрытие было просто замечательным. Мы установили вокруг наших позиций четыре Клеймора, расположив их перед самыми крупными валунами, ограждающими наш периметр. Если ночью придется ими воспользоваться, взрыв не причинит нам вреда.

Мы были очень близко к тропе, едва ли не слишком близко. Придётся быть особенно осторожными, соблюдать звуковую дисциплину и сохранять неподвижность. Вторую ночь подряд близость к часто используемой, натопанной тропе не давала воспользоваться репеллентом, чтобы отогнать moskitov. Многочисленным пиявкам, которых мы подцепили, пересекая ручей, пришлось позволить наестся и отпасть по окончании обеда. Мы не могли пользоваться пахучим средством от насекомых или зажжённой сигаретой, чтобы снять их, просто отрывать их тоже не годилось, так можно занести инфекцию. Этой ночью мы были едой!

Ранним утром нам дважды чудилось движение на тропе перед нами, но полной уверенности у нас не было. Возможно, это были животные. Утром

во время высадки мы слышали отдалённые крики обезьян. Если бы это было передвижение войск противника, в ночной тьме они бы, вероятно, воспользовались фонарями или ещё каким-нибудь освещением. Северовьетнамцы были крутыми парнями, но их ночное зрение было не лучше нашего, а мы не могли разглядеть ничего за пределами нашего десятифутового периметра.

Через несколько минут после 08.00 Зо слегка прищёлкнул пальцами, привлекая наше внимание. Потом он дал знак сохранять тишину и поднял четыре пальца, указывая вдоль тропы на запад. Группа приготовила оружие, а затем замерла, когда в двадцати метрах в наше поле зрения вышел одиночный солдат NVA. Сразу следом за ним появилось ещё трое, одетые в одинаковую чистую форму цвета хаки. Ни у одного из них не было рюкзаков, и только двое были вооружены, оба с АК. Они, выглядели, не слишком осторожными, так что мы были поражены, когда они остановились на тропе меньше чем в двадцати футах от нас.

Я попытался превратиться в куст и почувствовал, как кожа у меня на спине пытается сморщиться и заползти в задницу. Задержав дыхание, я ждал,

что кто-нибудь из них взглянет на россыпь валунов, в которой мы лежали. Двое, шедшие впереди, начали о чем-то спорить. Один из них принялся жестиковать, показывая на тропу перед ними, громко говоря и наклоняя голову. Второй и третий NVA, похоже, были абсолютно не согласны с ним. Но он продолжал что-то кричать, очевидно, пытаясь придать своим словам значимость. Четвёртый, казалось, игнорировал происходящее, предпочитая не лезть во все это дело.

В конце концов, командир добился успеха. Остальные пожали плечами и последовали за ним, когда он повёл их вниз по тропе.

Все переглянулись, и я едва не расхохотался, когда Зо оскалился в широкой улыбке и покрутил пальцем у виска, что означало «боку динки дау»*. Абсолютно точное определение! Они или спятили ко всем чертям, или заблудились в джунглях.

* *Наполовину французская, наполовину вьетнамская фраза (beaucoup Dien sai dau), которую можно перевести как «рехнулись», «совсем спятили». Часто использовалась вьетнамскими уличными торговцами, желающими дать «джи-ай» понять, что предложенный ими торг является глупым и неуместным (прим. перев.)*

Какая досада, что нам нужно было искать ракетные позиции. Мы только что упустили превосходный шанс открыть счёт и захватить пару пленных. Можно было запросто прикончить двоих с оружием, прострелить ноги двоим оставшимся и за десять минут добраться до точки эвакуации. У нас было слишком мало времени, чтобы оценить варианты и составить какой-нибудь план. Однако мы установили, что в районе присутствуют северовьетнамцы, и что они, по-видимому, пришли из находящегося поблизости базового лагеря. В противном случае на них были бы рюкзаки и снаряжение, а их одежда не была бы такой чистой.

Либо эти четверо NVA плохо знали местность, или мы стали свидетелями того, как четверо вражеских REMF, пытаются найти путь в сортир. Тыловые крысы действуют одинаково, вне зависимости от того, на какой стороне находятся! Мне стало любопытно, что бы они подумали, узнай о том, что пока они там стояли и лаялись, на них было направлено шесть стволов со снятыми предохранителями. Они, пожалуй, сделали бы все, не успев добежать до сортира.

Мы доложили об увиденном и решили оставаться на месте до следующего дня. Эвакуация была назначена на 09.00 следующего утра. Нам не нравилось оставаться на одном и том же месте две ночи подряд, но было вероятно, что противник не подозревал, о нашем нахождении в этом районе. Возможно, при наличии поблизости войск противника, перемещаться, пытаясь найти новую НОП окажется опаснее. По крайней мере, место, в котором мы находились, обеспечивало укрытие и маскировку.

Где-то около 22.30 в четырёх сотнях метров к востоку от нашей НОП стартовало шесть ракет. Мы увидели красные всполохи на ночном небе, когда они взмыли со стартовых площадок, направляясь в сторону Кэмп Игл. Это было так близко, что мы даже слышали, как они летят над джунглями, набирая высоту. Место запуска находилось в пределах ста метров от одной из точек с предварительно подготовленными данными для артиллерии. Это немедленно вызвал огонь, оценив местонахождение цели и дав поправку для первого залпа.

Через считанные секунды с северной стороны провыли 155-миллиметровые снаряды с базы огневой поддержки «Бастонь», разорвавшиеся поч-

ти точно на цели. В течение почти пяти минут Зо давал корректировки, укладывая их тут и там в месте предполагаемого нахождения ракет NVA, после чего радировал прекращение огня. Пока шел обстрел, не стартовало ни одной ракеты. По всему выходило, что этой ночью противник получил серьёзный урок: выпустив снаряды, нечего болтаться возле стартовой площадки. Какое-то время они дважды подумают, прежде чем соберутся нанести удар по Кэмп Игл.

Возбуждение от огневого налёта быстро улеглось. Мы решили дежурить парами по два часа, чтобы дать всем шанс немного вздремнуть.

2 февраля 1969

Около 03.00 я услышал, как Зо будит остальную часть группы. Я выработал привычку, находясь в поле, обходиться четырьмя часами сна, а то и меньше, так что я ещё не спал. Когда все проснулись и пришли в себя, Зо зашептал на ухо человеку справа от себя. Он, в свою очередь, передал сообщение лежащему рядом с ним, и так до тех пор, пока оно не дошло по кругу до меня. Зо показалось, что он слышал, как за последний час мимо

нашей НОП прошли две группы солдат противника. Его позиция находилась ближе всего к тропе, так что если кто и сможет обнаружить движение, это будет Зо.

Зо перевёл всех в полную готовность. Два подразделения NVA двигались тихо и без какого-либо освещения. Очевидно, они обшаривали джунгли в поисках тех, кто вызвал огонь артиллерии по их позициям. Точность и скорость, с которой последовал ответ, послужили им предупреждением о нашем присутствии. Были неплохие шансы, что они не наткнутся на нас в темноте, но с наступлением дня все станет совсем по-другому.

Перед наступлением рассвета на связь вышел ротный, сообщивший, что уже находится в воздухе и прибудет вместе с эвакуационным бортом и парой «Змей» (боевых вертолётов «Кобра»). Он приказал нам сниматься с лагеря и выдвигаться к ближайшей точке эвакуации. Нас должны будут забрать на два часа раньше, чем предполагалось. Капитан Экланд не собирался давать NVA время на отправку комитета по встрече в район предполагаемой площадки приземления.

Мы забрали Клейморы и в быстром темпе двинулись на юг к группе из трех воронок от авиабомб, расположенных посреди заросшего слоновой травой поля, обнаруженного нами во время предварительного облёта. Они находились почти в трех сотнях метров от нас и давали прекрасный шанс быстро и безопасно эвакуироваться. Нам нужно было пересечь тропу, на которой мы наблюдали всю эту деятельность, и которая с прошлой ночи в нашем воображении разрослась до ширины восьмиполосного шоссе.

Наконец, мы все благополучно перебрались на другую сторону и направились к точке эвакуации. Мы двигались быстро, но каждые двадцать-тридцать метров останавливались для прослушивания местности. Мы производили больше шума, чем обычно, и хотели убедиться, что не попадем в засаду, которую могли устроить NVA, услышь они наше приближение. Шварц шёл в голове, а Зо за ним в качестве ведомого. Я заметил, что Ракер поддерживает постоянную связь с вертолетом управления, с ротным на борту и просит его держаться в стороне, пока мы не доберёмся до точки.

На то, чтобы покрыть триста метров, нам понадобилось более получаса, но наконец мы проломились сквозь восьмифутовую слоновую траву и выбежали прямо к группе воронок, которые разыскивали. Зо приказал группе занять круговую оборону у самого края первой воронки и дал мне сигнал пройтись вокруг, доразведав ближайшие окрестности. Я прихватил Келхауна, и мы двинулись в траву, чтобы осмотреть местность вокруг воронок.

Обойдя местность в радиусе пятидесяти метров от нашего периметра, мы не обнаружили ничего до тех пор, пока не дошли до западной воронки. Раздвинув высокую траву, я оказался прямо на узкой свежей тропинке, направляющейся к нашей точке эвакуации. Она была всего в пятидесяти метрах от нынешнего местонахождения группы и шла примерно в его направлении. Трава на ней, все ещё влажная от утренней росы, ещё не распрямилась: кто-то прошёл тут в течение последних пятнадцати минут. Похоже, это лишь один-два человека, чьей задачей было наблюдение за вероятной площадкой приземления. Как бы то ни было — кто-то шлялся по соседству.

Мы с Келхауном завершили круг, больше не обнаружив никаких следов. Я взял у него гарнитуру и связался с Ракером, сообщив, что мы подходим с севера, и предупредив, что в непосредственной близости находится противник в количестве одного-двух человек.

Вернувшись обратно к группе, я поделился увиденным с Зо. Сукин сын лишь усмехнулся! Он вышел на связь и передал ротному, чтобы тот отправлял вертолёт подбирать нас, предупредив, что мы не будем давать дым. Он будет сигналить вертушке зеркалом, а потом направит её, размахивая красным сигнальным полотнищем. Дым лишь выдаст нашу позицию, а у нас тут поблизости гуки в неизвестном количестве. Зо попросил, чтобы Кобры встали в круг над площадкой, когда к ней подойдёт эвакуационный борт. Если уж у пары Кобр не получится прижать NVA, этого не сможет сделать никто! Он дал Кобрам указание обстрелять заросли травы к «новембер-виски» и «сьерра-эхо»* от нас, когда птичка окажется над нашей позицией.

* Указания сторон света согласно правилам фонетического алфавита: северо-запад (*November-Whiskey* – NW, норд-вест) и юго-восток (*Sierra-Echo* – SE, зюйд-ост) (прим. перев.)

Не желая подвергать группу опасности во время эвакуации, выводя её в воронку, Зо приказал рассыпаться и вытоптать в слоновой траве как можно больший участок. Мы сделаем свою собственную посадочную площадку посередине нашего укрытия. За несколько минут нам удалось протоптать в траве круглую поляну диаметром в пятьдесят футов. Зо вышел в её центр и принялся подавать сигналы с помощью зеркала. Как только нас заметили с борта кружащегося эвакуационного вертолѐта, они вышли на связь и подтвердили получение сигнала. Я выхватил сигнальное полотнище, и, размахивая им, начал отступать к западной стороне поляны, заводя вертушку на посадку.

В считанные секунды Хьюи был над нами, и, медленно снижаясь, начал опускаться в созданную нами прогалину. Поток воздуха от его винта хлестал по траве вокруг нас, заставляя её неистово раскачиваться, как будто несколько тысяч северовѣтнамцев пытались проломиться сквозь заросли и добраться до нас прежде, чем мы сможем взобраться на борт. Когда он приземлился, мы набились в кабину, показав рекордное время. Уорент-офицер Дабл-Ю Ти Грант наряду с мистером Поли и ка-

питаном Мичемом был одним из лучших пилотов. Грант оглянулся на нас через плечо, показал большой палец, затем снова взялся за шаг-газ и начал набирать высоту, уходя от точки эвакуации. И лишь тогда я услышал ровный гул миниганов «Кобр», выкашивающих остатки слоновой травы. Насколько я мог судить, ответного огня не было.

Вскоре джунгли и Лысая Гора остались далеко под нами, в то время как Хьюи прокладывал свой путь сквозь плотный воздух раннего утра, направляясь обратно в Кэмп Игл. Выглянув с левой стороны вертолётa, я увидел, как к северу от нас проплывает база огневой поддержки «Бирмингем». Мы записали на свой счёт ещё одно успешно выполненное задание.

4 февраля 1969

Проснувшись, я сообразил, что сегодня мой двадцать второй день рождения. Забавно! Ощущение такое, как будто с прошлого раза я постарел лет на десять. По крайней мере, я был удовлетворён тем, что действовал именно так, как и предполагал, когда возвращался в подразделение. И результатом выхода, похоже, была лишь физическая усталость.

Вьетнам мог лишь что-либо забрать, не отдавая взамен ничего, представляющего равную или большую ценность.

Я получил посылку от невесты (невероятно ко времени!). Открыв её, я обнаружил две больших палки твердокопчёной колбасы, двадцать пакетов Кул-эйда, четыре чёрные футболки «Фрут оф зе Лум», дюжину баночек консервированных персиков, и несколько пакетиков соленых крендельков. По какой-то причине колбаса покрылась зелёным налётом. Что бы то ни было, мы соскоблили его и съели обе палки. Они были просто превосходны.

Группа Билли Волкэбаута затребовала экстренную эвакуацию на следующее утро после заброски. Они не были замечены, и не вступали в контакт. Просто Билли очень тревожно вёл себя ночью, подвергая группу опасности. Это был его первый выход после возвращения в роту из дополнительного отпуска. Напряжение оказалось непосильным для него. Это было чертовски печально. Очевидно, что 20 ноября этот крутой LRP получил не только физические раны.

Капитан Экланд решил перевести его на SERTS (курсы подготовки молодого пополнения 101-й ди-

визии) в Бьенхоа. Для Билли время боёв закончилось. Он был славным малым, настоящим героем, но его нервы были совершенно расшатаны. Мне было тяжело воспринять это. Когда я последний раз был с ним в буше, его нервов хватило бы на всю роту. Теперь же я мог лишь посочувствовать ему. Я ведь тоже «повидал слона»*. Это ослабило мою решимость и подорвало уверенность в своих силах.

Снова начал поливать дождь. Проклятье, как раз тогда, когда мы начали привыкать быть сухими! С дождем вернулся холод. Этой ночью температура упала до 39 градусов**. По мне так лучше бы было 120***. Бернелл сказал, что я снова пойду на выход, как только изменится погода. Мне придется покинуть «Ревунов Зо» и вернуться в группу Клоссона.

* *Жаргонный американизм, берущий начало из середины-конца XIX столетия, означающий переживание яркого, ошеломляющего, эмоционального события. Нечто такое, с чем не хотелось бы столкнуться вторично. Часто употребляется в значении побывать в бою, ближайший аналог – «понюхать пороху», но при этом часто в сочетании с получением тех или иных психологических и эмоциональных травм (прим. перев.)*

** 3,8°C (прим. перев.)

*** 48,8°C (прим. перев.)

6 февраля 1969

Мы «наслаждались» третьими сутками непрерывного дождя и холода, и мой организм отреагировал, подхватив что-то похожее на вирус. Я решил обратиться в медпункт и был «счастлив» обнаружить, что медики согласны с моим предварительным диагнозом – у меня был какой-то вирус. Что бы там ни было, температура подскочила до 102* градусов и появилась кровь в дерьме. Для госпитализации требовалось, чтобы температура была выше 103** градусов, так что они сделали мне холодный компресс и отправили обратно в подразделение. Что же до крови в моем стуле, медик сказал, чтобы я не беспокоился, рассматривая это лишь как дополнительный оттенок.

Он выписал мне справку о медицинском освобождении сроком на неделю и порекомендовал постараться не попадать под дождь. Ага! А куда я, чтоб его в задницу, сейчас собираюсь идти? Ещё он дал мне с собой пару видов таблеток, но и сам толком не мог сказать, помогут они или нет. Я решил,

* 38,8°C (прим. перев.)

** 39,4°C (прим. перев.)

что это от того что я что-то съел – или, может быть, от того, что кто-то ест меня.

10 февраля 1969

Я был все ещё очень болен, слишком болен, даже чтобы снова пойти в медпункт. Так что я просто остался на своей койке, пытаюсь согреться и стараюсь не слишком сильно трясти эту долбанную штуку. Нос и горло были заложены и меня сильно лихорадило. Я был уверен, что дождь и холодная погода сыграли свою роль в том, что я никак не могу поправиться. Оказалось, что я не единственный из LRP, свалившийся с болезнью.

Из Кэмп Зама вернулся Джон Соерс. Он пришёл и заявил, что когда видел меня в последний раз, я тоже был в кровати. Он решил, что я, похоже, становлюсь лентяем. Я напомнил ему, что он тоже валялся в кровати и провёл на медицинском ограничении больше двух месяцев. Выглядел он отлично, и было здорово снова видеть его. Он был уверен, что получит собственную группу, и когда Зо окажется на коротке, мне хотелось бы ходить ЗКГ у Джона. Рота отчаянно нуждалась в ещё одном опытным командире группы. Пока он был рядом,

я попросил его быть шафером на моей свадьбе в июне. Он поблагодарил меня и сказал, что будет польщён такой честью.

Группа Клоссона вышла ранним утром, невзирая на продолжающийся лёгкий дождик. Мое место в группе занял сержант Билл Марси. Около 14.00 ко мне в казарму пришёл Зо и сообщил, что группа захватила пленного, но вокруг их позиций полно гукков. Зо предстояло возглавить тяжёлую группу, которая должна была захватить площадку для их эвакуации и действовать в качестве подразделения быстрого реагирования, если им не удастся разорвать контакт. Обе группы благополучно эвакуировались около 17.30.

Группа №22 под командованием Клоссона взяла в плен сержанта NVA, когда он отошёл поискать место, чтобы погадить. Какой замечательный момент для захвата!

11 февраля 1969

Ну наконец-то, моя лихорадка прошла. Когда я проснулся около 07.00, её уже не было. Заложённость тоже исчезла. Я больше не ощущал себя больным, зато мог прекрасно представить себе, что чув-

ствовал Джонни Куик, когда на высоте восьмидесяти футов пуля перебила его седло Макгвайра. Ощущения были, как будто я свалился с этой высоты, приземлившись на голову. Я чувствовал слабость и общую разбитость. Пожалуй, я опять стану как новенький, если приму внутрь парочку старых добрых пайков LRP.

Я услышал, что группа № 22 двенадцатого пойдёт в район реки Сонгбо, чтобы установить несколько датчиков на тропах, идущих по ее берегам. Бернелл сказал, что отправляет Соерса вместо меня. Моему измученному очку, похоже, нужен был ещё денёк отдыха, чтобы окончательно оправиться от случившегося у меня небольшого «контакта» с гриппом.

После обеда капитан Экланд сдал командование ротой F. Похоже, до него добралась армейская политика ротации офицеров с командных должностей на штабные раз в шесть месяцев. Генерал Зэйс, командир дивизии, лично желал видеть его в G-3*, помогающим планировать операции. Ротный объявил общее построение, на котором сказал, что для него было честью возглавлять нас в течение прошедших шести месяцев. Мы были самой лучшей группой

* *Оперативный отдел штаба (прим. перев.)*

солдат, которыми ему когда-либо доводилось командовать. Он пригласил нас в любое время прийти в штаб дивизии повидать его. Было очевидно, что он не считал свой перевод поощрением и предпочёл бы остаться командовать LRP. Мы будем скучать по нему. Жаль будет офицера, который придёт ему на смену. Ему придётся крепко попотеть, чтобы заменить капитана Экланда.

В конце построения первый сержант сообщил нам, что мы больше не рота F 58-го пехотного полка (LRP). В приступе непонятного священного военного безумия роту F официально расформировали, чтобы тут же сформировать роту L 75-го пехотного полка (Рейнджеров). Такая же метаморфоза, официально вступившая в силу с первого февраля, произошла со всеми ротами LRP в Наме. Теперь наше подразделение могло возводить свое происхождение к старым «Мародерам Меррилла», которые во время Второй мировой войны так отважно сражались в Бирме против японцев. Никто из нас не знал, повлечёт ли смена названия подразделения изменение в наших основных задачах, которые до сих пор были, прежде всего, разведывательными. Кое-кто из старых LRP предсказывал, что нас ждут

действительно глубинные операции – рейды в стиле диверсантов-коммандос. Интересно, даст ли нам армия на сей раз какую-нибудь специальную подготовку, или предоставит учиться по ходу выполнения работы? Время покажет. Должен признать, что перспектива предпринять какие-нибудь наступательные действия выглядела привлекательно. Когда все время прячешься, развивается лёгкая паранойя.

13 февраля 1969

Я все ещё ждал приказа о направлении в офицерскую школу по окончании срока службы во Вьетнаме. Прошло уже четыре месяца, и до сих пор ни черта в ответ. Я никак не мог понять, почему не могу быть зачислен туда. Мне довелось столкнуться с очень многими офицерами, вообще никогда не учившимися в колледже, не способными даже заставить пиявку отправиться к открытой ране. Как они смогли попасть в офицерскую школу? А у меня за плечами два года колледжа, два года ROTC, два Пурпурных Сердца, Серебряная Звезда, Бронзовая Звезда и стойкое желание сделать военную карьеру, а я даже не могу заставить Министер-

ство Обороны ответить на мой рапорт о зачислении. Может быть, лоботомия сможет повысить мои шансы?!

Я был приятно удивлён, узнав, что последним действием капитана Экланда как командира роты F была рекомендация присвоить в рамках полевого производства* звания вторых лейтенантов мне и Филу Майерсу, сержанту из первого взвода. С учётом всей предшествующей истории я сильно сомневался, что этот вариант повысит мои шансы стать офицером. Первый сержант сказал, чтобы я написал домой и попросил как можно быстрее

* *Полевое производство в офицерское звание (battlefield commission или field commission) – вид поощрения, при котором нижним чинам присваивается офицерское звание (обычно 2-го лейтенанта в армии и морской пехоте или энсайна на флоте). Применяется в случае, если военнослужащий проявил выдающиеся лидерские качества на поле боя. Берет свои истоки из времен средневековья, когда простолюдин, выдающимся образом проявивший себя в бою, мог быть произведен в рыцарское достоинство. Наиболее известной персоной, получившей полевое производство, был Оди Мерфи, во время Второй мировой войны произведенный из штабс-сержанта во вторые лейтенанты (прим. перев.)*

выслать копии бумаг из колледжа. При рассмотрении моей кандидатуры на производство в дивизии потребуются вся информация, которую я смогу собрать. Старшой также сообщил, что если я и Майерс получим производство, то для дальнейшего прохождения службы нас переведут в какую-нибудь другую из находящихся во Вьетнаме дивизий – стандартная практика в армии. Это было единственное, что беспокоило меня во всем этом деле. Мне не хотелось бы покидать роту F, или, как теперь следовало бы сказать, роту L.

16 февраля 1969

Пятнадцатого меня вернули к Клоссону, в 22-ю группу. Ранним утром шестнадцатого мы высадились на северной стороне Сонгбо, в нескольких кликах к востоку от посадочной площадки «Салли» и к северо-западу от Хюе. Мне не очень понравилась площадка приземления, расположенная на лишённом растительности гребне, возвышающемся над зоной ответственности. Хуже того, пилот, для которого это была первая высадка разведгруппы, перед тем как посадить нас сделал круг над районом разведки. Почему бы ему не слетать

туда за день до этого, и не разбросать рекламные листовки, объявляющие о времени нашего прибытия и координатах.

Нам потребовалось полчаса, чтобы добраться до укрытия. Мы были на столь открытой местности, что даже не озаботились «заложить собаку». Когда мы, наконец, дошли до джунглей, нам показалось, что там успела побывать каждая из находившихся во Вьетнаме линейных рот. В пределах ста метров нам пришлось пройти мимо четырёх взводных ночных стоянок. Больше всего это место походило на свалку. По кустам валялась драная форма, пустые консервные банки от пайков, гранатные укупорки, пластмассовые ложки, размокшие картонные коробки и даже несколько тронутых коррозией 7.62-мм патронов. В сравнении с убожеством и расточительностью линейных подразделений мы в LRP были фанатично хозяйственными. Когда они проходили по тропе, ее невозможно было отыскать под завалами оставшегося после них мусора.

В первый день ничего не случилось. По какой-то непонятной причине NVA оставили нас в покое. Должно быть, они решили, что мы спятили, появившись тут таким способом, как мы

это сделали. Возможно, они испытывали суеверное уважение к «чокнутым», которое заставило бы их потерять лицо и принесло бы вечное проклятие, причины они нам вред. Как бы то ни было, они оставили нас в покое. Мы обнаружили заросли бамбука на крутом склоне хребта и залезли в них, чтобы устроить НОП. Хоть какое-то укрытие.

Я сбросил рюкзак и уселся рядом с ним, пока Ракер выходил на связь, чтобы доложить о нашем местонахождении. Мне показалось, что я почувствовал, как что-то движется подо мной, но не обратил на это внимания, пока не увидел, как округлились глаза «Мамаши». Я глянул налево – как раз вовремя, чтобы увидеть зелёную голову бамбуковой гадюки, извиваясь выползающей из-под моей ягодицы. Только действие силы тяжести не позволило мне выйти на орбиту, когда я взял мировой рекорд по прыжкам в высоту из положения сидя. Я приземлился на ноги, дрожа настолько сильно, что стекающее по моим ногам дерьмо не могло понять, в каком направлении ему двигаться.

Ракер, поняв, что меня не укусили, попытался затолкать висевшее у него на шее полотенце в рот, чтобы не дать своему смеху поставить под угрозу

нашу позицию. Остальные члены группы толком не видели, что случилось, и недоумённо пялились на меня, как будто я спятил на ровном месте.

Когда Ракер, наконец, смог взять себя в руки, он тихонько рассказал им о случившемся. Появившиеся на лицах улыбки отразили их беспокойство о моем психическом благополучии. Я огляделся в поисках змеи, но не нашёл её. Ракер жестом показал, что видел, как она уползла под гору. Он все ещё держал полотенце прижатым к своему сияющему лицу. Я не мог заснуть всю ночь, жалея, что не взял гамак, чтобы спать в нём.

17 февраля 1969

На следующее утро группа спустилась с хребта и продолжила патрулирование, двинувшись на запад. Мы нашли хорошее укрытие на вторичном хребте в клике к западу от места нашей высадки. Отрог тянулся на юг к Сонгбо и плотно зарос слоновой травой и густым кустарником. Мы проследовали по нему сто метров на север, делая зигзаги туда-сюда, чтобы запутать того, кто мог выслеживать нас, а потом, решив, что оставили достаточно ложных следов, повернули обратно к реке. Когда

мы подошли к Сонгбо, хребет закончился, и там мы нашли прекрасное место для устройства НП (наблюдательного пункта) для наблюдения за рекой.

Хребет заканчивался у самой воды двадцатифутовым обрывом. Самая кромка обрыва густо заросла бамбуком. Сразу позади маскирующего экрана из бамбука была канава глубиной около трёх и длиной в пятнадцать футов, тянувшаяся поперёк гребня хребта. Это место выглядело, как будто несколько лет назад кто-то специально подготовил его для тех целей, в которых мы его сейчас использовали.

За нашими спинами был густо заросший хребет, с которого мы только что спустились. Любой, кто попытается пойти следом за нами, будет производить не меньше шума, чем мы, добираясь сюда. Мы установили Клейморы, направив их в слоנוвую траву в нашем тылу. Ракер нашёл ровную прогалину размером четыре на восемь футов, находящуюся между двумя пучками бамбука на обращённой к реке стороне нашей НОП, откуда залёгший рейнджер мог обозревать реку более чем на двести метров вверх и вниз по течению. Мы нашли себе дом на следующую пару дней. Это было исключительно удачное место, меня лишь немного беспоко-

ило, что из-за находившейся перед нами реки количество путей отхода уменьшалось ровно вдвое.

18 февраля 1969

Полная луна обеспечивала достаточное освещение на протяжении всей ночи и в ранние утренние часы, так что видимость вверх и вниз по реке составляла добрую сотню метров. Мы не наблюдали никакого движения по Сонгбо, но пару раз слышали, как что-то или кто-то движется сквозь траву в нашем тылу. Что бы там ни было, оно не приближалось настолько близко, чтобы имело смысл взрывать Клейморы.

Мы оставались на месте весь день, расслабляясь и пытаясь найти какой-нибудь способ провести время. Температура приближалась к 100 градусам*, но низкая влажность и лёгкий ветерок делали условия относительно комфортными. После утреннего ситрепа у нас пропала связь, восстановившись вновь лишь перед самым наступлением темноты. Наша ретрансляционная группа, находившаяся на базе огневой поддержки «Раккассан», была серьёзно обеспокоена. Той же ночью около 23.00 мы

* 37,7°C (прим. перев.)

услышали переговоры между группой № 21 и группой ретрансляции. «Снаффи» Смит, двадцатипятилетний командир группы, вступивший в должность до возвращения Грегори из отпуска, докладывал о движении вокруг своей НОП. Он сообщил свои координаты для подготовки артиллерийского удара и передал, чтобы они были наготове и открывали огонь только по его команде. Солдаты противника находились слишком близко, чтобы от артиллерии был какой-либо прок. Ракер, Клоссон и я, собравшись под подстёжкой к пончо, вытащили карту, чтобы посмотреть, не находимся ли мы достаточно близко, чтобы двинуться на помощь, если они окажутся под ударом. Они находились примерно в шести кликах на юго-юго-восток от нас и к северу от базы огневой поддержки «Бирмингем». Чтобы добраться до них, нам придется пересечь реку и главный хребет. 21-я группа вышла через день после нас и состояла из Смита, Соерса в качестве ЗКГ, Джексона, «Дока» Глэссера, и пары «вишенок». Наш командир роты высадил группы по краю горной цепи на всем протяжении от Пиявочного острова до Кэмп Эванса на севере, пытаясь отследить проникновение NVA из Руонг-Руонг

и долины Ашау к городам Хюе и Фубай, и находящимся поблизости военным базам. Тет 69-го года был еще жив в нашей памяти, и никто не хотел его повторения в 68-м.

Через тридцать минут мы услышали, как «Снаффи» прошептал в гарнитуру, что у него множественное движение с фронта и, похоже, что два из его Клейморов развернули в сторону группы. Через несколько секунд он радировал, что кто-то швыряет в периметр рейнджеров палки. В течение следующих нескольких минут не происходило ничего, а затем Смит сообщил, что у него был один человек ранен, а второй «выбыл из строя». По тембру голоса можно было предположить, что он в большом напряжении. Группа ретрансляции запросила, находится ли он под огнём. Он ответил, что нет, но, похоже, нападение неизбежно. Никто из нас не мог понять, откуда у него появился раненый и ещё один выведенный из строя, если на них не нападали. Ответ на наш вопрос появился, когда он снова вышел на связь и пользуясь фонетическим алфавитом сообщил имена раненого и второго рейнджера, добавив, что был вынужден разоружить последнего. Джексон был ранен, а второй, который оказался одним из «вишенок», «спятил».

Чуть позже Смит вновь вышел на связь и сообщил, что медик перевязал раненого, и что на расвете им потребуется медэвак и подразделение быстрого реагирования. Они не могли начать маневр отхода и уклонения, а для того, чтобы предпринять медэвак немедленно, противник находился слишком близко. Они, похоже, оказались в действительно трудной ситуации. Все оставалось спокойно примерно до 04.00, когда противник вновь начал движение в направлении позиций группы рейнджеров. Ранее Смит был вынужден разоружить молодого рейнджера после того, как тот, пересравшись, принялся поливать из своей M-16 через весь периметр в направлении движения. «Снаффи» только что предостерег их насчёт подрыва Клейморов и стрельбы. Он сказал, чтобы они бросали гранаты, чтобы не выдать своё местоположение. Теперь, когда NVA снова пытались проникнуть через периметр, Смит был вынужден вернуть парню его оружие. Внезапно «вишенка» вновь открыл огонь, вторично попав в Джексона, ранив «Дока» Глэссера в ступню и раскромсав Соерсу рюкзак.

Вся эта суматоха, похоже, вспугнула противника, поскольку он больше не пытался беспокоить груп-

пу. Когда взошло солнце, Джексона эвакуировали. «Вишенку» отправили обратно на втором вертолёте. Глэссер отказался эвакуироваться, решив остаться с группой до конца выхода. Когда мы докладывали наш утренний ситреп, команда связи сообщила, что в течение ночи многие американские военные объекты подверглись нападениям – не таким серьёзным, как во время прошлогоднего Тета, но достаточным, чтобы задуматься, не будет ли это происходить вновь и вновь.

Происшествие с группой №21 продержало нас всю ночь в напряжении и без сна, и не дало повода для поднятия духа. Джексон был одним из немногих чёрных, добровольно вызвавшихся служить в нашей роте, и он был хорошим солдатом. Он прекрасно работал в поле и ни разу не произнёс злого слова в чей-либо адрес. Помню, как он ходил повсюду со здоровенной сигарой, торчащей из угла рта.

Никто из нас толком не знал «вишенку». Он попал в подразделение в декабре, когда я был в 6-м центре выздоравливающих. Он прибыл вместе с Килберном, Андерсоном, Гроффом, Томасом, Кралем, и Крокером. Я помнил его как саркастичного, пожа-

луй, даже с некоторым перебором. В процессе подготовки он выглядел неплохо и буквально жаждал учиться. Ему нравилось повалить дурака – но, черт возьми, мы все это делали.

Группа связи передала, что парнишка, пытаясь не заснуть, проглотил слишком много таблеток декседрина. Возможно, это и стало причиной его перевозбуждения. Я был рад, что не оказался в его шкуре. Такой вины я бы не перенёс.

Позже утром все улеглось и пошло как обычно. Остаток дня мы потратили, бездельничая и пытаясь перехватить немного сна. Из-за жары было сложно сомкнуть глаза на сколь-нибудь длительное время. Но мне удалось записать на свой счёт где-то два или три часа до того, как я отказался от этого бесполезного занятия.

Около полудня я отполз на несколько метров в траву и облегчился. Когда я раскорячился над «кошачьей дыркой», выкопанной в сухой, песчаной почве, то, кажется, услышал, как кто-то стремительно бросился от меня вверх по склону хребта. Это не было похоже на человека, так что я не придал этому особого значения.

В сумерках мы закончили второй за день приём пищи и приготовились провести вторую ночь на нашем НП у реки. Несмотря на превосходную позицию, нас немного волновало столь длительное пребывание на одном месте. Нас учили находиться в движении и менять НОП каждую ночь.

Около 21.15 Ракер зашипел, а потом прижал палец к губам, указывая через плечо на покрытый слоновой травой хребет в нашем тылу. Он услышал, как что-то движется в зарослях. Мы замерли, прислушиваясь к чему-то, что, как мы надеялись, было лишь ветром, колыхающим растительность. Но никакого ветра не было. Я приложил к ушам сложенные чашками ладони, пытаюсь усилить любые звуки, исходящие из слоновой травы. Да, я тоже слышал это! Похоже, что два, может быть, три человека двигаются через заросли позади нас. Они пытались избежать какого-либо шума, но в сухой растительности невозможно соблюдать полную тишину.

Я кивнул, соглашаясь с Клоссоном и Ракером, в то время как по моей спине побежали мурашки. Противник заметил нас и проследил до нашей НОП. Теперь он, вероятно, выдвигался, чтобы отрезать любые пути отхода, собираясь ударить по нам на рассвете.

Ракер уже передавал ситреп нашей группе ре-трансляции, докладывая им, что у нас движение менее чем в пятидесяти метрах. Клоссон вошёл в радиосеть артиллерии и вызвал батарею 155-миллиметровок с базы огневой поддержки «Джек», запросив огонь по предварительно намеченному рубежу, находящемуся в ста метрах по хребту от наших позиций. У нас было слишком мало времени, прежде чем NVA подойдут слишком близко, и от артиллерийской поддержки станет мало проку. Мы оказались в ловушке, прижатые спиной к реке. Скорее всего, выше и ниже по течению у них подготовлены засады на тот случай, если мы попытаемся прорваться и уйти вдоль реки в ту или иную сторону.

Попытка прорваться через их маневренный элемент, скрывающийся в высокой траве на хребте перед нами, будет самоубийством. Клоссон запросил пристрелочный снаряд с белым фосфором прямо по предварительно подготовленным координатам и предупредил офицера управления огнём, что будет корректировать огонь, и все остальные снаряды должны быть осколочно-фугасными.

Клоссон повернулся и махнул всем залечь, пока пристрелочный снаряд со свистом приближался

с востока. Мы услышали тупой удар и увидели яркую вспышку, когда снаряд ударил в горный хребет в 100-120 метрах от нас. Клоссон, привстав на колени, прошептал: «Снижение пять-ноль, огонь на поражение».

Он распластался на земле и сказал, чтобы мы оставались лежать, когда первый залп 155-миллиметровых осколочно-фугасных снарядов проревел над нами, упав примерно в семидесяти метрах. Земля содрогнулась, когда взрывная волна всколыхнула хребет. Мы вцепились в землю, когда командир группы запросил второй залп: «Правее пять-ноль». Я съёжился, когда Клоссон прошептал это в гарнитуру. Сто пятьдесят пятые имеют намного больший радиус поражения, чем 105-мм, которые обычно работали с нами. Снаряды рвались очень близко от нашей позиции.

После второго залпа Клоссон запросил прекращение огня. Мы замерли, прислушиваясь к движению в траве, и вскоре услышали его – звуки людей, мчащихся, продираясь через заросли. Было сложно сказать, сколько их, но мы знали, что их хватит, чтобы наделать дел. Снаряды разорвались позади них, вынудив броситься вперёд, чтобы избежать летящих раскалённых добела осколков.

Клоссон быстро дал поправку: «Левее пять-ноль, снижение пять-ноль. Огонь на поражение!» Офицер управления огнём запросил дополнительное подтверждение, предупредив Клоссона, что снаряды при этом почти накроют наши позиции. Командир группы дал подтверждение, сказав ему: «Именно тут и находится противник». Мы уткнулись лицами в грязь, вжавшись в ложбинку, служившую нашей НОП. Мы знали, что при «снижении пять-ноль» следующий залп ляжет прямо перед нашими Клейморами. И если уж это не остановит противника, он окажется прямо внутри нашего периметра.

Клоссон, прижав лицо к земле, пробормотал: «Стреляйте!» Спустя несколько секунд мы услышали оглушительный свист, с которым здоровенные стальные чушки проделывали дыры в небесах. Звук подлетающих снарядов напоминал шум приближающегося поезда... в то время как мы находились в депо. Стиснув зубы так, что едва не лопнули глаза, я ждал, когда огромные снаряды завершат мой жизненный путь.

Сотрясение было жутким. Меня подбросило над землёй. Казалось, я на мгновение завис в воздухе, прежде чем земля, содрогаясь в конвульси-

ях от разрывов снарядов, вновь поднялась и тяжело ударила меня. На нас дождём сыпались грязь и мусор.

Я услышал, как Клоссон завопил, что в него попали. На какое-то мгновение я оказался бессилён что-либо предпринять по этому поводу. Последовал ещё один залп, повторяя массированное избиение, которое мы только что пережили. Как мог кто-нибудь там, в траве выжить после этого? Мои сознание и тело оцепенели, в ушах стоял звон как от китайского гонга. Я услышал Клоссона, кричащего в гарнитуру: «Прекратить огонь! Прекратить огонь!»

Насупившая тишина была более пугающей, чем предшествовавшее смятение, вызванное артобстрелом. Мы задыхались, пытаюсь вновь набрать воздух в наши лёгкие. Один из новичков скулил и хныкал, и, судя по запаху, кто-то навалил в штаны. Мы с Ракером подползли к Клоссону. Он осматривался на предмет ран.

Водя руками вверх-вниз по ногам, он бормотал, обращаясь больше к себе, чем к нам: «Господи Иисусе, я знаю, что мне прилетело, я почувствовал это!» Ракер схватил его и сказал:

«Глянь, Клоссон, у тебя каблука нет!» Сделанный из твёрдой резины, каблук его левого ботинка был срезан так чисто, как будто его ампутировал хирург. Клоссон был на волосок от потери ноги.

Когда звон в ушах начал утихать, мы услышали доносящиеся из травы низкие протяжные стоны. Кто-то лежал там, страдая от ужасных ран, нанесённых разорвавшимися 155-миллиметровками. Артиллерия сделала своё дело. Никто не сможет остаться в живых после обстрела и оказаться в состоянии добраться до нас.

Клоссон запросил беспокоящий огонь на оставшуюся часть ночи. Он дал координаты места примерно в 150 метрах по хребту от нашей позиции и ещё нескольких точек вдоль берега реки вверх и вниз по течению. На рассвете должно будет высадиться подразделение быстрого реагирования, которое обыщет хребет в поисках убитых и раненых солдат противника.

Остаток ночи мы провели в полной готовности. Мы не думали, что они вернутся, но в этом никогда нельзя быть уверенным на сто процентов.

19 февраля 1969

В 06.00 нам сообщили, что подразделение быстрого реагирования не прибудет. Группа Марси с Миллером в качестве ЗКГ обнаружила множество NVA в широкой долине по ту сторону горы Нуйки. Подразделение быстрого реагирования было наготове на случай, если они будут замечены или подвергнутся нападению. Нам посоветовали сидеть на жопе ровно и ждать, когда нас заберут.

В ожидании команды к эвакуации мы посменно съели наши утренние пайки. Один из «вишенок» сползал вниз, к стоячему пруду рядом с рекой, чтобы прополоскать штаны. Оставшиеся были на стреме. На самом деле мы не предполагали, что противник вернётся к нам среди бела дня, но чувствовали, что они выжидают, когда мы попытаемся уйти от реки.

Мы решили, что будем эвакуироваться из зарослей травы, в которых 155-миллиметровки проделали несколько площадок, достаточных по размеру для посадки Хьюи. В 09.30 была моя очередь отправляться на наблюдательный пункт в бамбуковых зарослях и следить за рекой и ее противополо-

ложным берегом. Едва я занял позицию и собрался отпустить Джилетта, как обнаружил человека в оливковой форме, идущего вдоль по галечной косе, находящейся на другой стороне реки, примерно в 150 метрах вверх по течению.

Он не выглядел настороженным и, похоже, не пытался что-нибудь обнаружить. К тому же у него, вроде бы, не было никакого оружия. Я послал Джилетта позвать Клоссона. Ожидая командира группы, я прикинул возможность дальнего выстрела по солдату противника, но мой CAR-15 был пристрелян всего на пятидесяти метрах, и на такой дистанции я не доверял его точности. Внезапно вьетнамец свернул и исчез из виду, войдя в окаймляющие реку джунгли.

Я почувствовал Клоссона возле своего бока и, не оборачиваясь, сказал: «У нас появилась компания – на том берегу, вверх по течению. Один гук... и, кажется, он про нас не знает».

Клоссон ответил: «Хорошо, давай не будем его тревожить. Думаю, мы уже разозлили дохрена народу по эту сторону реки». По мне так и хорошо. Когда некуда идти и время поджимает, я был более чем за то, чтобы не раскачивать лодку.

Примерно через час я в очередной раз глянул вверх по течению и увидел одинокого вьетнамца в сампане, направляющегося в сторону наших позиций. Этот был одет в чёрное, и, похоже, не спешил, двигаясь по течению. Это какое-то сумасшествие! У них что, нет радио? Разумеется, они должны знать, что поблизости находится группа рейнджеров! Я отполз назад и сообщил Клоссону об увиденном. Мы вернулись на НП вдвоем, как раз когда вьетнамец проплывал мимо.

Клоссон решил попросить артиллеристов нанести удар по сампану и его обитателю. Он не хотел привлекать дополнительного внимания к нашему местонахождению, позволив группе открыть огонь. Вокруг было слишком много неприятельских войск, чтобы действовать подобно хулигану на квартале. Он запросил один осколочно-фугасный снаряд с воздушным подрывом на высоте десяти метров с тем расчётом, чтобы прихлопнуть вьетнамца, когда тот будет проплывать мимо лежащей вниз по течению точки с предварительно определёнными координатами.

Мы вытянули головы, чтобы поглядеть на разрыв снаряда, со свистом летевшего с базы огневой

поддержки «Джек». Это было красиво! 155-миллиметровый лёг прямо в точку. Бедняга вьетнамец замер, услышав свист подлетающего снаряда. В последнее мгновение до него, похоже, дошло, что он мертвец. Я инстинктивно съёжился, когда снаряд разорвался над самым сампаном. ТРАХ! Я не верил своим глазам! Эта чёртова штука оказалась всего лишь пристрелкой... и дала лишь облако дыма!

Мы сидели совершенно ошеломленные, не в силах вымолвить и слова. К тому моменту, когда мы пришли в себя, вьетнамец осознал свое счастье и отчаянно гнал свой сампан к дальнему берегу в двухстах метрах ниже по течению. Он затащил деревянную лодку под деревья и мгновенно исчез в джунглях.

Клоссон был разъярён. Он связался с офицером управления огнём с базы «Джек» и от имени всей северовьетнамской армии поблагодарил его за своевременное предупреждение, которое они только что отправили одному из их солдат. Бывает, что люди ошибаются. Но ошибки такого рода нам совершенно не нужны. Мы не стали ждать ответа, потому что внезапно затрещала и ожила другая рация. Это был капитан Кардона, наш новый ко-

мандир роты, летящий на нашу эвакуацию на борту вертолѐта управления. Два сика и сопровождающие их «Кобры» находились в пяти минутах лета от нас, приближаясь вдоль Сонгбо.

У нас не было времени снимать Клейморы, так что командир группы приказал дожидаться, пока не услышим вертушки, а потом взрывать их на месте. Коли уж негодились ни для чего другого, так хоть помогут нам расчистить посадочную площадку для вертолѐтов.

Через пару минут послышалось характерное «вупп-вупп-вупп» Хьюи, отражающееся от склонов узкой речной долины. Клоссон проревел, «Взрываем их!» Четыре прозвучавших одновременно взрыва разорвали слоновою траву, завершая начатое артиллерией. Внезапно Хьюи оказался над нами, разворачиваясь в сторону фиолетового дыма, который Клоссон бросил на гребень хребта. Другой Хьюи и две Кобры принялись кружить метрах в трёхстах над нами, прикрывая эвакуационный борт, который приземлился в дымящуюся траву прямо перед нами.

Я как раз закончил сматывать остаток провода от Клеймора и запихнул его вместе с замыкателем в боковой карман штанов. Пробежав пятнадцать

метров сквозь прогалину, мы запрыгнули на борту Хьюи. Пилот поднял слик с хребта, клюнул носом влево и повёл машину вдоль реки вниз по течению туда, где она вырывалась из гор на холмистую равнину к северо-западу от площадки приземления «Сэлли».

Что-то подсказывало, что я становлюсь слишком короток для всего этого дерьма! Мне осталось 105 дней.

20 февраля 1969

Мы получили предварительное распоряжение на выход ранним утром двадцать второго. Мы возвращаемся на Сонгбо, на сей раз на южную сторону реки. В разведотделе хотели, чтобы мы проверили тот район на предмет присутствия противника.

О господи, подумал я, мы же только что сделали это! Не то они хотели ещё одного подтверждения, не то просто не поверили нам в предыдущий раз. Я поклялся никогда больше не жаловаться на отсутствие заданий. У нас получалось по два дня на передых, после чего мы снова отправлялись в поле. За два прошедших месяца никто из нас не заработал поездку на Коко Бич.

Похоже, кто-то старался набрать очки для дальнейшего карьерного роста. Мы подозревали, что это наш новый ротный. Он, кажется, никогда не появлялся в расположении роты, если мы не высылали группы в поле. Определённо, это был не тот офицер, каким был капитан Экланд.

У нас появился новый первый сержант. Его звали Карден. Про него никто ничего толком не знал, но, похоже, он пришёл к нам из Сил Спецопераций и успел не раз побывать в бою. Он производил впечатление самонадеянного лайфера-уставника, страдающего тяжёлой формой синдрома маленького человека. Мы прозвали его Кэби.

Я получил письмо с вложенным ежемесячным бюллетенем совета Рыцарей Колумба штата Миссури. Кажется, в феврале мои братья-рыцари выбрали меня Рыцарем Месяца. Я ощущал признательность за почёт, но был несколько сбит с толку. Я вступил в совет после окончания средней школы, но не смог посетить ни одного собрания. Из-за колледжа и армии прошедшие четыре года я провёл вдаль от дома.

До нас дошли известия, что Джексон на пути обратно в Штаты. Его ранения были тяжелы,

и была серьёзная вероятность, что, если он выживет, то останется парализован. Одна из пуль попала ему в голову и вызвала повреждение мозга. «Вишенку», пережравшего «декса», на следующий же день после возвращения с задачи перевели в линейное подразделение. Ну да и хрен с ним. Никто не согласился бы снова пойти с этим парнем в поле. Таких проёбов мы в подразделении не потерпим.

После задания Соерс больше всего винил в произошедшем себя. У этого талантливоего командира группы развился чрезмерный комплекс вины, жить с которым, пожалуй, будет тяжело. Самое скотство заключалось в том, что он этого не заслуживал.

21 февраля 1969

Намеченная на двадцать второе задача была перенесена на сутки из-за ненастной погоды. В горных долинах, где нам предстояло действовать, собрался густой туман. Полёты в таких условиях становились опасными, а во многих случаях и вовсе невозможными.

Не могу сказать, что я не был рад этому.

Большинству рейнджеров был нужен перерыв. Мы запарились, вкалывая без передышки больше месяца, и напряжение начинало сказываться. Кроме того, я и близко не испытывал такой уверенности в решимости капитана Кардоны вытащить нас из тяжёлой ситуации, какая у меня была в отношении капитана Экланда.

Это имеет большое значение, когда сидишь в буше с дерьмом, летящим по ветру, и знаешь, что твой ротный, если надо, своротит горы чтобы вернуть вас обратно. Возможно, я был несправедлив к новому командиру, но не у одного меня в роте были похожие ощущения. Только время покажет, если я неправ.

22 февраля 1969

Задачу перенесли на 09.00 двадцать третьего в надежде, что к тому времени туман рассеется. На выход должны будут отправиться четыре группы – глубже в горы, чем мы считали благоразумным. Если туман будет представлять проблему, то группы могут оказаться в реальной опасности, высадившись в такой далёкой глуши.

23 февраля 1969

Выход снова перенесли, но на сей раз не из-за тумана. Ночью двадцать второго было атаковано более сотни американских и южновьетнамских военных баз. До прекращения угрозы все военные объекты были переведены в режим красной тревоги. Мы были очень удивлены этими новостями, потому что Кэмп Игл остался не тронут. На самом деле NVA так боятся нас, или они приготовили нам что-то особое?

25 февраля 1969

Ранним утром со стороны моря задул крепкий ветер и унёс облака обратно в Лаос. У нас установилась самая лучшая погода, какую я видел с самого прибытия в страну. Температура была далеко за 80 градусов*, но с другой стороны влажность упала ниже 50%.

Ротный решил воспользоваться переменной погоды и сразу после обеда вывести четыре группы. Нам не понадобилось много времени на подготовку, поскольку в течение трёх прошедших дней

* *Более 27°C (прим. перев.)*

наше снаряжение так и оставалось собранным. В 13.20 мы погрузились на слики для длительного перелёта к нашему району разведки. Нас должны будут высадить в трёх точках, образующих воображаемый треугольник, охватывающий Сонгбо.

Заместитель командира роты должен будет высадить группу Грегори под номером 21 в том же районе, который мы патрулировали во время нашего последнего выхода. Потом ему предстояло пролететь восемь кликов вверх по течению и высадить Марси с группой № 11 дальше по реке у горловины широкой долины. В то же время капитан Кардона высадит две другие группы, группу № 22 Клоссона и группу № 12 Рейнолдса, в большую воронку от авиабомбы на южной стороне реки, на полпути к гребню длинного хребта.

Мы окажемся в вершине треугольника. Группа Рейнолдса должна будет двинуться на запад, к Ашау, в то время как нам предстоит работать к востоку и юго-востоку, в сторону базы огневой поддержки «Вегель». Нашей задачей было обнаружение местонахождения 5-го полка NVA. Дивизия предоставляла в наше распоряжение всю огневую мощь, необходимую, чтобы стереть его с лица зем-

ли. Артиллерия будет работать с пяти разных баз: «Орлиное Гнездо», «Джек», «Вегель», «Бастонь» и «Бирмингем». В готовности будут эскадрон боевых вертолетов «Кобра» и два звена «Фантомов» F-4 из ВВС.

Я помнил 5-й. Это был тот самый полк NVA, с которым моя группа столкнулась четвёртого ноября и потом снова двадцатого. Я помнил, что они не боялись встать и сразиться, и отличались редкостным самообладанием. Я разрывался между желанием быть в группе, которая найдёт их, и страхом перед тем, что может случиться, когда мы это сделаем.

По пути мы пролетели над базой «Бирмингем». Прохладный ветер, продувающий открытую кабину, был освежающим. Это был слишком хороший день, чтобы умереть! Мы перескочили через нескольких горных цепей прежде, чем увидели Сонгбо с правой стороны. Первый слик ушёл вниз, прямо под наш вставший в круг Хьюи. Посмотрев вниз, я увидел, что первый вертолёт подлетел к воронке и высадил группу Рейнолдса. Я видел рейнджеров размером с муравья, когда они бежали от воронки к джунглям на западе, чтобы освободить место для нашей группы.

Наш слик заложил крутой вираж, и направился к той же точке. Я вылез на посадочную лыжу, удерживаемый лишь центробежной силой нашего спирального спуска. Внезапно, я увидел, что группа Рейнолдса бежит обратно к воронке. Что-то пошло не так, как надо. С нашей высоты я заметил облачка дыма и крошечные огоньки, вспыхивающие тут и там по краю джунглей, окружающих точку высадки. О господи, это засада! Я оглянулся через плечо и закричал: «Горячо, горячо, горячая площадка!» Я снова глянул вниз, как раз вовремя, чтобы увидеть зелёные трассера, пролетающие мимо нашего Хьюи.

Пилот рванул шаг-газ и начал широкий разворот вправо с набором высоты, от которого я едва не улетел с лыжи. Только моя рука, мёртвой хваткой сжавшая каркас сиденья, и кто-то, ухватившийся за мой рюкзак, помешали мне нырнуть вперёд и отправиться навстречу смерти в лежащие под нами джунгли. Сильные руки затащили меня в кабину, пока пилот продолжал набирать высоту, уходя от засады.

Я услышал звонкие звуки, с которыми пули попадали в наш вертолет. Через несколько секунд мы были вне досягаемости, кружась в вышине. Мы

останемся на месте, пока не будет эвакуирована группа Рейнолдса. Ракер на минутку дал мне гарнитуру своей рации. Группа №12 была окружена и уже имела одного раненого, их старшего радиста. Они потребовали, чтобы ганшипы отработали по джунглям вокруг их периметра и запросили «даст-офф» для раненого. Они пока держались, но вытащить их из этого осинового гнезда шершня представлялось почти невозможным.

Пока группа Рейнолдса вела сжирающий боеприпасы огонь на подавление, подошли две «Кобры», превратившие джунгли в свалку, кромсая растительность вокруг края воронки огнем пушек и миниганов. После их третьего захода Рейнолдс сообщил, что вражеский огонь ослабел.

Внезапно мистер Поли, пилот, высаживавший группу №12, направил свой слик на точку и завис над самым краем воронки. Лопасты его ротора срубали листья с деревьев, когда Рейнолдс и его ЗКГ забросили внутрь раненого радиста, а затем забрались сами вместе с остальными членами группы. Хьюи, пьяно раскачиваясь, начал подниматься к нам, в то время как стрелки NVA вновь открыли огонь, пытаясь сшибить его с неба.

«Кобры» все еще раскатывали в блин окрестности воронки, когда мы присоединились к борту управления и вертолёту мистера Поли для обратного перелёта в Кэмп Игл. Когда мы приземлились, то обнаружили, что наш слик получил шесть попаданий в хвостовую балку. В вертолёте мистера Поли насчитали более двадцати пробоин. Досталось даже «Кобрам». Но нам снова повезло. Засада NVA начала действовать слишком рано. Если бы они повременили с открытием огня хотя бы ещё секунд шестьдесят, они, возможно, уничтожили бы обе группы.

Две другие группы, высаженные лейтенантом Уильямсом к северу от реки, через несколько минут тоже вступили в перестрелку. Они не понесли потерь. Четыре группы, в течение двадцати минут попавшие под обстрел на трёх разных точках высадки – это было новый рекорд роты. 5-ый Полк NVA вернулся. В 68-м году наши группы LRP слишком часто пускали им кровь. На сей раз, они, похоже, настроились на то, чтобы не позволить нам проникать в их убежища, независимо от того, чего это им будет стоить.

26 февраля 1969

Погода вновь скисла. Мы были вне себя от радости, от того, что вчера противник нашел время озаботиться тем, чтобы не дать нам успешно высадиться по соседству. У нас были бы реально большие проблемы, напади они на нас среди густого тумана, окутавшего район в ночь на двадцать шестое.

За пару прошедших недель несколько наших групп были вынуждены продлить выполнение задач без пополнения припасов. Некоторым из них пришлось провести в поле целую неделю сверх намеченного времени. Во всех группа начали брать с собой дополнительные пайки и батареи к радиостанциям. Застрять в двадцати кликах от своих посреди джунглей без еды и связи – это было пугающее испытание, через которое никто не хотел проходить дважды.

Двадцать шестого я стал «карликом» с двузначным числом. Всего девяносто девять дней, и на следующее утро моя задница отправится обратно в США. Я стал официально короток!

27 февраля – 1 марта 1969

Наш взводный сержант сказал, что, по его мнению, я готов получить собственную группу. Это был сюрприз. Со дня на день я ожидал повышения до Е-5 и думал, что, получив это звание, буду иметь неплохие шансы возглавить группу. У очень немногих специалистов четвёртого класса были собственные группы. Единственными, кого я знал, были Тонини, Соерс и Миллер. Я не знал, чувствовать себя польщённым тем, что меня назначают командиром группы, или стыдиться того, что меня ещё не повысили.

Я получил группу № 22. Клоссон возьмёт группу № 23. Нашим позывным будет «Группа Линвуд 22». Джим Шварц стал моим ЗКГ, а Кен Муноз старшим радистом. Хиллмен, Грофф и Килберн – все «вишенки», заполнят остальные штатные должности.

Я постоянно задумывался, есть ли у меня качества, необходимые, чтобы стать командиром группы. В гражданской жизни и даже в ходе начальной подготовки мне часто случалось занимать руководящие должности и я никогда не испытывал проблем, могущих поставить под сомнение мои лидер-

ские способности. Однако некоторые свойства и качества, которые я наблюдал у людей, возглавлявших группы LRP и рейнджеров, лежали за пределами обычных лидерских качеств. Некоторые обладали всеми классическими качествами: силой, выносливостью, самообладанием, интеллигентностью, мотивацией, подготовкой, целеустремлённостью, присутствием духа и способностью открывать и развивать эти черты в людях, которыми они командовали. Однако к некоторым приходило нечто большее – инстинкты, здравый смысл и потрясающий инстинкт выживания.

Прекрасными примерами первых были Билл Марси, Джон Соерс, Лу Ондриус, Рон Рейнолдс, Джо Грегори и Эл Контрерос – классические лидеры. А Ричард Бернелл, «Большой Джон» Берфорд, Майк Тонини и, в особенности, Зо и Рей Мартинес являлись лучшими образцами вторых.

Авторитет классического лидера устанавливался его званием и поддерживался способностями. Если он знал свою работу и делал её хорошо, люди подчинялись и шли за ним, поскольку он был их командиром. Другой тип, назовём его харизматичным лидером, устанавливал и поддерживал авторитет

одной лишь силой своей личности. Для установления власти ему не было нужды в звании. Люди инстинктивно шли за таким лидером, поскольку чувствовали, что он будет делать дело и одновременно заботиться о подчинённых. Солдаты повиновались такому командиру не в силу обязанности, а по собственному желанию. Харизматичный лидер носил своё звание в душе, а не на рукаве.

Не поймите меня неправильно. Классические лидеры, перечисленные мною ранее, были перwokлассными командирами групп. Я пошёл бы за ними куда угодно. Разница заключалась в том, что эти люди стали командирами групп в силу своего звания, опыта и способностей. Иных же члены их групп выбирали на эту должность независимо от их званий, опыта или подготовки.

Я понятия не имел, командиром какого типа смогу стать. Да я даже не был уверен, что готов к этому. На этой должности я буду нести большую ответственность – возможно, намного большую, чем мне бы хотелось. Я буду отвечать за жизни пяти человек. Моей задачей будет внушить каждому из них уверенность в себе и уверенность в группе в целом. Я должен буду оценить личные талан-

ты каждого человека и использовать их так, чтобы их совместных действий в группе оказалось достаточно для выполнения задачи. Моим делом будет вдохновить каждого человека всегда находиться на пике формы и самому поддерживать такой же уровень мастерства.

Если я не смогу достичь самых высоких стандартов и поддерживать их, то не в праве ожидать, что вверенные моей заботе люди будут делать то же самое. Я чувствовал, что большинство командиров мотивировалось в большей степени страхом ошибки, чем выгодой и славой. Моим единственным желанием было выполнение своих обязанностей наилучшим образом и забота о здоровье и благополучии своих людей. Успех и признание всегда должны быть результатом лидерских способностей, а не поводом для них.

Мы со Шварцем отправились в дежурку для предварительного инструктажа. Его провёл заместитель командира роты, сделав это, к моей радости, быстро и просто. Нас высадят на закате возле реки Благовоний, к северу от Пиявочного острова. Месяц назад у меня было задание примерно в том же районе, но на этот раз мы будем действо-

вать к востоку от реки. Местность в основном была равнинно-холмистой, с плотной растительностью в виде бамбука, одноярусных джунглей и участков со слоновой травой вдоль реки. Примерно в ста метрах от реки начинались низкие, поросшие травой холмы, тянущиеся до самого Кэмп Игл.

Нашей задачей будет разведка. Нам надлежит проверить береговую линию на предмет переправ, мест отдыха и мелких тайников. Ночью мы должны будем устроиться возле воды и контролировать реку, отслеживая движение плавсредств. Мы могли рассчитывать на поддержку в виде батареи 105-миллиметровок с базы огневой поддержки «Кирпич» и взвода «Блюзов» из 2 батальона 17-го кавалерийского в качестве подразделения быстрого реагирования на случай возникновения проблем.

Задача казалась не слишком впечатляющей. Как я помнил, большинство троп, найденных нами к западу от реки, были старыми. Один раз ночью мы слышали сампан, двигавшийся вверх по течению, но из-за густого тумана не смогли с ним ничего поделать. Вдоль противоположного берега тянулись поля слоновой травы, в двух сотнях метров от реки, у подножия гор, сменяющиеся двухъярусными джунглями.

Единственное, что не вызывало сомнений, нам нужно будет приложить все усилия, чтобы при перемещении использовать все возможные укрытия. Весь наш район разведки будет доступен взорам наблюдателей NVA, контролирующих реку с расположенных к западу от нас гор.

Предварительный облёт также подтвердил мои предположения. Действительно, район наших действий обеспечивал не слишком хорошее укрытие. Условия для ведения разведки были далеко не идеальными. Мне пришло в голову, что если нам нужно будет двигаться, это придётся делать только ночью. Я не стану рисковать безопасностью группы, среди бела дня маршируя взад-вперед как на параде среди редких деревьев на берегу реки. По крайней мере, если бы мы были вынуждены E&E, не понадобится переправляться через реку. Нам будет нужно пройти примерно восемь кликов по низким холмам, чтобы добраться до Кэмп Игл. Правда укрытий там будет не больше, чем на свежеподстриженном футбольном поле.

Задание выглядело совершенно ерундовым, из тех, что заставляют задуматься, а был ли в здравом уме тот, кто его выдумал? К сожалению, про-

шлый опыт показывал, что на такой вот ерунде было убито и ранено больше людей, чем на всех более трудных и опасных заданиях, которые мы выполняли. Думаю, это из-за естественной тенденции к снижению бдительности, когда вероятность контакта казалась небольшой. Я решил, что нас не застанут со спущенными штанами.

Из разведотдела нам передали 35-миллиметровую камеру с требованием заснять тропы, переправы и любые другие признаки деятельности противника, которые мы обнаружим. Это был сюрприз. Я часто задумывался, почему камеры не входят в состав основного снаряжения группы. Как говорили в старину – «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Я помнил все разборы после заданий, на которых приходилось присутствовать, где офицеры разведотдела делали вид, что мы несём полное дерьмо, когда мы описывали обнаруженное нами. Ей-богу, уж к фотографии-то у них не будет недоверия!

Отправляясь на задание, я обычно брал свою 35-миллиметровую камеру «Пен ЕЕ»*. Одна-

* Камера «Pen EE» фирмы «Олимпус». Выпускалась с 1961 года и была одной из самых маленьких камер,

ко снимки, которые я делал, были личного характера, и их содержание не могло сильно заинтересовать парней из разведки. Кроме того, я сомневаюсь, что они удосужились бы вернуть плёнку. Я запросил разрешение взять ночной прицел, полагая, что прибор ночного видения весьма помог бы при наблюдении за рекой и для обзора нашего района разведки в случае, если мы будем двигаться ночью, как я планировал. Запрос был отклонён. Армия ценила эти проклятые приборы больше, чем нас.

Шварц и я вернулись в нашу казарму, чтобы поставить задачу остальной части группы. Пока мы с Джимом были на облёте, они уже уложили рюкзаки. Это должен быть всего лишь двухсуточный выход, и я предупредил всех, что мы пойдём налегке. Мы сможем брать воду из реки, а если поедем перед высадкой, то сможем обойтись двумя приёмами пищи, поскольку нас должны будут эвакуировать в 09.00 на третий день.

Я порекомендовал взять несколько дополнительных Клейморов и гранатомёт М-79 с двадцатью че-

рассчитанных на 35-мм пленку. Имела полностью автоматическую экспозицию и фиксированную фокусировку (прим. перев.)

тырьмя осколочными гранатами и шестью со слезоточивым газом CS. На той местности, где нам предстоит действовать, «тампер» мог оказаться бесценным.

За пару часов до вылета мы проверили снаряжение. Я не удивился, обнаружив, что двое из наших новичков дребезжат. Используя стандартную дозу зелёной липкой ленты, мы со Шварцем решили эту проблему. Я написал короткое письмо невесте и ещё одно родителям, сообщив им, что собираюсь идти на своё первое задание в качестве командира. Я постарался, чтобы это не звучало как проявление самомнения, но потерпел прискорбную неудачу. В конце концов, стать командиром группы – конечная цель для любого хорошего рейнджера.

Когда, наконец, настало время, мы вшестером спустились вертолётную площадку для погрузки в наш слик. Борт управления капитана Кардоны стоял прямо перед нашим Хьюи. Ротный прошёл мимо нас, кивнув и не произнеся ни слова, и сел в свой вертолёт. Сержант Бернелл показал нам пальцы, растопыренные буквой «V» и залез к нам на борт. Он будет беллименом на нашей высадке.

Турбины обоих Хьюи начали посвистывать, когда мощные двигатели пробудились к жизни. Это был сигнал нам грузиться на борт. Убедившись, что все разместились должным образом, я спиной вперёд влез в кабину, усевшись на пол и свесив ноги на посадочную лыжу. Я буду сваливать первым с левого борта, сразу за мной последуют Муноз и Грофф. Килберн и Хиллмен во главе со Шварцем десантируются с правого борта.

Я кивнул Бернеллу, что-то произнёсшему в микрофон своего шлема, и мы взлетели. До нашего района было всего семь минут полёта. Местность по всему маршруту была открытой. Всю дорогу до реки Благовоний мистер Грант наш пилот, держал Хьюи над самой землёй, ведя его на бреющем. Оказавшись над водой, он свернул к югу и направился вверх по течению, держась всего в пятидесяти футах над поверхностью реки.

В трех минутах от точки, он взмыл над западным берегом и на несколько секунд завис над самой землёй. Ложное десантирование было произведено с целью запутать противника относительно места нашей настоящей высадки. Я заметил, что вертушка управления перелетела через нас и произвела

еще одну ложную высадку на противоположном берегу в двух сотнях метров вверх по течению. Борт ротного взмыл вверх и в сторону, когда мы проскочили под ним, направляясь к месту настоящей высадки. Если повезёт, все NVA в окрестностях отвлекутся на наблюдение за тем вертолётом, что набирает высоту, уходя в сторону от реки, и проморгают нас, приближающихся к точке высадки.

Я спрыгнул на землю, когда Хьюи был еще в шести футах над ней, и краем глаза заметил, что оставшая часть группы тут же последовала за мной. Едва коснувшись земли, я бросился бежать, добравшись до небольшой купы деревьев в двадцати метрах. Нырнув в плотные заросли, я краем сознания отметил, как мимо нас по обе стороны реки с ревом пронеслись две «Кобры».

Повернувшись, чтобы убедиться, что все действуют как надо, я увидел, что у Килберна проблема с ногой. Муноз подскочил к нему, ухватил за руку, помог подняться и поддержал на пути в укрытие.

Мы залегли в круг, где каждому достался сектор с дугой в шестьдесят градусов, и начали прослушивать местность на предмет звуков передвижения противника. Прилив адреналина заставил всех за-

дышаться подобно неизлечимым астматикам. Придя наконец в себя, мы тихо пролежали добрых двадцать минут, прислушиваясь к шуму реки, находящейся в двадцати футах от нас. Вдалеке ещё были слышны вертолёты, но по большей части наши уши наполнял звук текущей воды.

Я просигналил Мунозу, чтобы тот занялся проверкой связи с ротой. На этом задании мы находились достаточно близко, так что надобности в группе ретрансляции не было. Он подал знак, что связь есть, чёткая и устойчивая. Я вытащил компас и карту, сориентировав её на истинный север, и взял азимут на известную вершину горы к северо-западу от нашего местоположения. Он составлял 326 градусов. Обратный азимут будет 146 градусов. Потом я взял ещё один азимут на другую вершину в трехстах метрах к юго-юго-западу – 230 градусов. Обратный азимут – 50 градусов. Взяв угольник, я провёл восковым мелком линии на ацетатном покрытии моей карты. Точка пересечения находилась чуть больше, чем в ста метрах к северу от намеченного места высадки. Не так уж и страшно, но достаточно, чтобы я разозлился. Как, черт возьми, можно промазать мимо точки высадки на такой местно-

сти, что лежала под нами? Мистеру Гранту придётся выставить по пиву всей роте за такой пролёт. Не часто ему случалось так ошибиться.

Нам нужно было двигаться, и двигаться быстро. До темноты я хотел углубиться в наш район на пару сотен метров, чтобы оценить обстановку. Так что меньше, чем за полчаса, нам нужно было пройти триста метров. Я махнул Шварцу выдвигаться в голову, зная, что он постарается соблюдать скрытность и двигаться настолько быстро, насколько позволит соблюдение звукомаскировки.

Он пошёл сквозь одноярусные джунгли, виляя среди деревьев и пятнадцати-двадцатиметровых стволов бамбука, останавливаясь для прослушивания через каждые несколько минут. Хорошо, он не жертвовал осторожностью в угоду скорости. Прежде чем нас окутала темнота, он успел пройти почти двести метров.

Шварц поднял руку, останавливая группу. Я прошёл мимо Гроффа, оказавшись сбоку от пойнтмена. Было уже слишком темно, чтобы двигаться дальше, не производя шума. Мы были не в состоянии определить, насколько укрыто расположились, а размещаться на ночь, не зная, что находится вокруг, это

прямое приглашение устроить нам засаду на рас-
свете. Джим указал на восток. Через несколько ми-
нут взойдёт луна, и видимость станет достаточной,
чтобы пройти оставшуюся сотню метров и найти
приличное место для устройства НОП и НП у реки.

Пятнадцать минут спустя, мы двинулись вновь.
Бледный лунный свет отбрасывал на наш путь жут-
кие тени, давая едва достаточно света, чтобы раз-
личать растительность перед нами. Мы вошли в гу-
стые заросли бамбука, похожие на те, что я видел
во время предварительного облёта. Если это они,
прямо справа от нас должна быть переправа, и, ве-
роятно, тропа, ведущая прочь от реки.

Шварц остановил группу и дал мне сигнал. Он
стоял на краю узкой тропинки, бегущей перед ним
слева направо. В лунном свете её поверхность от-
ливалась серым. По обеим сторонам от неё тяну-
лись заросли кустарника и бамбука. Я просигналил
группе наблюдать за флангами, показав, что соби-
раюсь оценить обстановку впереди. Повернув на-
право и, держась в метре-двух от тропы, я прошёл
вдоль неё на запад около двадцати метров, туда, где
она спускалась в низину на берегу, выводящую пря-
мо к лежащей под нами реке. В сиянии восходящей

луны я смог разглядеть тёмные следы нескольких человек, вышедших из воды и двинувшихся дальше по тропе. Все, что я мог сказать – они были оставлены не позднее двух-трех дней назад.

Я вернулся к группе, убедившись, что они слышат, как я подхожу. Мне меньше всего хотелось быть принятым за гука и оказаться подстреленным кем-нибудь из своих же людей. Я шёпотом рассказал Шварцу о своей находке, после чего дал группе знак следовать за нами, и мы выдвинулись на высокий берег к северу от переправы.

В пятнадцати метрах от тропинки мы нашли участок, плотно заросший бамбуком, и тихо заползли в него. Мы замерли, и, вслушиваясь, пролежали двадцать минут. Я дал знак Хиллмену и Килберну снять рюкзаки и установить пять Клейморов, расположив их полукругом, оставив без прикрытия лишь берег реки с восьмифутовым обрывом. Мы тут не для того, чтобы устраивать засаду. Шварц решил пойти с ними и убедиться, что при подрыве наша НОП не окажется в опасной зоне. Я кивал, соглашаясь. Он жестом подозвал меня поближе и прошептал на ухо: «Пока ты ходил направо, я проверил тропу в левую сторону. Она идёт около десяти ме-

тров, а потом раздваивается. Одна ветвь идёт к северу и примерно через пять метров уходит под деревья, а другая проходит через ту открытую местность к востоку от нас». Я кивнул вновь. Нам повезло. Выдвигаясь к нашей позиции, мы около трёх сотен метров шли параллельно этой чёртовой тропе, и до неё было меньше десяти метров. Если бы навстречу нам в темноте шёл взвод NVA, нас могли крепко прижать.

Мы были абсолютно уверены, что засели на действующей переправе, так что все, что нам надо будет делать – это дожидаться и посмотреть, не собираются ли наши приятели с севера воспользоваться ею этой ночью. Когда трое рейнджеров вернулись после установки Клейморов, я распределил смены в охране – полная готовность до 01.00, потом половинная готовность со сменами по два с половиной часа до рассвета. Мы все ещё были достаточно свежи, так что я не думал, что долгие смены кого-нибудь убьют.

Когда мы, наконец, обосновались, было уже около 22.00. Я очень не хотел передвигаться по району разведки и обустраивать НОП в темноте, не разведав полностью окружающую местность, но другого выбора у нас не было.

Килберн, Хиллмен, и я взяли на себя первую смену с 01.00 до 03.30. Я поручил Килберну наблюдать за джунглями к юго-востоку и Хиллмену – отслеживать растительность к северо-востоку, в то время как сам подполз к берегу реки, чтобы следить, не попытается ли какая-нибудь лодка прокрасться в темноте мимо нас.

Около 02.30 мы услышали звук мотора, приближающийся сверху. Маленький движок, должно быть, на моторном сампане, идущем вниз по течению. Я отполз назад, чтобы разбудить Муноза и Гроффа. Шварц уже проснулся. Двигатель, похоже, был в доброй сотне метров выше по течению, и, казалось, уверенно двигался в нашем направлении. Я прижал палец к губам, давая всем знак оставаться неподвижными и хранить молчание.

Внезапно, сампан сбавил обороты и повернул к нашему берегу метрах в тридцати-сорока выше по течению. Двигатель выключили до того, как лодка коснулась берега. Мы замерли, пытаясь расслышать хоть какой-нибудь звук, указывающий на действия противника. Прошло полчаса, но мы так ничего и не услышали. Как будто река просто поглотила их. Они знают, что мы тут? Что происходит?

Они не могли пройти мимо нас. Я продолжил наблюдать за рекой.

Я прошептал Мунозу, чтобы тот связался с базой огневой поддержки «Кирпич» и те держали наготове 105-миллиметровки. Я хотел, чтобы по запросу они положили первый снаряд «вилли-питер» посередине реки в пятидесяти метрах к югу от нас. Если на нас нападут в нашем узком укрытии, у меня будет чертовски мало времени на корректировку огня. Кроме того, он связался с ротой, отправив им доклад о текущей обстановке. Весь остаток ночи группа провела настороже. Ничего не случилось, притом мы так и не услышали, чтобы сампан отплывал. Инстинкт подсказывал мне, что, вероятно, его обитатели вытащили лодку на берег, а потом ушли пешком через открытую местность на восток или отправились вдоль кромки леса на юг. Они точно не проходили мимо – ни по реке, ни по тропе.

Нам нужно было точно знать, что они делали, так что, когда солнце, наконец, взошло, я передал по цепочке, что нам надо будет прочесать местность по ту сторону тропы. Мы сняли Клейморы и зачистили место стоянки, вернув ему первоначальный вид. Потом мы развернулись в цепь, держась

в трёх метрах один от другого. Шварц обеспечивал левый фланг, а я – фланг со стороны реки. Мы медленно выдвинулись к тропе и остановились, прислушиваясь. Ничего. Мёртвая тишина. Мы выждали пять минут перед тем, как осторожно переступить тропинку и углубиться под деревья. Сампан, если он все ещё был там, должен был находиться всего в двадцати-тридцати метрах впереди. Мы продвинулись ещё на десять метров, после чего я просигналил группе остановиться.

Я жестом указал Шварцу оставаться позади вместе с Гроффом, Хиллменом и Килберном, в то время как мы с Мунозом медленно пойдём вперед, разведывая джунгли. Через десять метров, мы нашли естественную впадину, идущую на юг параллельно реке. Я никогда не видал ничего подобного во Вьетнаме, она напомнила мне старую закрученную просёлочную дорогу наподобие тех, на которые я часто наталкивался, охотясь на оленей у заброшенных ферм дома, в Миссури. Она была около трёх метров шириной и примерно на метр глубже своих густо заросших лесом краёв.

Я попятился на несколько футов, понимая, что это идеальное место для засады. Протянув руку,

я взял у Муноза гарнитуру и связался со Шварцем через рацию Килберна. Я прошептал, чтобы он брал остальную часть группы и обходил впадину слева, в то время как Муноз и я двинемся справа. Он должен будет дважды нажать на тангенту, когда они будут на месте. Через пять минут он просигналил, что они готовы. Мы с Мунозом свернули вправо и медленно двинулись, держась под прикрытием окаймляющей впадину растительности.

Дважды нам пришлось пересекать открытые участки, лежащие на берегу реки. Если кто-нибудь ведёт наблюдение с другого берега реки, он не сможет нас не заметить. Шварц подал сигнал тангентой и прошептал, что они нашли укрытый в растительности с левой стороны впадины большой бункер и недавно построенный односкатный навес. Я сказал, чтобы он оставался на месте, а мы, дойдя до конца «дороги», повернём к ним. Мы выйдем к ним с юга. Я предупредил, чтобы он проверил, знают ли остальные члены группы, с какого направления мы будем подходить.

Муноз и я продолжили двигаться вдоль зарослей одноярусных джунглей и бамбука. Скользя взглядом по берегу, я заметил небольшую песчаную

косу, уходящую в воду на пять или шесть футов. Я увидел место, в которое кто-то направил маленькую лодку, а потом вылез из неё, наступив на мягкий песок. Следы не вели к берегу. Кто бы ни причалил к косе, он передумал, столкнув лодку обратно в реку. Как им удалось не услышанными уйти обратно вверх по реке?

Через тридцать метров впадина кончилась. Она резко сужалась к месту, где заканчивалась растительность. Мы с Мунозом развернулись и пошли обратно на север, осторожно связавшись со Шварцем, и сообщив ему о нашем приближении.

Когда мы дошли до их позиции, ЗКГ показал бункер и навес. Бункер размером шесть на десять футов не был рассчитан на ведение боя. Его, похоже, построили для защиты обитателей от обнаружения с воздуха. Навес был сделан из грубо связанного бамбука. Его, судя по всему, построили неделю или две назад. Открытой стороной он был обращён к зарослям, окаймляющим «дорогу».

Обе постройки были пусты, хотя и имели признаки недавнего использования. Мы сделали несколько снимков камерой, выданной разведотделом. Это была их плёнка, и мы решили, что можем

дать и им взглянуть на что-нибудь. Я сказал, чтобы остальная часть группы находилась возле бункера, пока мы со Шварцем вернёмся, чтобы сфотографировать тропу и переправу.

Вернувшись к группе, мы двинулись сквозь деревья на юг, к местонахождению другой переправы, обнаруженной во время облета. Нам потребовалось шесть часов, чтобы, используя все возможные укрытия, пройти отделявшие нас от места 1200 метров. Было почти 16.00, когда мы, наконец, добрались до него.

Тропа, отходящая от реки, была старой и заросшей. Я рассмотрел возможность вернуть группу к первой переправе и провести последнюю ночь нашего выхода, засев на ней, но отверг её, решив, что это будет безрассудно. Мы с Мунозом были слишком близко к берегу реки и, весьма вероятно, выдали группу. Если мы были замечены NVA, этой ночью они могли придти разыскивать нас. Среди растущих вдоль реки деревьев было не так уж много мест, где бы мы могли укрыться.

Я подумал о возвращении к бункеру и устройстве в нем НОП. Такого от нас точно не ждут, и у нас, по крайней мере, будет какое-то укрытие на случай

нападения. Я спросил себя, что бы я сделал, будучи командиром взвода NVA и наблюдая группу американских рейнджеров, патрулирующих узкую полосу джунглей по ту сторону реки. Я решил, что буду, вероятно, ждать до темноты и с большей частью взвода прошмыгну через реку по северной переправе. Потом я послал бы через старую южную переправу отделение, чтобы использовать его в качестве заслона. Когда все окажутся на местах, я разверну первую группу в цепь и начну прочёсывать заросли в южном направлении до тех пор, пока не вступлю в контакт с собаками-янки, или не выгоню их на свой заслон. Так или иначе, я, скорее всего, забью всю группу рейнджеров.

Чем больше я раздумывал над этим, тем больше становились мои опасения. Мы выполнили нашу задачу. Противник пользовался северной переправой. Южная была заброшена. Мы нашли то, что выглядело как лагерь для ночёвки отделения, и сфотографировали все это. Мы даже установили, что там был какой-то гук-призрак, посреди ночи носящийся на сампане вверх-вниз по реке. Не было никакого смысла оставаться тут ещё на одну ночь.

Я решил выйти на связь и запросить эвакуацию на закате. Проводить вторую ночь в том же перелеске будет контрпродуктивно и исключительно опасно. Капитан Экланд всегда предоставлял командирам групп решать, когда, по их мнению, они находятся в опасности или раскрыты. Когда я передал запрос на эвакуацию, новый ротный пожелал узнать причину. Когда я доложил ситуацию, он ответил, что причина является неприемлемой, и мы должны продолжать выполнение задачи. Нас эвакуируют в 09.00 утра, как предполагалось.

Что за дерьмо! Долбаная кучка тыловых крыс! В роте L так дела не делаются, сэр. Мы находимся там, где куётся железо, и эти решения должны приниматься здесь. Вот что мне следовало бы сказать, но я решил проявить некоторую дипломатичность и оставил свои мысли при себе. Я оттянул группу прочь от реки в самые густые заросли, которые нам удалось найти. Впрочем, в них и писающему муравью от солнца не спрятаться.

Мы установили три Клеймора и устроились дожидаться темноты. Она наступила так, как это обычно бывает в джунглях – короткие сумерки, когда солнце опускается за горизонт, а затем непро-

глядная чернота. Я знал, что у нас есть около часа на то, чтобы что-нибудь сделать, прежде чем нас вновь выдаст взошедшая луна. Я дал новичкам команду снять Клейморы. Когда они были уложены, я повёл группу через открытую местность к лежащему к востоку перелеску. Я не знал, куда мы направляемся, и с чем придётся столкнуться, но сейчас все что угодно было лучше, чем та узкая полоска джунглей.

Через сотню метров, мы наткнулись на то, что, в темноте было похоже на гигантскую женскую грудь. После более близкого осмотра мы обнаружили, что это был один из многочисленных бесплодных холмов, усеивавших равнину между рекой Благовоний и берегом моря. Холмик возвышался над окружающей местностью примерно на десять-пятнадцать футов. Это нам подходит. На востоке вставала луна. Я остановил группу и переместил их на другую сторону холма. Мы не укрывались в его тени, я просто хотел поместить его между нами и рекой. Устроив тесный, маленький периметр, мы установили все восемь Клейморов.

Холм обеспечивал некоторую защиту со стороны прибрежного перелеска и дал нам повышен-

ное чувство безопасности, которого мы не ощущали на протяжении этих двух суток. Если NVA двинутся к нам со стороны реки, то у нас, по крайней мере, будет что-то впереди. Если же они решат атаковать нас с тыла, то окажутся на ещё более открытом месте, чем мы. Я разместил на вершине холмика охранение, распорядившись наблюдать за рекой и лежать не шевелясь, чтобы не силуэтироваться на фоне неба.

Через пару часов, я послал наверх второго человека, наблюдать в сторону востока, дав знать, что поменяю обоих около полуночи. Мне не нравилось так надолго оставлять кого-либо в охране, но это минимизирует передвижения. Я полагал, что два человека, лежа рядом, должны суметь удержать друг друга от сна на протяжении пары часов.

Было почти 02.30, когда меня разбудил соскользнувший с холма Килберн. Когда я спросил его, что случилось, тот уверенно ответил, что видел свет в перелеске, где мы были раньше этим вечером. Он не мог сказать точно, но полагал, что это была спичка или зажигалка. Вспышка длилась слишком долго, чтобы быть светлячком.

Я спросил, видел ли её Джим, но он ответил, что вряд ли, поскольку тот смотрел в другую сторону. Я приказал ему будить остальную часть группы и передать им, что остаток ночи все должны находиться в полной готовности.

Пока он выполнял мои инструкции, я вскарабкался к Шварцу и спросил его, видел ли он что-нибудь. Тот ответил: «Нет, я наблюдал за местом, где он, по его словам, видел это, но ничего не увидел». Я сказал, чтобы он на всякий случай оставался настороже и сполз обратно к остальной части группы.

«Килберн, отправляйся и продолжай. Будь внимателен. Если устанешь или начнёшь засыпать, спускайся, чтобы кто-нибудь заменил тебя». Он что-то видел, или это была лишь игра его воображения? Такое случалось и с парнями, не столь зелёными, как Килберн. Или это NVA, разыскивающие нас в зарослях? Кто-то из них, обнаружив, что мы давно ушли, с отчаяния зажжёт сигарету? Если бы мы остались на той старой НОП, лежали бы мы сейчас мёртвыми среди перелеска? Это были вопросы, ответа на которые не последует никогда.

Мы не двинемся с места, пока в 09.00 за нами не прибудет эвакуационный борт. В свете вста-

ющего солнца не было видно никакого движения или каких-либо признаков того, что ночью кто-нибудь находился в перелеске. Так это и оставим. Никому из нас не требовались доказательства. Мы были живы! Вот и все, что имело значение. Я подумал было, взяв одного человека, вернуться обратно, просто для пущей уверенности, но вероятность наткнуться на засаду или ловушку лишь ради удовлетворения собственного любопытства делала риск не стоящим.

Ротный вышел на связь в 08.50, сообщив, что будет через пять минут. Мы дали ему наши координаты и принялись ждать, пока не услышали звук двух Хьюи, несущихся вдоль реки в нашем направлении.

Когда мы заметили в двухстах метрах ниже по течению приближающие вертолёты, Шварц бросил зелёную дымовую гранату. Они, казалось, на мгновение заколебались, а потом развернулись над перелеском, облетев нашу позицию. Вертолёт управления набрал высоту и, прикрывая нас, встал в круг примерно на пятистах футах, в то время как эвакуационный борт проскользнул к нашему холмику с севера и приземлился. Я завопил: «Пошли, пошли, пошли», и мы вшестером вскочили и бросились в кабину.

Приземлившись в расположении роты, мы все отправились под навес дежурки для опроса. Первый вопрос ротного был: «Что вы делали в стороне от воды? Вам было положено следить за рекой».

Я ожидал такой реакции и подготовил историю, которая, как я надеялся, удовлетворит его. «Сэр, мы ждали эвакуации на нашей НОП, когда усилился ветер. Я подумал, что пилотам будет проще, если мы переберёмся на открытую местность, а не будем заставлять их приземляться где-то среди всех этих деревьев».

Он на мгновение задумался над моими словами и решил, что действительно не может найти изъянов в моем оправдании, после чего быстро перешёл к собственно опросу. Пока Шварц отвечал на какие-то вопросы об обнаруженной нами тропе и следах, которые мы нашли, двигаясь вверх по реке, я принял решение опустить любые упоминания о свете, виденном Килберном предыдущей ночью, и своих подозрениях относительно происходившего в перелеске. Ему стало бы понятно, что моя первая история была сфабрикована. Когда опрос закончился, я отправился к себе в казарму, проклиная себя за то, что начал со лжи, а затем,

чтобы прикрытие не развалилось, утаил то что, возможно, было важной разведывательной информацией. Если бы ротным был капитан Экланд, такой проблемы просто не возникло бы. Его политикой было всегда оставлять принятие решений на земле на усмотрение командира группы. Новый ротный был совершенно другим. Он пытался руководить группами из расположения роты, одобряя или отвергая решения командиров групп без учета того, что происходит на месте. При таком подходе это лишь вопрос времени, когда кто-нибудь из нас заплатит за его нехватку здравого смысла.

1 марта 1969

Я сидел в «рейнджерской ложе», потягивая холодную Пепси (до 18.00 действовали ограничения на Шлитц и Беллентайн), и рассуждая сам с собой, каким крутым сукиным сыном я стал – в конце концов, разве я не получил собственную группу, будучи всего лишь специалистом четвёртого класса? И, черт возьми, даже не побывав в школе Рекондо.

Услышав, как хлопнула закрывающаяся фанерная дверь, я обернулся и увидел Тима Лонга, ротного писаря, стоящего у входа с восемью листка-

ми бумаги в руке. Он улыбнулся и подошёл ко мне, вручив то, что оказалось приказом, производящим меня и семерых других специалистов четвёртого класса роты L в звания сержантов категории E-5. Я мгновенно забыл о самокопании, которым занимался несколькими минутами ранее. Наконец-то я стал сержантом, настоящим NCO. Проведя в армии семнадцать месяцев, я наконец ощутил себя чем-то большим, нежели просто имя в чьём-то гребаном списке. Больше никаких нарядов на кухню и сжигание дерьма. Наконец, я смогу пить пиво в сержантском клубе. Я как-то сразу позабыл о том, что там с моим рапортом о поступлении в офицерскую школу. В тот момент получение сержантского звания, казалось, удовлетворило все мои амбиции.

Я услышал, что нам поручили обучить группу инженеров-саперов искусству спуска по верёвке с вертолета Хьюи. Какой-то большой шишке из штаба дивизии взбрело в голову, что наши парни смогут обустривать базы огневой поддержки гораздо быстрее и эффективнее, если инженерный взвод со всем своим оборудованием можно было бы высадить с вертолётa на вершину заросшей трехъя-

русными джунглями горы прямо посреди «индейской территории».

За три-четыре часа инженеры, с помощью бензопил и взрывчатки расчистили бы поляну, достаточную для приёма транспортного вертолётa СH-47 «Чинук». А в течение двадцати четырёх часов бедным сапёрам предстояло выполнить работу по постройке бункеров, рытью траншей, обустройству вертолётной площадки со стальным настилом, огневых позиций для минометов и гаубиц, и даже внешнего периметра с «путанкой» и колючей проволокой. Потом, после ночного отдыха, они смогут выйти за проволоку и расчистить от джунглей полосу шириной в пятьдесят-сто метров, чтобы обеспечить простреливаемое пространство для пехоты и артиллеристов, которым предстоит занять базу.

Раньше инженерам приходилось карабкаться на вершину вместе с пехотой, или надеяться, что в окрестностях вершины найдётся воронка достаточного для посадки Хьюи размера. Пешее восхождение было всегда опасным и утомительным занятием, и отнимало много времени. А высадка на открытое место – естественного или искусственного происхождения – часто вела к тому, что инже-

неров уже ждали представители «северовьетнамского комитета по встрече переселенцев». Будучи вооружённым лишь бензопилой, очень сложно отбиться от хорошо спланированной засады.

Тренировка уже началось, когда я, наконец, решил покинуть «ложу» и спуститься на вертолётку, собираясь застать заключительную часть шоу. Хьюи как раз оторвался от площадки и прямо над асфальтом. Я увидел сержанта Бернелла, вывесившегося спиной вперёд из двери кабины с правой стороны вертолёта.

Площадку окружили пятьдесят или шестьдесят рейнджеров и, наверное, вдвое больше инженеров, желающих посмотреть демонстрацию. Поскольку под вертолётком не висело никаких веревок, я предположил, что Бернелл для вящего эффекта решил исполнить перед ничего не подозревающими инженерами «прыжок со слабиной». Даже обыкновенный быстрый спуск по верёвке из вертолёта, висящего на высоте 120 футов, представляет собой довольно захватывающее зрелище. Обучаемые получили бы должное впечатление, просто увидев, как это исполняет старый мастер. Но нужно знать сержанта Бернелла, чтобы понять, что он вытворит.

Он собирался показать рейнджерский способ спуска из зависшего вертолѐта.

Общего в обычном скоростном спуске по верѐвке и «прыжке со слабиной» примерно столько же, как в парашютных прыжках: с принудительным раскрытием купола и со свободным падением – только с высоты чуть больше тысячи футов. При спуске с вертолѐта стандартным способом сначала нужно пропустить спусковую верѐвку, закреплѐнную за расположенное на полу вертолѐта анкерное кольцо, через карабин на поясной обвязке типа «швейцарское сиденье». Затем обернуть ходовой конец вокруг коренного, и снова пропустить его через карабин. Получающегося трения будет достаточно, чтобы не дать силе тяжести в полной мере воздействовать на ваше тело и влечь его в землю со скоростью около 120 миль в час.

Сама по себе петля вокруг карабина уменьшает скорость полета примерно на 50%. Но, к сожалению, даже на такой скорости человеческое тело не в состоянии выдержать взаимодействие с твердым объектом. Но однажды некий изобретательный молодой искатель приключений обнаружил, что если взяться свободной рукой за верѐвку

и крепко прижать её сзади по центру поясницы, образуя дополнительное сопротивление, которое будет действовать как аварийный тормоз, и потом можно будет управлять спуском, регулируя силу сжатия одетой в перчатку руки. Комбинация этих двух способов позволит спуститься с зависшего вертолёта с большой, но контролируемой скоростью, и потом затормозить перед самым приземлением, сделав касание достаточно комфортным, чтобы пережить его без травм.

Однако существует вероятность оказаться уязвимым для огня стрелкового оружия, открыто спускаясь с вертолёта. Если такое случится, возможно, ранения, причинённые последующим неконтролируемым падением на землю, окажутся куда легче, чем последствия пробития тела роем выпущенных из АК смертоносных оболочечных пуль.

Как только эта теорема была доказана полевой практикой, стало очевидно, что требуется какое-то альтернативное решение. К нашему счастью, элита из Сил Спецопераций быстро решила проблему и придумала ответ – «прыжок со слабиной». В самом первом приближении «прыжок со слабиной» не слишком отличается от выполне-

ния обычного скоростного спуска по верёвке, кроме одного небольшого момента. Спусковая верёвка крепится к карабину не в нескольких футах от места её крепления к полу кабины, а в семидесяти пяти – восьмидесяти футах дальше.

Вся прелесть этого нововведения состоит в том, что ты фактически свободно падаешь до тех пор, пока не выберешь всю слабину верёвки. Легко предположить, что на протяжении этих семидесяти пяти – восьмидесяти футов под воздействием силы тяжести ты, скорее всего, разгонишься, достигнув скорости порядка 75 миль/час. Когда слабина верёвки между местом её крепления к полу вертолёта и расположенным чуть ниже пупка карабином будет выбрана, ты испытываешь внезапное, мощное, но краткое сотрясение всего организма, сосредотачивающееся, прежде всего, в плечевом суставе тормозящей руки.

Если внимательно следить за демонстрацией техники «прыжка со слабиной», очевидно, несложно понять, что если позволить петле верёвки скользить через карабин, забирая большую часть начального рывка, а потом постепенно погасить остаток, сильно, но постепенно тормозя, есть весьма непло-

хие шансы, что твоё плечо не выскочит из сустава с треском и жуткой болью. Такое часто случалось, если прыгающий тормозил слишком резко и сильно. Это вело к немедленной остановке тормозящей руки, но мало способствовало замедлению тела в целом.

Однако вернёмся к сержанту Бернеллу. Увидев, что он стоит в проёме двери спиной к нам, и под Хьюи не висит никаких верёвок, я сразу понял, что он собирается выполнить «прыжок со слабиной». Я знал, что рейнджеры должны были показать инженерам, как спускаться по верёвке, а не прыгать. И я решил, что старина Берни просто собрался установить критерий, по которому рейнджеров оценивают их коллеги. Он решил показать этим инженерам, что вещи, которым они вскоре будут учиться – детский лепет в сравнении с тем, чем мы обычно занимаемся.

Я был несколько удивлён: когда он соскочил с лыжи, вертолёт поднялся над землёй всего лишь где-то на семьдесят пять футов. Обычно мы прыгали со 100-120 футов. Дело в том, что выбрать слабину верёвки нужно, когда останется еще 20-40 футов высоты. Так что тут что-то пошло не так! Берни

выполнил превосходный «прыжок со слабиной». На отделении он был в вертикальном положении и плотно сгруппирован. Он сохранял это положение до последней доли секунды перед тем, как удариться об асфальт вертолётной площадки. Должно быть, в тот самый момент он понял, что у него слишком много слабины (или мало высоты – в зависимости от того, с какой стороны посмотреть).

Взводный сержант показал, что на самом деле является профессионалом. Ударившись оземь, он выполнил одно из самых классических приземлений по-парашютному, какое я когда-либо видел. Он приземлился на носки, перенёс вес на правую ногу, а потом перекатился через правое бедро и бок, распределяя силу удара по всему телу. Это движение спасло его жизнь!

Когда я добежал туда, над ним уже склонилось четверо. Док Проктор, один из ротных медиков, был там, пытаясь удержать тяжело раненого сержанта от движений, пока не прибудет медицинская вертушка. Было видно, что Берни испытывает страшную боль. Док сказал, чтобы мы держали корчащегося НСО. Судя по виду его голеней и бёдер не было никаких сомнений, что у нашего малень-

кого сержанта серьёзно повреждены нижние конечности и, возможно, таз.

По прибытия медэвака прошло, должно быть, минут пятнадцать. Чтобы облегчить боль, Берни сделали укол морфия, а потом привязали к деревянному щиту на время перелёта до госпиталя в Фубай. Мы не знали, выкарабкается он или нет. Похоже, в лучшем случае, его военная карьера закончилась. В армии не было места безнадежным калекам. Но с другой стороны, если кто и мог бы оправиться от таких травм, так это Бернелл. В конце концов, я много раз, сидя в нашем клубе, наблюдал, как Бернелл и Джонни Куик разгрызают бритвенные лезвия, стаканы и шестидесятиваттные лампочки. Бернелл шутил, что обычно ест только сто-ваттные «пузыри», но сейчас сбавил обороты, поскольку вынужден следить за своим весом.

После того, как его увезли, инженеры, все еще пребывавшие в шоке от столь трагического инцидента, решили, что сегодня уже слишком поздно для проведения каких-либо тренировок. Я не мог винить их. Все, что они знали, им всего лишь продемонстрировали спуск по верёвке – в рейнджерском стиле. Окажись я в их шкуре, и решив, что именно

так нас и будут тренировать в скоростном спуске, пожалуй, всех NVA в Южном Вьетнаме не хватит, чтобы загнать меня в тот вертолёт.

Тем же вечером капитан Экланд заскочил в расположение роты, чтобы повидать нас. Будучи у нас, он любопытствовал, не хотел бы я присоединиться к нему в штабе дивизии в качестве оперативного сержанта. Черт, это было заманчиво. Но я не мог представить себя в роли тыловой крысы.

2 марта 1969

На утреннем построении нам передали, что специалист четвёртого класса Джексон находится в Японии, в госпитале Кэмп Зама. Он впал в кому после ранения спятившим «вишенкой» из группы Соерса несколько недель назад. Операция сохранила ему жизнь, но не исправила повреждений. Если он и выживет, то останется парализован ниже пояса. Почти все в строю склонили головы и вознесли молитвы за нашего раненого товарища.

После обеда я вылетел беллименом в составе «розовой команды» кавалеристов. «Розовые команды» были вертолетными группами «охотников-убийц», специализирующимися на поиске и уни-

чтожении вражеских лагерей, бункеров, транспортных средств, складов продовольствия и узлов связи. Команда состояла из одного-двух разведывательных вертолётов «лоч», Хьюи-слика со свернутой веревочной лестницей и седлом Макгвайра, и пары «Кобр» – ганшипов.

Слик и пара ганшипов должны идти на пяти-семи тысячах футов, в то время как стремительные «лочи» шастали над самыми верхушки деревьев в поисках всего, выглядящего неестественно. Найдя что-то, они обычно обстреливали это из пулемёта М-60 или сбрасывали туда «вилли-питер». Если они не могли с этим справиться сами, то отмечали место дымом или «вилли-питером» и оттягивались, давая «Кобрам» возможность уничтожить то, что напугало их маленьких собратьев.

Слик оставался кружить в вышине, присоединяясь к драке лишь для спасения экипажа другого вертолёта, если тот сбивали. Я пару раз летал в «розовых командах» с капитаном Экландом и штабсержантом «Контактом» Джонсоном. Их обоих это возбуждало, а я, Билл Марси или Рон Ракер обычно отправлялись с ними беллименами. Мне ни разу не выпадало возможности в чем-либо поучаство-

вать, а Ракер однажды был с ротным, когда они нашли и уничтожили пятитонный грузовик NVA, укрытый среди деревьев где-то в долине Ашау. Потом они потерялись и оказались где-то над Долиной Кувшинов в Лаосе.

Эта задача оказалась довольно возбуждающей. Мы находились в «охотничьих угодьях» уже где-то около часа, и я наблюдал, как пара «лочей» выписывает зигзаги над верхушками деревьев лежащих под нами джунглей. Внезапно я увидел, как левый «лоч» буквально встал на нос, когда бортстрелок выставил закреплённый на резиновом шнуре пулемёт в боковую дверь и принялся обстреливать что-то на земле. Другой «лоч» быстро подлетел и сбросил три «вилли-питера». Потом один из пилотов радировал, что они заметили среди деревьев четыре бункера и группу хижин. Когда они подлетели взглянуть на них поближе, из находящейся поблизости «паучьей норы» выскочил одетый в «чёрную пижаму» гук, открывший по ним огонь из какого-то старого полуавтоматического карабина.

А дальше мы наблюдали, как два «лоча» потратили десять минут, пытаясь расправиться с одним-

единственным NVA. Они попеременно зависали прямо над его «норой», пытаясь попасть из пульмётов прямо в неё. Потом они скидывали несколько гранат и отваливали в сторону, давая другому повторить попытку. И каждый раз после этого маленький мужественный вьетнамец выпрыгивал и выпускал в них по паре пуль. Наконец у них кончились патроны и гранаты. Тогда один из пилотов подвёл свой «лоч» и с высоты около десяти футов сбросил красную дымовую гранату прямо в дыру. Как только вертолёт отвалил, гук снова выскочил и сделал ещё пару выстрелов.

Две «Кобры» нацелились на красный дым и принялись разносить окрестности ракетами. Сделав по шесть проходов, они зашли вновь, на сей раз поливая джунгли огнём автоматических пушек. Расстреляв все боеприпасы к ним, они сделали ещё пару заходов, на сей раз паля из миниганов. После этого они вышли на связь, и сообщили, что у них закончился боекомплект, осталось мало горючего, и они возвращаются на базу. Мы подтвердили получение информации и дали всем добро на возвращение.

Когда мы закладывали вираж над джунглями, направляясь обратно в Кэмп Игл, из-под земли выско-

чил все тот же гук, сделавший три или четыре выстрела по нашим улетающим вертолётам. Я был в изумлении. Мы потратили, наверное, около двадцати тысяч долларов, пытаясь занести нашего маленького приятеля на счёт команды генерала Уэстморленда. А он каким-то образом выжил, продолжая пытаться записать нас на счёт генерала Гиappa. Любой, имеющий такие железные яйца, достоин восхищения! Черт, да нам стоило просто отдать ему те деньги, что мы на него потратили, и посоветовать отправиться домой и выйти в отставку. А вы знаете, это была бы неплохая идея! За двадцать тысяч долларов можно купить чертовски много риса и соуса ньюк мам. Черт, да даже пяти тысяч долларов достаточно, чтобы купить до хрена рыбного соуса и риса! Добавить сюда пару ящиков старого доброго пива Ба-Муой-Ба*, несколько фунтов опиума,

* *Наиболее распространенное в Южном Вьетнаме местное пиво. На самом деле называлось «33 Export». По-вьетнамски 33, это и есть Ва Миои Ва (дословно – «три-десять-три»). Продавалось в бутылках коричневого стекла емкостью 0,33 литра. Заявленное содержание алкоголя составляло 3,3% (говорят, отсюда и происходило его название «33»). Пиво было весьма дрянным на вкус, но пользовалось большой популярностью, по-*

вязанку благовонных палочек, чернозубую мамасан, и он впереди собственного визга ускачет обратно по тропе Хошимина.

Нам надо бы разбрасывать листовки над джунглями – примерно как в рамках программы Чухой: ЗАБЕРИТЕ СВОИ СЕМЬИ, БРОСЬТЕ ВАШЕ ОРУЖИЕ, И ПРАВИТЕЛЬСТВО США ОТКРОЕТ ВАМ БАНКОВСКИЙ СЧЕТ НА 5000\$. МЫ ДАДИМ ВАМ ЕЩЕ КУЧУ ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ И ДАЖЕ ЗАБРОНИРУЕМ ДЛЯ ВАС И ВАШИХ ЛЮБИМЫХ БИЛЕТ В ЛЮБУЮ СТРАНУ ТРЕТЬЕГО МИРА. ВЫ СМОЖЕТЕ ПРОВЕСТИ ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ КАК КОРОЛИ! С учетом того, сколько денег мы тратим во Вьетнаме каждый год, на то, чтобы купить победу, понадобится, пожалуй, дней тридцать.

Давайте посмотрим. Если мы потратим пять миллиардов в год и если считать по \$ 5000 на одного

сколько было очень дешёвым и продавалось практически повсюду – бутылку можно было получить всего за несколько центов. В настоящее время «подлинное» вьетнамское пиво «33» прекратило существование. То, что имеется на рынке, производится во Франции компанией «Хейнекен». Во Вьетнаме же продается пиво «333» (Баба-ба). На самом деле это одно и то же пиво... (прим. перев.)

NVA, то мы сможем избавиться от миллиона за год. Черт, давайте будем щедры – дадим каждой семье по \$ 15000 в год. В конце концов, мы же американцы, не так ли? Ладно, все это – лишь благие пожелания. Даже если они и имеют смысл. С другой стороны, стоит заставить южновьетнамскую армию сражаться хотя бы вполовину мужественнее, и мы все сможем отправиться домой, предоставив им выиграть войну.

Дополнительным плюсом этих дополнительных полётов было то, что я смог получить достаточно часов налёта для квалификационной Лётной Медали ВВС и мне оставалось лишь двенадцать часов, чтобы получить вторую.

3 марта 1969

Кто-то нарыл несколько реально крутых порнушных фильмов и прошёл слух, что их будут крутить поздним вечером в казарме у Миллера. На четырёх койках в дальнем конце помещения нас угнездились человек сорок. Порнуха была весьма крута и низкопробна. В особенности один эпизод, где грузная, жутко большегрудая искусственная блондинка отсасывала у маленького тощего дерьмеца

с совершенно отсутствующим подбородком, единственным достоинством которого был хрен, похожий на 60-миллиметровую миномётную мину.

Все ржали и отпускали соленые шуточки по поводу «Блондинки Берты», способной отсосать у миномёта, когда вошел штабной лайфер, пробывший в роте всего пару месяцев и сказал, «Вот бя! Да будь я проклят, если стану трахаться с бабой, берущей в рот такие штуки!»

Кто-то из сидевших ближе язвительно заметил: «Сардж*, чтоб тебя! Ты сколько провел в этой стране?»

В лавку наконец-то завезли нашивки с новым обозначением подразделения: «L Co, 75th Inf. RANGER». Они были черно-красные и смотрелись реально круто. Было тяжело спарывать старые черно-жёлтые нашивки LRP. Они были для нас предметом гордости. Я положил свои нашивки LRP в конверт и отправил их Барб.

Теперь у нас были новые опознавательные знаки, и нам нужно будет вновь завоёвывать репутацию. Подобно нашим чёрным бейсболкам, ни один из на-

* Сокращенно-неофициальное от слова «сержант»: *sarge – sergeant* (прим. перев.)

шивок не была утверждена официально. Не то, чтобы это имело большое значение. Большинство парней, уходя на дембель, покупали чёрные береты, чтобы носить их дома. На них тоже не было официального разрешения, но все в ротах рейнджеров старались их заиметь.

4 марта 1969

Около сорока наших отправились в расположение MACV SOG к северу от Фубай попрактиковаться в спусках по верёвке с имеющихся у них шестидесятифутовых вышек. Их лагерь был больше известен под наименованием FOB 1 (Передовая База Наблюдений № 1). Он находился к востоку от Шоссе № 1, чуть севернее аэропорта Фубай. Мы ни разу не видели, чтобы там размещалось много американцев – вместо этого на огневых позициях и в бункерах там постоянно околачивалось множество улыбающихся, сверхдружелюбных вьетнамцев.

Это место было настоящей крепостью. Не хотел бы я оказаться сапером NVA, получившим задачу пробраться на базу. Мне очень нравились спуски по верёвке с вышек FOB 1. С одной стороны они были открытыми, чтобы имитировать спуск

с вертолѐта. Другая сторона была обшита листами дырчатого металлического настила, которые парни из SOG потырили с соседней авиабазы. Таким образом, получилась прекрасная поверхность для отработки спуска по стене здания или скальной стене.

6 марта 1969

После обеда у нас случилось неожиданное развлечение. Первый сержант сообщил, что через час в распоряжение роты прибудет парочка «пышечек» из Красного Креста. Нам надлежит предстать перед ними в лучшем виде. Любой, застигнутый за попыткой заигрывать, прикоснуться, крутить хвоста или предпринять в отношении какой-либо из девушек что-либо, начинающееся на «х», «п» или «ё», будет отдан под трибунал, повешен, расстрелян и кремирован. Этого не произойдѐт лишь в случае, если он до этого был канонизирован, кастрирован, произведѐн в офицерский чин или награждѐн Медалью почѐта Конгресса – в этих случаях будет сделано исключение.

Ожидая от наших крутых, измученных воздержанием, неотесанных рейнджеров самого худшего, я был совершенно изумлѐн, увидев, как они вдруг

превратились в группу куртуазных, манерных и учтиво-вежливых джентльменов. Мы послушно уселись в кружок возле складской палатки и принялись играть в «эрудит», «угадай слово» и «двадцать вопросов». Мы были слишком смущены, играя в эти дурацкие игры, чтобы протестовать. Никому не хотелось нарушать ход дела первым. Так что мы, подобно пай-мальчикам сидели, страдая от жажды, пока эти две девушки рассыпались в комплиментах о том, какие мы милые ребята. Если противник когда-нибудь узнает об этом, наша репутация пойдёт по цене дерьма.

Прошёл слух, что вечером шестого числа находящийся на Центральном Нагорье лагерь Сил Спецопераций подвергся нападению NVA при поддержке лёгких танков советского производства. Атака, вроде бы, была отбита, при этом было подбито несколько танков. Это был первый случай использования противником бронетехники, о котором мы услышали со времен разгрома лагеря Лангвей во время Тета 68-го года.

Одна из наших групп, находившихся в начале ноября в Ашау, слышала, как ночью какая-то гусеничная машина двигалась вдоль долины. Было слож-

но поверить, что NVA смогли бы провести танки через эти джунгли настолько скрытно, чтобы их не обнаружили группы наших рейнджеров и Сил Спецопераций. Если Никсон пойдёт на обещанный им вывод войск, в течение нескольких следующих лет Вьетнам ждёт кровопролитие, которое сможет поспорить с чистками в СССР. Южновьетнамские вооружённые силы никоим образом не смогут противостоять NVA. Им не хватит духу, а их правительство и изрядная часть военных были безнадёжно коррумпированы.

Первый Сержант Карден сообщил нам с Филом Мейерсом, что мы вряд ли получим производство в офицеры, поскольку ни один из нас не прослужил достаточно времени в ранге E-5. Похоже, прошедшие пять лет были одной безуспешной попыткой получить офицерское звание. Я знал, что после дембеля смогу получить направление в офицерскую школу, но понимал, что никогда не смирюсь с придирами со стороны какого-нибудь «гологрудого»* инструктора, не выдавшего никаких боев кроме тех, что проходят на арене в Финикс-сити, и в результате очень скоро окажусь в кутузке.

* *Военнослужащий, не имеющий боевых наград, планки которых носят на груди (прим. перев.)*

Ну да ладно, я сделал все, что мог. Если я окажусь не нужен армии, то вернусь к обучению согласно закону о правах военнослужащих, и получу степень в менеджменте или юриспруденции.

7 марта 1969

Сразу после возвращения с обеда в казарму в поисках добровольцев ворвался штаб-сержант Боумен – наш новый взводный сержант. Нужно было спуститься по верёвке на склон горы где-то южнее Кэмп Игл для спасения экипажа упавшей в джунгли «Кобры» и «лоча» с тремя офицерами на борту, разбившегося неподалеку в попытке найти место падения ганшипа. Поблизости, вероятно, были NVA – «Кобра» получила несколько попаданий при нанесении удара по группе бункеров. «Лоч», похоже, упал из-за технических неполадок. С него не сообщали, что по ним стреляли.

Район, где потерпели крушение «Кобра» и «лоч», был окутан плотным туманом. Никто не видел дыма, так что у этих пяти человек были весьма неплохие шансы на выживание. На место вылетел ещё один «лоч», обнаруживший место падения «Кобры». Однако другую «птичку» он найти не смог.

Шесть наших групп уже было в поле, так что в роте оставалось мало личного состава. Двое из моих людей были в отпусках, а ещё один убыл в школу Рекондо. Я сидел, вспоминая все те случаи, когда пилоты «Кобр» и «лочей» рисковали своими жизнями, чтобы вытащить мою жирную задницу из-под огня. Да, я обязан пойти! Если я этого не сделаю, то никогда не смогу смотреть в глаза ни одному из пилотов.

Рич Фэдели вызвался пойти во второй группе.

В дивизии решили, что будет безопаснее, если одновременно высадится двенадцать человек. Поскольку в районе есть войска противника, для шести человек будет слишком сложно пытаться найти упавшие вертолётыв и эвакуировать их экипажи, одновременно обеспечивая охранение.

Моя группа высадится первой. Мы должны будем удерживать зону высадки, пока будет высаживаться группа Фэдели. Нам сказали не брать рюкзаки. Только полевое снаряжение и оружие. От высадки до эвакуации пройдёт меньше трёх часов.

Я пошёл искать добровольцев себе в группу. Вместе с Гроффом и Килберном нас было трое. Выходя из казармы, я столкнулся с Ларри Сээнзом. Он уже

был в курсе новостей и предложил взять его в состав группы спасения. Найдя Бидрона и Муноза, я спросил, не хотят ли они воспользоваться шансом отработать жалование. Оба согласились. Нас стало шестеро. Я ещё раз напомнил всем, что мы идём налегке: снаряжение и оружие – вот и все, что на нас будет. Каждый должен будет взять по дополнительной бандольере с патронами. Можно смириться с тем, что у нас кончится вода или еда – хотя это и может создать нам некоторые проблемы – однако оказаться без боеприпасов в ходе боя, это едва ли не самый быстрый из известных мне способов потерять лицензию на работу.

Муноз будет старшим радистом, Килберн – младшим. Оба рейнджера закрепили свои рации PRC-25 прямо на грузовые рамы. Муноз предусмотрительно повесил прямо под рацию баттпек, в который запихнул запасную батарею. Я сказал Килберну сделать то же самое и посоветовал взять в довершок Клеймор.

Бидрон, Сэенз, и я встретились у склада боеприпасов, чтобы взять дополнительные бандольеры. Бидрон и Сэенз прихватили по сумке с Клейморами. Я вынул одну из фляг и запихнул в освободившийся подсумок четыре гранаты.

Нужно было спешить: мы услышали, что на вертолётную площадку уже прибыли два слика. Первому сержанту Кардену и штаб-сержанту Боумену не понадобилось много времени, чтобы закрепить спусковые верёвки. В воздухе витала спешка. Через пять часов стемнеет – у нас остаётся не так уж много времени. Заскочив напоследок в казарму, я засунул в карман пару батончиков из комплекта выживания, компас и сигнальную ракетницу.

Я испытывал дискомфорт, чувствуя, что забыл что-то важное. Учитывая отведённое на сборы время, в это было нетрудно поверить. У меня были кожаные перчатки для спуска по верёвке, карабин и сделанное из верёвки «швейцарское сиденье». Я проверил, чтобы они были и у всех остальных. Ни у кого не было времени на нанесение маскировочного грима. Только Бидрон и Грофф успели надеть камуфлированную форму для джунглей. Остальная часть группы была в оливковой повседневке.

Мы оставили в казарме наши чёрные бейсболки с белыми эмблемами Рекондо, но только Бидрон и Сэенз надели панамы. Остальные разодрали на куски чью-то оливковую футболку, висевшую

перед «рейнджерской ложей», понаделав повязок, чтобы прикрыть волосы. Наверное мне стоило бы нервничать, но тот безумный порыв, с которым мы собирались и взлетали, заставил сосредоточиться лишь на том, что делалось в данный момент. О деталях можно будет побеспокоиться позже.

Группа Фэдели прибыла на вертолётку одновременно с нами. Там уже были «Контакт» Джонсон и Боумен, обоим сержантам не терпелось начать движение. Они полетят беллименами на сликах. Их заботой будет проверить, что каждый из нас правильно пристегнулся и покидает борт в должном порядке. Как только группа высадится, они должны будут как можно быстрее втянуть верёвки обратно, чтобы, они, развеваемые потоком от винта набирающего высоту Хьюи, не зацепились за лопасти. Это привело бы к катастрофе.

Прока мы толкались, натягивая обвязки, они призывали нас поторапливаться. У Килберна случилась какая-то заминка, тогда Боумен выпрыгнул из слика и помог ему справиться. Наконец мы взобрались на борт, и пара сликов немедленно взлетела, направившись на юг. Боумен прокричал мне ухо, что мы сделаем остановку на базе огневой поддержки «То-

магавк», чтобы дожидаться «Кобр» эскорта и получить свежие данные об обстановке.

Я никогда не работал к югу от Кэмп Игл, но помнил, что тот самый горный массив, что высился к западу от нашего базового лагеря, южнее Пиявочного острова поворачивал к побережью. Мы увидели появившийся в отдалении «Томагавк». Это была типичная американская база огневой поддержки. Она напомнила мне базу «Джек», что возле посадочной площадки «Салли», разве что «Томагавк» находился на чуть более высоком холме. Ни одна из этих баз не находилась собственно в горах. Они располагались в предгорьях и должны были поддерживать войска, патрулирующие окрестности.

Мы приземлились на покрытую перфорированными металлическими листами вертолётную площадку, размеров которой едва хватило для пары Хьюи. Я сказал остальным членам группы оставаться на борту, пока я не разужнаю, что происходит. Мы с Фэдели двинулись было в сторону группы офицеров, столпившихся на противоположной стороне площадки, но остановились, когда к нам подбежал лейтенант, приказавший построить группы на краю вертолётки.

Мы развернулись и дали остальным членам групп знак подойти в тот самый момент, когда над горизонтом появился «лоч». Сделав круг, он опустился между двумя бункерами по центру базы. Из него вылезли двое офицеров, направившихся в нашу сторону. Первым был генерал Мелвин Зэйс, командир 101-й дивизии, а вторым – «цыплячий» полковник* из его штаба. Это был третий раз, когда я видел генерала. Он некоторое время беседовал со мной в ноябре, при награждении меня Серебряной Звездой. Я также имел краткую встречу с ним в декабре, на отборочной комиссии на звание «солдата месяца». Я был рад, когда он взглянул на меня и кивнул. Он все ещё помнил меня.

Мы выстроились перед ним на краю вертолётной площадки. Он поблагодарил нас за то, что мы добровольно вызвались отправиться за этими двумя экипажами. Для меня не стало откровением, что все пятеро пропавших – офицеры. Трое уоррентов, капитан и подполковник. Закончив говорить,

* «Цыплятами» или «курицами» называли полковничьи знаки различия в виде орлов (в отличие от подполковничьих, представлявших собой серебряные пальмовые листья) (прим. перев.)

генерал представил нашему вниманию стоящего рядом штабного офицера. Тот также выразил благодарность за то, что мы вызвались добровольцами, и немедленно приступил к постановке задачи.

Оба упавших вертолётa находились на расстоянии двухсот метров друг от друга. «Кобра» от удара разломилась пополам и находилась в двухъярусных джунглях примерно на двух третях высоты проходящего через район крутого горного хребта. «Лоч» лежал в двухстах метрах к западу от «Кобры» и вниз по склону. Кобра была подбита во время нанесения удара по группе бункеров, как сообщалось, из 12,7-мм пулемёта. «Лоч» упал через двадцать минут, и с него не поступало никаких сообщений об огне противника. Они лишь передали, что влетают в полосу тумана, чтобы найти сбитую «Кобру». Обратнo они не выходили. Другой «лоч», прошедший ниже слоя облачности, обнаружил местонахождение «Кобры» и, после продолжительных поисков, то, что, по их мнению, было местом падения первого «лоча».

На протяжении нескольких предыдущих дней в районе наблюдалась повышенная активность противника, невзирая на то, что местность регулярно

патрулировалась несколькими пехотными ротами. Из разведотдела сообщали о нахождении в непосредственной близости двух батальонов NVA. Он также сказал, что карт для тех мест, куда нам предстоит отправиться, не существует, но будут предприняты все меры, чтобы высадить нас непосредственно на место падения.

Фэдели заметил, что без карт мы в случае контакта с противником не сможем определить координаты и вызвать артиллерийскую поддержку. Полковник ответил, что поддержку будут обеспечивать четыре «Кобры». Можно подумать, это нас впечатлит, и так и будет. Господи, у них уже две вертушки навернулось в тумане, а они хотят предложить нам воздушную поддержку! Ладно, уж коль они смогут высадить нас прямо на упавшие «птички», насколько сложным все это может оказаться на самом деле?

Мы с Фэдели решили, что высадимся одновременно, настолько близко друг к другу, насколько это сможет сделать пара сликов. Оказавшись на земле, мы соединимся и отправимся к месту падения «Кобры», полагая, что двух человек мы сможем эвакуировать быстрее, чем трёх. Кроме того, поскольку «Кобра» находится выше по склону, катящий-

ся сверху вал тумана накроет её гораздо быстрее, оставив мало времени на эвакуацию экипажа ганшипа прежде, чем он полностью окутает нас.

Как только мы эвакуируем экипаж «Кобры», то спустимся по склону, двигаясь к экипажу «лоча». Хотелось бы надеяться, что к тому времени, как мы доберемся туда, слой тумана все ещё будет держаться выше нас, позволив Хьюи вернуться и забрать всех до того, как погодные условия ухудшатся настолько, что полеты станут невозможны.

Мы спешно погрузились в два слика и вылетели, направляясь к горам на юго-западе. План выглядел неплохо. Пожалуй, если не придётся столкнуться с проблемами, мы сможем высадиться и вернуться обратно через девяносто минут.

Километрах в двух от «Томагавка» к нам присоединилась пара «Кобр». Собравшись в группу, мы полетели к виднеющейся неподалеку горной цепи. По крайней мере, можно было предположить, что это горная цепь, потому что ее верхнюю половину полностью укрывал плотный вал серо-белых облаков, в котором было невозможно разглядеть никаких признаков хребта, который мы искали.

Информация, данная нам на инструктаже, была основана на устаревших данных. Нам не успеть найти и эвакуировать эти два экипажа до темноты. Было уже слишком поздно заниматься этим. Места падения были в самой глубине тех нависающих слоев низких облаков. Вертолёты начали кружить у края облачности – было непонятно, что делать дальше. Наш пилот сообщил штаб-сержанту Боумену, что для выполнения задачи погодные условия слишком плохие. Он вышел на связь с базой для получения новых инструкций. Оттуда ответили, что нам следует продолжать выполнять задачу. Мы кивнули, соглашаясь – попытаемся, если пилоты смогут нас высадить.

Пара Хьюи разошлась на сто метров друг от друга и вошла в гряды облаков на высоте, рассчитанной так, чтобы мы оказались на сотню футов выше упавшей «Кобры», если, конечно, раньше не врежемся в кроны деревьев или склон горы. Никто из нас не смел вздохнуть, пока наш вертолёт прокладывал свой путь сквозь серую пелену.

Когда мы углубились в туман, я с удивлением обнаружил, что могу разглядеть под нами что-то серое, но более тёмного оттенка. Оказалось, это были

вершины деревьев, едва виднеющиеся под нами. По крайней мере, теперь мы знали, что летим не вверх ногами. Изломанная линия джунглей давала точку отсчета, позволяющую избежать полной дезориентации. Едва войдя в облачность, мы потеряли визуальный контакт с другим Хьюи. Я точно знал, что мы двигались навстречу неприятностям.

После пары минут движения на ощупь сквозь густой, почти твёрдый слой воздуха наш пилот просигналил, что мы над местом падения «Кобры». Я выгляну за борт, и едва смог различить окутанные туманом деревья, видневшиеся в шестидесяти-семидесяти футах. «Кобру» было не видно. От джунглей, казалось, исходила какая-то жуткая, бесплотная дрожь, грозящая возобладать надо мной. Я чувствовал полнейший, неподдельный ужас и пытался справиться с приступом паники, приковавшей меня к месту. Я не мог спрыгнуть туда. В это... да не важно, что это было. Это походило на что-то из фильма ужасов. Единственно, чего не хватало – так это надгробных плит.

Боумен крикнул, чтобы мы пристегивались, и сбросил по верёвке с каждого борта Хьюи. Они, разматываясь, канули в курящуюся туманом утробу

джунглей под нами. Я встал и шагнул к краю кабины, заставляя двигаться тело, которое, казалось, потеряло способность реагировать. Я видел собственные руки, пропускавшие петлю спусковой верёвки через карабин на моей обвязке. Они делали своё дело без моего участия. Я пытался восстановить контроль: черт возьми, я обязан собрать своё дерьмо в кучу. Что я тут делаю? Единственная мысль, промелькнувшая в моей голове, была о неизвестных опасностях, которые могли подстерегать нас. Как командир группы, я буду первым.

Я не помнил, как спрыгнул с посадочной лыжи в почти осязаемый туман внизу. Я не мог даже вспомнить сам спуск. Первым воспоминанием был толчок, который я ощутил, когда тормозящая рука прижалась к пояснице, чуть выше фляжного подсумка, набитого гранатами. Я снова осознавал происходящее. Я знал, что у меня есть лишь несколько секунд, чтобы оказаться на земле, освободиться от верёвки и предоставить её следующему человеку. Я приземлился на середину хорошо натоптанной тропы шириной около шести футов. Моя кожа покрылась мурашками, когда я поспешно выдергивал конец верёвки из карабина. Мне хотелось

обернуться: что-то злое угадывалось там – подобное гигантскому саблезубому тигру, готовому к прыжку. Моё оружие было заброшено за спину. Мне было нужно иметь его в руках – сейчас, прямо сейчас! Я дотянулся и потащил его через голову, одновременно пытаюсь увидеть, что там позади меня. Я развернулся. В трёх метрах от тропы, укрытый среди растительности, находился бетонный бункер. Я ни за что не разглядел его, если бы не идущий сверху поток воздуха от ротора Хьюи.

Вокруг меня спускались остальные рейнджеры. Муноз, Бидрон и Грофф благополучно достигли земли. Один... два... три... я сам – четыре... кого нет? Я взглянул вверх и увидел Килберна, который должен был спускаться вторым по моей веревке, застрявшего в пяти футах надо мной. Сэнз стоял в проёме двери, оглядываясь в ожидании, когда Килберн закончит спуск. Из кабины появилось лицо Боумена, пытающегося выяснить, что случилось. Он дал мне знак снять Килберна с верёвки. Я инстинктивно потянулся к груди и вытащил Ка-бар, который носил примотанным рукояткой вниз на лямке полевого снаряжения. Ухватившись за болтающийся под Килберном конец верёвки,

я попытался подтянуть его и обрезать над тем местом, где он перепутался со шнуром гарнитуры радиостанции. Мне было никак не дотянуться.

Я помахал Боумену, чтобы тот сказал пилоту опустить Хьюи ниже. Казалось, прошла вечность, пока тот отреагировал и спустился на пару футов. Я смог протянуть правую руку настолько, чтобы полоснуть ножом по верёвке над головой Килберна. Сээнз немедленно отправился вниз. Зависший вертолёт, должно быть, поднялся на несколько футов, потому что верёвка Сээнза кончилась, когда он был в шести футах над тропой.

Боумен помахал рукой, и Хьюи, взмыв подобно воздушному шару, исчез в пасмурном небе. Мы слышали, как он уходит прочь от хребта, направляясь к северо-востоку, на открытую местность. Когда этот звук стих, на нас опустилась мёртвая тишина. Мы поспешили уйти с тропы в джунгли, заняв круговую оборону в пятнадцати метрах от неё. Я приказал Мунозу связаться с Фэдели, узнать, где он, и организовать наше соединение.

Он прижал гарнитуру к голове и в течение нескольких минут что-то шептал в неё, а потом обернулся и сказал, что не может установить связь.

Он попытался ещё раз, на сей раз с помощью рации Килберна, но ответом был лишь шум статики. Я не имел никакого понятия, что случилось со второй группой. Они вошли с туман сразу за нами. Даже в сплошной облачности они, пожалуй, не могли находиться дальше двух сотен метров от нас. У нас не должно быть проблем с радиосвязью.

Муноз вызвал борт управления и спросил, есть ли у них связь со второй группой. Те попросили подождать, пока они попытаются вызвать их. Через несколько секунд они вернулись на наш канал, сообщив, что те на связи, но их слышно так же слабо, как и нас. Похоже, висевшая в воздухе влага глушила наши сигналы.

С вертолёта управления передали, что Фэдели собирается пустить ракету из «сигнальной ручки», чтобы мы смогли определить местонахождение друг друга. Они дали обратный отсчёт и сообщили о моменте пуска, но мы не смогли его засечь. Я радировал, что мы сделаем одиночный выстрел, ориентируясь на который они смогут выйти к нам. Мы были в головной вертушке, и если только наш пилот не налажал, должны находиться возле упавшей «Кобры». Мы вновь дали обратный отсчёт, и я вы-

стрелил из своего CAR-15, направив его вертикально в кроны деревьев. Мне не нравилось делать это, но я знал, что засечь направление на одиночный выстрел практически невозможно – если только не ждать его специально.

Через несколько секунд нам передали, что Фэдели услышал выстрел и выдвигается в нашем направлении. Я попросил узнать азимут, с которого он идёт. Нам ответили, что Фэдели не знает. Ни у кого из его группы не было компаса. Офигенно! У нас он был, но той группе это точно не поможет. Ну что за долбанное шоу уродов! Ни карт, ни жратвы, ни подстёжки к пончо, ни репеллента от насекомых, ни переговорных таблиц, ни артиллерии, ни поддержки с воздуха... Ага, прямо точь-в-точь как обещали – через два-три часа обратно! Дерьмо, приятель! Похоже, мы пробудем здесь, пока не разойдутся облака. А это может быть несколько суток.

Прошло пятнадцать минут. Мы укрылись, ожидая услышать группу Фэдели, движущуюся сквозь джунгли. На самом деле я не знал, чего ожидать. Те парни тоже были рейнджерами. А рейнджеры не производят шума. Внезапно я услышал, как кто-то заорал: «Йо, рейнджеры!» Это был Фэде-

ли! Я не мог поверить, что он станет вопить посреди джунглей, когда поблизости есть NVA, но с другой стороны, а что ещё ему оставалось? Я крикнул в ответ: «Рейнджеры! Здесь!»

По звуку голоса казалось, что он чуть не в полукилометре, но я понимал, что в джунглях, особенно окутанных глушащим звук туманом, до него, наверное, меньше пятидесяти метров. Я решил дать им выйти прямо к нам. Если мы двинемся навстречу, будет слишком большой шанс пройти друг мимо друга и двинуться в противоположных направлениях. Чтобы успешно соединиться, нам пришлось покричать ещё пару раз.

Их поинтмен, Фил Майерс, пересёк тропу чуть выше места нашего укрытия, и они двинулись к нам вдоль нее. Не припоминаю, когда бы ещё двенадцать парней были столь рады видеть друг друга. Штаб-сержант Фэдели взял на себя общее командование объединившимися группами. Мы решили, что пилоты сликов, похоже, тормознули и высадили нас слишком далеко вниз по склону от места падения «Кобры». Они шли в нужном направлении, но не смогли правильно рассчитать расстояние.

Нам придётся выстроиться цепью с интервалом в четыре-пять метров, и двигаться вверх, пока не наткнёмся на место аварии. Если, добравшись до гребня, мы не найдём его, то пройдем пятьдесят метров вдоль него и сделаем второй проход, двигаясь вниз по склону и осматривая новый участок местности.

Мы отправились вверх по склону, не спеша и методично осматривая местность в поисках обломков. Что могло скрыть от нас такой вертолёт, как «Кобра»? Мы понимали, что найти его – лишь вопрос времени, и лишь надеялись, что найдём членов экипажа живыми.

Мы прошли, должно быть, метров сто, когда Фэдели увидел кабину и фюзеляж «Кобры». Он сообщил по цепочке о своей находке. Когда мы добрались туда, он, качая головой, стоял рядом с фюзеляжем. Фонарь был открыт, экипажа внутри не было. Трое рейнджеров из группы Фэдели остались у обломков, в то время как остальные вновь развернулись в цепь, возобновив прочёсывание местности.

Через двадцать минут нам попались ботинок и лётный шлем, но мы не нашли никаких следов двоих человек или любых других признаков их на-

хождения поблизости. Не было ничего, говорившего о том, что NVA добрались до них раньше нас. Единственный вывод, который мы могли сделать, состоял в том, что пилот и его стрелок выжили и скрываются где-то в этом районе, или пытаются выбраться отсюда самостоятельно. В конце концов, для них будет вполне естественно предположить, что пока не рассеется туман, мы не сможем предпринять никаких действий по их спасению. Нам оставалось лишь гадать, зачем один из них снял ботинок и бросил его. Он был расшнурован, как если бы у его владельца было время на то, чтобы расслабить шнуровку и спокойно снять его. Не было никаких следов крови, указывающих на ранение или травму владельца. Никто из нас не мог объяснить это.

Мы попытались отправить ситреп, но смогли связаться лишь с артиллерийской батареей на базе огневой поддержки «Томагавк». Вертолёты вернулись в Кэмп Игл. Офицер управления огнём, руководивший батареей 105-миллиметровок на «Томагавке», согласился передать наше сообщение в Кэмп Игл. Мы сообщили, что определили местонахождение «Кобры», но не нашли следов экипажа, а также рекомендовали отложить любые попытки

эвакуировать нас до следующего дня – пока не рассеется туман.

Минут через пятнадцать артиллеристы вышли на связь, сообщив, что наше сообщение передано. Наш «Шестой» (командир роты) согласился с тем, что нам придётся остаться на месте на ночь и утром ждать дальнейших распоряжений. Ни для кого из нас это не было неожиданностью, хотя определённо производило впечатление на услышавшего такое постороннего. Никто не мог ничего поделать, чтобы эвакуировать нас до наступления утра. Нам остаётся лишь надеяться, что на следующий день облака рассеются на время, достаточное, чтобы пара «птичек» могла прилететь за нами.

Мы двинулись вверх по склону. Нам не хотелось слишком удаляться от места падения, и в то же время не стоило слишком долго оставаться в непосредственной близости к нему. Нужно было найти легко обороняемое место для НОП, обеспечивающее хорошее укрытие и маскировку, и достаточно большое, чтобы там разместилось двенадцать человек.

Фэдели, Майер, и я обсудили возможность разделиться на две подгруппы и укрыться до рассвета в сотне метров друг от друга. Нас сильно беспо-

коило нахождение поблизости от широкой, хорошо натоптанной тропы, проходившей ниже по склону, и обнаруженного мною бетонного бункера. Наверняка в этом районе были ещё такие же. И, черт возьми, даже американская армия не строила тут бункеров из бетона.

В конце концов, мы решили остаться вместе. У двенадцати человек будет намного больше шансов защитит себя, чем у шести. Вскоре мы нашли ровное место, размеров которого было едва достаточно, чтобы в его пределах могли залечь двенадцать человек. Его окружало несколько больших, обвитых лианами махагониевых деревьев. Со стороны, обращённой к идущему вверх склону, был естественный бруствер, который мог обеспечить какую-то защиту в случае, если противник решит открыть по нам огонь сверху. Трава была недостаточно плотной, чтобы скрыть нас, но в густом покрывале тумана, к тому времени начавшего виться вокруг наших ног подобно струям дыма, маскировку обеспечивала сама мать-природа.

Мы не напрашивались на драку, поскольку знали, что оказались без поддержки. Без карты мы не сможем вызвать артиллерию, и никто из нас не ожидал,

что какой-нибудь пилот рискнёт полететь в то туманное варево, в котором мы оказались. Ни у кого и близко не было того количества патронов и гранат, что мы обычно брали на задания. Если придётся ввязаться в продолжительный ночной бой, нам не продержаться и часа. Все, чего нам хотелось – спокойно просидеть тут до рассвета, выполнить наше задание и свалить отсюда ко всем чертям.

Есть места, над которыми прямо таки витает зловещий дух. Мы чувствовали, что именно таковы джунгли вокруг нас. Как только сгустилась тьма, мы заползли под защиту огромных деревьев. Моя группа взяла с собой три Клеймора. Мы решили поставить по одному на каждом фланге, а третий разместить, направив вверх по склону, на предполагаемом пути нашего отхода. На случай ночного нападения и отхода поодиночке мы назначили пункт сбора на гребне прямо над нашей позицией. Мы знали, что туман опускается сверху, и дольше всего задерживается внизу, в долинах. Если утренний туман будет вести себя как положено, на вершине горы у нас будет больше шансов на спасение.

Мы установили Клеймору возле самого периметра. Большие махагониевые деревья гарантиро-

вали, что мы не пострадаем от взрывов, если придётся привести их в действие. У нас не было никакой еды кроме нескольких питательных батончиков из комплекта выживания и ещё каких-то закусок, которые мы поделили между собой. Если придётся остаться голодными, так уж всем.

У каждого было по две фляги, так что о воде пока беспокоиться не стоило. Самой насущной проблемой было отсутствие подстёжек для пончо, чтобы защититься от сырого, холодного воздуха, наполнившегося вместе с туманом. Я порекомендовал Фэдели, чтобы охранение несло трое человек, пока остальные девять отдыхают. Смена должна производиться каждые два часа начиная с 22.00. Однако Фэдели предпочёл индивидуальные смены по сорок пять минут каждая с началом в 21.00. Командиром объединённой группы был он, так что мы согласились с его планом.

В любом случае, я сомневался, что смогу долго спать. Я не очень устал, и было уже слишком холодно, чтобы чувствовать себя комфортно. Так что я лишь молился, чтобы мы продержались эту ночь. Находящиеся в округе NVA наверняка слышали, как мы высаживались, и вряд ли они не об-

ратили внимания на выстрел и крики. Первые несколько ночных часов прошли спокойно. Не было никакого движения. На джунгли опустилась тишина, заглушившая естественные звуки их обитателей, создав для несущих свою стражу часовых совершенно кладбищенскую атмосферу. Плотный, почти осязаемый туман медленно опускался на нас подобно тяжёлому похоронному савану, окутывая удушливым покрывалом застойного, спёртого, сырого воздуха.

Жуткий, рассеянный белый свет шёл вроде бы и сверху, но, в то же время, казалось, лился со всех сторон. На самом деле это был даже не свет... скорее какое-то сияние. По мере удаления от нас оно, казалось, становилось ярче. Неверный свет разрушал очертания деревьев вокруг, создавая эффект свисающих сверху темно-серых, пятнистых лохмотьев болотного мха. Я оглянулся на остальных рейнджеров, раскинувшихся во сне как попало. Было не видно, где их тела встречаются с липкими, сырыми объятями почвы джунглей. Казалось, они невесомо парили среди слоёв окутывающего их тумана. Это выглядело как поле битвы, на котором остались лишь духи павших.

Я не мог осмелиться заснуть. Казалось, в тумане блуждает зло. У меня было стойкое предчувствие опасности. Я не мог понять, как остальные рейнджеры смогли отбросить его и заснуть. Может быть, они лишь притворяются спящими? Разве я не поступил бы так же? Я был начеку, пока первые трое человек несли свои смены в охранении, и был рад видеть, что каждый из них вовремя будил своего сменщика. Хорошо! Они не спали на посту. Я задумался – испытывали ли они такой же страх, что и я, лежа и пытаюсь услышать посторонние звуки или увидеть нехарактерное движение? На меня начала накатывать сонливость, несущая даруемое сном облегчение, но я старался побороть её. Если что-то произойдёт, я хотел встретить это бодрствуя.

8 марта 1969

Чуть после полуночи я скорее почувствовал, чем увидел, как Муноз разбудил Бидрона. Потом будет моя очередь. Всю свою смену Дейв пролежал неподвижно, пошевелившись лишь однажды, чтобы убрать что-то, лежащее под ним. Я был очень сонным, и понимал, что могу облажаться. Черт, всё-таки мне надо было спать. Скоро моя оче-

редь нести охранение, а я не знаю, смогу ли не заснуть. Наконец, я почувствовал, как Дейв повернулся на бок и прошептал мне на ухо: «Линдерер, твоя очередь». «Хорошо», шепнул я в ответ. Он откинулся на спину и тут же провалился в сон. Я услышал, как его дыхание стало медленным и неглубоким, когда он оказался в комфорте и безопасности, ощущение которых давал ему глубокий сон. Я позавидовал ему. Никогда не был настолько близок к отрубам, как на этом задании. Я никогда не верил людям, несущим охранение настолько, чтобы доверить им своё брненное тело. А теперь, похоже, я не могу доверять самому себе.

Через десять минут после начала моей смены я вздёрнул голову, растопырив глаза. Я заснул. Блядство! Повернувшись, я посмотрел на светящиеся стрелки своих часов. Всего лишь 01.10. Похоже, я спал не больше нескольких секунд! Я медленно сел. Может быть, если я буду сидеть, то не засну! Через десять минут затёкшая поясница вновь заставила меня улечься. Сонливость вернулась с удвоенной силой. Я потянулся к острому камню, который убрал со своей позиции. Он был там же, куда я его положил. Когда в самом начале я пытался заснуть,

он впивался мне в бедро, так что я выковырял его и отложил в сторону. Теперь я засунул его обратно под бедро, надеясь, что причиняемый им дискомфорт отгонит сон.

На какое-то время это сработало, но вскоре я почувствовал, что мои глаза пересыхают. Достав флягу, я вылил немного воды в ладонь правой руки, плеснув её в глаза и энергично растерев, стараясь, чтобы жидкость попала туда, где сможет принести какую-то пользу. Я вновь поглядел на часы. Было уже почти 01.35. Ещё десять минут, и я смогу поменяться местами с Килберном. «Вишенка» произвёл на меня хреновое впечатление, зацепившись шнуром гарнитуры за спусковую верёвку. Ну что за тупую долбанную херню он сотворил! А как насчёт того момента, когда он увидел вспышку спички в перелеске возле Реки Благовоний? Мелкий коренастый пердун! Черт, да он даже по сложению не катит на рейнджера. Хотя какого телосложения должен быть настоящий рейнджер? Такого как я? Может быть, в том перелеске и была спичка. В конце концов, что-то же заставило меня обратиться оттуда! А этот затуп на верёвке – да вспомнить меня, когда на первом задании я протормозил, выпрыги-

вая из Хьюи, а потом растянулся на ровном месте, пока остальные члены группы мчались в укрытие. Не, с парнишкой все в порядке! Он нигде не напортачил, и, по крайней мере, пытался делать свою работу. Пора его будить.

Я наклонился и осторожно потряс его – он лишь перевернулся на другой бок. Проклятье, мне бы так сладко спать. Я снова пошевелил его. На сей раз он сел, протирая глаза. Я подождал, пока не убедился, что он не заснёт, а потом улёгся сам. Сонливость, одолевавшая меня ранее, пропала. Черт побери, опять эта сраная бессонница! Это длилось, наверное, минут десять-пятнадцать. Потом я, наконец, почувствовал, что отрубаяюсь. Я вспомнил, что, судя по звуку, Килберн снова лёг, и забеспокоился было, а не заснёт ли он вновь. Да и черт с ним! Это его проблемы. Я оттарабанил свою вахту, а теперь собираюсь немного поспать.

Не знаю, что случилось, но через некоторое время я внезапно проснулся. Мои глаза распахнулись, и потребовалось несколько мгновений, чтобы сфокусироваться. Стало темнее, гораздо темнее, чем во время окончания моей смены в охранении. Что-то было не так, я чувство-

вал это. Тень! Да, тень справа, тут же выскользнувшая из поля зрения. Я хотел было сесть, но что-то подсказывало мне не двигаться. Сдвинув левую руку на несколько дюймов, я почувствовал комфортное ощущение рукоятки и спусковой скобы моего CAR-15. Она была именно там, где я ожидал её найти. Очень-очень медленно я повернул голову вправо, напрягая зрение в попытке обнаружить призрак, ускользнувший у меня из виду. Ничего! Ни черта нет. Он мне что, во сне явился? Или моё разыгравшееся воображение вздумало шутки шутить? Господи, что со мной делает Вьетнам?

Потом я почувствовал, что Килберн не спит. Я повернулся к нему и зашептал, что мне не спится, и я подежурю за него остаток смены. И тут я заметил, что он весь сжался и сильно дрожит, как будто замёрз до смерти. Свою M-16 он держал, прижав к груди. Что-то было не в порядке. Да, было довольно-таки прохладно, я чувствовал это. Однако он дрожал настолько сильно, что, казалось, сейчас развалится на куски.

«Что, черт побери, случилось?» прошептал я, прижавшись его уху.

Он дёрнулся, повернув голову ко мне, и прошептал в ответ: «Сардж, гуки, гуки, трое! Они прошли прямо внутрь периметра, наклонились над Сэензом, посмотрели на него, а потом развернулись и ушли обратно. Я не мог стрелять, не мог направить на них оружие. На пути было дерево». Он оцепенел от ужаса.

Я замер. Проклятье! Сукин сын! Я знал это. Что-то разбудило меня. Я почувствовал опасность. Эти хуи побывали прямо внутри нашего периметра. Я лёг обратно и сказал Килберну, чтобы тот начинал будить всех, кто справа от него, предупредив, что это нужно делать тихо. Повернувшись налево, я разбудил Бидрона, сказав ему будить тех, что слева. Мы переходим на полную готовность. Чёртовы гуки напали на нас.

Когда все проснулись, я подполз к Фэдели, чтобы обсудить план действий. До восхода солнца нас ждёт ещё четыре часа темноты. И ещё, наверное, четыре-шесть часов до того, как солнце выжжет туман. Так что до тех пор, пока не прибудет помощь, нам предстоит избегать NVA в общей сложности часов восемь-десять.

Я был за то, чтобы уходить оттуда прямо сейчас. Фэдели сказал, что, по его мнению, нам следует оставаться на месте. Если мы двинемся в темноте, то можем попасть прямо в руки к противнику. Они обнаружили, где находится наша позиция, и, по-видимому, определили нашу численность. И если они до сих пор не напали, так это потому, что либо у них недостаточно сил, либо они залегли в ожидании, чтобы перебить нас, когда мы начнём движение. Как бы там ни было, у нас большие проблемы.

В словах Фэдели был смысл. В конце концов, у нас есть несколько Клейморов. Мы находимся на обороняемой позиции. В случае обстрела нас будут прикрывать деревья и бруствер. Если же нас застигнут вне периметра, то мы окажемся на открытом месте и будем полностью в их власти. Кроме того, у нас толком не было никаких идей, как, черт побери, выбираться оттуда, если придётся прорываться. Все, что было понятно – мы можем отправиться в Лаос.

Остаток ночи все провели настороже, готовые действовать. Мы ждали, что в любой момент нас снова могут прощупать. Лично я полагал, что они

подкрадутся под прикрытием тумана, а потом, по сигналу свистков и горнов, вскочат и бросятся на наши позиции. Они не подозревают, что мы в курсе того, что они нас обнаружили. Разумеется, они считают, что элемент неожиданности будет на их стороне.

Около 06.00 я начал задумываться, а не лажнулся ли Килберн снова. Действительно ли он видел NVA внутри нашего периметра? Возможно, это были обезьяны! Это был бы далеко первый раз, когда обезьян принимали за северовьетнамских солдат. Нет, он наверняка что-то видел. Я тоже чувствовал это. Почему эти херососы не идут? Чего они ждут?

Связь, от которой не было никакого толку всю ночь, восстановилась с наступлением дня. Если конечно посветлевший туман можно считать таковым. Лишь некоторое улучшение видимости указывало, что наступил рассвет. Не было никаких признаков того, что окутывающее нас покрывало тумана собирается рассеиваться. Мы связались с офицером управления огнём на «Томагавке», и сообщили ему, что ночью были обнаружены, и запрашиваем подразделение быстрого реагирования либо немед-

ленную эвакуацию. Мы попросили передать это сообщение в наш тыл.

Через десять минут, он вновь вышел на связь и сообщил, что наш «Шестой» распорядился, чтобы мы оставались на месте, пока он не прибудет в район. После этого он сообщит, что нам делать. Офицер-артиллерист добавил, что все вокруг затянуто туманом, и не похоже, чтобы он рассеялся в ближайшие часы. Ладно, все, что нам остаётся – сидеть и ждать. Должна быть какая-то причина, по которой NVA ещё не добрались до нас. Единственным логическим объяснением могло быть то, что в окутавшем всю округу густом тумане они ориентировались не намного лучше нас. Уверен, это была единственная причина. Ночью их разведчики наткнулись на нас, но заблудились, отправившись обратно за подкреплением. Хотя, может быть, они вернулись к своим приятелям, а найти нас вновь не могут.

Мы были в безопасности, пока не рассеется туман, или пока мы способны бороться с голодом, который потихоньку начинал грызть наши кишки. О да, мы были в безопасности – как двенадцать крыс в коробке. Мы были по уши в дерь-

ме, и знали это. Оставалось лишь надеяться, что помощь из дивизии доберётся до нас раньше, чем гуки.

Около 10.00 с базы «Томагавк» нас вызвал капитан Кардона. Он сообщил, что к нам направляется рота «Чарли» 2-го батальона 501-го полка. Их позывной – Альфа-Танго. В данный момент они находятся всего в километре от нашего местонахождения и двигаются в нашем направлении. Они выйдут к нам с юго-востока, перевалив через находящийся выше нас гребень горного хребта.

По-видимому они вели патрулирование неподалеку от места, где сбили «Кобру», и получили приказ выдвинуться в район падения тогда же, когда нам дали команду собираться. Это было приятно слышать! «Линейные собачки» – это еда и вода... а ещё дружеская компания. Большая дружеская компания. Соединившись с сотней парашютистов, мы почувствуем себя чертовски более безопасно. Эти парни могут долго шляться по бушу без посторонней помощи. Никто не говорил им, что они отправляются всего на пару-тройку часов. Наверное, у них даже найдётся лишняя подстёжка к пончо, а то и две.

Сейчас мы не то чтобы боялись – просто наша тайна была раскрыта, мистер Чарли знал, что мы находимся у него под боком. Когда такое случается, а вас очень мало, наступает время уходить. Все было бы по-другому, будь мы лучше экипированы, или если бы у нас была хоть одна карта. Тогда мы смогли бы спокойно дожить до тех пор, пока не поменяется погода. Но ситуацию, в которой мы оказались, можно было квалифицировать как «дерьмо в беспорядке». Когда мы разделим нашу позицию с парнями из роты «Чарли», у нас появится некоторая видимость комфорта.

Прошло два часа, прежде чем мы смогли установить радиосвязь с ротой. Интересно – их командир почему-то считал, что мы находимся прямо над ними. Он сказал, чтобы мы прислушались, в то время как он даст своему головняку команду окрикнуть нас. Разумеется, мы услышали их выше по склону хребта. Они были ещё не совсем над нами, но, похоже, находились не дальше ста пятидесяти метров и приближались.

Мы подтвердили, что слышим их, и их ротный попросил нас сделать несколько выстрелов, чтобы они знали, где мы находимся. Фэдели сказал ему,

что считает это нежелательным. В непосредственной близости от нас находятся NVA, но поскольку мы знаем, где находится рота «Чарли», то сможем дать им знать, когда они окажутся поблизости. Через некоторое время капитан вновь вышел на связь и сказал, чтобы мы начинали двигаться вверх по склону, навстречу его головному дозору. Он сообщил, что они следуют по широкой тропе, ведущей к гребню, двигаться по которой весьма легко.

Фэдели вновь отклонил совет, сообщив, что, как только они окажутся прямо над нами, им лучше остановиться и организовать периметр, а потом направить одно-два отделения к нашей НОП. Объединившись, мы сможем осмотреть район в поисках двух лётчиков со сбитой «Кобры». В конце концов, мы все находимся тут, прежде всего, из-за них.

Пехотному командиру идея не понравилась, но Фэдели, наконец, убедил его, что мы не пойдём наверх, не сделав ещё одной попытки найти пилота и его стрелка. Он попросил, чтобы мы дали знать, когда они окажутся непосредственно над нами, и тогда он направит вниз, на соединение с нами, свой разведвзвод. К тому моменту они были уже ближе. Голоса американцев были слыш-

ны примерно в шестидесяти метрах. Фэдели приказал всем быть настороже на случай, если NVA, привлечённые раздающимися сверху голосами, вновь наткнутся на нас.

Едва пехотная рота достигла места, находившегося непосредственно над нами, вспыхнула ожесточённая перестрелка из автоматического оружия. Фэдели, не зная, что произошло, попытался вызвать роту «Чарли» по радио.

Через несколько секунд их капитан ответил, его голос был переполнен досадой: «Группа Линвуд Один-Один, это Альфа-Танго Шесть. Контакт, контакт. Мой головной дозор под огнём. Новембер Виктор Альфа между вами и мною. Оставайтесь на месте. Оставайтесь там, где находитесь. Прием!»

Фэдели выхватил гарнитуру у старшего радиста и ответил: «Альфа-Танго Шесть, группа Линвуд Один-Один. Принял вас Лима Чарли (чётко и разборчиво). Будем ждать вашей следующей передачи. Удачи. Конец связи!»

Со стороны гребня доносились крики: «Медик! Медик!». По-видимому, их головной дозор натолкнулся на наблюдателя, охранявшего тропу. Важный вопрос – он один, или с ним есть кто-нибудь

из друзей? Фэдели обернулся и приказал всем залечь. Северовьетнамцы находились выше нас, и мы рисковали оказаться на линии огня, если парашютисты откроют ответный огонь вниз по склону.

Внезапно мы услышали, как выше нас затрещали кусты. Кто-то со всех ног мчался вниз по склону прямо к нашему периметру. Они не пытались быть тихими, и, судя по звуку, их могло быть где-то от одного до трёх.

Я услышал «щелк-щелк-щелк» предохранителей, переключаемых на автоматическую стрельбу, и сделал то же самое. Треск приближался. Фэдели привстал на колени, глядя за бруствер в надежде хоть мельком увидеть, кто приближается.

Я присел на корточки, держа оружие наготове и пытаюсь выглянуть из-за командира группы. Я сместился вправо, чтобы было лучше видно, и вот он... в пятнадцати футах, в смертельном рывке.

Северовьетнамский солдат направлялся прямо к нам, и приближался на скорости, слишком большой, чтобы обогнуть наш периметр.

Как это часто бывает в бою, все замедлилось. Вьетнамец все приближался, но очень медленно.

Я смотрел прямо в его глаза, широко распахнувшиеся от неожиданности и внезапного осознания опасности. Он знал, что вот-вот умрёт. По его лицу, сменяя друг друга, пробежали выражения волнения, шока, страха, и затем решимости – все на протяжении какой-то секунды.

Я заметил, что он одет в оливковые шорты и такого же цвета рубашку с коротким рукавом. На шее у него был красный платок. На голове не было ничего, кроме густых, угольно-чёрных волос, которые стояли дыбом, словно наэлектризованные. Я видел, что он держит левую руку поднятой над головой, в то время как правой раздвигает кусты. Моё внимание привлекла пара сандалий Хошимина, которые он держал в вытянутой вверх левой руке. Я подумал: «На нем нет обуви!»

Мимо моей головы просвистел рой разъяренных пчёл. «Откуда они, черт возьми, взялись?» удивился я. Тогда я заметил АК-47, зажатый в той же руке, которая держала сандалии. Он держал своё оружие и обувь так, чтобы они ни за что не зацепились во время его бегства от находившихся на гребне парашютистов. Он заметил нас в последний момент, но ему хватило присутствия духа, чтобы одной ру-

кой направить АК и выпустить длинную очередь в нашем направлении. По-видимому, он был правой, или ему просто не повезло. А может быть кто-то там, наверху приглядывал за мной и Фэдели. Так или иначе, но пули прошли в считанных дюймах от нас.

Бросившись вправо, чтобы уйти от очереди, я увидел, как Фэдели упал прямо передо мной. Мы с ним одновременно выкрикнули: «Взрывай Клеймор... рви... рви его!»

Муноз схватил замыкатель, нажав на рукоятку в тот самый момент, когда NVA перепрыгивал через мину. Сила внезапного взрыва, казалось, была сравнима с двухсотфунтовой бомбой. Он был всего в пяти футах от нас, на обратной стороне бруствера. Ударная волна от Клеймора буквально вышибла ноги из-под NVA, швырнув его на землю по другую сторону насыпи, в то время как на нас сыпались грязь и обломки.

Вьетнамец упал на расстоянии вытянутой руки от нашего периметра.

Фил Майерс, ЗКГ Фэдели, вскочил на ноги и меньше чем с трёх футов выпустил прямо в раненого солдата NVA длинную очередь из своей M-16. Тот начал

громко стонать. Я привстал и дал короткую очередь в упор, укрывшись затем за одним из больших махагониевых деревьев. Стоны продолжались, пока Бидрон не выдернул кольцо гранаты, отпустил рычаг, и затем плавно перекинул ее через бруствер.

В сравнении с Клеймором второй взрыв был не более чем хлопком, но стоны прекратились. Никто не двигался. Мы не знали точно, был ли он мертв или только ранен. Была вероятность, что он не один. В этот самый момент трое или четверо его приятелей могли заходить с фланга.

Я прислонился к стволу дерева, молясь, чтобы он был один. На мгновение я совершенно выбыл из строя. Меня затрясло так, что я не мог попасть по защёлке магазина, чтобы перезарядить свой дымящийся CAR-15. Сердце бешено забилося, когда я внезапно понял, насколько близко к моей голове прошли его пули. Боже, я едва не огрёб снова.

Фэдели взял гарнитуру и передал Альфа-Танго Шесть, что у нас один убитый со стороны противника, по-видимому, тот самый NVA, что обстрелял головной дозор роты «Чарли». Альфа-Танго Шесть тут же отозвался и сообщил, что у него четверо раненых, все в ноги.

Поняв, что все кончилось, мы все вздохнули с облегчением. Северовьетнамец был один – всего лишь наблюдатель на тропе. Он добился, чего хотел, поразив четырёх американских солдат. Да, он лишь ранил их, однако, в данном конкретном случае лучше ранить, чем убить. Вместо того чтобы иметь дело с четырьмя трупами, рота «Чарли» получила четырёх раненых, которых было невозможно эвакуировать. Для того чтобы их можно было транспортировать в порядках роты, ранения были слишком тяжелы. Рота Чарли оказалась обездвижена. Её наступательный потенциал был только что сведен к нулю одним-единственным движением руки боконового парня откуда-то с севера от DMZ.

Бидрон и Майерс выдвинулись проверить тело. Он был мёртв – мы сделали его несколько раз подряд! Взрывом Клеймора ему изрешетило обе ноги. В теле было множество дыр от пуль и осколков брошенной Бидроном гранаты.

До того как присоединиться к предкам, ему удалось натворить дел. Занятно – я не испытывал к нему никакой враждебности. Он был всего лишь ещё одним солдатом, пытающимся выполнить свою работу, когда удача покинула его. Я даже восхищал-

ся им, представляя себе страх, который он, наверное, испытал, когда к нему подходила рота американских пехотинцев. Он должен был подавить панику, когда их головной дозор проходил мимо его позиции. Вне всякого сомнения, самоуверенные американцы должны были обнаружить его до того, как он пустил оружие в ход. Но нет – они его не увидели. Должно быть, его переполнял ужас, когда он вглядывался вдоль ствола своего АК-47 и выпускал длинную очередь в приближающуюся к нему цепочку парашютистов. Потом он опрометью покинул поле боя, даже не пытаясь оглянуться, чтобы понять, преследуют ли его. В какой-то момент он понял, что должен сделать это. Он хотел выжить.

Двое рейнджеров вернулись, неся его повреждённый АК-47, бумажник и письмо. Последние два были у него в карманах. Письмо было на вьетнамском языке – три страницы, исписанные прекрасным женским почерком. По-видимому, оно пришло от молодой вьетнамской девушки, фотографию которой мы нашли в бумажнике. Меня поразило – обернись удача другой стороной, с той же лёгкостью здесь мог оказаться северовьетнамский солдат, стоящий над моим трупом, разглядывая фото-

графию моей девушки. Эта мысль буквально взорвалась в моем мозгу. Я отвернулся, не в силах смотреть на грудь изорванной плоти, лишь минуту назад бывшую энергичным, молодым, здоровым человеком. У него, наверное, как и у меня, были надежды, желания и амбиции. Он мог любить, и был любим.

Это был второй раз со времени моего прибытия во Вьетнам, когда на меня так подействовала смерть противника. Впервые это было в ноябре, когда, устроив засаду, мы убили трёх медсестёр. Тогда я испытывал тяжёлое чувство горечи и вины. Я был здесь, чтобы защищать женщин, а не убивать их. Только находка у двух из них автоматических пистолетов .45 калибра помогла мне дать рациональное объяснение совершенному. Я сказал себе, что если бы я дал им шанс, они убили бы меня в то же мгновение. И, тем не менее, я ещё долго ощущал лежащее на мне клеймо вины и ответственности. Война – страшная штука. Почему же она является неотъемлемой частью существования рода человеческого?

Альфа-Танго Шесть сообщил, что его подразделение осмотрело оба склона хребта на десять-

пятнадцать метров от гребня, и не обнаружило никаких других признаков присутствия противника. Его рота заняла круговую оборону и не двинется дальше, пока не эвакуирует своих раненых. Он был вне себя от радости, узнав, что мы убили «того хуесоса-NVA», что стрелял в его людей. Я не мог его винить! Он, должно быть, испытывал глубочайшее удовольствие, видя, как стремительно месть постигла того, кто только что причинил ему ущерб. Он поблагодарил нас за то, что мы «взяли этого ублюдка.»

Фэдели сказал Альфа-Танго Шесть, что будет лучше, если мы выйдем к ним на позицию. Он согласился. Имея четырёх раненых, ему отнюдь не улыбалось делить подразделение. Фэдели приказал готовиться выдвигаться вверх по холму. Майерс пойдёт в голове. Он сказал, чтобы мы трепались, смеялись, ломали кусты – в общем, делали как можно больше шума. Он знал, что у сидящих выше нас «джи-ай» от желания отплатить хоть кому-нибудь сводит пальцы на спусковых крючках. Мы должны принять все меры предосторожности, чтобы не окончить свой путь под огнём своих.

Когда мы начали движение, было чуть позже 12.30. Нам хотелось как можно быстрее присоединиться к парашютистам, но мы знали, что будет лучше, если мы не станем просто ломиться сквозь кусты. Так что мы затеяли разговор о консервированных сухих пайках, которые обычно таскала с собой пехота. Они, конечно, были изрядным дерьмом, но если очень сильно захотеть, они определённо могли сойти за еду. В конце концов, все, что организм может превратить в дерьмо, можно считать едой. Мы очень старались говорить громче, чем это требовалось для общения внутри группы.

В тридцати метрах вверх по склону Майерс вышел прямо на двоих «Кричащих Орлов», склонившихся над своим М-60. На мгновение они уставились на нас, а потом поблагодарили за то, что мы убили гука, стрелявшего в их товарищей. Кивнув в ответ, мы прошли мимо их позиции и направились к вершине хребта. Прямо к гребню шла широкая, прямая тропа – как и говорил капитан. На самом гребне практически не было укрытий. По видимому, здесь уже не раз останавливались линейные роты. Если бы этим местом пользовались NVA, они не стали бы так очищать его от растительности.

Оставив группы в центре периметра роты «Чарли», мы отправились вниз по склону в поисках их ротного. Нам нужно было доложить ему о месте падения, которое мы обнаружили на склоне, и, пока не прошло совсем уж много времени, скоординировать наши дальнейшие действия по поиску пропавших членов экипажа.

Мы подошли к капитану с детским лицом, который, за исключением впалых щёк и теней под глазами, выглядел лет на восемнадцать. Он разговаривал с двумя вторыми лейтенантами и не видел нашего приближения. Наконец, заметив нас стоящих поодаль, он пожал нам руки и представился как капитан Росс. Мы ответили на его любезность и поблагодарили за то, что он прибыл к нам на помощь.

Он сказал, что патрулирует этот район со своим подразделением на протяжении целых четырёх месяцев. Местность здесь очень пересечённая, а джунгли необычайно густые, рассказывал он, и NVA хорошо окопались. У них множество тоннелей, «паучьих нор» и укреплённых бункеров. Мы рассказали ему о тропе, которую нашли, и о бетонном бункере возле неё. Он присвистнул. Его подразделению такие бункера ещё не попадались, но он ничуть не сомневался, что они могут существовать.

Капитан сказал, что попытался вызвать эвакуационный борт для своих раненых, но перспектива была не слишком обнадеживающей. Согласно прогнозу, туман продержится еще как минимум трое суток. Была высокая влажность и совершенно отсутствовал ветер, способный снести низкую облачность в сторону Лаоса. Он спросил, будем ли мы эвакуироваться, если он сможет добыть вертолёты. Мы ответили, что будем, если сможем. Мы высаживались, рассчитывая на действия в течение двухтрёх часов, и не были должным образом экипированы для выполнения длительных задач.

Он спросил, ели ли мы. Когда в ответ мы помотали головами, он послал штаб-сержанта, чтобы тот собрал дополнительные пайки у личного состава, напутствовав его: «Сержант Брэдли, проследите, чтобы эти рейнджеры получили все, что им понадобится».

Фэдели спросил, как он будет принимать медэваку. Тот ответил, что собирается предложить ему набрать достаточную высоту и начать описывать круги над их позицией, пока они не смогут точно определить, где он находится. Как только он окажется точно над ними, он сообщит об этом пилоту,

и тот начнёт снижаться, чтобы приземлиться прямо на вершину соседней седловины. Там была прогалина размером примерно шестьдесят на восемьдесят футов, достаточно ровная, чтобы посадить вертолёт. Когда мы кивали, он добавил: «Как только будут эвакуированы мои раненные, я попробую добыть пару сликов для вас и ваших людей».

Мы поблагодарили его и спросили, хватит ли у них воды, чтобы выделить нашим флягу-другую. Он улыбнулся и предложил подойти с этим к штаб-сержанту, который, он уверен, удовлетворит все наши нужды. Того мы встретили на обратном пути к нашим группам. Он бросил на землю рядом с нами коробку пехотных сухих пайков и четыре фляги воды. «Постарайтесь протянуть на этом подольше, рейнджеры. По всей видимости, мы не скоро сможем пополнить припасы».

Мы кивнули в знак согласия и дали нашим людям команду разобрать еду. Поев, мы попытаемся взять у капитана Росса несколько человек и повторно попытаться счастья с «Коброй». Нужно было поторопиться. В конце концов, нас ещё ждал «лоч», до которого предстоит добраться после всего этого.

Пехотинцы заняли периметр в форме вытянутого просторного овала. Он более или менее покрывал обе вершины высоты, фланкирующей седловину, и её саму. Я заметил, что в охране никого нет. На склонах каждой из двух вершин находились пулемётные позиции. Одну из них мы миновали, подходя снизу. Никаких других мер безопасности не наблюдалось.

Оглянувшись на остальных рейнджеров, я ничуть не удивился, обнаружив, что был не единственным, кто это заметил. Когда же я сказал об этом одному из находившихся по соседству парашютистов, тот ответил лишь: «А, не беспокойтесь об этом, у нас тут НП по обе стороны хребта. И Чаки никаким образом не удастся подобраться к нам».

Мы постарались не заржать. Придурки! Да в эдаком густом тумане «Чаки» сможет протащить целый батальон сапёров прямо за спинами сидящих на этих ваших НП! И они ничего не заметят, пока не будет уже слишком поздно.

Мы перекусили, а потом решили немного вздремнуть, пока капитан Росс не будет готов отправиться к сбитым вертолётам. Мы понимали его решение отдать приоритет вывозу собственных раненых. Я был бы разочарован, поступи он иначе.

Из глубокого сна меня вырвал Грофф. Я сел, пошатываясь и пытаюсь продрать глаза. Большая часть рейнджеров и «линейных собачек» все ещё спали. Пятеро рейнджеров были настороже, готовые поднять тревогу в случае появления противника. Грофф сказал: «Ротный хочет видеть тебя и Фэдели возле позиции того наблюдателя у тропы. Он сказал, что это важно».

Я поднялся, чувствуя себя одеревенелым, и поглядел на часы. Было почти 15.00. Я проспал три часа. Фэдели присоединился к мне и мы вдвоём направились посмотреть, что там понадобилось нашему доброму капитану. Я с удивлением обнаружил, что туман ничуть не поредел. Фэдели заявил, что, похоже, некоторое время нам придётся побыть пехотинцами.

Когда мы добрались до места, капитан сказал: «Джентльмены, у нас проблема. «Даст-офф» дважды попытался добраться до нас, и оба раза неудачно. Пилот сказал, что это все равно, что плыть в котле с ватой. Ни малейшего шанса приземлиться тут, не рискуя вертушкой и её экипажем. Во время второй попытки они едва не срезали верхушку дерева». В сердцах он отвесил пинка валявшей-

ся под ногами ржавой консервной банке. «Похоже, вам с вашими группами придётся выбирать-ся отсюда пешком вместе с нами. Мне совершенно не нравится бросать поиски этих двух вертолёт-ов, но у меня четверо раненых, которых я должен до-ставить в госпиталь».

Мы оба кивнули, соглашаясь. «Похоже, это един-ственное, что мы можем сделать, сэр», ответил я с улыбкой на лице. Мне тоже захотелось пнуть эту чёртову банку.

Фэдели и я вернулись к группе и сообщили но-вости ребятам. Как я и предполагал, те ничуть не расстроились. Они и сами прекрасно понимали, что хоть какая-то надежда выбраться у нас будет только вместе с «линейными собачками». В конце концов, мы больше не будем голодать, оказавшись брошенными в одиночестве. Это будет существен-но лучше той ситуации, в которой мы были преды-дущей ночью.

Когда пехотная рота принялась сворачивать ла-герь, готовясь вновь двинуться вдоль хребта, с нами связалась пара «Кобр», сообщив, что они со-бираются попробовать добраться до нас с несколь-кими ящиками пайков и свежими батареями для ра-

ций. Они видели, с какими трудностями столкнулись эвакуационные борты, пытавшиеся добраться до нас ранее. Пилоты этих двух «Кобр» были из того же эскадрона, что и сбитый ганшип, лежащий на склоне горы ниже нас.

Капитан Росс дал добро на их попытку, сообщив, что будет на связи. Вскоре мы услышали низкий, пульсирующий звук первой «Кобры», когда она заняла позицию над нами. Казалось, она находится в доброй тысяче футов над нами, однако при таком густом тумане, глушащем все звуки, по всей видимости, она была намного ниже. Капитан Росс установил свою рацию в центре седловины и разместил на фланкирующих её высотках пару человек с сигнальными полотнищами. Ему хватило ума не использовать никаких дымовых гранат, которые лишь послужили бы добавкой к туману, накрывшему горную вершину.

Мы наблюдали, как он направляет ведущий ганшип вниз сквозь густую облачность. Гул двигателя становился все громче, пока не начало казаться, что он находится прямо внутри нашего периметра. Внезапно поток от ротора «Кобры» взвихрил плотный слой тумана вокруг нас, и мы увидели поса-

дочные лыжи вертолѐта, прорывающегося сквозь плотный, насыщенный влагой воздух нашего периметра. Казалось, он шѐл на высоте около пятидесяти футов, а то и меньше. Когда летишь в тумане, а вокруг деревья и горы, пятьдесят футов – это совсем немного.

Ганшип завис на несколько секунд, пока пилот пытался понять, что у него внизу. Наконец, он заметил на восточном склоне седловины парашютиста, размахивающего над головой оранжевым сигнальным полотнищем. Он медленно развернул свой обтекаемый вертолѐт в сторону маленькой поляны на гребне высоты и мягко приземлил его в самом центре выбранной площадки. Оставив двигатель работать на холостом ходу, он открыл фонарь кабины, в то время как вторая «Кобра» начала снижение. Было непохоже, что двум мощным машинам хватит места на гребне. Две минуты спустя в нависших над нами облаках материализовалось брюхо второй «змеи», сместившейся к западной стороне седловины и совершившей довольно жѐсткую посадку по другую сторону, на большом выступе скалы у самого гребня.

Стрелки «Кобр» быстро выгрузили ящики с пайками, четыре запасные батареи и пару пятигаллонных канистр с водой. Добыча выглядела не слишком впечатляюще в сравнении с риском, на который пришлось пойти этим двум храбрым пилотам, однако для нас, находящихся в нескольких днях пути от всех источников снабжения, она представляла исключительную ценность. Оба пилота оставались в кабинах своих машин, молотящих винтами на холостом ходу. Судя по всему, они переговаривались с капитаном Россом, остававшимся на своей позиции в центре седловины.

Внезапно я увидел, что капитан передал гарнитуру своему радисту и бегом бросился туда, где лежали его четверо раненых парашютистов. Переговорив с ними и тремя медиками, занимавшимися их ранами, он позвал на помощь ещё несколько человек.

«Какого черта они собираются делать?» спросил я Муноза, стоявшего рядом наблюдая за происходящим. Восемь солдат похватили своих раненых товарищей на руки, и понесли туда, где их ждали вертолёты – по паре раненых на каждый борт. Я знал, что в кабине «Кобры» не хватит ме-

ста для ещё одного человека, а для двух и подавно. Потом я увидел, что ротный подошёл к фюзеляжу одной из «Кобр» и откинул маленькую прямоугольную металлическую панель на правом борту, прямо под кабиной. Это было сиденье! Без балды, самое настоящее сиденье! Его размера было как раз достаточно для размещения одного человека, если он будет пристегнут.

Теперь я понял, что они делают. На этих двух «Кобрах» собирались попытаться эвакуировать раненых, разместив их на маленьких откидных сиденьях, расположенных по бортам фюзеляжей. Раны двоих из них, похоже, причиняли им очень сильную боль. К ним подбежали медики, вколовшие каждому морфий. Двум другим, вроде бы, было полегче и они, похоже, старались не создавать никому лишних проблем.

Когда их, наконец, пристегнули, «Кобры» добавили обороты турбинам и медленно поднялись в нависающий сверху туман. Синхронно развернувшись в южном направлении, они на небольшой скорости двинулись сквозь облака.

Я был в полном изумлении. Никогда не видел ничего подобного, и даже не подозревал, что «Ко-

бру» можно использовать для экстренной эвакуации. Я задумался, изменит ли эвакуация раненых планы капитана Росса отправиться топтать в сторону «Томагавка».

Обернувшись, мы увидели, что он пересекает периметр, направляясь к нам. Подойдя, он сказал Фэдели, что мы остаёмся искать экипажи упавших вертолётов. Таково было обещание, данное им пилотам «Кобры». Пропавшие были их друзьями.

Фэдели согласился. Не стоило рисковать жизнью экипажей ещё двух вертолётов лишь для того, чтобы попытаться забрать нас. Мы останемся, пока не улучшится погода. В противном случае мы все вместе выйдем отсюда пешком порядком. Капитан Росс решил, что, поскольку до наступления темноты есть ещё час-другой, он отправит свой первый взвод вниз, к месту крушения «Кобры», чтобы ещё раз обыскать местность.

Мы предложили отправиться с ними, но он отказался, сообщив, что пытается получить из штаба бригады координаты, чтобы определить место падения «лоча». Если это окажется поблизости, он хотел бы, чтобы мы взяли его разведвзвод и попытались засветло найти его.

Мы вернулись к нашим рейнджерам и проинформировали их о наших планах. Была надежда, что нам всё-таки удастся справиться с этим делом до темноты. Ни у кого из нас не вызывала энтузиазма идея остаться под покровом этих чертовых облаков дольше, чем мы уже пробыли.

Прошёл час, прежде чем капитан Росс вернулся и сказал, что имеются определённые вопросы относительно точного места падения «лоча», и только сейчас стало понятно, что оно находится в одном клике к западу от изначально предполагаемого района. Наш ротный хотел, если позволит погода, ранним утром следующего дня с помощью верёвок высадить в непосредственной близости ещё две группы рейнджеров.

В сумерках к периметру вернулся первый взвод. Они не нашли никаких следов пилота «Кобры» и его стрелка, но обнаружили, что после нас на месте падения обшарили северовьетнамцы. Они сняли радиоаппаратуру и уволокли весь боекомплект. Само вооружение и ракетные подвески все ещё были на месте, но было видно, что противник пытался снять и их.

«Линейные собачки» заложили в обломки взрывчатку и установили замедление на тридцать ми-

нут. Прозвучавший в полутора сотнях метров вниз по склону взрыв был внезапен, хоть мы и ждали его. Хотел бы я, чтобы в этот момент там был противник, вернувшийся снимать вооружение, и взрыв застиг его за этим.

Первый взвод обнаружил и место нашей последней ночёвки. Тело мёртвого северовьетнамца пропало. Где-то в течение дня за ним пришли его товарищи. Тут было о чем подумать! Он бросился бежать под гору, подстрелив тех четырёх парашютистов. Разумеется, он бежал не для того лишь, чтобы скрыться от американских империалистов. Нет, он, похоже, бежал куда-то – например, к базовому лагерю, полному северовьетнамских солдат. И у него бы все получилось, лежи его путь к спасению на десять градусов вправо или влево от того, что он выбрал.

Ему не повезло выбрать единственный путь, который привёл его к смерти. Он не добрался до своей цели. Но по направлению его маршрута мы знали, что его друзья должны быть внизу, в долине – где-то там... Они знают, что мы находимся в этом районе, и если они так хороши, как говорил капитан Росс, то они будут ждать нас там. Я вернулся

мыслями к тому бетонному бункеру. Если у них там много таких же, мы окажемся по уши в дерьме.

Темнота принесла расположившимся на хребте двенадцати рейнджерам новое беспокойство. Мы разбились на четыре элемента по три человека каждый. Нам дали пончо и показали, как привязать их к коротким стойкам, чтобы иметь над головой укрытие от влаги. Нам не назначили какого-либо определённого места на периметре и не поручили нести охранение в нашем расположении. Мы не придали этому значения, пока не поняли, почему.

Парашютисты роты «Чарли» поставили восемь или десять сигнальных растяжек, около десятка Клейморов, и все, за исключением одного человека, следившего за батальонной «кнопкой» (радиочастотой), дружно завалились спать.

А теперь представьте себе, какое впечатление это произвело на рейнджеров с бытовавшим в их среде маниакальным отношением к безопасности. Мы охренели! Святой боже, да что же это творится? Сто тридцать семь американских солдат посреди индейской территории – подчёркиваю, Индейской Территории – и сто двадцать четыре из них беспробудно дрыхнут.

И ведь противник в курсе, что мы здесь. За прошедшие двадцать четыре часа мы сделали все, чтобы дать им знать, где мы, и сколько нас – разве что рекламные щиты не расставили, и не прошли маршем вверх-вниз по склону. Да вы что, парни! «Мистер Рей Чарльз» найдёт эти ваши растяжки и Клейморы даже самой тёмной ночью. Кого вы собрались набать!?

Господи, слышал я, что у «ви-си» есть группы смертников-самоубийц, а теперь вот мы оказались посреди расположения американской пехотной роты, весь личный состав которой страдал острой формой жажды смерти. Не знаю, может быть «линейные собачки» знают что-то, о чем мы не подозреваем. Но что я знаю точно, так это то, что двенадцать рейнджеров всю ночь таращили глаза, неся охранение, пока целая рота американских десантников спала вокруг сладким детским сном.

9 марта 1969

В 06.00 лагерь начал шевелиться. Никому не перерезали глотку. Никто не пропал. Никто не видел и не слышал ничего подозрительного. После долгого ночного сна пехотинцы выглядели совершен-

но свежими и оживлёнными. Налитые кровью глаза двенадцати рейнджеров были немymi свидетелями того, какую ночь пришлось провести нам.

Мы решили поспать ещё пару часов. Должно быть, «линейные собачки» решили, что мы – кучка изнеженных институток.

Мы проснулись примерно в 09.00. Линейное подразделение было занято чисткой оружия и сушкой снаряжения, промокшего от ночного тумана. Последняя задача казалась безнадёжной. Влажность, похоже, была близка к 100%, и воздух, уж точно, не был жарким. Густой туман задерживал достаточное количество солнечных лучей, чтобы в течение всего дня температура поднималась не намного выше 80 градусов*. Ночи же были действительно холодными. При этом влажность была достаточно высокой, чтобы мы и днём чувствовали себя весьма некомфортно.

Когда рота «Чарли» закончила чистку оружия, мы позаимствовали у них ветошь, ёршики, шомпола и немного масла, чтобы как следует заняться нашими стволами. Находясь на задании, мы никогда не разбирали и не чистили оружие, если только с ним не слу-

* 26°C (прим. перев.)

чалась какая-нибудь фигня. Это не стоило риска оказаться застигнутым врасплох NVA, сидя на НОП с разобраннным и раскиданным по коленям оружием.

У нас были маленькие щётки (обычно использованные зубные), которыми можно было вычистить большую часть песка и щепок, неизменно оказывающихся в затворе, патроннике, и магазинах. Но мы редко касались ствола, если только случайно не утыкались дульным срезом в землю. Обычно один-два человека в группе брали с собой шомпол – для этих целей, или на случай застрявшей в патроннике неизвлечённой гильзы. Большинство из нас, будучи в буше, надевало на пламегаситель нашего оружия кусок полиэтиленовой плёнки, целлофановую оболочку от сигаретной пачки, презерватив или какую-нибудь другую резинку. Чтобы надёжно удерживать их на месте, мы использовали круглую резинку. Они прекрасно обеспечивали чистоту канала ствола. Первый же сделанный выстрел обычно без каких-либо проблем срывал эту «крышку». Кроме того, в убийстве северовьетнамского солдата «рабочим концом» Троян Делюкс* была своеобразная ирония.

* *Одна из моделей презервативов торговой марки «Троян» (прим. перев.)*

Как бы то ни было, было здорово иметь возможность разобрать и почистить наше оружие, находясь посреди джунглей. Когда дойдёт до попадания дерьма на вентилятор, с чистым оружием у нас будет одной причиной для беспокойства меньше.

Двенадцать рейнджеров съели свой завтрак, состоящий из шести сухих пайков, и устроили перекур, чтобы отвлечься от голода. Курение, кстати, тоже было для нас редким удовольствием. За редким исключением мы никогда не курили в поле.

Остаток дня мы потратили, слоняясь по гребню и пытаясь как-то провести время. Капитан Росс предложил отправиться на поиски экипажа «лоча», а на обратном пути ещё раз осмотреть район, где упала «Кобра». Когда мы уже были готовы выходить, туман сгустился настолько, что мы не могли разглядеть даже гребень перед собой, так что в последний момент ротный отменил патруль и приказал всем оставаться в пределах периметра.

Было рискованно выходить за растяжки даже «по зову природы». Никто не знал, что их там может ждать. В окутавшем нас густом тумане ничего не стоило потерять ориентировку и заблудиться.

Той ночью, когда лагерь погрузился в сон, охранение вновь обеспечивали двенадцать рейнджеров. Похоже, у нас это здорово получалось, поскольку противник позволил нам спокойно провести ещё одну ночь, не пытаясь снести нас с горы. Я обратил внимание, что некоторые пехотинцы перед наступлением темноты выглядели несколько нервно. Подозреваю, что до некоторых из них тоже дошло, в какой ситуации они находятся. Возможно, утром не только у нас глаза будут красными от бессонной ночи.

10 марта 1969

В 08.30 нас разбудил посыльный от капитана Росса, сообщив, что ещё две группы рейнджеров высаживаются примерно в трёх кликах к западу от нас. Мы слышали по связи, как они спускались по верёвкам в джунгли среди такого же густого тумана, что и мы двумя днями ранее. Мы понятия не имели, почему они высаживаются так далеко к западу. Пропавший «лоч», предположительно, находился более чем в двух кликах от места их высадки.

Капитан Росс сказал нам, что рано утром другой «лоч» обнаружил небольшое окно в плотной облач-

ности и отправился на поиски места падения первого вертолета-разведчика. После часа болтания над самыми верхушками деревьев он заблудился, и, пытаясь найти дорогу обратно, наткнулся на место крушения. Он сообщил, что упавший вертолёт, похоже, влетел в деревья. Имелись признаки взрыва. Это было изрядно к западу от того места, о котором изначально шла речь.

В штабе батальона хотели, чтобы кто-нибудь высадился на месте падения, занял его и произвёл поиск выживших. Наличие последних было маловероятно, но, тем не менее, попытаться было необходимо. Естественно, эту работу доверили рейнджерам.

Тяжёлая группа рейнджеров прибыла утром и с помощью верёвок спустилась прямо на место падения «лоча». Оказавшись на земле, они доложили, что он определённо взорвался при ударе и сгорел. Выживших не было.

Группа запросила пластиковые мешки для трупов, чтобы поместить в них останки экипажа. Во время катастрофы тела сильно обгорели, и при любых попытках перемещения разваливались на части. Один из членов группы оступил-

ся, и его нога провалилась прямо в грудную клетку трупа одного из членов экипажа. Когда он пытался вытащить ботинок обратно, его стошнило прямо в противогаз.

Я не завидовал рейнджерам тяжёлой группы, и лишь надеялся, что там у всех есть противогазы.

Мешки подвезли во второй половине дня. Группа упаковала трупы и их подняли по одному с помощью спускаемой на тросе проволочной эвакуационной люльки.

Едва они закончили, по закону свинства туман вновь сгустился настолько, что не было никакой возможности послать ещё один вертолёт, чтобы забрать рейнджеров. Теперь и им придётся внепланово провести какое-то время в поле, прежде чем их задача будет выполнена.

Мы слушали переговоры группы и в конце концов выяснили, что среди её членов были Джон Соерс, Рон «Мамаша» Ракер, Рики «Новичок» Лоутон, Франк Андерсон, Док Глэссер, Пит Петерсон, и Джо «Джей-Би» Билеш. Ракер, Соерс, Глэссер, Петерсон, и Билеш были закалёнными рейнджерами. Пара других была из числа пополнения, прибывшего в роту в декабре, но эти двое были из самых лучших.

Билеш был командиром тяжёлой группы, а Ра-кер его ЗКГ, несмотря на то, что Соерс имел больший стаж нахождения в звании и у него было больше опыта руководства группой. В общем, у Билеша была отличная группа.

Почему-то мы могли слушать их частоту, а они не могли принимать наши передачи. Мы связались с одним из ганшипов, кружащихся над облаками, и попросили пилота передать сообщение находящейся внизу группе рейнджеров. Сообщение гласило: перемещайтесь на вершину хребта, на котором находитесь, и направляйтесь вдоль него на восток. Если верить карте капитана Росса, они выйдут на нас, пройдя вдоль гребня около 2500 метров.

В ответ они передали, что во время высадки из окружающих джунглей по ним было сделано несколько выстрелов, а после эвакуации тел они слышали движение выше по склону от места катастрофы. Попытка подняться в гору будет не самым лучшим выбором. Движение и стрельба были как раз оттуда. Они решили отправиться в другом направлении и найти какое-нибудь место, где можно будет укрыться до момента эвакуации. Они собирались «залечь на тюфяки». Похоже, гуки были повсюду.

Мы провели ещё одну безмятежную ночь, обеспечивая охранение роте «Чарли», и молясь, чтобы тяжёлой группе Билеша удалось без проблем дожить до утра.

11 марта 1969

Ещё одна спокойная ночь. Фэдели и я переговорили с капитаном Россом, спросив разрешения сойти с хребта, чтобы ещё раз осмотреть местность. По окончании мы хотели бы спуститься в долину, и затем отправиться на запад, на соединение с группой рейнджеров, высаженной возле места падения «лоча».

Он хотел знать, зачем нам это надо, и мы ответили, что та группа находится в худшем положении, чем мы перед тем, как сюда прибыла рота «Чарли». Было совершенно непонятно, сколько времени пройдёт, прежде чем кто-либо из нас сможет выбраться отсюда, и без помощи тем двенадцати парням будет непросто остаться в живых. Ранее тем же утром мы уже запросили разрешение у нашего «шефского», и тот дал нам добро на соединение.

Капитан Росс сказал, что понимает нас, и предложил отправить с нами свой разведзвезда из три-

надцати человек. Мы поблагодарили его за помощь, и сказали, что хотели бы выдвинуться как можно быстрее. Он ответил, что рота «Чарли» останется на хребте до тех пор, пока мы не соединимся с нашими товарищами. Если у нас возникнут проблемы, они немедленно бросятся на помощь.

Около 11.00 мы, построившись цепью, соскользнули с гребня, двигаясь через место падения на восток. И вновь нам не удалось обнаружить следов пропавшего экипажа «Кобры». По-видимому, их взяли в плен, или же они пытались выбраться самостоятельно. Так или иначе, их шансы на выживание были невысоки. Северовьетнамцы ненавидели пилотов «змей» едва ли не так же, как рейнджеров.

Мы продолжили движение в сторону долины, на сей раз, перестроившись в боевой порядок, с головным дозором из двух человек. Мы не выставляли бокового охранения, но, чтобы избежать засады, двигались зигзагом. Я заметил, что в части звуковой дисциплины рейнджеры могли многому поучить личный состав разведзвода роты «Чарли».

Мы позаимствовали у командиров взводов пару карт, и теперь довольно-таки неплохо представляли, куда предстояло идти. На дне долины была «го-

лубая линия», означавшая воду. Все были почти пустые, так что мы решили остановиться у ручья и наполнить наши фляги. Пополнив запасы, мы повернем на запад, и направимся вдоль долины на соединение с группой Джей-Би. Когда мы доберемся до них, мы или соединимся потом с ротой «Чарли» либо, если туман наконец рассеется, выдвинемся к точке эвакуации.

Мы все никак не могли связаться с Билешем по радио. Я не мог припомнить, чтобы на столь короткой дистанции у нас когда-либо были такие проблемы со связью. По-видимому, густой туман препятствовал распространению радиоволн едва ли не так же эффективно, как горы.

Около 15.30 мы добрались до ручья. Он был не очень большой, однако в нем было достаточно воды, чтобы утолить жажду двадцати пяти пересохших солдатских глоток, и до краёв наполнить наши фляги. Мы устроили периметр, охватывающий обе стороны ручья, и внимательно наблюдали за окружающими джунглями, подходя к ручью по очереди. Я заметил, что парни из разведвзвода начали проявлять некоторую нервозность. Хотелось убраться оттуда и двинуться вдоль долины. Мы были в неу-

дачном месте, если NVA решат напасть. Они были вокруг нас. Мы чувствовали, что они наблюдают за нами. Я задумался, почему они все еще воздерживаются. Может быть, они решили оставить нас в покое, пока мы не наткнёмся на что-нибудь, что у них там есть? Иногда они избегали контакта, даже когда шансы были на их стороне.

Сохраняя прежнее построение, мы двинулись вдоль долины. Рейнджеры возглавляли колонну. В голове шёл Майерс с Бидроном сразу за ним в качестве ведомого. Двигаться было тяжело, растительность была густой, по берегам ручья вились лианы и вьюны. Мы пытались держаться на берегу, опасаясь попасть в засаду, если пойдём по руслу ручья, где ходьба была легче. Я был рад видеть, что каждые пятьдесят-сто метров Майерс переходит с одной стороны ручья на другую. Он знал, что делал. Если нам предстоит столкнуться с противником, мы не собирались облегчать ему работу.

Ближе к сумеркам мы поняли, что не успеваем добраться до позиции Билеша. К этому моменту мы установили слабую, но чёткую связь с его группой. Они сообщили, что останутся на месте, пока мы не подойдём ближе, и тогда попытаются двинуться

на соединение с нами. Они чувствовали, что вокруг находится противник.

Фэдели радировал Билешу, что мы собираемся занять позицию для ночёвки. Судя по всему, мы были ещё в 1200 метров от них – слишком далеко, чтобы пройти это за ночь. Он дал Билешу азимут на нашу позицию и сказал, чтобы если ночью им придётся сниматься и уходить, они двигали к нам. Паролем будет имя Джей-Би, а отзывом – имя Фэдели.

Билеш ответил через несколько минут и сообщил, что они перебираются на более удобную позицию, и будут рады видеть нас завтра утром.

Мы перебрались на высотку, удобно расположенную в верхней петле S-образного изгиба ручья. Со всех сторон у нас было хорошее укрытие, и если NVA нападут на нас, мы сможем дать им чертовски серьёзный бой.

Мы установили восемь Клейморов, перекрыв все подходы к нашему периметру. Фэдели организовывал охранение сменами по четыре человека длительностью по полтора часа каждая, начиная с 21.30. Парни из разведзвода безропотно восприняли необходимость внести свою лепту в общие обязанно-

сти. Мне предстояла смена с 00.30 до 02.00. Я возился с радио, каждый час подавая тройной тональный вызов, давая знать Билешу, что у нас все в порядке. Он отвечал двойным сигналом. Ни у одной из групп не было связи с «Томагавком», но мы все ещё были в контакте с ротой «Чарли», находящейся на хребте к юго-востоку от нас.

Занятно, насколько больше шума бывает ночью. У нас было несколько ложных тревог. Какие-то существа – некоторые большие, некоторые маленькие – бродили в кустах по обе стороны ручья. В какой-то момент меня разбудил Бидрон, сказавший, что слышит, как что-то большое приближается, двигаясь вверх по течению. Я прислушивался в течение нескольких минут, но так ничего и не услышал.

12 марта 1969

Было приятно видеть наступление дня, даже при том, что ситуация с облачностью не улучшилась. Похоже, окутавший горы вокруг нас густой туман обосновался надолго. Чтобы развеять его, нужен был хороший свежий ветер. Начинался шестой день под его властью, и у нас появил-

ся некоторый скептицизм относительно перспектив когда-либо выбраться отсюда. Мы теряем наш загар!

Ребята из разведвзвода разделили с нами остатки еды. Ее едва хватило, чтобы заглушить грызущий голод, ощущаемый каждым из нас. Мы знали, что если в течение следующих двадцати четырёх часов не выберемся из этих гор или не пополним запасы, то достигнем предела своей выносливости. Из-за постоянной влажности у нас и пехотных разведчиков начали появляться проблемы с ногами.

Мы продолжили свой путь вдоль долины, которая, похоже, сужалась по мере того, как мы направлялись на запад. Майерс по-прежнему оставался в голове, но на место ведомого выдвинулся Сэенз. У Бидрона из-за грибка начала сходить кожа на ногах.

Около полудня мы перевалили через довольно крупный вторичный гребень, отходящий от возвышающегося над нами основного хребта, и поворачивающий параллельно «голубой линии», чтобы постепенно понижаясь, пропасть окончательно метрах в пятидесяти вверх по течению. Этот гребень обнаружился на карте, так что смогли точно опре-

делить наше местонахождение. Мы были менее чем в трёхстах метрах от НОП Билеша.

Мы вызвали их по радио и сообщили, что находимся рядом с их позицией, посоветовав им выдвигаться со своей НОП и идти вниз по течению на соединение с нами. Они согласились и попросили нас оставаться на связи с ними, чтобы нам внезапно не столкнуться друг с другом. На сей раз не будет никаких сигнальных выстрелов и воплей. Если Чарли еще не в курсе относительно нашего местонахождения, мы не собираемся указывать ему направление.

Нам понадобился ещё час, чтобы пройти последние триста метров. Мы были на северном берегу ручья, когда наш пойнтмен заметил метрах в двадцати пяти Соерса и Ракера, стоящих на той стороне в кустах рядом с большим сухим деревом. Благодаренье господу за рыжие волосы Соерса! Вне всякого сомнения, это был он. Мы пересекли ручей и присоединились к ним на их берегу. Когда мы пожимали друг другу руки, над обеими группами витал дух облегчения.

Билеш рассказал, что они только что перешли свежий след, пересекающий ручей менее чем в ста

метрах позади них. Враг рассылал патрули, чтобы найти и проследить за нами.

Мы быстро построились в колонну и направились обратно вниз по течению. В голове пошли Соерс и Ракер. Я был обеспокоен, увидев, что они идут тем же путём, которым мы пришли сюда. Но едва дойдя до вторичного гребня, пройденного нами ранее, они вновь пересекли ручей и углубились в подлесок на другом берегу.

Они двинулись дальше вдоль долины, держась в пятидесяти метрах от «голубой линии». Густой подлесок сменился более редкими двухъярусными джунглями. Двигаться стало намного легче, чем при вхождении в долину.

Мы вызвали роту «Чарли», чтобы доложить капитану Россу о нашем объединении и сообщить, что мы на пути обратно. Он сообщил, что в ходе планового патрулирования один из его взводов нашёл пилота «Кобры», находившегося в трехстах метрах к востоку от места аварии. Он рассказал им, что в первую же ночь на земле он разлучился со своим стрелком, который был ранен, когда их сбили. Им пришлось прятаться от патруля NVA. Пилот продолжал оставаться в укрытии, пока аме-

риканский патруль едва не наступил на него. Своего стрелка он больше не видел.

Капитан Росс посоветовал нам как можно скорее возвращаться на вершину хребта. Пилот был в плохом состоянии, а у парашютистов заканчивались вода и пища. Капитан планировал форсированным маршем выдвинуться на восток, к Шоссе № 1.

У нас были свои проблемы. У Бидрона, Килберна, и пары парней из разведвзвода была сильная опрелость ног. Во время одной из остановок Килберн снял ботинки и носки, и обнаружил, что вся кожа с его стоп осталась в носках. Межпальцевые складки были сырыми и кровоточили. Кое у кого из разведвзвода еще оставалось немного присыпки для ног, которой они были рады поделиться, но его состояние уже не позволяло обойтись одними лишь мерами, доступными в полевых условиях. Проверка всех остальных выявила ещё три случая, и показала, что у ещё десяти-двенадцати человек аналогичная проблема возникнет в течение следующих суток. Нам ни за что не забраться в гору на соединение с ротой «Чарли», и уж точно не пройти с ними шесть кликов до Шоссе № 1.

Мы вновь вызвали капитана Росса, чтобы проинформировать его о том, в какой ситуации оказались. Он порекомендовал нам встать лагерем на ночь, а утром следующего дня продолжить двигаться вдоль долины. Примерно в трёх кликах от нашего местонахождения была маленькая деревня. По всеобщему мнению её жители сочувствовали VC, но мы сможем получить там немного еды, и возможно нас сможет подобрать бронегруппа ARVN. У входа в долину, возле Шоссе № 1 действовал взвод «траков».

Он сообщил также, что по сообщениям из батальона на следующий день погода должна будет улучшиться. Если это случится, дивизия сможет использовать вертолёты, чтобы забрать нас всех.

Было уже позже 16.00, так что мы устроили НОП на том же месте, где провели предыдущую ночь. Мы вновь действовали вопреки тому, как нас учили, но из всего, что мы видели вокруг, это место было больше всего подходило в качестве оборонительной позиции. Кроме того, сложно найти место, где тридцать семь человек могли бы укрыться, оставаясь незамеченными. На этой стадии игры укрытие было важнее маскировки.

Мы распределили смены в охране — пять из шести человек, и одну из семи, каждая продолжительностью в полтора часа. Все были очень усталыми. Я задумался, от чего больше — от всей этой ходьбы или от нервного напряжения.

Ночь была тихой — пожалуй, даже слишком тихой. Около 01.30 насекомые и животные внезапно затихли. Шум не затихал постепенно — это выглядело так, словно кто-то вырубил выключатель. Я не был в охране, но мгновенно проснулся, когда это случилось. Я ощущал нервозность часовых. Затаив дыхание, я начал прислушиваться, пытаясь различить передвижение противника. Прошло несколько минут. Ничего. Не шевельнулся ни один листок, не сломалась ни одна ветка... Ничего! Я подумал было, что потерял слух, когда начали возвращаться обычные ночные звуки. Сначала тихо, потом все сильнее и сильнее.

Что бы там ни было, оно ушло. Природная сигнализация предупредила нас, что мы были не одни.

13 марта 1969

Наступил рассвет седьмого дня нашего нахождения на задании. Мы провели плохую ночь с ровным сном, перемежающимся попытками согреться

под внезапным дождём, начавшимся около 03.30. Нас мучил голод – на протяжении всей прошедшей недели у нас было по одному полноценному приёму пищи в сутки. Дождь был лишь добавкой к нашим страданиям, но, в конце концов, это был признак изменения погоды.

Мы находились на нашей НОП достаточно долго, чтобы выслать разведдозор для обследования местности вокруг периметра. Не хотелось оказаться в ловушке, когда мы выдвинемся из нашего укрытия. Они вернулись через пятнадцать минут, не найдя в окружающих нас джунглях ничего подозрительного.

Состояние четырёх наших товарищей, страдающих от опрелостей ног, ухудшилось. К ним добавился ещё один парень из разведвзвода. Штабс-сержант, старший над пехтурой, сказал Фэдели, что не уверен, что его люди смогут пройти и триста метров, не говоря уже о трёх кликах. Фэдели согласился. Бидрон и Килберн были в слишком плохом состоянии, чтобы идти.

Было принято решение пересечь ручей и найти ровное место, где можно будет вырубить посадочную площадку. Необходимо эвакуировать наших пострадавших, иначе мы все окажемся в ловушке.

Мы выступили около 11.00 и перебрались на южный берег ручья. Джунгли, казалось, начали отступать от воды. Когда туман начал немного рассеиваться, мы смогли определить, что долина расширилась. Двигаться стало легче. Подлесок все ещё был довольно плотным, но лианы, плети «подожди немного» и мелкие кусты высотой по лодыжку пропали. Я решил, что ручей, должно быть, периодически разливался, смывая травяной покров. Для нас это было счастьем.

В двух сотнях метров к югу от нашей НОП мы натолкнулись на место, где большая часть деревьев была вырублена. Возможно, когда-то это был садовый участок или деревня. Но, что касательно нас, это было прекрасное место, на которое могла приземлиться одна «птичка».

Фэдели и командир разведвзвода выделили половину личного состава в охранение сорокаметрового периметра, в то время как остальные взялись за мачете и боевые ножи ка-бар, чтобы расчистить мелкий подлесок. Фэдели связался с ротой «Чарли», сообщив им, что мы вырубаем посадочную площадку, и передав её координаты. Они должны будут передать наше сообщение на «Томагавк» и за-

просить пару медэваков для наших пострадавших с опрелостями, запланировав их прибытие на 13.00.

Потребовался час, чтобы расчистить место, достаточное по размеру для приема одного Хьюи. Ещё нам нужно будет свалить шесть деревьев по десять-двадцать футов высотой, росших на площадке. Чтобы срубить их четырьмя мачете, имеющимися у ребят из разведвзвода, потребовалось бы несколько часов. Клейморы, привязанные к каждому из них, сделают эту работу намного быстрее. Нам и раньше доводилось использовать Клейморы для этих целей. Они были весьма эффективны, если деревья были диаметром до двенадцати дюймов.

Мы установили наши шесть мин, направив каждую из них на юг. Провода мы вывели к ручью и соединили с замыкателями. Мы решили взорвать их за десять минут до того, как вертолёты прибудут на место.

Установив подковообразный периметр, мы принялись ждать, когда наступит время взрывать мины, и тут заметили, что туман начал редеть. Мы связались с ротой «Чарли». Оттуда ответили, что получили из штаба батальона сообщение о поднявшем-

ся за прошедшие полчаса ветре. Он начал отгонять туман на запад. Роте «Чарли» приказали прекратить движение и оставаться на месте в ожидании эвакуации. Капитан Росс посоветовал нам попытаться связаться с нашим «Шестым», находившимся в кружащейся над «Томагавком» вертушке управления.

Муноз быстро нашёл его, но сигнал был очень слабым. Мы обнаружили, что туман рассеивается очень быстро. У капитана Кардоны на «Томагавке» в ожидании вылета на нашу эвакуацию находилось шесть сликов и пара «Кобр», так что он отменил запрошенные нами два медэвака. Мы едва не разразились радостными воплями, когда Муноз сказал, что нас скоро заберут отсюда.

Над нашим периметром было видно синее небо, когда Фэдели вызвал борт управления и сообщил, что по его мнению уже достаточно ясно, чтобы выслать вертолёт. Капитан Кардона сообщил, что группа из восьми бортов подойдет к нам со стороны Шоссе № 1. К востоку от нас долина уже очистилась от тумана, но он все еще затягивал местность между нами и «Томагавком».

В 13.15 мы взорвали Клейморы. Вертолёты были в трёх кликах и двигались в нашем направлении. После того, как рассеялся дым от взрывов, мы обнаружили, что посреди площадки все ещё торчит ствол дерева толщиной дюймов двенадцать. Двое рейнджеров бросились к нему и принялись раскачивать, пока оно, наконец, не рухнуло.

Ротный передал, что подбирающие нас слики будут подходить по одному. Сразу к западу от нас долина сужалась, и местность выше и позади нас все еще частично покрывал туман. Он запросил, чтобы мы давали дым.

Фэдели бросил фиолетовый дым в центр площадки. Мы молча смотрели, как банка зашипела, а потом хлопнула, взметнув плотное облако дыма виноградного цвета, поплывшее вслед уносимым ветром облакам.

Первый Хьюи прибыл, прогрохотав над долиной в трёхстах футах над нами. Он заложил крутой вираж и резко развернулся над нами. Я выбежал в центр площадки, держа оружие двумя руками над головой, собираясь заводить борт на посадку. То, что представлялось нам достаточным для приземления одного Хьюи, оказалось, в лучшем слу-

чае, подходящим вплитык. Я держал свой CAR-15 прямо перед собой, давая пилоту сигнал зависнуть, пока он не сместился в сторону от восьмифутового пня, одиноко торчащего прямо под его хвостовым винтом. Наконец, когда он пролетел препятствие и оказался в центре поляны, я смог положить оружие на землю, давая сигнал садиться.

Семеро из разведзвода вскочили на ноги, бросившись к Хьюи, пока пилот готовился к быстрому старту. Когда все оказались на борту, я дал пилоту сигнал взлетать. Он поднимался медленно, в плотном, влажном воздухе вес семи пехотинцев и четверых человек экипажа представлял немалую проблему. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы подняться над окружающими деревьями на высоту, достаточную, чтобы совершить разворот и отправиться обратно вдоль долины.

Когда первый вертолёт клюнул носом и отвалил, следующий уже был над площадкой. Я видел, как пилот за своим плексигласовым остеклением отчаянно вертел головой направо и налево, направляя вертолёт прямо вниз. Он сделал это слишком быстро и сильно ударился, практически бросив свой борт на площадку. Он сломал одну из изо-

гнутых стоек, крепящих посадочные лыжи к фюзеляжу Хьюи. Похоже, пилот понял, что его машина повреждена. Он удерживал вертолёт в зависании, едва касаясь земли, когда оставшиеся шестеро человек из разведзвезда стремительно бросились к Хьюи. Пилот взлетел так же быстро, как и приземлялся. Должно быть, он был «вишенкой».

Третья вертушка была в ста метрах и уже на посадочном курсе. Этот пилот заходил, не пользуясь моими сигналами. Я видел, что двое бортстрелков, свесившись по бортам, направляют заход пилота. Лишь пуповина страховочных ремней удерживала их от пикирования башкой вниз на площадку. Я крикнул Фэдели, чтобы он забирал Бидрона и Килберна, и отправлялся на этом борту. Он не хотел улететь этим рейсом, но я был на площадке и изображал из себя «мистера диспетчера», так что у него не было выбора. Я оглядел наш сократившийся периметр, когда первая группа рейнджеров погрузилась на борт. Нас оставалось только восемнадцать. Целостность нашей группы была нарушена, когда Фэдели забрал двух моих людей, оставив на земле двоих своих. Билеш крикнул и указал шестерых рейнджеров, которые должны будут отправиться следующим бортом.

Теперь нас оставалось только двенадцать. К площадке подошёл пятый Хьюи, и я посмотрел на Джей-Би. Он ткнул в меня и махнул вверх. Оставшиеся члены моей группы и двое парней Фэдели полетят на этой птичке.

Я просигналил приближающемуся вертолёту, что он идёт чётко. Тот сделал стремительный заход, взмыв в последний момент, чтобы мягко опуститься на площадку. Я стартовал, бросившись согнувшись к левому борту «птички», сделав обратный полукувырок, чтобы приземлиться на краю кабины, свесив ноги наружу. Остальные пятеро рейнджеров ввалились с другой стороны. Я почувствовал, что вертушка поднимается, сначала медленно, а потом ускорившись, наклонив нос и направившись вдоль долины. Я услышал, что кто-то завопил: «Гуки – у них гуки на периметре». Я выглянул вниз, но было уже слишком поздно. Мы были в пятидесяти метрах от площадки, и хвостовая балка заслоняла обзор. По тому, как пилот набирал высоту, можно было сказать, что что-то идёт не так. Он старался как можно быстрее убраться оттуда.

Пока мы летели вдоль долины, Муноз по своей рации следил за эвакуацией группы Билеша. Он

крикнул, что когда взлетела наша «птичка», Ракер заметил поднявшегося возле периметра солдата противника. Он был прямо позади того места, откуда я заводил вертушки на посадку. Ракер и Соерс убили его. Тогда же наш пилот сообщил, что наблюдает скрытое перемещение к югу и востоку от площадки приземления. Он и стрелок с левого борта, набирая высоту, заметили продвигающихся сквозь деревья солдат NVA. Все это произошло слишком быстро чтобы бортстрелки смогли прореагировать.

Последний Хьюи заходил на посадку, когда по связи сообщили, что на посадочной площадке гуки. К их чести, они все равно попытались долететь до цели. Однако Билеш вышел на связь, и отменил эвакуацию. Противник был уже прямо над ними. Билеш быстро бросил ещё один дым в центр посадочной площадки и запросил, чтобы «Кобры» разнесли все к востоку, югу и западу от площадки приземления.

Пара ганшипов налетела, поливая огнём скорострельных пушек все, кроме той стороны периметра, где в кустах укрывались оставшиеся шестеро рейнджеров. Каждая вертушка сделала по два захода. Билеш наводил очередной заход, когда эвакуационный

борт попытался проскочить под прикрытием их миниганов. Ракер убил ещё одного NVA, метнув гранату через площадку. Противник выглядел растерянным, явно не понимая, кто перед ними, и где они находятся. Группа подбора сработала на отлично. Пара «Кобр» зашла, поливая из всех стволов. Их миниганы ревели, кромсая джунгли вокруг площадки приземления. Пилот слика провёл свой борт на минимальной высоте и максимальной скорости, зависнув прямо над поляной, в то время как «Кобры» разворачивались для следующего захода. Билеш, Соерс, Ракер, Петерсон, Андерсон, и Глэссер бросились к вертолёту, в любой момент ожидая, что окружающие джунгли взорвутся шквалом зелёных трассеров. Ракер, едва добежав до двери кабины, повернулся и выпустил очередь в ещё одного NVA, выскокившего из кустов прямо перед вертолётom.

Пока мы летели дальше вдоль долины, один из бортстрелков махнул назад, в направлении, откуда мы вылетели, а потом показал большой палец, кивнул головой и улыбнулся. Я понял, что группа Билеша эвакуирована.

Муноз вручил мне сигарету. Я подумал, как, черт возьми, ему удалось зажечь её в аэродинами-

ческой трубе, которую представляла собой кабина Хьюи. Но, в конце концов, это было не важно. Я сложил ладони чашкой, чтобы ревущий поток воздуха не вырвал её, и глубоко затянулся. Вкус табака был восхитителен. Я передал наполовину выкуренную сигарету через плечо Гроффу, и откинулся на него, когда наша вертушка вырвалась из долины и развернулась на север. Наша двух-трёх часовая задача продлилась семь дней, но как бы то ни было, мы все выжили!

Вертолёт вновь повернул на запад и полетел к базе огневой поддержки «Томагавк». Нам ещё нужно было высадить парней из разведзвода. Когда мы оказались на вертолётной площадке базы, то с удивлением обнаружили ожидающего нас там генерала Зэйса. Мы выпрыгнули из вертушек, пересекли площадку, и построились по группам. По его взгляду мы поняли, что нас ждёт, но надеялись, что это долго не продлится. Все, чего мы хотели, это хорошая еда и горячий душ. Генерал не задержал нас надолго. Он был настоящим солдатом, и понимал наши приоритеты. Он поблагодарил нас за жертвы, понесённые в ходе выполнения задачи, и сказал, что рейнджеры навсегда оставят

тёплую память в его душе. Мы продолжаем богатые традиции своих предшественников: LRRP 1-й бригады и роты F 58-го пехотного (LRP). После чего он отпустил нас, сказав, что проследит, чтобы в столовой кавалеристов нас ждал большой банкет, и не собирается влезать между доброй едой и четырьмя группами оголодавших рейнджеров.

Мы вновь быстро забрались в вертолёты для десятиминутного перелёта в Кэмп Игл. Мы отсутствовали так долго, что я уже и не помнил, как он выглядит. Приветствовать нас на вертолётке собралась вся рота. Те тепло и признательность, что мы получили от наших товарищей-рейнджеров, значили гораздо больше, чем пятиминутная речь генерала.

Они толпились вокруг, предлагая помочь донести до казарм оружие и снаряжение. Кое-кто выражал обеспокоенность нашим измученным видом и физическим состоянием. Как только они убедились, что мы в порядке, начались шутки – разумеется, вполне добродушные.

Шварц спросил, хорошо ли я провёл свой отпуск. Миллер пожелал узнать, не привёз ли я ему что-нибудь из Бангкока. Чемберс сказал, что меня

не было так долго, что он уже предположил, что я не вернусь. Так что он написал Барб, предложив занять моё место на нашей свадьбе в июне. Он добавил, что для неё это, несомненно, будет лучшим выбором. Знали бы вы этого Чемберса!

Все, на что мы надеялись – еда будет, и её будет много. Благодарение богу за стейки из нормального мяса, печёную картошку, зелёные бобы, рога-лики и свежие салаты. Нам сказали, что мы можем взять все, что хотим. Я наелся так, что, в конце концов, отдал остатки своего пирога Ракеру. После долгого отмокания под тёплым душем, я надел чистую форму и поковылял в «рейнджерскую ложу», чтобы выпить и забыться. Сегодня мне было что отметить. Я был все ещё жив, а когда отметил в своём дембельском календаре прошедшие семь дней, обнаружил, что мне осталось всего восемьдесят три дня.

Пришел Зо и сказал, что, в то время как мы сидели в джунглях, играя «в домики» с пехотой, к северу от Кэмп Эванс погиб мистер Поли. На обратном пути, доставив в госпиталь целый вертолёт раненых морпехов, он влетел на своем Хьюи в скрывающуюся в тумане горную вершину. Он вызвался добровольцем на задание, на которое не пошёл бы

никто другой. Два дня спустя Зо спустился по веревке к месту катастрофы, чтобы забрать тела. Они с мистером Поли были очень близкими друзьями. После этого наша попойка приобрела гораздо более мрачный оттенок.

14 марта 1969

В какой-то ранний утренний час 122-миллиметровая ракета прошила жестяную крышу нашей казармы и взорвалась у меня в затылке. Это было единственным разумным объяснением той дикой головной боли, что поприветствовала меня по пробуждении на следующий день. Я был удачлив, пережив удар ракеты, и ещё более удачлив, умудрившись не задохнуться, когда стадо диких слонов нагадило мне в рот. Реально – это был дед всех похмелей. Вся та замечательная пища, что я ел прошлым вечером, обильно сдабривая пивом, разбрызгалась по устилающим пол нашего четырехочкового сортира газетам. Я не смог поднять голову достаточно высоко, чтобы «приветствовать толчок», и ощущал себя полной задницей, пока Шварц не сказал, что я не первый, и не последний, у кого «амбарчик покосился».

Через пару часов я поправился настолько, что был в состоянии ходить, не ощущая себя только что сошедшим с карусели на местном карнавале. В переднюю дверь казармы засунулся Чэмберс, и спросил, слышал ли я, что «Мамаша» Ракер натворил прошлой ночью. Я помотал головой, что вызвало новый приступ боли и явственное ощущение, что внутри черепа под самой макушкой что-то болтается. Он проигнорировал мои муки, и продолжил свой рассказ. Было похоже, что «Мамаша» до колик возбуждён чем-то случившимся с ним во время высадки их группы на прошедшем задании. Они только что прибыли к точке высадки и цепляли спусковые верёвки. Первый сержант Карден, известный среди рейнджеров под не слишком лестным прозвищем «Кэби», был беллименом на высаживавшем Ракера борту. Стандартной обязанностью беллимена было следить, чтобы каждый правильно пристегнулся и как можно быстрее покинул борт, после чего он должен был сразу же втянуть верёвки внутрь покидающей район вертушки. Однако в тот момент «Кэби» действовал излишне рьяно и выпихнул «Мамашу» в открытую дверь прежде, чем тот успел схватиться тормозящей рукой

за свободный конец верёвки. Чтобы затормозить до скорости, позволяющей не убится при приземлении, ему пришлось схватиться за верёвку у себя над головой обеими руками, и в результате он обжёг себе ладони.

Вечером после возвращения с задания, когда мы «мариновали мозги», сидя в «рейнджерской ложе», Ракер, внезапно заявил, что вне себя от ярости за то, что проделал с ним Карден. Это было неправильно, с какой стороны не гляди, и он не собирался терпеть все это дерьмо, даже если этот парень был «проклятой лайферской свиньей». Он заявил, что он собирается пойти в ТОЦ (тактический оперативный центр) и немного потолковать с сукиным сыном, вышвырнувшим его из вертолёта.

Все подумали, что он лишь выпускает пар, так что никто не предпринимал попыток остановить его. «Мамаша», шатаясь, добрался до дежурки и ввалился внутрь, обнаружив первого сержанта сидящим за своим столом с закрытыми глазами. Ракер, не проявив ни малейшего уважения к званию и должности сержанта, покрыл его отборными ругательствами и спросил, какого черта тот вот так вот взял и выкинул его из вертолёта. Ответ «Кэби»

был вовсе не таким, какой хотел бы услышать старый добрый «Мамаша». И пистолет .45 калибра, который первый сержант сунул ему в лицо, был также вовсе не тем, что «Мамаша» хотел бы видеть.

Ракер перегнулся через стол, схлопотав при этом пистолетом Старшого по лбу, разоружил его, и швырнул на пол. Он был в процессе вколачивания разума в бывшего спецназовца, когда пара ворвавшихся рейнджеров прервала процесс. Но к тому времени «Мамаше» удалось отвесить несколько сокрушительных ударов. Когда двое рейнджеров растащили дерущихся, Ракер протрезвел достаточно, чтобы понять, какие большие неприятности он поимел – где-то между проведением остатка жизни в Ливенуорте* и казнью через расстрел. В то же время он был настолько пьян, что все это было ему совершенно до лампочки.

Через несколько секунд на место прибыли капитан Кардона и лейтенант Уильямс. Увидев, что случилось, они отпустили Ракера и остались погово-

* На военной базе Форт Ливенуорт находится главная военная тюрьма, предназначенная для содержания совершивших тяжкие преступления военнослужащих (прим. перев.)

ритель с первым сержантом Карденом. Офицеры приняли решение проигнорировать инцидент и заставили Кардена не настаивать на суде военного трибунала. Пожалуй, им стоило позволить «Мамаше» прибить его.

Я не мог поверить, что тут такое творится, а я об этом ничего не знаю. Но, в конце концов, проспал же я ту 122-мм ракету, попавшую в нашу казарму...

15 марта 1969

Капитан Кардона, продемонстрировав необычайную теплоту, сказал на утреннем построении, что все четыре группы рейнджеров, участвовавшие в поисково-спасательной операции, могут провести остаток дня, отдыхая и расслабляясь на Коко Бич. Он добавил к нам ещё две группы, одновременно с нами находившихся в поле к западу от Кэмп Игл.

Мы быстро похватали плавки, обрезанные форменные штаны, а кое-кто и те убогие оливковые трусы, которые все равно никто не носил, и совершили безумный рывок к двух с половиной тонному грузовику, припаркованному возле канцелярии.

Кто-то уже засыпал льдом несколько ящиков «Шлитца» и погрузил их на борт. Несколько надувных матрацев, чудом не сгнивших и не продырявленных, были принесены и ревниво охранялись их удачливыми владельцами. Мой собственный давно уступил опасностям казарменной жизни, а нового после возвращения из центра выздоравливающих мне не выдали.

У забравшегося в грузовик и усевшегося возле меня Ракера на голове была шишка размером с бейсбольный мяч. Он рассказал, что произошло прошлым вечером. Я посочувствовал ему и сказал, что «Кэби», очевидно, никогда не слышал историю капитана Шепарда, командира роты LRP, наступившего на мину, входя к себе в палатку. Он также выказывал презрение и отсутствие уважения к людям, которыми командовал. Похоже, некоторые люди очень тяжело поддаются обучению.

Пляж был великолепен. Мы остановились в маленькой деревушке поблизости от Хюе, где взяли свежих гигантских креветок и большую корзину зелёных морских крабов. Мы уже заезжали туда раньше. Они были восхитительны, будучи приготовленными в яме, заполненной углями и морски-

ми водорослями. Морская вода послужила чудесным лекарством для наших лишаяев, опрелостей, грибков и ссадин, полученных на выходе. Длительное отмокание в «морском рассоле», за которым последовала пара часов солнечных ванн, возродило наши тела и души. Некоторые рейнджеры пускали по кругу трубочки с травкой, в то время как остальные навалились на банки ледяного пива. Оба порока помогали измученным рейнджерам снять стресс.

К 16.00 мы были готовы вернуться в расположение роты. Ракер, наконец, успокоился, больше не обещая повесить шкуру «Кэби» на возвышающемся над «рейнджерской ложей» флагштоке. Все было прощено, но не забыто. Ракер засунул это подальше в глубины сознания, туда, где хранились все беды, боль и дурные воспоминания. Такое место было у каждого из нас. Это было личное пространство, в которое не было хода посторонним. Там блуждали призраки, гнило и разлагалось все плохое, выброшенное с глаз долой и из сердца вон. Мы были молоды. В будущем настанет время, когда нам придется разгрести этот чердак с кошмарами и дурными воспоминаниями, чтобы вытащить

на свет всю горечь, ненависть, и вину, упрятанную там во времена нашей юности. Но не сейчас! Нет, мы не были готовы к травмам такого рода. Мы все ещё были настроены на жизнь одним днём. «Херня, не имеет значения». «Дерьмо случается, чувак!» «Не стой позади меня, когда прилетит твоя пуля, бро!»

16 марта 1969

Игры и забавы кончились. Я получил предварительное распоряжение на новый выход. Мне и Ракеру предстояло отправиться с группой на обратную сторону горы Нуйки. Все то же старое дерьмо – найти ракеты, сыпавшиеся на Кэмп Игл! На сей раз нам придётся вести группу, полную новичков. Я решил, что больше не стоит называть их «вишенками». Прошедшая пара месяцев как следует поблесала их. Остальную часть группы составили Грофф, Лоутон, Килберн, и Грэг Краль.

Мы должны будем высадиться на рассвете семнадцатого в долине позади Лысой Горы. Я так часто бывал в этом районе, что он начал походить на дом.

17 марта 1969

Мы высадились на маленькой, заросшей кустарником полянке на середине обратного склона горы. Нам пришлось преодолеть 10-15 метров плетей «подожди немного», прежде чем оказаться в относительно безопасной зоне под покровом джунглей. Было здорово вновь оказаться в поле.

Мы «заложили собаку» на пятнадцать минут, пока Ракер устанавливал связь с ТОЦ. Удивительно, насколько она была четкой. А ведь между нами и Кэмп Игл была Лысая Гора. Связь – непонятная и совершенно непредсказуемая штука: она может быть отличной, когда предполагаешь, что её не будет, и исключительно хреновой, когда должна бы быть четкой, как колокольчик.

Я определил азимуты на вершины Нуйки и Лысой Горы – просто чтобы убедиться, что мы находимся там, где предполагалось. Меня уже высаживали не в том месте, и того раза оказалось достаточно, чтобы я не доверял чьим-либо суждениям. Если не полениться и перед тем, как выполнять задачу, перепроверить своё местонахождение, это может окупиться сторицей.

Мы осторожно двигались сквозь двухъярусные джунгли вниз, к долине, лежащей к западу от нас. Я помнил, что по дну лежащей у подножья горы долины с крутыми склонами должен извиваться небольшой ручей. Вода в нем была холодна и прозрачна. Через нашу зону ответственности проходило несколько троп. Некоторые были старыми и заросшими, в то время как другие поддерживались в необычайно хорошем состоянии. Похоже, наши группы, ведущие разведку, постоянно находились в тех краях. Довольно часто они обнаруживали противника, перемещающегося в том районе, или устраивавшего базовые лагеря для подразделений численностью от взвода до роты. Это были наши частные охотничьи угодья.

Шум текущей воды мы услышали прежде, чем увидели её. Я был в голове и остановил группу в нескольких метрах от неё, пока мы прислушивались к звукам, могущим указывать на присутствие противника.

Я был доволен тем, как действовали новички. Спускаясь в долину, они соблюдали должные интервалы, а звуковая дисциплина заставляла забыть об их неопытности. Было непривычно видеть та-

кую работу у рейнджеров, имеющих «за поясом» меньше шести выходов.

Как только мы убедились, что находимся в одиночестве, я повёл группу вниз, через окаймляющий ручей густой подлесок, к самому краю воды. Среди скал, усеивающих берега ручья, было почти прохладно. Прицепившиеся к листьям растущих на берегу кустов пиявки, слепо тянулись к нам, когда их органы чувств наводились на тепло наших тел. Я зачарованно смотрел, как эти похожие на слизняков маленькие ублюдки вставали на хвост и раскачивались взад-вперёд, стоило лишь подвигать перед ними рукой. Что за безмятежную жизнь они вели, лениво лежа возле протекающего по джунглям ручья в ожидании, когда еда сама пройдёт возле них. Они стали мастерами засад, в то время как их воздушные соседи, москиты, достигли совершенства в искусстве атаки с воздуха.

Я намеревался двинуться на север, пройдя около ста метров против течения, туда, где долина расширялась, и начинались трехъярусные джунгли. Это было место, где мы обычно сталкивались с мистером Чарли. Он любил трехъярусные джунгли. Они скрывали его тропы от наблюдения сверху, и дава-

ли тень, защищавшую от жары. Под тройным покровом практически не было подлеска. Гигантские папоротники и огромные, зелёные «слоновьи уши» нарушали подобный парку ландшафт, простирающийся под достигающими 150-футовой высоты тиковыми и махагониевыми деревьями.

Лиственный покров был столь плотен, что нередко солнечный свет не мог пробиться сквозь него, оставляя нас блуждать в мире бесконечного сумрака, перемежающегося периодами полной темноты. Темноту приносила ночь. Не ту темноту, что обычно ассоциируется с ночью – в этой тьме свет отсутствовал полностью. Как будто ты родился слепым, и даже память о свете не проникает сквозь покров тьмы, окутывающей сознание. Она окружает, ее удушающая близость заглушает внешние звуки, и в то же время усиливает биение собственного сердца. То там, то сям, на земле виднеются участки, испускающие зловещее свечение. Они не дают настоящего света, но их присутствие восстанавливает некоторое ощущение глубины и не даёт чувствовать себя погребённым заживо.

Только понимание того, что враг был столь же слеп, как и мы, позволяло переждать ночь и дотерпеть до наступления рассвета. Рейнджерам нужно

было научиться побеждать страх перед трехъярусными джунглями. В новичков они частенько вселяли такой ужас, что они начинали представлять угрозу для безопасности. Они больше пилились на деревья чем на местность вокруг них.

Как только мы разобрались с этим, то обнаружили, что под сенью высоких деревьев наши таланты в области скрытности и маскировки проявляются как нельзя лучше. Мы могли укрыться, оставаясь совершенно незаметными, и позволить подразделению противника пройти в нескольких футах от нас. Кроме пышной растительности, столь хорошо укрывающей нас, присущие джунглям глубокие, темные тени делали обнаружение нас противником практически невозможным.

Симфония капель влаги, падающих с верхних ветвей, медленно прокладывающих свой путь к земле, была бесконечной. Казалось, не имеет значения, идет ли в данный момент дождь, или его не было несколько дней. Ритм водяных капель, перепрыгивающих с листа на лист, постоянно напоминал нам, где мы находимся. На пропитанной сыростью почве рос густой мох, расстилавшийся под нашими ногами подобно толстому ковру.

Все опасности, с которыми мы сталкивались при патрулировании в трехъярусных джунглях, заключались в риске заблудиться и сложности эвакуации. Оказавшись там, мы обычно вскоре обнаруживали, что на наших картах есть лишь основные ориентиры, и совершенно отсутствуют такие вещи, как вторичные гребни, балки, распадки, седловины и уклоны. Добавьте сюда невозможность определить своё местоположение по местным ориентирам, и поймёте, что мы начинали немного нервничать, оказавшись под пологом густой растительности. Частенько нам приходилось связываться с артиллеристами, чтобы они сделали выстрел-другой вслепую – просто чтобы мы могли сориентироваться на местности.

Если, находясь среди трехъярусных джунглей, мы окажемся настолько неудачливы, что будем замечены, для благополучной эвакуации придётся уходить в сторону ближайшей поляны, воронки или речного русла. В некоторых случаях это может занять несколько часов. Когда противник идет по пятам, это быстро превращается в испытание на выносливость. При удачном раскладе сквозь деревья получалось спустить седло Макгвайра,

или пенетратор, чтобы выдернуть нас с опасного пути, но это было скорее исключением, чем правилом.

Было едва за полдень, когда мы оказались под покровом трехъярусных джунглей. Я заметил нервозность среди новичков. Патрулирование в таких условиях требовало определённой привычки. В пятидесяти метрах на противоположном склоне мы обнаружили тропу, имеющую признаки частого использования. Она превосходно сливалась с окружающей местностью, так что мы не видели её, пока не оказались прямо на ней. Обычно мы никогда не ходили по тропам, но сейчас я решил рискнуть. Идти по джунглям параллельно тропе, держась в пяти – десяти метрах, как нас учили, было пустой тратой времени и сил. Она все время извивалась туда-сюда, так что мы никак не могли постоянно держать ее в поле зрения. Кроме того, было практически невозможно идти траверсом по крутому, скользкому от влаги склону, не шумя при этом, как бросающийся в атаку пехотный полк.

Мы проследовали по тропе вверх, к гребню. Корни росших вдоль неё огромных деревьев тянулись там и сям поперёк тропы, образуя удобные, чёткие

ступеньки, делающие восхождение намного более лёгким.

Я двигался медленно, постоянно останавливаясь для прослушивания, и был доволен, что позади меня не доносится ни одного звука. Не единожды мне приходилось оборачиваться, чтобы убедиться, что я не ушёл, оторвавшись от остальной части группы. По мере приближения к гребню трехъярусные джунгли сменились двухъярусными. Сквозь нависающую над головой растительность начал пробиваться солнечный свет. Когда мы выбрались на гребень, я остановился. С верхушек деревьев свисали огромные плети лиан. Было слышно, как далеко вверху с ветки на ветку прыгают обезьяны. Мы испугнули их. Их паническое бегство должно заставить насторожиться всех северовьетнамцев в окрестностях вершины.

Я сошёл с тропы вправо и двинулся по склону горы, постепенно спускаясь и забирая в сторону. В течение часа нам нужно было найти надёжное укрытие и в течение вечера оборудовать там НОП. Я с удивлением обнаружил, что, северный склон горы, в отличие от восточного, по которому мы поднимались, был покрыт двухъярусным джунглями.

Двигаться стало чуть труднее, но вид неба над головой позволял нам чувствовать себя в чуть большей безопасности. Я обнаружил ровное место вдоль поваленного дерева и просигналил, что тут мы устроимся на ночь. Ракер отправил ситреп, пока я ориентировал карту, чтобы определить наши координаты.

Я сидел, откинувшись на рюкзак и положив сложенную карту на колени, и тут обнаружил самую большую многоножку, какую когда-либо видел. Эта чёртова хреновина выползла из-под бревна слева от меня и промчалась прямо у меня под ногами. Я замер в изумлении. Она была, пожалуй, десяти или двенадцати дюймов длиной, с угольно-черным телом и ярко-оранжевыми ногами. Я мог лишь подивиться всем тем неведомым существам, что ползали под, над и вокруг меня в те ночи, что я провёл, лежа в засадах вдоль троп, или устраиваясь на ночёвки на всех тех НОП, что сейчас уже и не вспомнить. Они были одной из причин ночных кошмаров, когда воображение живо рисовало мне всех этих обитателей. Во Вьетнаме кошмары становились реальностью.

Мы установили четыре Клеймора, направив два из них вверх по склону, а ещё два на фланги. Ухо-

дящий вниз склон был достаточно открытым и мы решили, что сможем забросать его гранатами, если противник решит приблизиться к нам с того направления.

Утром нам предстояло спуститься по северному склону, а затем свернуть в восточную часть нашего района разведки. Если мои расчёты были верны, мы выйдем к северной стороне Лысой Горы где-то в начале следующего вечера. Мы проведём в буше ещё одну ночь перед тем, как нас эвакуируют утром девятнадцатого.

Весь северо-восточный угол нашей зоны ответственности состоял из заросших бамбуком низин. Найти там подходящую посадочную площадку будет легко.

18 марта 1969

Вторая ночь прошла спокойно. Где-то около 02.00 мы услышали ожесточённую стрельбу из автоматического оружия в нескольких кликах от нашей позиции, в направлении базы огневой поддержки «Бирмингем». Похоже, какую-то линейную роту посетило минутное сумасшествие. Огонь не был продолжительным, так что мы ре-

шили, что это не похоже на прощупывание периметра или перестрелку. Может быть, это была засада, но мы не смогли различить взрывы Клейморов, обычно предваряющие американские засады.

Ракер пощёлкал своей рацией, прослушивая все доступные частоты, но так и не нашёл в эфире ничего, что указывало бы на причину пальбы.

На рассвете я распорядился, чтобы рейнджеры, разбившись на пары, позавтракали. Я решил, что на эту задачу отправлюсь первым классом, и прихватил маленькую бутылочку соуса Табаско. Несколько капель жгучей жидкости, которыми я спрыснул порцию риса с говядиной из своего пайка, придали немного интереса скучной, обыденной пище.

Когда мы закончили с едой, я передвинулся на край периметра и встал на колени, чтобы облегчиться. Рейнджеры давно научились справлять малую нужду в коленопреклоненной позе, поскольку звук разбивающейся о землю струи в джунглях разносится на пятнадцать-двадцать метров. Мастерство состояло в том, чтобы при этом не забрызгаться самому. Закончив, я наклонился и, подтянув к себе груду сырой листовы, накрыл ими «район

цели», чтобы замаскировать предательский аммиачный запах, характерный для американцев. В джунглях он выдавал нас с головой. Вьетнамцы, облегчаясь, оставляли ещё более сильный запах. Он больше напоминал кошачью мочу. Даже их дерьмо воняло не так, как наше, издавая характерный запах гнилой рыбы. Нередко это предупреждало наши группы об их присутствии задолго до того, как мы замечали их.

Скитаясь по джунглям, нам приходилось соблюдать исключительную осторожность. Наши зрение, слух и обоняние развились до такой степени, что мы стали чем-то вроде ходячих сенсоров. Наши глаза, уши, и носы непрерывно собирали данные о том, что нас окружает. Они тут же передавались в мозг для обработки, идентификации, и хранения. Для меня источником беспокойства, было то, что такие же способности, вне всякого сомнения, развивались и у нашего противника.

Мы сняли Клейморы, а затем в патрульном порядке двинулись на восток. Вскоре мы достигли дна долины, но последние двадцать метров спуска с хребта были сущим бедствием. Сорока пяти градусный уклон резко сменился, увеличившись до шестиде-

сяти, и нам пришлось катиться по скользкой грязи склона до самого дна долины. В отчаянных попытках контролировать спуск мы хватались за каждую лиану, деревцо или куст, мимо которых пролетали – безуспешно, результатом наших усилий была лишь широкая канава, оставленная в грязи на пути нашего спуска. Вернуться, чтобы замаскировать ее, не было ни малейшей возможности.

Я быстро повёл группу через заросшую лесом долину к пологому склону противоположного хребта, остановившись лишь при пересечении ручья, чтобы заполнить фляги. Оказавшись на другой стороне, мы двинулись в северо-восточном направлении, держась параллельно подножию хребта, пока не пришли к выводу, что от места спуска нас отделяет несколько сотен метров.

Мы поднялись метров на тридцать или около того вверх по склону, и выбрали место для ночёвки в маленькой, неглубокой промоине, позволявшей контролировать лежащую внизу долину. Позади находились плотные группы деревьев двадцатифутовой высоты, подобно живой изгороди скрывающие нас от обнаружения кем-либо, находящимся выше по склону.

День был в самом разгаре, но я решил остаться здесь, в укрытии, до завтрашней эвакуации. У нас было хорошее место, с которого можно будет наблюдать за лежащей внизу долиной, и мы услышим, если кто-нибудь будет спускаться по тропе со склона противоположного гребня. Кроме того, если кто-то нашёл наш след и решил нас выследить, я хотел оказаться выше, когда они выйдут на нас.

Мы провели ещё одну спокойную ночь, вслушиваясь во все, что казалось нам необычным. Было здорово оказаться подальше от пиявок, но их крылатые приятели, москиты, обнаружили нас сразу после захода солнца. Чтобы они не дотянулись до нашей кожи, мы плотно застегнули одежду и обмотали головы полотенцами, оставив открытыми лишь лица. Несмолкающее гудение заглушало все остальные звуки. Приходилось щуриться, чтобы они не лезли в глаза. К сожалению, зажмурить нос было невозможно. Я вдохнул троих или четверых, прежде чем сломался и растёр по лицу немного репеллента. Мне не хотелось пользоваться им в буше, но я решил, что в спокойном вечернем воздухе его запах вряд ли разнесёт далеко.

19 марта 1969

Солнце поднималось из-за гор позади нас, так что мы оставались в тени до 09.00. Нашу эвакуацию перенесли на 10.30, чтобы успеть высадить к юго-западу от нас, возле вазы огневой поддержки «Нормандия», две другие группы.

Мы тихо сидели, ожидая распоряжения капитана Кардоны выдвигаться к точке подбора, когда услышали голоса наверху, по ту сторону перелеска. Говорили не по-английски. В джунглях это могло значить лишь одно. В сорока-шестидесяти метрах от нас были вьетнамцы, предметом горячего обсуждения которых запросто могли быть мы. Мы залегли, заняв круговую оборону, в то время как Ракер вышел на связь с докладом об обстановке.

Внезапно в сотне метров вверх по склону от нас со свистом стартовала одна... две... три... четыре 122-миллиметровых ракеты. Мы инстинктивно прижались к земле, пока наш радист сообщал о множественном пуске.

Капитан Кардона передал, что находится в десяти минутах, и приказал выдвигаться к площадке приземления в ста метрах к северу от нас. Он

запросил координаты точки запуска ракет, сообщив, что, как только мы доберёмся до точки подбора, он вызовет огонь артиллерии по ней. Мы ответили, что координаты весьма приблизительные, поскольку пуск производился над самым гребнем возвышавшегося над нами хребта. Мы не могли определить точное место. В любом случае, я сомневался в способности артиллерии накрыть кого-нибудь. Обычно NVA уходили прочь через несколько секунд после пуска.

В ответном сообщении мы дали координаты тропы на противоположном склоне горы и посоветовали минут через пятнадцать отработать по тому району «вилли-питерами». При некоторой удаче они смогут застичь гуков на пути обратно в базовый лагерь. Снаряды с белым фосфором могут прибить кого-нибудь из них. В конце концов, дым хотя бы может задержаться подо всей этой листвой. Осколочные же снаряды лишь рванут в верхушках деревьев, вызвав больше страха, чем разрушений.

Путь к точке подбора шёл по относительно открытой местности. Мы находились на естественной полке, тянущейся вдоль склона и выходящей на небольшой холмик, фланкирующий возвышаю-

щийся над нами основной хребет. Это была хорошая точка эвакуации. Над самым гребнем хребта виднелся обратный склон Лысой Горы. С этого расстояния он выглядел весьма внушительно. Густота растительности на нем просто поражала. Склон, обращённый в сторону Кемп Игл, выглядел так, словно кто-то недавно выкосил его.

Мы остановились возле самой вершины лежащего перед нами холмика. Оставшиеся два десятка метров мы могли покрыть за те несколько секунд, что потребуются вертолёту на заход. Звук Хьюи становился громче по мере того, как он огибал Лысую Гору, направляясь в нашу сторону. Внезапно мы увидели его, в двухстах метрах от нас, и на сотню футов выше. Я бросил зелёную дымовую гранату в центр верхушки холма, пока Ракер связывался с заходящим на площадку сликом. Я выбежал на край поляны и принялся сигналить пилоту, в то время как остальные члены группы развернулись позади, прикрывая пути подхода. Пилот посадил вертушку в десяти метрах передо мной, и группа, вскочив из укрытия, бросилась в его спасительное нутро. Оглянувшись через плечо, я быстро последовал за ними, запрыгнув на оставленное для меня свободное место.

Насколько рейнджеры надеялись на эвакуацию после долгой, напряжённой задачи, настолько же они боялись этого финального броска к ожидающему вертолёту. Ни в какой другой момент на задаче они не чувствовали себя столь уязвимыми. Этот стремительный бег через открытое место от укрытия до вертолёта всегда вызывал зашкаливающий прилив адреналина. Во время этого рывка к спасению сердце отчаянно колотилось, шея судорожно вжималась глубоко в плечи в бессознательной попытке стать меньше. Ожидание пули, врывающейся в спину, было постоянным.

Кое-кто из парней говорил, что высадка оказывала на них такое же влияние, но я не могу с ними согласиться. На высадке бежишь в укрытие, а не из него. И, по крайней мере, видишь, откуда летят пули, даже если не слышишь их. На эвакуации ничего не видишь, и не слышишь. Взгляд обращён к вертолёту. Если пуля прилетит, то только в спину. Это имело значение.

Обратный полет был короток, почти столь же короток, как становился я сам. Осталось семьдесят семь дней. Если я стану ещё короче, мне придётся залезть на сундучок, чтобы пожать руку Миллеру.

20 марта 1969

Фил Майерс и я получили известие, что нашему производству во вторые лейтенанты дан ход. Из штаба дивизии сообщили, что потребуется ещё шесть недель на исполнение бумажной работы и отдачу соответствующих приказов. Первый сержант Карден сказал, что для производства в звание нас переведут в дивизию «Америкал»*. Быть произведённым в офицерский чин в том же подразделении, где служил солдатом, было против правил, традиций или чего-то там ещё. Я не видел в этом большого смысла, но в тот момент был слишком взволнован, чтобы спорить. Мечта всей моей жизни наконец-то начала осуществляться, и меня не заботило, какую цену надо будет заплатить, чтобы до-

* Дивизия «Америкал» (англ. *Americal*) — 23-я пехотная дивизия Армии США. Создана в мае 1942 года на острове Новая Каледония. После нападения на Перл-Харбор американское командование спешно направило три отдельных полка на оборону Новой Каледонии для отражения предполагаемой атаки японских войск. Хотя официальное название дивизии — 23-я пехотная, чаще всего, её называли «*Americal*» от сокращения «*American, New Caledonian Division*» (прим. перев.)

стичь её. Даже если мне придётся забыть об отпуске, что было вполне возможно.

Мне также сообщили, что моя отправка в Гонолулу запланирована на 29 апреля. Единственное, что беспокоило нас обоих – мы покидаем лучшую роту самой лучшей дивизии во Вьетнаме, чтобы отправиться в одно из самых худших по мотивации и командному составу подразделений в Юго-Восточной Азии – по обе стороны фронта.

21 марта 1969

Обратным ходом к нам вновь заехали «девочки-пышечки». На сей раз Красный Крест прислал двух других девчонок. И вновь те же игры с лёгкими закусками. Возможно, тыловые крысы и тащатся от всего этого дерьма, но нам куда больше нравится жажнуть по пиву и чутка погонять музыку.

Если Красный Крест соберётся действовать как надо, ему стоит отправлять девочек группами человек по пятьдесят, с трейлером пива и стерео в придачу. Большинство из нас успело позабыть, как это – танцевать и хорошо проводить время, так что это будет хорошей затравкой для возвращающихся обратно в Штаты.

Моя невеста написала мне о последних танцевальных причудах, которые были у них там, в Мире. С тех пор, как я оказался тут, у них появилось кое-что новенькое. Придётся мне по возвращении провести некоторое время, наблюдая, прежде чем взяться самому нарезать на площадке.

Нас снова «обракетили». Три штуки, сразу после обеда. Две упали за периметром, а последняя, никому не причинив вреда, взорвалась в расположении кавалеристов, среди защищающих «Кобры» обваловок. На наш счастье эти 122-миллиметровки никогда не были особенно точными. Несчастные ублюдки тащат эти проклятые штуки с самого севера, а потом нихрена не могут засадить ими в такую здоровенную военную базу, как Кемп Игл. Готов держать пари, что не один вражеский ракетчик сейчас бежит по джунглям с застрявшей в заднице офицерской сандалией Хошимина. Может быть, если они подтащат пусковые установки чуть ближе...

23 марта 1969

О боже, что за кошмар у меня был! Около трёх ночи я проснулся в холодном поту, держась за боковины своей койки. Обычно, я не помню свои

сны, но этот я, похоже, смогу нарисовать по памяти. Это был даже не совсем сон, а что-то более яркое – типа зловещего предупреждения. Я был на задании в Ашау. Со мной в группе были Чемберз, Соерс, Клоссон и Ракер. Мы были на пути к вершине холма, господствующего над сетью многочисленных троп. Повсюду были гуки, расхаживающие, словно по центру Ханоя. Мы постоянно докладывали, что вокруг нас тысячи северовьетнамских солдат, но никто нам не верил. Кто-то вышел на связь и приказал нам захватить нескольких из них, тогда за нами прилетят и эвакуируют. Ко всем чертям, мы были слишком коротки, чтобы играть с такими шансами, так что мы решили просто «заложить собаку», пока нас наконец не заберут.

Внезапно отовсюду появились динки, карабкающиеся к нам вверх по склонам. Мы принялись валить их, но на месте каждого упавшего появлялось ещё больше. У нас кончились патроны, и мы принялись закидывать их гранатами. Мы перебили столько, что им пришлось лезть по трупам, чтобы добраться до нас. И тут на нашей позиции раздался ужасный взрыв. Когда дым рассеялся, я увидел, что лежу мёртвый, рядом с исковерканными тела-

ми Соерса и Клоссона. Чемберз был рядом с нами с оторванными ногами. Ракер лежал в нескольких футах без обеих рук. Таких снов у меня не было со времен детства. Я натянул подстёжку от пончо на голову и попытался заснуть снова, но, похоже, был слишком возбуждён, чтобы делать что-либо, кроме как думать о своём кошмаре.

Это было просто смешно! Уже несколько месяцев у нас не было задач в Ашау. Мы редко выходили группами по пять человек, и кроме того, я никогда не ходил на задачи в Чемберзом. Слишком много несоответствий в фактах, чтобы принимать предсказание всерьёз. И все же я не мог выбросить это из головы. Все было чересчур реально, чтобы просто забыть об этом.

Я продолжал думать об этом после подъёма. Отправившись вместе со Шварцем и Ракером на завтрак в палатку-столовую, я решил рассказать им о своём сне, полагая, что они посмеются над ним, в какой-то части избавив меня от испытываемого беспокойства. Шварц сказал, что я рехнулся. Он сказал, что такой сон не что иное, как полная чушь. Никто из нас не стреляет настолько хорошо, чтобы перебить такую кучу гуков. Затем, чтобы под-

черкнуть несерьезность ситуации, он спросил, может ли он забрать мою камеру – на всякий случай, если пророчество осуществится.

Ракер воспринял мой сон чуть более серьезно. В конце концов, он был в нем одним из ключевых персонажей. Он сказал Джиму, что слышал много историй о солдатах, которым снились сны, предсказывающие их гибель в бою. И в ряде случаев предсказание сбывалось. На мгновение он, казалось, ушёл в себя, а потом, наконец, усмехнулся, и предупредил меня, что если я на самом деле начну выдавать все эти дерьмовые предсказания, он больше со мной никуда не пойдёт, и это будет лучшей гарантией того, что предсказание не сбудется.

Позже в тот же день ко мне в казарму зашли Соерс и Чемберз, и спросили, не в курсе ли я, когда примерно должно будет снести наше дерьмо. Они оба решили спланировать отпуска так, чтобы быть подальше отсюда, когда это случится.

В конце концов пришёл Клоссон, пожелавший узнать, когда это я успел подсесть на героин. Ох уж этот старина Шварци – прежде чем он закончит, об этом будут знать во всем расположении роты. Ну да ладно, в конце концов, я решил, что будет луч-

ше, если просто дать этому пройти и обернуть все в шутку. Черт, я уже слишком короток, чтобы меня вот так взяли и убили.

25 марта 1969

Через пару дней, приукрашенный в рейнджерском стиле, мой сон приобрёл черты настоящего пророчества. Кое-кто из парней попытался разузнать, не состою ли я в каком-либо родстве с Но-страдамусом. Один рейнджер из первого взвода вызвался отправиться вместе с нами – он сказал, что никогда не видел, как умирает столько гуков. Я пытался справиться со всеми этими насмешками и добродушным подтруниванием, но к концу дня решил, что с меня довольно.

26 марта 1969

Пришло предварительное распоряжение на выход в район базы огневой поддержки «Джек». За последние две недели в окрестностях базы возросла активность противника, что вызвало беспокойство дивизионного G-2 (разведотдела). Они передали информацию в G-3 (оперативный отдел), ко-

торый запросил полномасштабную разведку района. Рейнджеры получили работу.

Я вернулся заместителем командира в группу Клоссона. Ракера тоже назначили в эту же группу, но не в качестве радиста. Он сказал мне, что Клоссон поручил ему идти в голове. Марси и Фэдели получили другую группу, командиром которой стал Марси. Третью группу возглавит Зо со Шварцем в качестве ЗКГ.

В конце дня нас всех перебросят по воздуху на «Джек», а потом мы выйдем с базы в трех различных направлениях, чтобы выдвинуться в наши районы разведки. Мы будем находиться там трое суток. Нашей основной задачей будет наблюдение за перемещением противника в районе и, по возможности, захват одного-двух пленных. Дополнительная задача состояла в уничтожении кого-нибудь из них. Мы будем достаточно близко к «Джеку», чтобы получить всю необходимую поддержку, так что штаб дивизии дал добро ввязываться в любые неприятности по нашему желанию.

Лучшее в этом задании было то, что больше никто не подкалывал меня по поводу предчувствия. Это было настоящим облегчением. Я начинал чувствовать себя ротным комиком.

Командиры групп вернулись с предварительного облёта местности перед самой темнотой. Во время постановки задачи Клоссон сказал, что наша точка высадки находится к юго-западу от «Джека». Там был маленький ручей, извиваясь, протекающий по большому участку, заросшему слоновой травой. Патрули линейной пехотной роты с базы огневой поддержки «Джек» недавно наткнулись на свежие тропы, идущие с обеих сторон параллельно ручью. Нашей задачей будет наблюдать за передвижением противника по этим тропам, и попробовать кого-нибудь нахлобучить.

Группа Марси должна будет отправиться к западу от «Джека», к подножью гор, чтобы засесть на главном перекрёстке троп, что возле места слияния двух рек. Находящиеся в горах датчики сообщали о масштабных перемещениях противника по обеим тропам.

Зо пойдёт на северо-запад от «Джека». Разведывательные вертолёты дважды замечали нескольких солдат противника, бродивших возле заросших земляных валов, оставшихся от старой французской крепости. Оба раза с вертолёта открывали огонь, но северовьетнамцы исчезали в высокой слоновой траве.

Клоссон отметил, что организовываться все будет из Кэмп Эванс. «Джек» был одной из баз, обеспечивавших базовый лагерь бригады, находившийся к северо-западу от Хюе и к северу от площадки приземления «Салли».

27 марта 1969

После завтрака мы занялись снаряжением. Я загрузился гранатами – и осколочными, и «виллипитерами». В слоновой траве, где мы собираемся работать, они будут гораздо полезнее пуль. Клоссон распорядился, чтобы Лоутон и Хиллмен взяли по дополнительному Клеймору. В результате на этой задаче их у нас будет восемь.

Лоутон и Килберн потащат две рации, в то время как Ракер, получивший передышку, для разнообразия будет в голове. Я высказал желание пойти его ведомым, но Клоссон хотел быть впереди, где он мог контролировать наше продвижение. Поскольку среди остальных рейнджеров только у меня было достаточно опыта, я займу место замыкающего. Трое более «молодых» выстроятся цепочкой между нами. На обратном пути в казарму мы с Ракером задержались у склада и взяли пару сигналь-

ных фонарей-стробоскопов и несколько сигнальных ракет. Рейнджерам нечасто приходилось работать на открытой местности. Это потребует другой экипировки и иной стратегии – мы будем двигаться только по ночам.

Клоссон сказал нам, что «Джек» – это маленькая база огневой поддержки, расположенная на открытом, всхолмленном предгорье примерно в четырёх с половиной кликах на запад-юго-запад от Кэмп Эванс. Она находилась на небольшом холмике, возвышающимся над окружающей местностью футов на сорок. Там размещались батарея 155-миллиметровок и рота пехоты, обеспечивающая безопасность периметра. Для обеспечения нашей связи с тылом на базе разместится группа экстреев.

«Джек» лежал всего в трёх кликах к востоку от гор, которые Чарли считал своим домом, так что там могло происходить все, что угодно. Противник мог всего лишь собирать информацию, а мог планировать штурм «Джека» или Эванса. Клоссон сказал, что нанесение по «Джеку» смертельного удара не потребует больших усилий. Расположение базы не выглядело хорошо обороняемым, а слоновая трава вокруг периметра была выкошена всего метров на пятьдесят.

Мы взялись изучать карту местности. Горизонталей было явно немного, и они далеко отстояли друг от друга. Я заметил деревни Аплайтэнь и Аптэньтан, находящиеся в пределах нескольких кликов от «Джека» и Эванса. Каждая оборонялась маленьким подразделением «пиэфов»*. Возможно, что одна из них, а то и обе являются фокусом недавней активности противника. За короткий промежуток времени нашим трём группам предстояло обследовать большой участок местности.

* Южновьетнамские «народные силы» (*Popular Forces – PF*) представляли собой милиционные подразделения гражданской самообороны, задачей членов которых была защита деревень и посёлков, в которых они проживали, от нападений подразделений Вьетконга, а впоследствии и армии Северного Вьетнама. Изначально именовавшиеся Гражданской Гвардией и Корпусом Самообороны, они в 1964 году были введены в состав армии Южного Вьетнама. Ещё одной широко распространённой разновидностью подобного рода милиционных подразделений были «региональные силы» (*Regional Forces – RF*). Американские военнослужащие обычно придавали мало значения наименованию и принадлежности таких подразделений, дав им общее прозвище «рафпафы» (*RFPF – «Ruff-Puff»*) (прим. перев.)

Клоссон отпустил нас гадить, мыться и бриться, приказав к 15.30 быть на вертолетке. Нам предстоял перелёт в Кэмп Эванс длительностью добрых полчаса. Мы проведём там меньше десяти минут перед тем, как вылететь на базу «Джек». Наши слики и «Кобры» будут находиться на вертолётке Кэмп Эванса, готовые вылететь по первому требованию. Кроме того, в постоянной готовности будет находиться пехотная рота, представляющая собой готовое подразделение быстрого реагирования, если нам такое потребуется.

К 15.20 группа рейнджеров из восемнадцати человек и группа связи из шести экипировались и были готовы к выдвигению. В воздухе витало волнение. Большинство из нас чувствовало, что на этот раз мы отправляемся отвесить хороше-го пинка чьим-нибудь задницам.

Мы вскарабкались в наши вертушки и полетели на север, в направлении Кэмп Эванс. Вскоре, пересекая Реку Благовоний, по правому борту мы увидели город Хюе. Несколько минут спустя, под нами и чуть левее появилась площадка приземления «Салли». Я был удивлён её размерами. Она была большой, размером чуть ли не с базовый лагерь ба-

тальона, да ещё с местом для подразделений обеспечения. Не понимаю, почему её называют всего лишь площадкой приземления?

Наконец, мы добрались до Эванса. Он был довольно внушительен, не такой большой, как Кэмп Игл, но не намного меньше. Он расположился среди низких, холмистых предгорий, к востоку от крутых гор, отделяющих прибрежные равнины от северного конца долины Ашау. Вначале Эванс был домом для 1-й дивизии воздушной кавалерии, пока летом 68-го их не перебросили на юг. 101-я дивизия выделила одну из своих бригад, принявшую зону ответственности, ранее патрулировавшуюся кавалеристами. Необходимость выполнять задачи целой дивизии, имея при этом всего треть её численности, налагала серьёзную ответственность. Но 2-я бригада «Кричащих Орлов» проделала отличную работу, удерживая NVA в горах, где им было самое место.

Мы приземлились на узкой полосе асфальта, достаточно длинной, чтобы принять за раз десять-двенадцать вертолётов. Капитан Кардона вылез из своей вертушки управления, и обошёл все борта, приказав рейнджерам оставаться на месте до его возвращения. Потом он пересёк взлётку, и отпра-

вился к находящемуся в сорока метрах укрепленному мешками с песком бункеру оперативного центра.

Через несколько минут он вернулся и дал сигнал забираться обратно в вертолёты. Мы взлетели, разворачиваясь на запад для короткого прыжка на базу огневой поддержки «Джек».

Не могу сказать, что был впечатлён, впервые увидев «Джек». Клоссон был прав. Все это было как-то не очень. Первое, что я заметил, когда мы, заложив вираж, подошли с запада, это шесть 155-миллиметровых артсистем, расположенных на имеющих круглую форму позициях. Кольцо из мешков с песком трёхфутовой высоты защищало каждое орудие от осколков и настильного огня стрелкового оружия. В непосредственной близости было выложено несколько осколочно-фугасных снарядов. Каждое орудие было связано обложенными мешками с песком траншеями с находящимися в отдалении укрепленными бункерами для боеприпасов.

Периметр был маленьким, метров, наверное, семьдесят пять в поперечнике. Внутри были возвышающаяся над поверхностью земли столовая с прилепившейся с одной из сторон лачугой ради-

стов, и большой бункер управления. Ещё несколько крупных бункеров были разбросаны по всему расположению – в них, по-видимому, обитала пехотная рота, охраняющая «красноногих» (артиллеристов).

На периметре через каждые тридцать метров находились расположенные в хорошо укрепленных бункерах пулемётные гнезда. Между ними были проложены укрепленные траншеи. Мой взгляд скользнул к задним воротам, через которые внутрь периметра проходила дорога, ведущая от Аплайтэнь и Аптэньтан. Я был потрясён тем, что ворота, представляющие собой обтянутую колючей проволокой металлическую раму, охранялись единственным возвышающимся над землёй бункером – очевидное слабое место в обороне периметра. После того как бункер будет вынесен единственным выстрелом из РПГ, открыть ворота и пройти внутрь сможет даже отделение оставивших на время своё вязание старушек. Я подумал, что вряд ли передние ворота, выходящие на дорогу, ведущую в Кэмп Эванс, находятся в лучшем состоянии.

Пилоты высадили нас на дорогу сразу за задними воротами. Им пришлось сажать лишь по одно-

му борту за раз, из-за того, что поднимаемая ротором пыль ослепляла все и вся метров на сто вокруг. Оказавшись на земле, мы двинулись по ведущей в гору дороге к воротам, пройдя под безразличными взглядами сидящих в бункере бойцов. Надеюсь, с наступлением темноты они станут хоть немного более внимательными!

Сразу за проволокой нас встретил Е-7 из штабного взвода роты, сказавший, что послан сюда сообщить, что нас ожидает. Джон Луни, старший в группе, обеспечивающей радиосвязь, спросил сержанта, где его связисты могут установить свои рации. Их отправили к бункеру, находящемуся возле периметра сразу за задними воротами. Мы столпились вокруг оперативного сержанта, принявшего вкратце излагать нам последние разведданные. За прошедшие две недели их огневые группы устраивали засады в пределах тысячи метров от проволоки, четыре из которых оказались успешными. Каждый раз им удавалось убить не более трёх NVA. Мёртвые солдаты противника выглядели здоровыми, были хорошо вооружены и легко экипированы. Ни у кого из них не нашли никаких документов, однако была захвачена карта, на кото-

рой были обозначены все оружейные позиции, бункеры, и слабые места в заграждениях. Они отметили даже места установки Клейморов. Командир пехотной роты начал испытывать лёгкое беспокойство. Могу представить, почему. Кто-то собирался вышибить из них дерьмо. Думаю, на его месте я испытывал бы нечто большее, чем просто лёгкое беспокойство и постарался бы передвинуть отъезд в отпуск на недельку-другую поближе.

Сержант сообщил, что в последние три ночи они выставляли в окружающей базу слоновой траве посты прослушивания. В четырёх случаях они докладывали о движении в траве вокруг них, но не вступали в контакт. «Джек» продолжали разведывать.

Закончив доведение информации, Е-7 спросил, как мы собираемся вести разведку местности за пределами периметра. Командиры групп указали, что, похоже, основное движение было отмечено к западу от базы огневой поддержки. Поскольку противник, вне всякого сомнения, наблюдает за всем, происходящем на «Джеке», мы выйдем с базы после наступления темноты через восточные (передние) ворота. Как только мы окажемся вне периметра, то, описав дугу, повернём на запад и дви-

немся по группам, построившись уступом. Группа Клоссона будет слева. Группа Зошака пойдёт впереди по центру. И, наконец, группа Марси будет обеспечивать правый фланг. Мы будем сохранять это построение, пока не окажемся в 1500 метрах от периметра, где разделимся и отправимся в свои районные разведки.

Наша группа свернёт направо и устроит НОП возле маленького ручейка, бегущего к югу от базы. Один из высланных с базы патрулей докладывал об узкой, несущей признаки регулярного использования тропе, идущей вдоль северного берега ручья. Мы устроим минную засаду, установив в траве шесть Клейморов, и поглядим, что из этого выйдет.

Команда Зошака должна будет отправиться на три клика к западу, пока не дойдёт до слияния двух маленьких речушек, стекающих с гор. В том месте соединялись три главных тропы. Они должны будут устроить НП на одной из ближайших высоток, и вести наблюдение за всеми передвижениями противника как по тропам, так и по рекам.

Команда Марси свернёт на северо-запад, устроив НП и подготовив засаду возле свежей, ровной тропы, проходящей к востоку от старой, заброшен-

ной французской крепости примерно в двух кликах от «Джека».

Оказавшись на месте, наши три группы останутся там на трое суток, а то и больше, пока мы не поймём, что прячет в своём рукаве мистер Чарли.

Когда инструктаж закончился, мы побросали наши рюкзаки и отправились взглянуть вблизи на здоровенные 155-миллиметровки. Большинству из нас чуть ли не впервые удалось добраться до орудий, выручавших нас в столь многих случаях. Мы произвели на артиллеристов не меньшее впечатление, чем их рабочие инструменты на нас. Они сказали, что самым ненавистным в их работе было то, что им никогда не удавалось увидеть результат своих действий. Им нравилось стрелять по нашим запросам, потому что обычно, вызывая огонь, мы видели цель, и, как правило, сообщали по связи о результатах.

Линейные роты часто запрашивали артиллерийскую поддержку по окопаншемуся противнику или его предположительным позициям. К тому времени, когда пехотинцы могли проверить район попадания, Чарли, если они и были там вначале, успевали давным-давно «ди-ди»-хнуть оттуда.

Так что они редко сообщали об успешных огневых задачах. Compliments со стороны «дрочильщиков пушек» ещё больше увеличили нашу признательность в их адрес. Мы рассказали им, что если бы не их быстрая реакция и смертоносная точность, большинства из нас тут сегодня просто не было. Мы были достаточно мудры, чтобы никогда не упускать шансы улучшить отношения с артосами и пилотами вертолётов. Взаимное уважение было основным фактором в том, насколько быстрым и полноценным будет их ответ на наши просьбы о помощи.

Примерно за полчаса до сумерек мы вновь разобрались по группам и приступили к заключительной проверке экипировки. Старшие радисты определили кодовые сигналы тональным вызовом, позволяющие вести обмен основными данными между группами на этапе выдвижения в районы разведки. Мы будем выдерживать один и тот же азимут по компасу, чтобы сохранять тридцатиметровые интервалы между группами, но чтобы выдерживать единый темп, нам нужно быть в контакте друг с другом.

Мы дождались, пока не опустится полная темнота, прежде чем выйти в ворота. Обслуживаю-

щая «Джек» пехотная рота отозвала все свои патрули, засады и НП. Никто не хотел риска подстрелить своих, наткнувшись на них там, в темноте. Через ворота мы прошли цепочкой, решив перестроиться, как только достигнем западной стороны базы. Придётся подождать, пока мы не окажемся в паре сотен метров от периметра, прежде чем затевать наш хитрый маневр.

Все шло нормально. Мы двигались сквозь шестисьюфутовую траву, огибая базу. Группа Марси была в голове, затем шла группа Зо, а за ними мы. Для нескольких человек, идущих в голове колонны, проламывающих след для всех нас, движение, должно быть, было тяжёлым. Скользя по открытой коже, слоновая трава резала её как бритва. Слава богу, у большинства из нас были толстые кожаные перчатки, которые мы использовали для спуска по верёвке!

Мы, наконец, добрались до точки, которая, по нашим оценкам, находилась к западу от базы. Зо вскарабкался на плечи членам своей группы и взял обратный азимут на «Джек». Точно, как в аптеке! Он установил азимут в 270 градусов и дал группам сигнал сформировать строй трезубца, в котором нам

предстоит двинуться сквозь высокую траву к точке разделения.

Ракер шёл в голове нашей группы. Прямо за ним Клоссон в качестве ведомого. Лоутон был старшим радистом, потом Хиллмен и Килберн с PRC-25, настроенным на частоту артиллеристов, и наконец, я сам, в качестве замыкающего. Мне не нравилось тащиться позади, но в слоновой траве это имело свои преимущества. Идущие передо мной оставляли след, который превращал ходьбу в хвосте в удовольствие.

Я мало что мог сделать, чтобы скрыть наши следы. Слоновая трава не желала подниматься после того, как по ней прошло шестеро человек. Я попробовал было распрямлять траву позади себя, но вскоре понял, что все мои усилия бесполезны. Можно было лишь надеяться, что жёсткие стебли травы к утру выпрямятся сами.

Мы прошли, должно быть, всего семьсот или восемьсот метров, когда Килберн, идущий передо мной, внезапно замер на месте. Я развернулся, чтобы прикрывать наш тыл, и принялся ждать конца того, что счёл короткой остановкой. Прошла пара минут, прежде чем я почувствовал на своём плече

руку Килберна. Он прошептал в ухо, что Клоссон звал меня вперёд. Я приказал ему наблюдать за тылом и проскользнул мимо сквозь траву, чтобы переместиться в голову.

Среди травы было очень темно. Лишь свет, льющийся с полного ярких, сверкающих звёзд неба, позволял нам видеть на расстоянии трёх-четырёх метров. Когда я добрался до Клоссона, он стоял на коленях рядом с Ракером, который, казалось, пристально вглядывался вперёд. Клоссон разглядывал что-то у себя под ногами. Я встал на колени рядом, чтобы он мог шептать мне, не выпрямляясь. Я услышал, как он пробормотал: «Ракер наткнулся на что-то, идущее через траву. Похоже на провод линии связи, идущий от «Джека» в том же направлении, куда мы движемся». Я наклонился, и увидел это: кабель светло-голубого цвета, который NVA использовали для прокладки своих наземных линий связи. Мне уже приходилось видеть его прежде, в Ашау. Были предприняты определённые попытки замаскировать его, но острый взгляд Ракера обнаружил горизонтальную линию, совершенно неуместно среди моря растущей вертикально травы.

Я спросил Клоссона, дал ли он знать двум другим группам, что мы остановились. Он утвердительно кивнул, а потом спросил моё мнение о том, что нам следует делать. Я ответил, что провод, похоже, идёт туда же, куда и мы, и если мы продолжим двигаться в том направлении, то непременно столкнёмся с людьми на том конце. Думаю, что в этих обстоятельствах это будет не слишком мудрым поступком. Они услышат нас прежде, чем мы их. Мне никогда не приходилось оказываться в зоне поражения засады, и сейчас тоже не желал бы ничего такого. Черт, да я слишком короток для такого дерьма. Он согласился.

Он попятился к Лоутону, взял у него гарнитуру, и трижды просигналил нажатием на кнопку передачи, давая двум другим группам знать, что сообщение исходит от него. Затем дал ещё четыре сигнала – знак собраться у группы, посылающей сообщение. Получив ответ в виде одного и двух сигналов соответственно, Клоссон по цепочке оповестил всех, что две другие группы соединяются с нами. Он приказал не стрелять ни в кого, приближающегося сквозь траву с правого фланга.

Чтобы дойти до нас, двум другим группам потребовалось десять минут. Прежде чем двинуться к нам, Зо дождался, когда к нему присоединится группа Марси. Мы заняли круговую оборону, в то время как трое командиров групп принялись обсуждать варианты. Зо хотел оставить одну группу у провода, а две другие выдвинуть вперёд на фланги, и в таком порядке пройти вдоль линии до её начала. Он решил, что так мы сможем выгнать этих маленьких ублюдков на одну из фланкирующих групп и положить конец их шпионству. Марси же хотел добраться до тех, кто получает информацию, сидя на другом конце провода. Он чувствовал, что там мы сможем добыть гораздо более крупную дичь, чем на том конце, с которого ведётся передача. Ему понравился строй обратного клина, предложенный Зо. Он полагал, что это будет наименее рискованно.

Клоссон мудро заметил, что в темноте отправляться ловить связистов на любом из концов провода будет глупо. Шансы на то, что они уйдут из района, невелики. Им придётся несладко, попытайся они двигаться сквозь высокую слоновую траву. Они останутся на месте и продолжат передавать развед-

данные до тех пор, пока ситуация не станет совсем подозрительной. Он предположил, что для нас будет более разумным сместиться в ту или иную сторону, и устроить НОП. Утром мы сможем попробовать обойти их сзади и установить заслон на пути отхода. Как только мы окажемся на месте, то вызовем пехоту, которая, выйдя с базы, вспугнёт их, заставив выйти прямо на нас. Они не догадаются, где мы находимся, пока не станет слишком поздно.

Остальные командиры групп согласились с его планом. Это было не столь рискованно, как попытка разделаться посреди ночи с подразделением противника неизвестной численности. Они сами придут к нам, и эффект внезапности будет на нашей стороне, а не на их.

Марси рекомендовал двинуться на север и устроиться на ночь в старой французской крепости. Внутри её стен мы найдём себе какое-нибудь укрытие, откуда сможем наблюдать за всем происходящим на проходящей в нескольких метрах к западу тропе.

Командиры групп решили идти на северо-запад, колонной по одному, пока не доберёмся до окрестностей форта. Идти через слоновую траву растянутым строем очень опасно, но иного способа до-

браться до места, не оставив за собой многочисленных следов в густой растительности, у нас не было. По крайней мере, одиночный след не выдаст нашу численность какому-нибудь солдату противника, наткнувшемуся на него в темноте.

Мы начали движение с группой Марси в голове. Я оставался замыкающим и по мере сил пытался маскировать наши следы. Это было нелегко. Восемнадцать тяжело нагруженных рейнджеров, проходя ночью по заросшему густой слоновой травой полю, не могли не оставить на местности долговременных следов. Все, что я мог – сделать так, чтобы след выглядел, как будто ему уже несколько дней. Однако я знал, что при дневном свете мои попытки никого не одурачат.

Я был удивлён, когда группа остановилась посреди травы всего в полутора сотнях метров от точки старта. Вскоре по цепочке пришло сообщение, что головняк обнаружил старый форт. Он был заросшим и заброшенным. Похоже, он стоял оставленным уже много лет. На валах выросли деревья двенадцати-пятнадцатифутовой высоты, а внутренний двор зарос травой по пояс. От старых бункеров и огневых сооружений не осталось ничего кроме густо заросших сорняками углублений в траве.

Группа Марси прокралась внутрь, чтобы проверить старое расположение, в то время как две другие сдвоили ряды, заняв круговую оборону. Чуть позже группа вернулась, положив, что форт пуст. Казалось, никто не пользовался им целую вечность.

Мы вновь поднялись на ноги, и, быстро преодолев последние два десятка метров высокой травы, двинулись под прикрытие стен старой французской позиции. Мы заняли оборону, расположившись треугольником в юго-западном углу старой крепости. С двух сторон защиту от нападения обеспечивали валы шестифутовой высоты. Открытая сторона треугольника была обращена внутрь форта.

Каждый из командиров групп выставил охранение на своей стороне периметра. Мы выставили часового на гребне южной стены, в то время как группа Марси взяла на себя западную стену. Группа Зо перекрывала внутреннюю часть форта. Мы не имели ни малейшего понятия о размерах старой крепости, но можно было предположить, что в ней располагалась, как минимум, рота

легионеров*. Если их постоянные лагеря строились по тем же принципам, что и наши, это должен быть квадрат со стороной где-то около ста метров.

Было уже 22.30, когда мы принялись устраиваться на ночь. Пока Зо отправлял ситреп сидящим на «Джеке» «эксреям», мы перекусили, съев несколько энергетических батончиков и шоколадок из пайка. Он передал Луни наши планы на следующий день и попросил того сообщить о них капитану Кардоне для окончательного утверждения. Он должен будет договориться об использовании пехотной роты в качестве молота для нашей наковальни.

Через полчаса Луни вновь вышел на связь, передав, чтобы мы повременили с нашими планами до утра. Прежде чем мы проведём нашу операцию, ротный хотел облететь район на малой высоте. Прекрасно! Прямо какая-то вечеринка сюрпризов.

Каждые двадцать-тридцать минут по периметру базы «Джек» взлетали осветительные ракеты. Я решил, что наши находки заставили их понерв-

* *Имеется в виду французский Иностраннный Легион, подразделения которого вели боевые действия в Индокитае в конце 40-х, начале 50-х годов XX столетия (прим. перев.)*

ничать. Весьма непросто крепко спать ночью, зная, что по ту сторону проволоки сидят гуки, собирающие информацию о сильных и слабых местах обороны. И работают они явно не на бюро переписи населения. Что-то понеслось по трубам. Это витало в воздухе.

28 марта 1969

На рассвете Зо взял азимут на «Джек», и обнаружил, что толстозадый оранжевый шар солнечного света должен будет вылезти чуть ли не из самого центра базы. Кое-кто из наших заполз на вершину вала поглядеть, можно ли разглядеть низкий холм, на вершине которого расположился «Джек», охраняя юго-западные подступы к Кэмп Эванс. Несмотря на то, что мы находились всего в километре, нам не удалось различить очертания базы на горизонте. У находившихся там дистанция видимости была, по-видимому, столь же ограниченной. Настоящая жара ещё не наступила, но влажность и отсутствие ветра обещали, что к середине утра температура станет невыносимо высока.

На этих заросших травой равнинах мы были вне нашей естественной среды обитания. Большинство

наших выходов проходило в глубине лежащих к западу от нас гор или вдоль рек Благовоний или Сонгбо. Сень двух или трехъярусных джунглей и густые заросли бамбука по берегам рек обычно защищали нас от ужасной вьетнамской жары. Мы слышали, что на равнинах, лежащих к востоку от наших горных районов разведки, солнце могло стать убийцей. Однако у нас было лишь весьма смутное представление о том, насколько все это будет хреново.

К 10.00 температура перевалила за 100 градусов по Фаренгейту. И никакой тени или ручья с прохладной водой, способных снизить температуру хоть на пару градусов. От ротного не исходило ни единого слова об одобрении нашего плана. Мы засели под кустами и небольшими деревцами, росшими с обратной стороны вала, пытаюсь снизить влияние «поражающих факторов» солнечных лучей.

В полдень на связь вышли «эксреи», сообщив, что нам следует оставаться на месте, пока «высшие из высших» не решат, что делать. Так вот оно что! Теперь нашими планами занялись в штабе дивизии. Вот дерьмо!

Через несколько минут туда, где под подстёжкой от пончо сидел я, подбежал Ракер. Я развесил

её на нескольких низких кустах, пытаюсь получить хоть какую-то тень. Он сел на корточки и прошептал, что находился на южном валу крепости, наблюдая в бинокль за находящимся по ту сторону поля слоновой травы перелеском. Кажется, он заметил что-то необычное и хотел знать моё мнение о том, что это такое.

Мне не слишком хотелось вылезать из моего крохотного пятна тени, однако беспощадное солнце потихоньку начало превращать его в печь для пиццы. Я поднялся и последовал за «Мамашей» к просвету между двумя густыми кустами, растущими на вершине вала. Мы залегли и принялись разглядывать виднеющийся за верхушками слоновой травы узкий перелесок, находящийся в паре сотен метров от нас. Он протянулся с востока на запад, разделяя широкое поле пополам.

Он указал на восточный конец перелеска, находящийся к югу от места, где мы лежали, укрывшись в кустах, а потом вручил мне бинокль со словами: «Взгляни правее того высокого дерева на самом конце. Видишь что-нибудь необычное?»

Я поднёс бинокль к глазам, регулируя фокус правым указательным пальцем. Наконец, в поле зрения

выплыло чёткое изображение перелеска. Высокая трава закрывала большую часть деревьев. Я внимательно просмотрел участок в тридцать-сорок метров в поисках чего-либо, имеющего искусственное происхождение. И ничего не увидел. Нижние шесть-восемь футов перелеска скрывались за вершинами слоновой травы, так что в любом случае я не мог заметить что-либо, находящееся на уровне земли.

Я переключил внимание на верхушки деревьев. Он заметил наблюдателя или что-то ещё там, среди зарослей? Мистеру Чарли не впервой изображать из себя обезьяну, пытаюсь заметить американских солдат прежде, чем они подойдут слишком близко. Нет, ничего. Что я ищу? И тут я увидел это! Длинный, прямой стержень – слишком тонкий для древесного ствола. Он был очень маленького диаметра, и, казалось, не имел естественного сужения к концу. Я не мог различить, отходят ли от него ветки, но на таком расстоянии это и не мудрено. Я проследил взглядом, как он проходит сквозь крону самого высокого дерева и резко обрывается, чуть не доходя до его верхних ветвей. Антенна радиостанции? А что это ещё может быть? Не было замет-

но никаких бликов или отблесков. Как, черт возьми, «Мамаше» удалось заметить её? Я сам же ответил на этот вопрос, когда внезапно понял, что опознал длинную, прямую антенну лишь потому, что среди ветвящихся, угловатых фрагментов древесных крон она выглядела совершенно неуместно. В природе просто не существует объектов, имеющих столь математически точную форму, так превосходно сформированных в процессе создания, и способных пройти тест на нулевое отклонение от горизонтального или вертикального положения. Только человек добился способности проектировать и производить «линию без изломов «и смог сформулировать понятие «кратчайшего расстояния между двумя точками». Это явно должна быть какая-то антенна.

Я вернул Ракеру бинокль, и сказал, чтобы он не спускал с нее глаз, а сам отправился к Клоссону и остальным командирам групп. Мы с Ракером были уверены в том, что видели, но окончательный вердикт должны будут вынести командиры групп – им принимать решение и действовать, исходя из полученной информации.

Я бросился туда, где возле большой покрытой пластиком картой нашей зоны ответственно-

сти расселись Клоссон, Марси, Фэдели, и Зо. Призвав на помощь логику и основываясь на условиях местности и наличии укрытий, они пытались представить, где может находиться другой конец линии связи. Я присел рядом с ними на корточки, и произнёс, не обращаясь ни к кому конкретно: «Парни, вам стоит подойти и взглянуть на то, что нашёл Ракер».

Зо спросил: «Что это?»

Я секунду помедлил с ответом, не желая навязывать им какие-либо идеи. «Вам стоит посмотреть самим. Мы не очень-то уверены, но выглядит оно подозрительно!» Мы впятером пересекли пятнадцать метров открытого пространства до места, где спиной к нам среди кустов лежал Ракер. Клоссон всунулся рядом с ним. Взяв у Ракера бинокль, и глядя вдоль его руки с вытянутым указательным пальцем, Клоссон внимательно изучил далёкий перелесок.

Прошло несколько минут, прежде чем он обернулся и произнёс: «По мне так это похоже на радиоантенну».

Зо, Фэдели, и Марси по очереди приняли участие в разглядывании и опознании объекта нашего лю-

бопытства. Каждый из рейнджеров был согласен с тем, что это действительно была антенна. И можно смело биться об заклад – там, где имеется антенна, найдётся и радиопередатчик. Богатая жила! Мы только что обнаружили, где заканчивается проводная линия связи.

Командиры групп заторопились к своим рациям, чтобы передать известие о нашей находке «экскреям». У нас было несколько вариантов. Мы можем вызвать авиацию или артиллерию, и просто вынести все это место. Мы можем осуществить изначально задуманную операцию «молот и наковальня». В конце концов, мы можем взять, и сделать все сами. Теперь, когда мы знаем, где находится передатчик, мы с наступлением темноты сможем выдвинуться сквозь траву, занять позиции, и напасть на них на рассвете следующего дня, прежде чем они поймут, что случилось.

Мы решили, что при выборе третьего варианта мы сможем взять одного-двух пленных и будем иметь лучший шанс на уничтожение радиостанции и всей группы радистов. Постараться выйти на позицию, оставшись необнаруженными, будет очень тяжело, но на то, чтобы добиться этого, у нас бу-

дет целая ночь. В предутренние часы их группа связи, скорее всего, будет спать, и они даже не смогут предположить, что американские солдаты подкрадутся к ним в темноте. Шумные американские пехотинцы никогда не двигались по ночам. Однако, на рейнджеров это не распространяется. Ночь принадлежит нам.

Мы решили выдвинуться колонной по одному где-то после 23.00, так что у нас будет целых пять часов, чтобы выйти на позицию. Мы подберёмся так близко, как только сможем, используя в качестве ориентира высокое дерево. Добравшись до точки, находящейся метрах в двадцати от крайних деревьев, мы начнём разворачиваться в линию, центром которой будет пойнтмен, пока все восемнадцать рейнджеров не окажутся стоящими в ряд перед перелеском. Мы ударим по сигналу, с первыми лучами света.

В 23.15 мы выдвинулись, как планировалось. Шварц шёл в голове, а Зо ведомым, сразу за ним. Перед самым закатом Зо определил азимут на высокое дерево, и теперь направлял Шварца на 190 градусов. Радист Зо считал шаги, отслеживая пройденное нами расстояние.

Мы находились в траве, должно быть, около сорока пяти минут, и вероятно покрыли половину из двухсот метров, отделяющих нас от перелеска, когда радио Лоутона разразилось сумасшедшим шипением. Кто-то бешено давил тангенту, пытаясь просигналить об опасности. Все замерли на месте. Никто не шевелил ни единым мускулом. Где-то в колонне что-то было не так, но никто из нас не знал, где.

Прошло десять минут, прежде чем я увидел, как Лоутон продвинулся вперёд, и передал гарнитуру Клоссону. В слабом свете звёзд я едва мог различить, как он, кивая головой, говорит с кем-то. Наконец он повернулся к Лоутону и что-то очень тихо прошептал ему в ухо. Закончив, он посмотрел на находящуюся позади его радиста остальную часть группы, и прижал палец к губам. Затем он показал знак «идущие люди», и указал на голову колонны. У группы Зо было движение с фронта!

Через несколько минут Клоссон вновь повернулся и зашептал своему радисту, который, в свою очередь, передал его слова человеку позади него. Когда сообщение, наконец, добралось до меня, я внимательно вслушался в слова Килберна, говорящего:

«Множество гуков только что прошло мимо Шварца и Зо. Больше пятидесяти. Направляются к «Джеку». Группа Зо возвращается к нам. Группа Марси на подходе. Занимаем круговую оборону на нашей позиции».

Господи Иисусе! Сапёры выдвигаются, чтобы ударить по «Джеку», и мы, блин, едва не наткнулись на них. Внезапно позади меня появился Фил Майерс, пойнтмен Марси, и сказал, что их замыкающий сообщил о движении позади нас. Похоже, это ещё одна группа сапёров. Сукины дети, что если они пересекут тропу, которую мы только что проделали? Они могут пройти по ней прямо нам в задницу.

К этому времени к нам с двух сторон подошли две другие группы и поспешно заняли периметр. Зо приказал всем замереть, пока мы вслушивались, пытаюсь распознать какие-либо признаки движения противника вокруг нас.

В течение следующих десяти минут все было тихо. От замерших в высокой траве рейнджеров не исходило ни звука. Тогда Зо расположился в середине, разместив нас всех на оборонительных позициях лицами наружу. Похоже, только он был в курсе общего поло-

жения дел. Слева от меня был Ракер, а справа – Килберн. По другую сторону от нашего младшего радиста мне был едва виден Майерс. Позади меня послышался шум. Обернувшись, я увидел Зо и Марси, занявших вместе со старшим радистом Зо и младшим радистом Марси командную позицию в центре нашего периметра. Они медленно пригибали слоновою траву к земле. Я решил, что они пытаются расчистить внутреннюю часть периметра, чтобы иметь возможность наблюдать за находящимися на оборонительных позициях рейнджерами. У нас была хорошая маскировка, но никакого укрытия. Я понятия не имел, как далеко сможет пролететь пуля сквозь слоновою траву, не теряя своей убойной силы.

От одного другому по периметру передали: «Никакой стрельбы, только гранаты». Я быстро отцепил четыре осколочных и положил их возле коленей. Место было совсем неподходящим для перестрелки! Они окажутся у нас на горбу прежде, чем мы успеем их засечь. Уж лучше использовать гранату в качестве камня, зажав её в кулаке и колотя ублюдков по головам.

Ракер прошептал: «Каждому второму, начиная с тебя, выдвинуться метров на пять и устано-

вить по Клеймору. Слегка под углом, чтобы отвести от нас ударную волну». Я быстро снял рюкзак, вытащив мину, находившуюся сразу под клапаном. Я положил замыкатель рядом с гранатами и, передав сообщение Килберну, принялся отматывать пять метров провода, а затем заскользил прочь от периметра, чтобы установить мину. Когда я достиг точки, в которой свободно провисавший провод начал натягиваться, я привстал на колени, держа Клеймор перед собой. Я разложил ножки мины и воткнул их в землю у своих ног. Болтающийся на конце провода детонатор я вставил в одно из гнёзд, расположенных на верхней плоскости мины, возле прицельной прорези. Закончив, я туго закрутил крышку гнезда, зафиксировав в нем детонатор, и обернулся через плечо, чтобы выровнять Клеймор в соответствии с направлением провода. Я убедился, что он находится под углом в сорок пять градусов относительно периметра. На расстоянии пяти метров идущая обратно взрывная волна может оказаться смертельно опасной.

Я сделал кувырок назад и пополз обратно вдоль провода, используя его как путеводную нить, ведущую к моему месту на периметре. Майерс как раз

возвращался, установив свой Клеймор. Я присоединил обратный конец провода к лежащему у меня в ногах замыкателю и, прежде чем положить его на место, удостоверился, что предохранитель включён.

Я услышал, как Зо позади меня предупреждает «эксреев», что к их местонахождению движется, по меньшей мере, две группы противника численностью по пятьдесят, а то и более человек. Он посоветовал им готовиться к немедленному нападению. Затем он вызвал офицера управления огнем с базы «Джек», сообщив ему наше местонахождение и координаты для четырёх предварительно намеченных артиллерийских ударов, каждый в 150 метрах от нашего периметра. Если ночью мы окажемся под ударом, нам понадобится поддержка артиллерии: быстрая и очень-очень близкая.

Голос на том конце ответил, что мы находимся слишком близко, чтобы он мог поддержать нас своими «дудками». Он посоветовал связаться с базой «Раккассан» и запросить поддержку у них. Эй, чувак, а ничего, что «Раккассан» чёрт-те где в горах, в двенадцати кликах от нас?

Я поглядел на часы. Было 00.20 и до рассвета оставалось ещё шесть часов. А за шесть часов хрен знает что может случиться.

Потянулось ожидание. В 01.00 Зо отправил негативный* ситреп. В ответ «эксреи» прошептали, что с их стороны тоже все тихо.

В 02.00 Зо радировал ещё один негативный ситреп. Что-то близилось. Мы все чувствовали это. Вокруг было чересчур тихо. Выйдя на связь, Луни сообщил, что на базе за проволокой перестали стрекотать сверчки. 155-тки приготовились обстрелять ближайшие складки местности снарядами с ГПЭ**. База была приведена в готовность номер один. Когда начнётся нападение, они будут наготове.

Атака на базу «Джек» началась в 02.20. Сражение началось с оглушительного грохота Клейморов. Спустя какую-то секунду в дело вступили М-16 и М-60. Мы пытались расслышать более низкие «бам-бам-бам» АК-47 и размеренный стук

* В данном случае подразумевается отсутствие каких-либо происшествий и/или изменений в обстановке (прим. перев)

** Готовые поражающие элементы (в просторечии – «стрелки») (прим. перев)

очередей РПД. В течение первых шестидесяти секунд казалось, что в бою участвует лишь одна сторона – Кричащие Орлы. Вскоре слышались раскатыстые разрывы миномётных мин. Было сложно сказать, чьи они были, но кто бы то ни был, он вел огонь в бешеном темпе.

«Бабах... бабах!..» Снова Клейморы. А, может быть, подрывные заряды?! Мне вспомнились плохо охраняемые задние ворота «Джека». Несомненно, северовьетнамцы пробьются сквозь них в самом начале боя. Наши «эксреи» расположились в бункере рядом с оборонительной позицией, прикрывающей те тыловые ворота.

Спустя пятнадцать минут сражение все ещё бушевало. Из Кэмп Эванс прибыли две «Кобры», начавшие по очереди совершать заходы, поливая из миниганов местность вдоль западной стороны осаждённой базы. Мы слышали протяжный рыгающий звук их скорострельного оружия, чьи красные трассеры пережёвывали атакующих солдат NVA. Тысячи ярко-красных трассеров рикошетили, фонтанами улетая в ночь. О господи, вот это перестрелка! Похоже, «Джеку» на самом деле задали жару.

Внезапно слоновая трава наполнилась звуками: звуками, которые мы сначала не могли опознать. Это было очень похоже на шелест одежных щёток. Когда мы услышали его впервые, он казался далёким, но постоянно нарастал, пока не охватил нас с боков, а потом и со всех сторон. Боже, это был звук слоновой травы, трущейся об одежду быстро движущихся людей. Множества быстро движущихся людей.

Должно быть, это и был главный удар. Первое нападение на базу «Джек» было отвлекающим маневром. А настоящее начиналось только сейчас – и шло прямо через нас. Казалось, мимо нас проходят сотни человек. Они спешили оказаться там, куда стремились. Время от времени они останавливались, и звуки стремительного движения северовьетнамских солдат сменялись мёртвой тишиной. Через несколько секунд они определялись с направлением, и все начиналось вновь.

Так продолжалось на протяжении получаса. Не знаю, сколько человек прошло мимо нас, но если бы на «Джеке» узнали точное число, они там, пожалуй, пришли бы в ужас.

Примерно через полчаса после начала движение начало затихать. Зо уже доложил «эксреям» о последних изменениях в обстановке. Каким-то образом им удалось пережить первое нападение, но они были вынуждены принять бой внутри периметра, когда множество саперов преодолело заграждения и прорвалось сквозь линию бункеров. Новая информация о намечающемся главном ударе явно заставила их вздрогнуть.

Они вышли на связь через несколько минут и сообщили, что командир базы вызвал ганшип «Спуки»*. Прибытие С-47 с его «Гатлингами» ожидалось с минуты на минуту. До этого я ни разу не присутствовал при работе этих тихоходных крылатых «орудийных платформ», но мне рассказывали, что при обороне стационарных объектов это

* Самолёт огневой поддержки, созданный на базе транспортного самолета С-47 «Дакота». Вооружен тремя шестиствольными пулемётами «Миниган», установленными в грузовой кабине и ведущими огонь перпендикулярно курсу. Тактика применения состояла в том, что самолёт закладывал вираж вокруг цели, что позволяло в течение довольно длительного времени концентрировать на ней огонь с высокой интенсивностью (прим. перев)

настоящая машина опустошения. Этой ночью ему предстоит неплохая работёнка! Между нами и базой «Джек» чертова прорва враждебно настроенной публики.

И тут мы услышали, что началась настоящая атака. Она началось с трещащего звука, похожего на плотный огонь крупнокалиберного автоматического оружия. Сначала никто из нас не понял, что это такое. Я услышал, как Зо пробормотал: «Ебать, да это РПГ!» Я обернулся, уставившись на него. Мужик, ты чего?! Никто не сможет собрать столько РПГ в одном месте. Реактивные гранатометы обычно используют для поддержки атакующей пехоты, выбивая укрепления и пулемётные гнезда. Если звуки, которые мы слышали, издавали РПГ, то, должно быть, ими были вооружены все силы атакующих.

Я видел, что может натворить единственный РПГ. База хапала их сотнями. Бедные ублюдки на «Джеке» – они оказались в аду.

И снова вокруг нас началось движение противника – на сей раз ещё больше и ещё ближе. «Джеку» ни за что не выдержать нападения такого количества северовьетнамцев. Очевидно, они были

полны решимости стереть базу с лица земли. Единственным спасением для «Джека» был «Спуки».

Внезапно на северной стороне нашего периметра взорвался Клеймор. Группа Марси! Кто-то из группы Марси вступил в бой. Теперь мы тоже в деле!

Флажки предохранителей перещёлкнулись на автоматический огонь, когда каждый из рейнджеров приготовился подороже продать свою жизнь. Северовьетнамцам придётся дорого заплатить, чтобы прикончить нас.

Тишину прорезал резкий шепот Зо: «Никакой стрелковки... никакой стрелковки! Только гранаты и Клейморы. И прежде чем взрывать, убедитесь, что знаете, где они».

Держа CAR-15 правой рукой, я наклонился, чтобы взять в левую замыкатель Клеймора. Сначала я рвану его, а потом воспользуюсь гранатами.

Прошло десять минут. Ничто не происходило! Через несколько минут после того, как сработал Клеймор, движение вокруг нас усилилось. Но потом оно, вроде бы, быстро переместилось прочь от нас, в направлении базы. Каково черта нужно этим ублюдкам? Неужто мы недостаточно крупная дичь для них? Может быть, когда наш Клеймор

взорвался, они не были уверены, на что наткнулись. Возможно, они списали это на обычную мину. Но, скорее всего, у них был приказ любой ценой уничтожить «Джек». За нами они вернутся позже.

В тот самый момент, когда мы решили, что нам предоставили отсрочку, мы слышали их снова. На сей раз, они были с двух сторон – с севера и с востока. Они двигались быстро, явно торопясь куда-то добраться.

Я положил замыкатель Клеймора и взял гранату. Клеймор стоит приберечь на тот случай, когда они атакуют наши позиции. Пока они лишь пытаются определить наше местонахождение, гранаты срабатывают гораздо лучше.

Мы слышали, как они движутся и коротко, приглушённо переговариваются в траве. Две гранаты рванули в двадцати метрах передо мной. Я не знал точно, кто их бросил, но предполагал, что это были Майерс и Гаррисон из группы Марси. Движение было ближе всего к их позиции. Остальные рейнджеры принялись швырять гранаты в окружающую траву.

Я вытянул чеку из гранаты, которую держал в руке, и дал рычагу отскочить. Сосчитав: «Одна

тысяча один... одна тысяча два...», я метнул её прямо перед собой метров на пятнадцать.

После взрыва я быстро схватил ещё одну гранату и по высокой дуге забросил её чуть дальше места, где приземлилась первая.

Когда наши гранаты начали рваться в высокой траве, повсюду полетели осколки. Рейнджеры пытались спутать представление противника о нашем местоположении и воспрепятствовать попыткам организованной атаки на наш периметр. Было необходимо вывести их из равновесия, пока мы не подойдёт какая-нибудь помощь.

Нападение на базу огневой поддержки «Джек» все ещё продолжалось. Плотный огонь быстро нарастал, достигнув пугающего крещендо, а потом внезапно начал утихать, снизилась до отдельных отрывочных выстрелов, но полностью так и не стих. Затем вновь полетели ракеты РПГ, встреченные очередным шквалом огня стрелкового оружия американцев.

Кобры израсходовали боеприпасы и вернулись в Эванс на перезарядку. В их отсутствие северовьетнамцы начали массированную атаку на северную и западную стороны периметра «Джека». Мы

услышали гулкие выстрелы 155-миллиметровок, выпустивших свои заряды в упор по рядам атакующих NVA.

Через несколько минут Клоссон прошептал, что рой снарядов, выпущенных «большими пушками» переломил хребет атаке северовьетнамцев. Они отступали от периметра базы. Луни передал, что пехотинцы добивают пробравшихся за проволоку сапёров. Только что прибывший «Спуки» принялся нарезать круги в вышине на случай, если противник решит попытаться атаковать ещё раз. Он передал, чтобы мы готовились к нападению на наши позиции, и предупредил, что у NVA все ещё достаточно людей. Они не смогли взять базу, и наверняка захотят выместить злость на любом, кто будет иметь несчастье оказаться у них на пути. Если они будут отступать на запад, к горам, с которых они пришли, как раз на их пути окажемся мы.

Вскоре мы слышали, как приближаются оставшиеся в живых NVA. Они не пытались скрыть своё передвижение. Они приближались быстро и, похоже, были повсюду в траве. Был лишь вопрос времени, когда один из них или несколько наткнутся на нас.

Зо взял трубку и вызвал кружащийся «Спуки». Вне всякого сомнения, нападение на «Джек» завершилось, и теперь в крайне рискованном положении оказались мы. Если отходящие северовьетнамцы навалятся на нас всеми силами, они сметут нас в считанные минуты.

Пилот «Спуки» вышел на нашу частоту и запросил направление на наш периметр относительно базы «Джек». Зо сообщил ему, что мы находимся примерно в тысяче метров по азимуту 265 градусов. Потом командир группы повернулся к нам и громко прошептал: «У кого есть строб?» Фонари-стробоскопы были у Ракера, меня и ещё троих рейнджеров. В ярком свете снижающейся на парашюте осветительной ракеты я увидел, как Зо дал Ракеру сигнал занять позицию в центре периметра и по его команде включить свой строб.

Секунду спустя С-47 с выключенными огнями был уже над нами, закладывая крутой вираж высоко вверх. Зо отнял гарнитуру от уха и сказал: «Мамаша, врубай строб, немедленно!»

В то же мгновение строб Ракера замигал с сумасшедшей скоростью. Я имел глупость посмотреть прямо на него, мгновенно лишившись ночного зре-

ния. Я отвернулся и прищурился, пытаюсь свести к минимуму количество попадающего в глаза света. Свет строба будет маяком, отмечая нашу позицию кружащему вверху «Спуки». К сожалению, он вдобавок выдаст нашу позицию всем солдатам NVA на полмили от нашего периметра.

Я услышал в вышине звук, как будто кто-то раздирал надвое большой кусок брезента. Это, должно быть, был чертовски большой брезент, потому что звук все никак не заканчивался. Я взглянул вверх и увидел струю красных трассеров, змеясь спускающуюся к нашему периметру. Эй, да она идёт прямо на нас! Кто-то рехнулся и навел миниганы прямо на наш строб. Я бросился на землю, инстинктивно дрожа в ожидании, что сейчас нас разорвет на части. Звук пуль, бьющих в землю в двадцати пяти метрах от нашего периметра, заставил меня свернуться клубком, чтобы представлять собой как можно меньшую цель.

Наконец я понял, что «Спуки» стреляет не по нам. Смертоносные миниганы выстроили вокруг нашего периметра свинцовую стену, прошивая землю по периметру круга диаметром двадцать пять метров. Я был поражён точностью рабо-

ты двухмоторного ганшипа, кружащего в полутора тысячах футов над нами. Мне и раньше приходилось наблюдать, как работают «Спуки», но это всегда было очень далеко. А вот сидеть в яблочке мишени в то время, как все вокруг разносят в клочья – это впечатление, которое поблекнет нескоро. Вне всякого сомнения, пока наш друг будет оставаться наверху, ни один солдат противника не подойдёт к нашему периметру ближе, чем на двадцать пять метров.

Мы стянули периметр и вжались в землю, в то время как ганшип продолжал свою смертельную разминку. Только Ракер выставился, стоя на коленях в центре периметра, и держа над головой строб. Я задумался, есть ли шанс, что ганшип случайно отклонится в ту или иную сторону, и изрешетит нашу позицию очередями миниганов. Я не верил, что кто-либо может работать так точно в течение столь длительного времени, особенно ночью. Я был неправ!

Позади меня раздался взрыв. Для Клеймора или осколочной гранаты он был слишком глухим. Я услышал, как кто-то прошептал, что Марвел Маккэнн ранен китайской гранатой. Осколок чир-

кнул индейца из Калифорнии по задней части шеи. Не настолько серьёзно, чтобы требовать медэвак, но хорошее предупреждение о том, что наша позиция теперь известна противнику.

«Спуки» оставался над нами до 03.45, после чего сообщил, что у него заканчиваются горючее и боеприпасы, и ему придётся вернуться в Дананг. Замена прибудет к нам примерно через десять минут, но до тех пор мы останемся сами по себе. Перед тем, как закончить, он передал нам позывной следующего «Спуки» и пожелал удачи.

Едва С-47 сошёл с круга и направился на юг, над нами появилась «Кобра», с которой попросили снова включить наш строб. Они собирались попробовать сделать несколько проходов вокруг нашего периметра, чтобы оттеснить противника от нас до прибытия следующего «Спуки». Ракеты с рёвом устремились вниз и взорвались в высокой траве перед нашими позициями. Одна из них ударила достаточно близко, чтобы забросать нас грязью и мусором. Марси заорал, что Фэдели ранен. Зо схватил радио и закричал в гарнитуру: «Отбой! Отбой! Вы бьёте по нам!»

Кобра взмыла в ночь и широким разворотом ушла на север, выходя из атаки. Пилот убитым го-

лосом радировал, что не будет выполнять повторных заходов.

Ракер выключил строб и швырнул его в траву рядом со мной. Он прошептал мне в лицо: «Мужик, кажись все хреново, а?» Я согласно кивнул, не зная, видит ли он меня.

Лоутон сообщил, что Фэдели ранен в голову, но это лишь ссадина. Он был в сознании и готов действовать дальше. Пока что нам очень везло!

Через несколько минут к нам прибыл второй «Спуки». Зо подполз к нам и сказал, чтобы Ракер снова включал строб. Я знал, что у «Мамаши», должна быть, уже отваливается рука. Он почти два часа простоял на коленях со световым маяком над головой. Я предложил ему поменяться со мной. Он кивком выразил свою признательность и подполз туда, где я сидел, скорчившись в траве. Я вручил ему замыкатель своего Клеймора и указал направление, в котором он развернут. Он предложил мне свой стробоскоп, но я достал мой, показывая, что не только он проявил достаточную предусмотрительность, взяв его с собой. Мы проползли друг мимо друга, обменявшись позициями в темноте.

Таща за собой рюкзак, я двинулся в центр нашего небольшого периметра. Кто-то перемесил всю траву позади наших позиций. Зо сидел рядом с со своим радистом, общаясь одновременно со «Спуки» и находящимися на базе огневой поддержки «эксреями».

Я положил рюкзак в траву рамой вниз, воспользовавшись им в качестве импровизированного сиденья, а потом, подняв строб высоко над головой, включил его. Яркий сигнальный огонь запульсировал в моей руке.

Я едва не выронил строб, когда второй «Спуки», прицелившись в наш периметр, разразился лавиной красной смерти. Пули били в землю сразу за периметром и рикошетом выплёскивались обратно в небеса, подобно потоку лавы, нахлынувшей на утёс. Я не мог сдержать бессознательную дрожь, глядя, как трассирующие пули скачут повсюду. Я надеялся, что эти стрелки будут столь же хороши как те, что были в первом «Спуки».

До рассвета оставалось полтора часа. Если нам удастся протянуть до тех пор, гуки уйдут. После восхода солнца на открытой местности у них не будет шансов. С первыми лучами солнца здесь бу-

дет целый рой «Кобр», и, как нам передали, утром к нам на вертолетах перебросят пехотную роту.

Где-то после 05.00 мою руку начало сводить судорогой. Уже больше часа я держал строб над головой, и казалось, что он стал весить, по меньшей мере, фунтов пятьдесят. Скоро рассвет. Я должен продержаться.

За прошедшие полчаса звуки движения стихли, и рейнджеры прекратили кидать в траву гранаты. Что затевают гуки? Они ещё тут, готовые напасть в тот момент, когда мы ослабим наше охранение, или торопятся обратно в горы, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох на открытой местности, когда над базой «Джек» взойдёт солнце?

29 марта 1969

Небо на востоке начало светлеть. Моя рука совершенно онемела. Я сполз в сторону от своего рюкзака, пытаюсь использовать его в качестве упора для локтя. Лишь таким способом мне удавалось держать строб вертикально. Зо подполз рядом ко мне и сказал, что его можно выключать. У второго «Спуки» заканчивалось горючее, и он только что отправился обратно на базу. Приглядеть за нами

до подхода подразделения быстрого реагирования вылетели четыре «Кобры».

Моя рука рухнула на клапан рюкзака. Я ничего не мог поделать. Пожалуй, мне не удалось бы бы и честь отдать – даже возникни прямо передо мной сам генерал Уэстморленд*. На самом деле я даже сомневался, что смогу протянуть руку для пожатия.

Мы пережили окружение крупными силами NVA во время их нападения на базу огневой поддержки «Джек», и отделались всего лишь двумя ранеными. Раны обоих были лёгкими. Мы вновь оказались невероятно удачливы. Я почти поверил в слухи о том, что Иисус Христос был рейнджером, прежде чем решил стать Спасителем человечества. Я затолкал строб вглубь набедренного кармана и рухнул, откинувшись на рюкзак. Все! Ничего больше! Мне нужен перерыв, прежде чем от меня вновь будет какой-нибудь толк.

Солнце теперь выглядело как висящий на востоке огромный оранжевый шар. У его основания виднелась база «Джек», все ещё дымящаяся после ночного боя. Я задумался, насколько сильный

* *Командующий группировкой американских вооруженных сил во Вьетнаме (прим. перев.)*

удар по ним нанесли. Им удалось остановить пехоту у проволоки, но несколько сапёров проникли через периметр прежде, чем началась основная атака. Они прошли через заграждения даже при том, что база была поднята по тревоге, и пехотинцы были готовы встретить их. Боже, а что бы случилось, не окажись нас в окрестностях?

Луни сообщил, что линейную роту выдернули из поля, и перебросят к нам около 08.00. До их прибытия мы должны будем оставаться на месте. Он сказал, что командир базы хочет лично поблагодарить нас за своевременное предупреждение. Он полагал, что без этого они вряд ли смогли бы отбить нападение северовьетнамцев. Я почувствовал гордость, когда Зо, встал в середине периметра и передал нам слова капитана. Мы проделали хорошую работу. Сегодня пехтура и красноногие на «Джеке» были обязаны нам жизнями.

Командиры групп распорядились, чтобы каждый второй поел, в то время как остальные несут охранение. Находясь в возбуждении, я не осознавал, насколько оголодал и устал. Мой желудок был похож на многоквартирный дом, населённый взбудораженными пиявками, а в рот словно плеснули квас-

цов. Я сделал долгий, глубокий глоток из одной из моих фляг. Влившаяся в глотку тёплая, несвежая вода была восхитительна. Я бросил флягу Ракеру, который сморщился, попытавшись поймать её. Со всем забыл. Его руки, должно быть, болят так же, как и мои. Он кивнул в знак благодарности и сделал большой глоток, который пролился на грудь его рубахи, когда на другой стороне периметра зазвучали выстрелы.

«Гук – там, у перелеска!» крикнул Марвел Маккэнн. Он привстал, чтобы потянуться, и потирал повязку на шее, когда увидел солдата NVA, стоящего в высокой, по грудь, траве в пятидесяти метрах к югу. Гук был возле самого конца перелеска, где прежним утром Ракер обнаружил антенну. Марвел не было уверен, удалось ли ему убить гука, но он свалился в траву, как будто в него попали. Он хотел взять пару рейнджеров, чтобы проверить местность, но Марси приказал ему дожидаться подразделения быстрого реагирования. Если гук мёртв, он никуда не денется. А если нет, лучше оставить его на некоторое время истекать кровью. Это все равно, что добирать подраненного оленя. Если начать преследование слишком рано, он просто убе-

жит. Не стоит подталкивать его к этому. Будет лучше, если дать ему остаться на месте, ослабеть и погибнуть от кровопотери. Кроме того, если броситься туда слишком рано, он может подстрелить кого-нибудь. И ради чего – для личного счёта? Мы дождёмся подразделения быстрого реагирования.

Было уже 10.30, когда линейная рота высадилась в слоновою траву. Температура перевалила за сотню градусов и мы насквозь промокли от пота. Мы не привыкли к стоявшей на равнинах высокой температуре. Не было никакой тени, и солнце заставило нас платить за каждую проведённую на открытой местности минуту. Я скучал по горам. Там тоже могло быть жарко, но не сравнить со сковородой, на которой мы оказались.

Когда пехота оказалась на земле, им понадобилось ещё полчаса чтобы развернуться в цепь и выдвинуться на соединение с нами. Их Шестой передавал, что в траве перед собой они обнаружили многочисленные кровавые следы.

Наконец, их головняк наткнулся на наш правый фланг – мы поднялись, стоя в слоновой траве в полный рост. Объединившись с ними, мы медленно двинулись сквозь густую растительность, высма-

тривая трупы солдат противника, которые, как мы знали, должны были быть там.

Нам понадобилось более полутора часов, чтобы пройти двести метров. Все натыкались на следы крови и находили брошенное северовьетнамцами снаряжение. Но никто не обнаружил ни одного тела.

Все это время над нами кружила пара сликов. Большие шишки! Долбанные тыловики, кабинетные чиновники, занятые подсчётом потерь противника. Жопошники! Мы за них убиваем, а они лишь хотят развесить их головы у себя над каминами. Засунуть бы их в окопы, или сюда, к нам, и дать прогуляться по этой чёртовой духоте через эту проклятую траву. Если они не вытащат нас немедленно из этой поджаривающей наши жопы духовки, то им придётся разыскивать наши трупы.

Мы продолжали двигаться в сторону перелеска. Теперь это казалось пустой тратой времени. Гуки наверняка уже ушли. Атака северовьетнамцев на базу «Джек» началась по сигналу их связистов. Теперь она закончилась. Они не будут дожидаться там, чтобы зафиксировать результат.

Солнце поднялось ещё выше в небо, безжалостно паля прямо на нас. Нигде не было ни единого

укрытия. Лишь проклятые иссушающие, безбожно горячие лучи, сконцентрировавшиеся на рейнджерах и парашютистах,двигающихся сквозь слоновою траву. Группа Клоссона была на правом фланге сотни с лишним американских солдат, пробирающихся к перелеску. Я был на самом краю. Я оглянулся на Ракера и Лоутона. Оба были свекольно-красными и тяжело пыхтели. Солнце подбиралось и ко мне, я весь взмок. Возможно, в перелеске станет чуть прохладнее. В конце концов, там были деревья и ручей. Да, вода и тень. Там явно будет лучше.

Ещё пятьдесят метров. Лоутон выглядел хреново – тепловой удар. Я уже видал такое. Я свистнул, чтобы привлечь внимание Клоссона. Он не ответил. Наш командир группы продолжал тупо переть вперёд, сосредоточившись на том, чтобы добраться до перелеска. Впрочем, как и все мы.

Он был всего в двадцати пяти метрах. Мы сможем остыть, когда доберёмся туда. Всего лишь ещё несколько шагов. Лоутон шатался, его голова раскачивалась из стороны в сторону. Я попросил Ракера приглядеть за ним, и двинулся в его направлении. Он мог и не добраться до деревьев. Блядская жара!

Потом мы оказались там. Лоутон превратился в груды дерьма возле кустов у самого подножия деревьев. Я двинулся к нему, намереваясь помочь, но обнаружил, что с моими ногами что-то не так. Они, казалось, стали весть по сотне фунтов каждая. Я не мог сфокусировать взгляд. Деревья выглядели неправильно... колебались...

Не знаю, как долго я пробыл в отключке. Когда я очнулся, надо мной на коленях стояли Зо и Марси, прижимая к моему лицу мокрое, вонючее полотенце. Я ощущал себя липким, но кожа казалась почти сухой. Ещё двое рейнджеров занимались Лоутоном – нет, это был Клоссон. Проклятье, он тоже отрубился. Лоутон лежал сбоку от Клоссона. Фэдели и Гаррисон пытались привести его в чувство. Молодой рейнджер выглядел плохо, его лицо покраснело и опухло.

Я попытался сесть – безрезультатно. Тело не реагировало на команды, отправляемые ему мозгом. Зо сказал: «Лежи, черт тебя возьми. Медэвак на подлёте. Вы, парни, отправляетесь в госпиталь».

Они вылили на нас драгоценную воду из своих фляг, пытаясь сбить взлетевшую вверх температуру наших тел. Тепловой удар подкрался, застигнув нас прежде, чем мы поняли, что происходит.

Я сказал себе, что мне нужно лишь немного отдохнуть, может быть, немного вздремнуть. И тогда я снова смогу двигаться.

Я проснулся от шума вертолётов. Два из них приземлились в достигающую плеч слоновую траву, поток воздуха от роторов прижимал траву к земле. Моему ошеломленному сознанию они представлялись двумя сидящими в гнезде огромными стрекозами. Я видел нарисованные на их носах большие красные кресты. Что-то не так? Кто-то ранен? И тут меня подхватили и потащили к одному из ожидающих вертолётов.

«Что за дерьмо происходит?» прохрипел я тем, кто мог меня услышать. «Отпустите меня». Я оглянулся и увидел над собой лицо Зо. Он, похоже, улыбался, но почему-то его лицо или улыбка были вверх тормашками.

Протащив по полу, меня засунули в кабину. Борттехник быстро пристроил меня возле задней стенки. Я видел, как Лоутона и Клоссона грузят в другой вертолёт.

Потом Зо отвернулся от меня и крикнул: «Мамаша, тащи свою задницу на борт. Ты тоже выглядишь как дерьмо».

Вертолёт взлетел, разворачиваясь, набирая высоту и уходя от посадочной площадки. В моем поле зрения промелькнули американские солдаты, рассыпавшиеся в высокой траве, а потом я видел лишь небо за открытой дверью медэвака. Ракер лежал рядом со мной. Зо был прав! Он действительно дермово выглядел.

Я расслабился, позволив прохладному ветру, проходящему сквозь открытую кабину, овеять меня. Но, похоже, он был не в состоянии охладить меня. Казалось, я весь горю. Немного тени, может быть, чутка холодной воды, и я вновь приду в норму.

Медэвак приземлился на покрытую металлическими листами площадку с нарисованным на ней большим красным крестом в белом круге. Вроде бы, мы летели не очень долго. Должно быть, это Кэмп Эванс.

Группа парней в штанах от повседневки и оливковых футболках вытащила нас из Хьюи уложила на носилки. Пехтура, аккуратнее, чтоб вас в задницу! Не вьетнамцев таскаете!

Мы оказались в помещении. Прохлада! Все так чисто и прохладно. Похоже, они очень спешат. Швырнули меня на кровать. Чуваки, я же гряз-

ный. Дайте хоть помыться сначала!.. Ну и насрать на вас на всех. Не мне все это мыть. О господи! Они там что, льдом меня посыпают? Плесните мне сюда Джим Бима!* Не переводить же зазря все это дерьмо! Мужики, я сейчас жопу отморожу. Ох хорошо, как будто меня всего щекочут.

Появился санитар с парой больших, покрытых изморозью бутылок ледяной Кока-Колы с торчащими из горлышка белыми соломинками. «А теперь», сказал он: «выпейте их. Вам нужно принять внутрь как можно больше холодной жидкости. Как только выпьете эти, я принесу ещё». Невероятно, блядь! Ледяная Кола! Десять минут назад я был в буше, пуская пар из жопы и пытаюсь загнать кучку северовьетнамцев. А сейчас лежу, засыпанный льдом до подбородка, и потягиваю соду. Вот так и воюем!..

Высосав четвертую Колу, я вновь начал ощущать себя прежним. Все вокруг, похоже, вновь

* *Наиболее продаваемый по всему миру бренд бурбона. Производство берёт своё начало на заводе, основанном в 1795 году главой семейства Джейкобом Бимом. Бренд назван по имени Джеймса Б. Бима, который руководил заводом семьи с 1892 по 1944 год (прим. перев.)*

начало обретать смысл. Я почувствовал лёд, или что там от него осталось. Это дерьмо было действительно холодным. Я попробовал было выбраться из койки, но обнаружил, что слишком слаб для этого – как будто кто-то только что отнял меня у отделения морпехов, всерьёз настроенных против армейских рейнджеров.

Я смог сфокусировать зрение, и увидел Лоутона, Клоссона, и Ракера, лежавших через проход от меня, тоже засыпанных льдом и потягивающих Колу через соломинку. Они подняли свои бутылки, приветствуя меня. К их лицам приклеились дурацкие ухмылки. Впрочем, моя улыбка под всей этой грязью, бородой и полустертой маскировочной краской, должно быть, выглядела для них столь же кретинской.

В ногах моей кровати появился санитар с какими-то бумажками в левой руке, и спросил, как меня зовут. Я ответил: «Чёрт, а я не знаю. Но не волнуйтесь, моя страховка все покроет – ну, может быть, кроме Колы».

Ракер заржал: «Эй, я плачу за Колу. Клоссон, на тебе лёд. А с Новичка Рики чаевые».

Все так и покатались. Ну, то есть, все, кроме санитара. «Добро, парни. А теперь прекратите это

дерьмо. Мне нужно получить всю информацию, чтобы мы могли отправить вас, сачков, нафиг отсюда. По крайней мере, теперь мы знаем, что мозги у вас не повреждены»

Клоссон заржал и ответил: «Да чтоб тебя, чувак! Мы – рейнджеры, у нас вообще нет мозгов!»

Когда смех утих, мы дали начавшему всерьёз обижаться сукиному сыну всю необходимую информацию, и он исчез в дверях в дальнем конце палаты. У некоторых парней чувство юмора явно развито не так хорошо, как у нас, рейнджеров!

Никто из нас не мог поверить, что мы так быстро оправились от теплового удара. Должно быть, на самом деле мы просто перегрелись. Весь тот прекрасный лёд вокруг нас превратился в лужицы прохладной воды.

Санитар вернулся с доктором, который быстро осмотрел нас и заявил, что мы здоровы, и можем возвращаться в своё подразделение. Он выглядел надувшимся от гордости за устроенное им удивительное исцеление. Стоит отметить, что мы и сами были весьма впечатлены. Он сказал, что нас отправляют обратно в Кэмп Игл, но порекомендовал выждать пару дней, прежде чем снова отправлять-

ся в поле. Меня это очень порадовало. Мне осталось лишь шестьдесят семь дней и утро для отправки домой.

Мы вылезли из коек, расплескав воду по кафельному полу амбулатории. Я обратил внимание, что простыни были пластиковыми. Должно быть, это была специальная палата, выделенная для пострадавших от солнечного удара. Санитар вручил каждому из нас письменное заключение и сказал, что копии будут направлены в дивизию вместе с медицинскими картами. Нам надо будет отдать заключения кому-нибудь в санчасти нашего подразделения.

Мы дошли до конца палаты, где получили обратно наше оружие и снаряжение. Еще один санитар оторвался от комикса про Супермена ровно настолько, чтобы сказать нам подождать на вертолётной площадке. Вскоре должен прибыть слик, который отвезёт нас обратно в Кэмп Игл.

Снаружи было все ещё жарко, но это было ничто в сравнении с той удушливой, убийственной жарой, от которой мы так пострадали в слоновой траве к западу от базы «Джек». Интересно, каково там было остальным парням после того, как нас эвакуирова-

ли из буша. Никто из них не попался нам в госпитале. Фэдели и Маккэнн были ранены во время боя. Они все ещё в поле с остальными членами групп, или их всех уже эвакуировали? Я, разумеется, надеялся, что их уже забрали. Если они все ещё там, в то время как мы порхаем тут, тылу, по возвращении с задачи нас заклеят институтками и маменькиными сынками, а то и как похлеще.

Мы уселись на уложенных вокруг вертолётки брёвнах и прождали около часа, пока не прибыл слик из 101-го батальона армейской авиации, привёзший груз медикаментов. Клоссон подошёл к пилотской стороне кабины и спросил, не собираются ли они возвращаться в Игл. Когда пилот утвердительно кивнул, командир группы спросил его, не прихватит ли он нас с собой. Тот вновь кивнул и указал большим пальцем левой руки через плечо.

Мы побросали снаряжение в кабину и вскарабкались следом. Солнце уже высушило нашу промокшую форму. Бортстрелок с левого борта бросил нам пачку Винстона, которую мы быстро распотрошили прежде, чем вертолёт поднялся в воздух.

Обратный перелёт был приятен. Прохладный воздух, задувающий в кабину, вскоре унёс остат-

ки перенесённого нами теплового удара. Двадцатиминутный полет завершился как-то уж очень быстро. Пилот высадил нас на вертолётке рейнджеров и взлетел прежде, чем мы смогли должным образом отблагодарить его за доставку.

Дэн Крокер, Джордж Томас, Миллер и Соерс вышли из «рейнджерской ложки», чтобы поприветствовать нас. Их комментарии были ожидаемыми, но всё-таки раздражали нас, идущих со снаряжением с вертолётной площадки. «Эй, инвалиды-засранцы! Не выдержали жары, а? Что, для вас, маленьких сачков, сегодня оказалось слишком много солнца? Надеюсь, что вы, девочки, хорошо провели время, обслуживая раненых бойцов в госпитале». Я смерил их убийственным взглядом, и они, хохоча, убрались обратно в ложу. Долбанные залупоны!

30 марта 1969

Остатки групп эвакуировали сразу после того, как вывезли нас. Думаю, чтобы убедить лайферов в бригаде, что нас пора эвакуировать, понадобилось, чтобы мы четверо слегли с тепловым ударом. Во время зачистки остальные рейнджеры и линейная рота не нашли в слоновой траве тел противни-

ка. Однако найденные ими пятьдесят шесть кровавых следов могли рассказать, что случилось на самом деле. С «Джека» доложили еще о ста двенадцати телах NVA внутри и снаружи заграждений периметра, включая северовьетнамского сапёра, найденного на утро после боя прячущимся позади столовой. Сержант-начальник столовой, обнаруживший его, застрелил бедолагу из своего пистолета .45 калибра. Какая милосердная смерть! Все, что ему надо было сделать – попытаться накормить его.

На «Джеке» было убито всего шестеро «джи-ай». Ещё пятнадцать было ранено. Наши «эксреи» пережили эту жуткую бойню невредимыми.

Рой снарядов, выпущенный 155-миллиметровками, переломил хребет нападающим. Вряд ли кто-нибудь сможет выстоять против нескольких тысяч выпущенных в упор стальных стрелок. Все воздавали нам хвалу за спасение базы от взятия противником. Переданное нами предупреждение позволило привести пехоту и артиллеристов на «Джеке» в полную готовность и позволило им засечь сапёров, пробирающихся через проволоку. Это было здорово. До сих пор никто и никогда не выражал официальную признательность за нашу службу.

Чемберз пропустил отличный выход. Пизденыш отсутствовал, наслаждаясь школой Рекондо в Нячанге, пока мы тут бодались с противником. Думаю, и хорошо, что он был там. Он не дал бы нам спуску, будь он тут, когда мы прилетели на вертушке из госпиталя.

31 марта 1969

На утреннем осмотре Клоссон, Лоутон, Ракер, и я отметились в книге учёта больных. Мы были в порядке, так что проверявший нас медик сделал отметку о допуске к полному исполнению служебных обязанностей. По дороге обратно в расположение рейнджеров Клоссон сказал, что, когда мы были возле «Джека», он не слишком беспокоился по поводу смерти. Улыбаясь, он сказал, что все свои переживания приберёт для того выхода в Ашау, который я предсказал. Ещё один чёртов клоун! Вот оно мне надо...

1 апреля 1969

Апрельский день дурака! Предполагалось, что в этот самый день Чемберз должен будет окон-

чить Школу Рекондо. Как символично! Мы никак не могли дождаться, когда этот клоун вернётся. Его вездесущее чувство юмора и назойливая сатира не давали нам расслабиться. Когда он был поблизости, приходилось постоянно быть начеку: уж лучше получить наряд на сжигание дерьма, чем оказаться мишенью одного из его ударных юмористических сеансов. Никто из нас ни за что не признался бы, но на самом деле мы очень ценили его остроумие. Он умел найти забавную сторону в любой ситуации.

До нас с Майерсом дошёл слух, что в конце апреля или начале мая нас собираются перевести в Чулай, в дивизию «Америкал». По прибытии в наше новое подразделение мы будем произведены во вторые лейтенанты. Моя отправка в отпуск была запланирована на двадцать девятое апреля. Что же, если все сведётся к выбору из того или иного, я бы отказался от отпуска. Слишком долго и слишком тяжело я добивался этого производства. После получения звания мне останется пробыть во Вьетнаме дней тридцать пять или около того, и я натурально не мог представить себе лучшего способа провести их.

2 апреля 1969

Я отправился в штаб дивизии подписывать всякие бумажки, касающиеся моего грядущего производства. Чтобы встретиться хоть с кем-нибудь, пришлось прождать целый час, а когда меня наконец-то вызвали, оказалось, что мне не надо ничего подписывать. Дивизионный сержант-майор усадил меня перед собой и сказал, что хочет убедиться, понимаю ли я, что повлечёт за собой моё производство. Он сказал, что после того, как я отбуду из Вьетнама и отгуляю отпуск, меня направят в Форт Беннинг. Там мне придётся пройти сокращённый курс офицерской школы, на котором я научусь вести себя как офицер и джентльмен. Затем от девяти месяцев до года мне предстоит оттачивать командирские навыки в качестве офицера-инструктора где-нибудь в учебном центре или на стрельбище. Если повезет, то я получу ещё один тридцатидневный отпуск, прежде чем армия отправит меня обратно в Нам – на сей раз в качестве командира пехотного взвода.

Черт возьми, мне даже не приходило в голову, что меня отправят обратно так скоро. В течение не-

скольких минут я просто не мог ничего вымолвить. Я думал о сделанном себе обещании. Если я выживу, то ни за что не заставлю свою девушку (собирающуюся вскоре стать моей женой) вновь пройти через все это дерьмо. Моя служба во Вьетнаме была достаточно тяжела для неё, но она смогла справиться с ней как настоящий солдат. Ещё одна командировка, спустя всего лишь год после нашего брака, наверняка убьёт её.

Я спросил сержант-майора, когда мне нужно будет подписывать документы. Тот ответил, что у меня есть неделя на раздумья. Я поблагодарил его за информацию и покинул канцелярию, отправившись в долгий обратный путь в расположение рейнджеров. Проклятье! Проклятье!! Проклятье!!! На что же решиться?! Мечта всей моей жизни была у меня в руках, но мне придётся выбирать между её осуществлением и жизнью с любимой женщиной. Ну что же, у меня есть семь дней, чтобы сделать выбор.

3 апреля 1969

Из Школы Рекондо вернулся Чемберз. Этот придурок умудрился стать героем своего курса. Впро-

чем, этому не стоило удивляться. Наш удачливый засранец мог упасть в бочку с дерьмом и выбраться оттуда, благоухая как майская роза. В конце концов, несколько месяцев назад именно Чемберз был рядом со складом боеприпасов в тот самый момент, когда тот взлетел на воздух. Он отделался лёгким звоном в ушах.

Каждый курсант Школы Рекондо в конце трёхнедельного обучения должен был отправиться на учебный выход. Каждая группа обычно состояла из шести курсантов и одного инструктора. По ходу выполнения задачи каждый из курсантов должен был исполнять обязанности всех членов группы – от младшего разведчика до командира.

Оставшиеся на курсе Ларри обучаемые были назначены в шесть боевых «тяжёлых» групп по десять человек в каждой. Для выполнения учебных заданий они вылетели в район, находящийся примерно в двадцати кликах к юго-западу от Дананга. Поддержку им оказывала усиленная рота из двух сотен «сиджи».

Группы высадились на рассвете 20 марта. Первый день прошёл без происшествий. В зоне ответственности были тропы, но свежих следов на них

не обнаружили. Казалось, что это будет всего лишь ещё один учебный выход.

На второй день Чемберза назначили идти в голове. Он повёл группу, изображая бурную деятельность перед своим инструктором, сержантом первого класса Клиффом Робертсом из 5-й группы специального назначения. Он был из тех солдат спецназа, в сравнении с которыми Джон Уэйн – жалкая подделка. Робертс, бывший с ними лишь в качестве наблюдателя, шёл ведомым в нескольких метрах позади Чемберза. Как опытный рейнджер, Ларри наслаждался возможностью показать себя.

Около полудня Чемберз повёл команду по кругу, чтобы устроить засаду на собственных следах. После того, как они ненадолго заняли свои места – лишь чтобы показать инструктору, что они знают, что делают, Чемберз повёл их к ближайшей широкой тропе, за которой они должны были наблюдать и устроить засаду следующим утром.

Он часто останавливал группу, прислушиваясь в течение нескольких минут, перед тем как двинуться дальше. Чемберз был на седьмом небе. Он любил ходить в голове. Это было место, где чаще всего что-нибудь происходило. Хороший пойнтмен

пользовался уважением всех членов группы. Большинство парней не годились для этой работы. Это было то место, где в случае, если ты работал плохо, скрыть это было невозможно. Если же ты верил в свои способности, в группе не было никакого другого места, на котором ты хотел бы оказаться. От твоего умения, твоих решений и твоих способностей зависела жизнь всех. Ты был недоволен, если там оказывался кто-нибудь другой.

Чемберз был безмерно счастлив. Выступая перед глазами сержанта первого класса Робертса, он был в своей стихии. Если он преуспеет, то сможет покинуть Школу с кинжалом, присуждаемым почетному выпускнику каждого курса.

Остальные члены группы находились примерно в пяти метрах, направляясь вверх по склону покрытого грязью холма. Справа от них была глубокая долина. Шедший четвёртым нёс М-79 и пробирался сквозь густые плети «подожди немного» в тот момент, когда одна из них зацепилась за спусковой крючок. Гранатомёт выстрелил. Бам! Бабах!!! Граната разорвалась на склоне, в двух сотнях метров от того места, где группа замерла, скорчившись на тропе. Робертс повернулся к несчастному

курсанту и пригрозил вбить приклад гранатомёта ему в глотку.

В то время как бедный специалист 4-го класса расплачивался за свою оплошность, Чемберз услышал движение впереди. Он щёлкнул пальцами, давая группе сигнал замереть на месте. Они вслушивались минут десять – ничего! Но он был уверен, что впереди что-то двигалось.

Чемберз перевалил через гребень холма и продолжил двигаться по тропе с другой стороны. Он знал, что если поблизости есть гуки, они наверняка слышали, что что-то взорвалось внизу, в долине. Однако он сомневался, что они смогут разобраться, откуда оно прилетело, и что вообще произошло. Тем не менее, они будут знать, что в районе есть кто-то ещё. Чемберз вел группу вперёд в течение ещё двух часов, пока они не подошли к большой прогалине на склоне холма. Это была поляна, похожая на те, на которых рано поутру можно видеть пасущихся пятнистых оленей. Они выждали ещё десять минут, после чего, ведомые Чемберзом, продвинулись по тропе ещё на десять метров.

Чемберз остановился, проведя по кустам левой рукой. Когда он отвёл руку назад, она была влаж-

ной от густой, жёлтой мокроты – человеческой мокроты. Не оборачиваюсь к инструктору, Чемберз поднял руку, повернув ладонь назад, чтобы показать здоровенному сержанту, что он обнаружил. Робертс улыбнулся, когда Чемберз вновь повёл группу вперёд.

Сердце Чемберза бешено колотилось. Он чувствовал витающее в воздухе напряжение. Они были близко, действительно близко. Он почти ощущал их запах впереди, и лишь надеялся, что сможет заметить их прежде, чем они увидят его.

В течение еще одного часа группа шла сквозь густые заросли лиан, листвы и побегов бамбука. Рассмотреть что-либо впереди становилось все труднее. Чемберз в очередной раз остановил группу для прослушивания местности. Он наблюдал за уходящей вперёд тропой, когда заметил северовьетнамского солдата, сидящего в тридцати метрах среди низкой растительности. Это было жутко. Только что тропа была пуста, а в следующее мгновение там сидел солдат NVA, пытающийся разглядеть, чем занимается Чемберз. Казалось, он стоял на коленях, переговариваясь с кем-то позади него. Гук явно не мог понять, что за странный солдат появился на тропе перед ним.

Сознательно не делая резких движений, Чемберз медленно поднял свой CAR-15, тихо переведя флажок предохранителя в положение «огонь», и сделал три прицельных выстрела в голову удивлённого вражеского солдата. Он смотрел на Чемберза, когда выстрелы разнесли его голову, а потом тяжело свалился вправо от тропы и замер.

Чемберз вновь услышал движение – кто-то приближался по тропе позади мёртвого северовьетнамца. Он перевёл предохранитель на автоматический огонь и выпустил остаток магазина в джунгли позади убитого, а затем повернулся, чтобы отбежать в конец построения группы. В случае контакта рейнджеров учили стрелять, а потом броском уходить назад. Следующий член группы выпускал магазин из своего оружия, и аналогичным порядком отступал в тыл. Таким образом, во время отхода группы противник постоянно находился под огнём. Они могли пройти значительное расстояние, не разрывая контакта.

Однако тут Чемберз обнаружил, что лишь Робертс и сержант по фамилии Дьюти из роты «L» заняли свои позиции, чтобы прикрывать находящихся впереди. Остальная часть группы занималась тем,

что уносила свои жопы в тыл. Их «героизм» оставил Чемберза, Робертса и Дьюти без какого-либо прикрытия. Когда Чемберз увидел творящееся перед ним, то остановился, вогнал другой магазин в свой карабин, и развернулся лицом к противнику. Робертс едва не снёс Дьюти, бросившись со своим М-79 вперёд, чтобы поддержать Чемберза.

Первый выстрел из гранатомёта разорвался в пятнадцати футах перед Чемберзом. Осколки от него просвистели у них над головами. Чемберз проигнорировал это, опустошая магазин своего оружия в направлении деревьев, под которыми лежал убитый им первый северовьетнамец.

Дьюти поддержал их огнём из своего CAR-15. Робертс был занят, посылая выстрел за выстрелом в окаймляющую тропу густую растительность.

Наконец Робертс дал остальным двоим сигнал следовать за ним по тропе туда, где, сгрудившись в наспех занятом периметре, находилась остальная часть группы. Когда тройца добралась до группы героев поневоле, первым, что они почувствовали, был витающий в воздухе отвратительный запах дерьма.

Робертс поднял их на ноги и отвёл группу еще на пятьсот метров назад. Он передал сообще-

ние о контакте и запросил «вилли-питер» с воздушным подрывом по тому месту, где Чемберз подстрелил северовьетнамца.

Когда позади них обрушились снаряды, Робертс повёл группу дальше, прочь из района. Было уже 20.30 и с каждой минутой становилось все темнее. Для эвакуации было уже слишком поздно, а подразделение быстрого реагирования не сможет добраться до них до утра.

Группа забралась в гущу леса и укрылась там до рассвета. Этой ночью им не придётся долго спать. Противник будет разыскивать их, рыская по всему району до самого утра.

В 04.00 Робертс подполз туда, где, укрывшись среди растительности, лежал Чемберз. Он хотел обсудить, что им делать в случае ночного нападения. Он хотел удостовериться, что Чемберз сможет вывести остаток группы в случае, если с ним что-нибудь случится, или они разделятся в темноте. Он был сильно зол на остальную часть группы за их бегство во время контакта. Чемберз оценил оказанные ему Робертсом внимание и признание.

Сержант-спецназовец разбудил Чемберза в 05.30 и сказал, что решил повести группу

по той же тропе и посмотреть, что они смогут обнаружить. По его ощущениям с рассветом северовьетнамцы должны были отойти. Он хотел, чтобы Чемберз вновь шёл в голове, сказав ему, что не может доверить это никому другому. Робертс пообещал, что прикроет его задницу, если он на что-нибудь наткнётся.

Чемберз не был уверен, что одних обещаний будет достаточно. Он знал, что если они будут возвращаться по той же тропе, у них есть все шансы вступить в контакт.

Ему понадобилось два часа, чтобы вновь дойти до той точки. Он сообщил Робертсу, что они на месте, а потом дал группе сигнал оставаться на месте, пока он двинется вперед в одиночку. Обследовав тропу на протяжении пятнадцати метров, Чемберз нашёл десять северовьетнамских рюкзаков и множество кровавых следов, расходящихся в разных направлениях. Они сорвали куш!

Чемберз знал, что снаряжение лучше не трогать. У гуков было достаточно времени, чтобы заминировать его и устроить засаду. Теперь настала очередь Робертса, который должен вызвать ударное подразделение.

Час спустя Робертс был на связи, направляя идущее на соединение с ними подразделение быстрого реагирования. Чемберз решил немного доразведать местность впереди, пройдя вдоль тропы ещё пятьдесят метров. Преодолев это расстояние, он остановился для прослушивания и замер в изумлении, когда из-за дерева на середину тропы вышел офицер NVA. Чемберз вскинул оружие, щёлкая предохранителем. Северовьетнамец в панике бросился бежать. Чемберз бросился за ним и произвёл классический захват в прыжке, прежде чем тот успел преодолеть хотя бы десять метров.

Вражеский офицер принялся кричать. Чемберз попытался заставить его замолчать, но результатом его усилий стали лишь более громкие вопли. Тогда неустрашимый рейнджер схватил свой CAR-15 и засунул его ствол в глотку перепуганного офицера. Тот немедленно заткнулся.

Прибывший через несколько секунд Робертс мгновенно оценил ситуацию и принялся хохотать. Чемберз сидел верхом на офицере, и изо всех сил пытался стянуть с его ремня латунную пряжку. Сверкающая бляха с большой красной звездой по центру была одним из самых желанных сувени-

ниров, которые мог добыть американский солдат. Пока шло это соревнование по борьбе, выскользнувший изо рта северовьетнамца CAR-15 развернулся так, что оказался направленным в промежуток Ларри Робертс, продолжая смеяться, сказал: «Не стреляй в него, Чемберз, а то отхреначишь себе яйца».

К этому времени молодой офицер NVA был в полном ауте. Позже Чемберз узнал, что гук до этого никогда не видел американцев, и, увидев Чемберза, в первый момент решил, что это кореец. Вьетнамцы до смерти боялись южнокорейских солдат.

Внезапно они услышали вертолеты, на которых прибыло подразделение «сиджи». В течение часа сотня солдат ударного подразделения соединилась с группой и выслала патрули на поиски неприятностей.

Переводчик допрашивал пленного несколько минут, а потом сообщил, что он был командиром взвода северовьетнамского медицинского подразделения. Как раз в тот самый день они прибыли из Северного Вьетнама, потратив больше месяца на путь по тропе Хошимина.

Только Чемберз мог выкинуть подобный трюк, оставшись при этом в живых. Он очень старался

играть роль скромного героя, но его голова раздулась до такой степени, что он мог напялить на себя стальной шлем без вкладыша. Эх, ну и черт с ним! Он заслужил каждую каплю признательности, оказываемой ему парнями роты.

5 апреля 1969

Мы получили предварительное распоряжение на выход седьмого числа. Я вновь пойду в качестве ЗКГ Клоссона. Самым удивительным в приказе было то, что мы отправимся в тот самый район возле реки Сонгбо, где мы побывали уже дважды. Я сказал Ларри, что мы можем обойтись без предварительного облёта, поскольку и так прекрасно помним это чертово место. Район точно нельзя было назвать горячим, но несколько вражеских солдат в тех краях нам попадались всегда.

Наша задача вновь состояла в наблюдении за движением по реке. Я тут же предположил, что нам надо будет остановиться на той точке, где Клоссон потерял каблук, снесённый нашей собственной артиллерией. Нас не слишком радовала перспектива вновь оказаться там, но вдоль всей реки было сложно найти место, которое будет лучше нашего предыдущего НП.

Во время постановки задачи Клоссон сказал, чтобы мы взяли дополнительные Клейморы. Он хотел окружить НП двумя рядами этих смертоносных мин, просто на тот случай, если NVA вдруг захочется проверить нашу старую позицию.

Мы выбрали площадку приземления во время первого прохода, не желая летать над районом больше необходимого. Северовьетнамцы быстро заподозрят неладное, если Хьюи начнёт летать туда-сюда над районом. Мы решили высадиться примерно в четырёхстах метрах к северу от реки на том же гребне, где располагался наш НП. Не самая лучшая в мире идея, но другими вариантами были вершина лысого хребта, на который мы, совершив большую ошибку, высадились во время нашей первой задачи в этом районе, или одна из тянущихся вдоль реки галечных отмелей. Плохо было то, что каждый гук в районе услышит, что мы прибыли. И будет чертовски очевидно, что мы приземлились на северной стороне реки, поскольку южный берег представлял собой практически сплошной утёс, отвесно обрывающийся в воду. Как только они узнают, на какой стороне мы находимся, им останется лишь пройти вдоль берега, пока они не вспугнут нас.

На самом деле я не слишком беспокоился о том, что это будет плохая задача, просто когда остаётся всего шестьдесят дней и утро, они все будут одинаково плохи. Я одолжил у Дэна Робертса кассетник и записал ещё одну плёнку для Барб. Почему-то тем вечером мне показалось, что обычного письма будет недостаточно. Я с нетерпением ждал 5 июня, даты своего дембеля, и в то же время испытывал сосущее чувство беспокойства по поводу того глупого сна, что был у меня несколько недель назад. Чрезмерная осторожность была не характерна для меня. Я чувствовал, что становлюсь трусоват, и вовсе не гордился этим.

7 апреля 1969

Мы были на месте за полчаса до темноты. Ненавижу высадки на закате. Они не терпят ошибок. Все должно идти чётко, как по нотам. Площадка приземления должна быть холодной. Нужно быстро двигаться в укрытие, толком не имея представления о происходящем вокруг. Может оказаться так, что вы устроитесь на ночь прямо посреди базового лагеря полка северовьетнамцев, даже не подозревая об этом.

Мы быстро двинулись прочь от места высадки, двигаясь на север, чтобы оставить ложный след для всех, кто попытается выследить нас. Пройдя двести метров, мы развернулись и устроились на ночь в двадцати метрах от проложенной нами тропы. По крайней мере, мы услышим, если кто-то попытается последовать за нами сквозь сухую растительность.

Стараясь производить как можно меньше шума, мы установили только три Клеймора. Никто не ел. Никто не разговаривал. Мы были слишком далеко от реки, чтобы попытаться добраться до нее в темноте, так что мы решили провести первую ночь, просто «заложив собаку». На следующий день мы не торопясь доберёмся до своей позиции на берегу Сонгбо.

8 апреля 1969

Мы начали движение в 07.00. Я шёл в голове. Ночь прошла тихо – едва ли не слишком тихо. Мы медленно двигались сквозь плотные одноярусные джунгли. Нужно было пройти шестьсот метров, и я планировал потратить на это весь день. Нам не хотелось занимать позицию в светлое время

суток, так что мы спланировали зигзагообразный маршрут между гребнем, по которому шли, и следующим, пересекающим долину к западу от нас. Я рассчитал время так, чтобы мы подошли к НП за полчаса до заката. Мы пройдем мимо него, удивившись, что он не тронут, а потом развернемся, чтобы занять его после наступления сумерек. Большое значение имело то, что местность была знакомой.

Я начал спускаться по склону хребта, двигаясь траверсом в сторону лежащей внизу долины. Мы двигались прочь от реки, стараясь запутать следы на случай, если кто-то попытается нас выследить.

Долина была ровной и узкой – не больше пятидесяти метров в самом широком месте. Растительность состояла из густого кустарника, редких деревьев и лежащих вдоль текущего в сторону Сонгбо мелкого ручейка густых зарослей тростника и бамбука.

Я часто останавливался, выжидая и прослушивая, проходя за раз не больше пятнадцати-двадцати метров. Долина нравилась мне ничуть не больше, чем вся остальная зона ответственности. До этого мы дважды били гуков в этих местах, но не думаю,

что нам удалось заставить их в массовом порядке покинуть район. Нет, они все ещё здесь, поблизости.

Я пересёк долину и поднялся на тридцать метров по противоположному склону, все ещё двигаясь под углом, в сторону от реки. Местность стала чуть более открытой, так что я повернул направо, сделав круг вниз по склону, и пересекая наш собственный след.

Ракер убедился, что мы пересекли его «стерильно», не оставив никаких следов. Гукам будет сложно понять, что мы проделали, и определить, что теперь мы двигаемся в противоположном направлении, в сторону Сонгбо.

Мы провели на том гребне ещё два часа. Мне хотелось взглянуть, что творится по ту сторону, но любопытство на этом выходе не оплачивалось. Даже когда мы пересекли свежую тропу, идущую от реки вдоль по долине и переваливающую через гребень, на котором мы находились.

Тропа являлась серьёзным основанием повторно пересечь долину и двинуться в направлении нашего НП. Уже перевалило за полдень, и у нас было три сотни метров, которые надо покрыть за три часа. Никакой спешки!

Клоссон дал мне сигнал остановить группу у подножия пересекающего долину низкого гребня. Он хотел выждать подольше перед заключительным этапом нашего выдвигания, чтобы выйти на НП с наступлением сумерек. Мы находились всего в ста метрах к северо-западу от места, где он выходил на реку.

Через пятнадцать минут мы были на ногах, пересекая гребень по диагонали. Подъем был коротким, меньше пятидесяти футов. Когда мы добрались до верхушки, я был рад обнаружить, что до зарослей бамбука, в которых мы тогда укрывались, было меньше двадцати метров. На той стороне долины, которую мы только что пересекли, не было никаких признаков противника.

Я присел на корточки среди доходящей мне до плеч растительности и провел еще пятнадцать минут, пытаясь услышать какие-нибудь необычные звуки. Приближались сумерки. Я слышал, как свистят и кричат птицы, прыгая с ветки на ветку и разыскивая последние кусочки пищи перед тем, как устроиться на ночь. Начали шевелиться ночные насекомые, добавляя к птичьему щебету своё гудение, щелчки и стрекотание.

Природные звуки, окружающие нашу затаившуюся группу сказали мне все, что я хотел знать. Мы были одни! Впереди не было поджидающего нас противника.

Я дал группе знак подниматься и, оставаясь на корточках, чтобы голова не высывалась из кустов, двинулся через гребень. Едва перебравшись через него, я развернулся направо и вошёл в заросли бамбука с восточной стороны. Природное углубление было таким же, каким мы его оставили в прошлый раз. Я был рад обнаружить, что нет никаких признаков того, что меньше пяти недель назад тут провели несколько ночей шестеро рейнджеров. Бамбук выше места нашего НП был все так же повреждён. Осколки снарядов вызванной нами артиллерии пробили в плотной массе стеблей широкие бреши. Сорванные ветви и узкие листья, устилающие землю вокруг неглубокого углубления, засохли и пожелтели.

Клоссон вывел группу на прогалину и дал Ракеру знак спуститься к реке и проверить наличие следов. Я сделал круг через кусты, развернувшись на север, чтобы убедиться, что никто не идет

за нами. Мы оба вернулись через десять минут, отрицательно качая головами: мы ничего не обнаружили. Клоссон, похоже, почувствовал облегчение. Он тоже был в напряжении.

Мы установили вокруг нашей позиции восемь Клейморов и отползли обратно, внутрь периметра. Над нами сгустилась темнота, но ниже по течению уже всходила полная луна, отбрасывая на реку сверкающую дорожку. Если этой ночью кто-нибудь будет двигаться по реке, его будет не сложно увидеть!

Клоссон назначил шесть двухчасовых смен охранения, распределив их между членами группы. Моя очередь будет с 02.00 до 04.00. Я не мог понять, почему наш здоровяк-командир решил назначить двухчасовые смены. Он знал об опасности того, что парни, особенно усталые, просто заснут во время этих длинных одиноких вахт. Ладно, это его группа, и не мое дело критиковать ее командира.

Я не спал примерно до 23.00. Проглотив свой ужин, Клоссон отполз к прогалине в бамбуке, откуда он мог наблюдать за рекой. Когда я отрубился, он все ещё был там.

9 апреля 1969

Ракер разбудил меня в 02.00. Я сел, протирая глаза, и посмотрел на НП. Клоссон по-прежнему лежал там, наблюдая за рекой. Я взял 9-мм пистолет-пулемёт «Стен», который взял на эту задачу, и подполз к нему. Он выглядел совершенно измотанным! Я сказал, чтобы он отправлялся спать, а я займу его место. Он кивнул и скользнул обратно внутрь периметра.

Земля на том месте, где он лежал, была ещё теплой. Я не мог понять, почему он провёл восемь часов в охране – ведь его смена была с 04.00 до 06.00, сразу после моей. Я решил, что если смогу оставаться бодрствующим, то отдежурю две смены и дам ему поспать.

За прошедшее время луна описала 180-градусную дугу и сейчас уходила за горы на западе. Я больше не мог видеть лежащую передо мной реку. Теперь настало время ушам заменить глаза. Я приставил к ушам сложенные чашечкой ладони, усилив окружающие звуки. Этому приёму я научился, охотясь на оленей в Миссури. Это утраивало дальность распознавания звуков и устраняло любые отвлекающие факторы сзади.

Время от времени я поворачивался на север, чтобы послушать в том направлении – лишь чтобы убедиться, что наши приятели с прошлого выхода на Сонгбо не объявились вновь.

Ночь прошла спокойно. Я удивился тому, что безо всяких признаков сонливости смог отдежурить смену командира группы. Когда я разбудил его в 06.00, он ничего не сказал. Поскольку нам предстояло провести на НП ещё одну ночь, в течение дня у нас будет время вздремнуть.

Мы сделали первый за день приём пищи. Спагетти из пайка LRRP были хороши для разнообразия. Воспользовавшись окружающим нас лёгким туманом, мы нагрели воды для наших пайков и кофе. Чтобы по-быстрому вскипятить воду в наших кружках, мы воспользовались шариками из С-4 примерно двухдюймового размера. Будучи подоженной, С-4 не даёт дыма или запаха, и горит более интенсивно, чем таблетки сухого горючего.

Я запил остатками кофе свою противомалаярийную таблетку, и тут же захотел ещё чашечку. Вместо этого я сделал из фляги пару глотков прохладной, отдающей пластиком воды, пообещав себе вторую чашку кофе в полдень.

Ракер выкопал маленькую ямку, в которой мы захоронили пустые упаковки от пайков. Я начисто облизал свою пластмассовую ложку и засунул её обратно левый нагрудный карман, где лежали сигареты. Одна из них сейчас была бы очень вкусна, но её дым выдаст нас за несколько сотен метров. Я решил оставить её до нашей эвакуации.

В начале дня мы заметили несколько облачков, приближающихся с запада. Они выглядели безобидно, но через несколько минут разразились проливным дождём, промочившим нас до костей. Не было никакой защиты от крупных, холодных капель, молотивших по нам, словно пытаясь выместить старую обиду. Нам оставалось лишь сидеть и ждать.

Облака ушли прочь так же внезапно, как и появились. Мы промокли насквозь, но вскоре вновь выглянуло солнце, обещая быстро высушить нас. Мы вытащили наши подстёжки к пончо и раскинули их по верхушкам окружающих наш периметр мелких кустов. Так они высохнут быстрее. Нас не радовала необходимость вывешивать наше бельё у всех на виду, но никому из нас не хотелось проводить ещё одну холодную ночь у реки, завернувшись в сырое одеяло. В конце концов, они ведь камуфлированные!

Перед самым наступлением темноты мы поели ещё раз. На сей раз наши пайки были холодными. Тень от лежавших к западу от гор накрыла нас задолго до наступления времени приёма пищи, и в этом полумраке яркий свет от горячей С-4 был бы прекрасно виден.

Около 23.30 мы услышали движение в долине, сразу за находящимся возле нашего НП гребнем. Это было недалеко от воды, может быть, метрах в тридцати или меньше. Звук был одиночный, но, вне всякого сомнения, это было оно. Было сложно сказать, что это, но было похоже, что кто-то споткнулся о бревно или камень – звук скольжения, сразу за которым последовал тупой удар.

Мы разбудили всю группу, и следующие полчаса провели в тревожном ожидании. Ничего! Кто бы то ни был, сейчас он либо сидел там, жалея, что не был более ловким, или продолжил красться сквозь ночь с ловкостью пантеры.

На всякий случай на Клоссон удвоил охранение весь остаток ночи. Было не то время, чтобы отбросить предосторожности. Мы знали, что гуки активно действуют в этом районе, и наткнуться на нас – всего лишь вопрос времени.

10 апреля 1969

В следующем ситрепе Клоссон доложил о движении. В 06.30 капитан Кардона сообщил, что во 2-м батальоне 17-го кавалерийского решили отправить «лоч» для облёта нашей зоны ответственности и поиска признаков присутствия противника.

Эта идея совершенно не понравилась Клоссону. Разведывательный вертолёт лишь привлечёт к нам ненужное внимание. Гуки – если это на самом деле были они – наверняка давным-давно ушли из района.

Приблизительно в 08.30 мы услышали высокое гудение «лоча», прожужжавшего вверх по реке возле нашей позиции. Я находился на НП, когда он промчался мимо. Он, казалось, был так близко, что можно было дотянуться рукой. Он пролетел ещё сотню метров вверх по реке, прежде чем свернуть вправо и исчезнуть за гребнем, пересекавшим долину позади нас.

На протяжении следующих пятнадцати минут мы не видели и не слышали его. Я уже начал беспокоиться, не случилось ли с ним чего, когда он взмыл из-за вершины длинного гребня и проскочил над нашим НП, направившись вниз по течению.

Через десять минут наши «эксреи», находившиеся на базе огневой поддержки «Ракассан» вышли на связь, сообщив, что с вертолётa обнаружили свежие следы сандалий, ведущие к маленькому ручейку с песчаным дном, находящемся на обратном склоне лежащего к западу от нас гребня. Они были настолько свежими, что пилоту удалось разглядеть отметины на камне в том месте, где человек вылез из воды. Это было в том самом месте, где рядом с ручьём находился вход в пещеру.

Капитан Кардона был в восторге. Он дал команду на вылет ещё двум группам рейнджеров, нагруженным взрывчаткой С-4. По его плану нам предстояло проникнуть внутрь, захватить вьетнамского пещерного обитателя, а затем превратить его маленький каменный замок в груды щебня.

В этот самый момент группы Зо и Грегори навьючивались, готовясь к вылету. Ротный хотел, чтобы мы прошли вверх по реке около двух сотен метров и обеспечили для них посадочную площадку на каменистой косе в месте впадения ручейка в Сонгбо. Обе группы будут на месте меньше чем через час с этого момента, так что нам нужно было снимать Клеймору и поторопиться с выдвиганием.

Вскоре мы уже держали путь по берегу реки. Двигаться было легко за исключением пары мест, где нам приходилось отходить вглубь из-за того, что река сильно разрушила берег, оставив промоины десятифутовой глубины, которые пришлось обходить.

Около 10.00 мы добрались до косы и углубились в растительность к северу от неё, чтобы обеспечить охранение. Я взглянул на высокие горы, лежащие на юг от нас, по ту сторону реки. Когда две группы рейнджеров будут высаживаться на голую каменистую косу, пара северовьетнамских снайперов или расчёт крупнокалиберного пулемёта может устроить себе прекрасный денёк. Мы заняли единственное укрытие в округе, но нас мог заметить любой, находящийся на высотах за рекой. Было бы гораздо лучше, если бы эти две группы высадили рядом с нашим НП. Мы находились бы на господствующей высоте, и, пожалуй, в пределах такого же короткого перехода от нашей цели.

Просто удивительно, какие знания и способности к предвиденью проявляются в относительной безопасности базового лагеря. Если бы только мы, сидящая в поле тупая пехтура, смогли бы на осно-

ве собственных впечатлений принимать столь просвещенные решения! Капитан Экланд был единственным из всех виденных мной за проведенные в стране десять месяцев офицеров, кто сначала озадачивался тем, чтобы обратиться за советом к своим командирам групп, прежде чем принимать поспешные решения, способные повлиять на их выживание. А этот новый слишком заигрался в «Яхве на горе», чтобы понять, что мы находимся лицом к лицу с информацией, получаемой им из вторых рук.

Добрых полчаса прошло, прежде чем наши «эксреи» сообщили, что обе группы находятся на пути к нашему местоположению. Это значило ещё двадцать минут ожидания их прибытия. Если нас засекли в момент выхода на позицию, у мистера Чарли будет достаточно времени для подготовки радушного приёма.

Тут ожило наше радио. Это был пилот «лоча». Он был в трёх минутах, двигаясь к нам вверх по реке. Он сообщил, что возвращается, чтобы отметить местонахождение пещеры и указать нам направление. Клоссон ответил, что лучше бы он улетал туда, где его будет не видно и не слышно, и там дожидал-

ся, пока не придут остальные группы со своей взрывчаткой. Чрезмерная активность вспугнёт всех NVA в районе пещеры.

Пилот разведывательного борта сказал, что будет кружить над районом, пока мы не доберёмся до места. Никто не сможет скрыться от него незамеченным. Этот чувак просто не представлял себе, насколько хорошо умеет прятаться «Люк-Гук»!

Капитан Кардона прервал наш разговор, сообщив, что пара сликов находится в пяти минутах от нас. Мы оставались в укрытии, когда «лоч» пролетел над нашей позицией и развернулся в сторону ручья. Мы слышали, как он пролетел метров двести на север, а затем повернул обратно. Должно быть, вход в пещеру находится не очень далеко.

С вертушки управления запросили дым. Ракер повернулся и швырнул жёлтую дымовую гранату в центр косы.

Через несколько секунд на бредущем подошел первый Хьюи, зависший над ровным участком открытой береговой линии. Группа Зо десантировалась и бросилась бежать прежде чем вертолёт коснулся земли. Я привстал в траве и махнул им, указывая направление – сзади уже заходил следую-

щий слик. Я ждал, что вот-вот с хребта по ту сторону реки откроет огонь крупнокалиберный пулемёт. Его не было.

Группа Грегори дождалась, пока посадочные лыжи не утвердятся на земле прежде чем свалить из кабины Хьюи и отправиться в кусты вслед за группой Зо. Мы уселись в круг, дожидаясь отлета сликков, прежде чем попытаться что-либо сказать.

Когда звук улетающих вертолётов затих вдали, командиры трёх групп собрались в центре периметра, чтобы обсудить стратегию. Они решили, что при движении вдоль русла ручья группа Зо будет идти по западном берегу, а две другие – по восточному. Если одна из групп окажется под ударом, рейнджеры, находящиеся на противоположном берегу, предпримут маневр и выйдут во фланг вражеских позиций.

Группа Зо притащила сорок фунтов С-4, пятьдесят футов детонирующего шнура, пару дюжин детонаторов и обжимку для них. Количество взрывчатки казалось достаточным, чтобы наделать дел, но, по-моему, ни в одной из групп не было никого, обученному взрывному делу. Но, разумеется, ротный не послал бы нас взрывать пещеру, не убедившись, что хоть кто-нибудь знает, что делает!

Мы выдвинулись двумя колоннами. Группа Зо пересекла ручей и пошла по противоположному берегу. Движение было очень затруднено. Густая растительность подходила к самому берегу. Почти сразу же нам пришлось отойти от воды на десять-пятнадцать метров, чтобы не отстать от группы на том берегу. Мы оказались вне поля зрения друг друга и были вынуждены поддерживать контакт по радио.

Мы прошли сто метров вверх по течению, когда радист Зо сообщил, что из-за оказавшегося на пути обрыва им придётся спуститься в широкий, мелкий ручей. У них был выбор – сделать это, или подниматься до вершины гребня, чтобы обойти его поверху. Он вызвал «лоч» и попросил пилота разведать берег вперёд на предмет засады. Все это начинало походить на подход Кастера к Литтл-Бигхорн*.

* *При реке Литтл-Бигхорн (Little Bighorn) 25-26 июня 1876 года произошло сражение между индейским союзом племен лакота и северных шайеннов и Седьмым кавалерийским полком армии США. Битва закончилась уничтожением пяти рот американского полка и гибелью его знаменитого командира Джорджа Кастера (прим. перев.)*

Пилот «лоча» быстро пролетел вдоль одной стороны ручья и вернулся вдоль другой. Он сообщил, что с его точки зрения все было чисто. До пещеры оставалось менее ста метров.

Группа Зо дошла до неё за десять минут и радиовела, что они на месте. Они расположились выше на гребне и взялись нести охранение, пока мы будем выдвигаться на позицию.

Нам не потребовалось много времени, чтобы пройти сквозь редеющие одноярусные джунгли и выйти к ручью. Мы увидели четверых рейнджеров из 23-й группы, развернувшихся на склоне нависающей над входом в пещеру высотки. Он был не слишком впечатляющим! Просто щель в известняковом утёсе. Она выглядела недостаточно большой, чтобы в неё мог пролезть американский солдат нормальных габаритов. Где этот Миллер, когда он нам так нужен?

Наши две группы вошли в ручей и разошлись на в десять-пятнадцать метров, заняв оборону и установив периметр вокруг входа в пещеру.

Зо и Шварц двинулись к проёму в обрыве и закинули вглубь пещеры гранату со слезоточивым газом. Сидя на корточках в тридцати метрах, я хоро-

шо слышал её глухой хлопок. Большое облако газа вырвалось обратно из пещеры и поплыло прямо вверх по склону утеса. Чтобы избежать его, рейнджерам, нёшим охранение на его вершине, пришлось переместиться на фланги.

Зо бросил в щель наступательную гранату. Взрыв выбросил в ручей облако мелкой пыли и мусора. Полагаю, он решил, что теперь можно будет безопасно проникнуть в пещеру, потому что я увидел, как он скинул свой рюкзак прямо возле устья и заглянул внутрь через узкое отверстие. Вскоре он попятился и присел на корточки рядом со своим мешком. Я смотрел, как он вытащил несколько брикетов С-4 и отложил их в сторону. Грегори перебрался через ручей, чтобы помочь ему подготовить заряды, в то время как Шварц держал вход на прицеле своего CAR-15.

Он терпеливо ждал, пока командиры обсуждали, куда лучше заложить заряды, чтобы добиться максимального эффекта. В конце концов они решили разместить четыре однофунтовых брикета «пластика» вдоль потолка пещеры. Похоже, они могли протиснуться внутрь не глубже пяти футов – дальше им не хватало места. Они отмотали около десяти

футов детонирующего шнура и закрепили на одном его конце детонатор. Грегори подал его внутрь, туда, где Зо ждал, чтобы присоединить его к зарядам. Затем оба выбрались из пещеры и подожгли запал. Грегори бросился бежать по берегу, в то время как Зо спокойно отошёл на середину ручья, дожидаясь взрыва.

Когда он произошёл, то прозвучал весьма громко, но, похоже, всего лишь выбил несколько камней из входа в пещеру.

Мы переглянулись, как будто желая сказать: «Ну что же, мы явно заложили недостаточно большой заряд!»

Зо вылез из воды, вернулся ко входу и принялся разглядывать его, расставив ноги и уперев руки в бока. Потом он повернулся и вытащил из рюкзака десяток брикетов взрывчатки.

Он повторил все предыдущие действия, на сей раз разместив под потолком пещеры десятифунтовый заряд. Закончив, он выбрался наружу и зажёл запал. Грегори отбежал вниз по течению чуть дальше, чем прошлый раз. Зо повернулся, вышел обратно на середину ручья и взобрался на большой валун, торчащий там подобно трибуне оратора.

Взрыв был намного сильнее. Впереди выкатившегося из устья пещеры огромного облака пыли вылетело несколько здоровенных булыжников. Дождь мелких камешков усеял поверхность ручья на расстоянии в сорок футов. Но проклятая пещера осталась невредимой. Нигде не было никаких явных обрушений. Мы начали приходить в некоторое замешательство. Кроме того, создавшаяся ситуация начала представлять опасность для наших групп. Находящиеся на холмах вокруг нас северовьетнамцы наверняка должны были слышать взрывы. И они, разумеется, придут проверить, что это — хотя бы из чистого любопытства.

Зо побрёл обратно совершать финальный заход. Он вывалил себе под ноги оставшиеся двадцать шесть фунтов С-4 и принялся скрести затылок, разглядывая груды белых брикетов. Он махнул Грегори, чтобы тот помог ему, и они потащили оставшуюся взрывчатку в пещеру. На сей раз они решили использовать её всю. Если и это не сработает, ну что же — у нас всегда есть В-52. И все это из-за какой-то маленькой трещины в известняковом утёсе.

Им потребовалось пятнадцать минут, чтобы установить заряды и протянуть детонирующий шнур

к входу в пещеру. Зо выдернул чеку запала и побрел к своему насесту, возвышающемуся посреди ручья. Грегори отбежал на добрую сотню футов вниз по течению и обернулся посмотреть на взрыв.

Я пробежался взглядом по четвёрке рейнджеров, растянувшихся на вершине утёса и остальным одиннадцати, рассыпавшихся пятидесятиметровым кругом вокруг ближнего берега ручья. Они все надеялись, что в этот раз все получится.

До сего времени мне ни разу не доводилось присутствовать при извержении вулкана, а если таковое когда-нибудь и случится, надеюсь, я окажусь немного дальше пятидесяти метров от него. Взрыв сбил меня с ног и оставил сидеть в доходящем до подмышек ручье. Четверых рейнджеров на вершине утёса разбросало в стороны как тряпичные куклы. Даже те из них, что находились севернее и южнее по ту сторону ручья, выглядели ошеломленными силой взрыва. Я видел, как они перекрикиваются, пытаюсь определить, не пострадал ли кто-нибудь из них, но не слышал ничего кроме стоящего в ушах звона. Я медленно поднялся на ноги и посмотрел туда, где на большом валуне сидел Зо. Его там не было! Его вообще нигде не было видно. Как будто он испарился от взрыва.

Внезапно, на нас сверху дождём посыпались булыжники, щебень и всякий мусор. Я закрыл голову руками и рванул спиной вперёд под защиту росших вдоль берега деревьев. В ручей передо мной начали падать камни размером с мяч для софтбола*.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Я встал, глядя через ручей на место, где была пещера. То, что лишь недавно было узким проходом в массивном утёсе, теперь превратилось в глубокое ущелье, врезающееся в тело гребня метров на двадцать. Невероятно!

А ещё там был Зо, стоящий по пояс в воде, в тридцати футах от валуна, на котором он сидел в момент взрыва. Я едва не надорвал живот со смеху, когда он повернулся к мне и произнес: «Думаю, на этот раз мы сделали это!»

Рейнджеры медленно подходили, чтобы взглянуть на дело рук Зо. Все, похоже, забыли о том, где мы сейчас находимся. Наше охранение пошло

* *Софтбол (англ. softball) — спортивная командная игра с мячом, аналог бейсбола. Мяч для софтбола напоминает по размерам грейпфрут, он более мягкий, чем бейсбольный мяч, и имеет более низкую скорость полета (прим. перев.)*

ко всем чертям, но никто и не пытался восстано-
вить его.

Наконец, Клоссон сказал: «Эй, вечеринка окон-
чена. Давайте херачить отсюда». Потребовалось
несколько минут, чтобы собраться с мыслями и ор-
ганизоваться для возвращения на площадку при-
земления. Зо, похоже, ещё не до конца пришёл
в себя, и я заволновался, что он, возможно, постра-
дал при взрыве. Он заметил моё беспокойство и вы-
дал мне одну из тех широких, дурацких ухмылок,
которыми он так славился.

Мы построились цепочкой и двинулись, держась
дальнего берега ручья. Вода доходила нам лишь
до колен, так что идти было легко. Единственная
проблема состояла в том, что когда мы выстрои-
лись, то растянулись на открытом пространстве бо-
лее чем на шестьдесят метров.

Мы быстро двинулись вниз по течению, в то вре-
мя как Грегори вышел на связь, вызывая борта
для нашей эвакуации. Потребуется полчаса, мо-
жет быть чуть больше, прежде чем они доберутся
до нас. Прекрасно! До того как они придут, к нам
может сбежаться добрая половина NVA со всей до-
лины Ашау.

Ракер, идущий в голове вместе со Шварцем, внезапно вскинул руку и указал вверх, на вершину гребня к западу от нас. Он поднял два пальца, а потом подал сигнал опасности. Он заметил там пару гуков, которые шли за нами.

Зо более-менее пришёл в себя и дал сигнал всем прибавить темп. Нам нужно было возвращаться на площадку приземления. Если нам придётся держаться, она будет самым лучшим местом. Он вызвал ганшипы. Им тоже понадобится тридцать минут, чтобы добраться сюда.

Впереди показалась Сонгбо. Колонна двигалась быстро, но осторожно. Каменистая коса была нашей посадочной площадкой, но с тем же успехом могла оказаться зоной поражения. Мы не знали, успели ли NVA обогнать нас, или нет.

Шварц перебрался через ставший глубже ручей и выбрался на восточный берег, находящийся прямо перед косой. Он быстро описал тройную петлю, проверяя находящиеся рядом с площадкой укрытия, и просигналил, что все чисто. Три группы пробежали по берегу оставшиеся два десятка метров и рассыпались по растущим вдоль реки кустам.

Зо был на связи, сообщая об увиденных северовьетнамцах, когда откуда-то с лежащего к западу от нас гребня прозвучал первый выстрел. Как раз оттуда, где Ракер заметил тех двух гуков.

Все бросились на землю, не зная, куда попал этот выстрел. Бам... ззинг! Второй прошёл высоко над нами. Судя по звуку, стреляли с расстояния больше двух сотен метров. Они все ещё были на гребне, пытаясь нас прижать.

Некоторые из нас привстали в кустах и ответили огнём, не ожидая попасть в кого-нибудь, а лишь пытаясь дать этим ублюдкам знать, что не стоит проявлять такое чертовское бесстрашие.

Грегори крикнул Пенчански, чтобы тот обработал гребень несколькими выстрелами из М-79. Ски выпустил штук шесть осколочных, уложив их вдоль гребня, метрах в десяти друг от друга. Это отвадит их от попыток подобраться поближе. Он открыл «семьдесятдевятку», закинул в патронник картечный выстрел, а потом дёрнул приклад вверх, чтобы закрыть казенник. Гранатомёт выстрелил. Я был всего в десяти футах, когда это произошло, однако успел подумать о взрыве, который, как я знал, должен произойти. Но ничего не случилось!

Ски замер, в шоке уставившись на оружие, случайно пальнувшее у него в руках. Не было никакого взрыва. Слава богу, это был картечный выстрел. Потом я увидел Ренира, радиста Грегори. Тот держался за правое бедро и кривился от боли. Когда М-79 выстрелил, он сидел на земле ниже Ски, и словил часть заряда себе в ногу.

Пока один из медиков накладывал жгут на верхнюю часть бедра Ренира, Зо по другой рации вызвал даст-офф. Рана, похоже, кровоточила не сильно, но картечь «два нуля» причинила довольно серьёзное повреждение тканей.

Зо крикнул, что медэвак уже вылетел из Кэмп Эванса. С вершины гребня, лежащего слева от нас, прозвучало ещё несколько частых, неприцельных выстрелов. Несколько наших открыли огонь по предполагаемым местам нахождения стрелков противника. Зо предупредил пилота даст-оффа, что площадка «горячая».

Мы услышали приближающийся вверх по реке одиночный Хьюи. Он был в двухстах метрах вниз по течению, когда мы увидели его. Яркий красный крест, нарисованный на его носу, выделялся даже на таком расстоянии. Грегори выбежал на середи-

ну косы и завёл Хьюи на нашу площадку. Пилот так резко бросил машину вниз, что при ударе сломал одну из стоек посадочной лыжи.

Пара рейнджеров донесла Ренира, передав его членам экипажа даст-оффа, и помогла разместить его на носилках, лежащих на полу кабины.

Командир вертолёта потянул ручку, поднимая свой борт над косой, а потом нырнул носом вниз, закладывая резкий левый вираж, и унёсся вниз по течению, держась меньше чем в пятидесяти футах над поверхностью. Этот пилот был крут!

Мы вновь залегли в кустах у края посадочной площадки. Над нами просвистел ещё один выстрел. Какого черта они делают? Они даже не пытались приблизиться, а лишь старались зачем-то задержать нас тут. Единственное логичное объяснение состояло в том, что к ним должна была подойти помощь.

Зо сказал, что, если эвакуационные борта не придут через десять минут, мы будем уходить вниз по течению на восток. Если нас настигнут, то, по крайней мере, мы окажемся ближе к своим и на лучших оборонительных позициях, чем эта плоскозадая каменистая коса.

Через несколько секунд мы услышали его – глубокий пульсирующий гул турбин Хьюи, отражающийся от воды. Они шли вверх по течению, так же, как это делал медэвак. Зо сказал Грегори, что его группа пойдёт первой, поскольку у него на одного человека меньше.

Первый слик выскочил из-за гребня позади нас и развернулся над нами, почти полностью сбросив скорость, когда пилот перевёл вертолёт в крутую нисходящую спираль. Кто-то бросил на косу дымовую гранату в тот самый момент, когда борт коснулся неё.

Группа Грегори вскочила и бросилась бежать сквозь раздуваемый ротором красный дым. Я видел, как они исчезли в открытой кабине, в то время как вертолёт взлетел, разворачиваясь вниз по течению.

Следующий Хьюи прибыл с севера, бросившись вниз как дикая утка на манок. Зо крикнул, что теперь пойдёт Клоссон. Мы помчались к вертушке, втиснувшись внутрь в то время как он поднимался, освобождая место для последнего борта.

Я выглянул с левого борта Хьюи и в тот самый момент, когда коса исчезла из поля зрения, увидел, как приземляется птичка Зо.

Мы летели вниз по Сонгбо, чуть больше чем в ста футах над водой. Пилот был более обеспокоен набором скорости, нежели высотой. Я почувствовал на своём плече руку бортстрелка и, обернувшись, увидел, что он указывает вверх по течению, а потом показывает большой палец. Группа Зо успешно эвакуировалась.

Я залез в нагрудный карман и вытащил сэкономленную пачку Винстона. Она оказалась промокшей. Должно быть, это сделал взрыв в пещере, сваливший меня в ручей. Это случилось меньше девяноста минут назад, а я уже и забыл об этом. Вьетнам достал меня. Я был слишком короток для всех этих вещей. Всего пятьдесят пять дней и утро, и я окажусь на отправляющейся в Мир птице свободы. Господи, что может случиться за эти пятьдесят пять дней?

11 апреля 1969

На следующий день после возвращения с Сонгбо я сказал Майерсу, что решил отказаться от предложенного мне производства в офицерский чин. Не думаю, что смогу вынести несколько месяцев мышины возни в Беннинге, идея через двенадцать

месяцев вернуться в Нам командиром взвода также не прельщала. Я хотел было сказать ему, что за последние три-четыре недели буш совершенно достал меня, и я начал сомневаться в своих способностях, но решил держать это при себе. Не стоило кричать на всех углах, что теряешь самообладание.

Я был совершенно не готов услышать его ответ. Он сказал, что тоже решил отказаться от производства. В основном по тем же причинам, что и я.

Мы отправились в канцелярию и сообщили о нашем решении первому сержанту Кардену. Он сказал, что понимает нас, но в штабе будут не слишком рады этому. Во Вьетнаме полевое производство в офицерский чин не было столь обычным, как во времена Второй Мировой войны. В дивизии собирались использовать это для завоевания популярности в глазах общественности. Он попросил нас зайти около 16.00 и подписать документы, а он позаботится обо всем остальном.

По пути обратно в нашу хибару я долго размышлял о своём решении. Стать офицером – это было то, чего я желал с самого детства, а сейчас я отмахивался от этого шанса, словно все это не имело никакого значения. Я предположил, что на самом

деле это были лишь детские мечты. Честь и слава военной карьеры в качестве офицера и джентльмена, казалось, исчезли из списка моих приоритетов. За прошедшие десять месяцев бои, в которых я участвовал, каким-то образом развеяли все эти вещи про честь и славу. Я повзрослел, и мои идеалы изменились. Я устал. Должно быть, это потому, что с момента моего прибытия в страну я буквально сидел на адреналине. Связанная с его отсутствием ломка только начиналась, и я не был готов к ней. Мой разум пытался подготовить меня к дембелю и браку, в то время как моё тело все ещё находилось в Напе. Вся эта раздвоенность разрывала меня. Мне нужно было валить, и валить быстро.

Через пару часов пришел Зо и сказал, что в бою под Бьенхоа погиб Барри Голден. Он получил своё, летая бортстрелком слика в одном из подразделений армейской авиации, базировавшемся возле Бинькат. Его перевели из роты пару месяцев назад, сразу после того, как он продлил командировку ради раннего дембеля. Я слышал, что он подписал форму 1049 (рапорт о переводе) под давлением командира роты. Его зависимость от наркотиков начала выходить из-под контроля, и он превратил-

ся в дисциплинарную проблему. В поле Голден был на высоте, но под конец подсел на жестяк и между выходами постоянно находился под кайфом. Трагично! Он был примером двойной трагедии Вьетнамского конфликта.

12 апреля 1969

Я получил от Барб денежный перевод на триста долларов. Она сняла их с нашего общего счёта и отправила, чтобы я мог провести отпуск. Я чувствовал себя полной задницей, тратя десятую часть от того, что удалось накопить за время моей командировки. Эти деньги могли бы очень пригодиться нам после свадьбы. В сопроводительном письме она пожелала мне расслабиться и наслаждаться жизнью. Она лишь хотела, чтобы я смягчился и позволил ей прилететь в Гонолулу с тем, чтобы мы могли пожениться. Я отказался. Мы договорились, что у нас будет шикарная свадьба в церкви. Были сделаны все приготовления, приглашения написаны и готовы к отправке адресатам. Не смотря на то, что я жаждал быть с ней, мне не хотелось рушить наши свадебные планы. Каким благородным идиотом я был!

В конце концов, отпуск вытащит мою задницу из поля на семь-десять дней. А если я проявлю сообразительность, то смогу продлить время отсутствия в подразделении до пары недель. Перед отпуском у меня, возможно, будет ещё один-два выхода. К моменту возвращения в подразделение мне останется меньше трёх недель, а с таким сроком пребывания в стране в поле никто не ходит. Да, я отгуляю свой отпуск. Почему бы и нет, коль уж должен? Остальные подгадывали время отпуска так, чтобы побыстрее перестать ходить в поле. Почему бы и мне не сделать так же? Идея была совершенно здоровой и выглядела более чем убедительной, однако у меня было подавляющее ощущение, что я наёбываю своих товарищей.

13 апреля 1969

И снова предварительное распоряжение. Выход будет на рассвете четырнадцатого. Я вновь буду КГ, а Ракер моим ЗКГ. Наша зона ответственности находилась на верху главного хребта, тянущегося параллельно реке Благовоний, к западу от Пиявочного острова. Однажды я уже был там, месяцев шесть назад. Мы нашли старую тропу и небольшой тай-

ник с боеприпасами. Мы забрали карабин М-2, а боеприпасы и гранаты оставили, заминировав их.

Местность была пересечённой, с большими перепадами высот. В самом широком месте вершина хребта была не шире двадцати метров. Растительность представляла собой трёхъярусные джунгли. Повсюду росли пышные, зелёные папоротники и широколиственные растения. Мне вспомнилось, что видимость составляла не более нескольких метров. Это был тип зарослей, в котором рейнджеры любили вести патрулирование.

Остальными членами группы будут Джиллет, Килберн, Хиллмен, и Грофф. У этих четверых было не слишком много опыта, но они пробыли тут достаточно долго, чтобы понимать, что происходит.

Мы отправимся на трое суток. В дивизии хотели знать, что творится в этом районе. На юго-запад оттуда лежала долина Руонг-Руонг, и с тех пор как из нас вышибли дерьмо 20 ноября, там никто не появлялся. Настоящая, чистая разведка! Никаких засад, никакой беготни в попытках захвата пленных. От нас просто хотели, чтобы мы прошли по гребню хребта и посмотрели, есть ли там признаки активности Чарли. Район разведки был нео-

бычно мал, всего три квадратных клика, вытянутых по прямой, прямо вдоль вершины хребта. Если мы ничего не обнаружим, нам даже не придётся никуда карабкаться.

14 апреля 1969

Нас высадили на рассвете с помощью верёвочной лестницы. Ненавижу высаживаться по лестнице. Это занимает чертовски много времени! Но тут уж ничем не поможешь. На весь район было три или четыре воронки от бомб, так что с хорошими площадками приземления была напряжёнка. Во время предварительного облёта я нашёл всего одну воронку, выглядевшую достаточно большой для Хьюи. Она находилась на северном конце нашего района разведки, и я решил приберечь её в качестве точки подбора. Эвакуироваться с помощью лестницы, это ещё хуже, чем высаживаться.

Высадка заняла больше времени, чем хотелось бы. Пока мы спускались, вертолёт то проваливался, то взмывал вверх. Пилот изо всех сил старался посадить нас как можно кучнее, но площадка оказалась вовсе не такой широкой, как казалась, когда мы пролетали над ней тринадцатого. Вся-

кий раз, когда он проваливался, его винты начинали рвать в клочья верхушки деревьев, окружающую площадку. Последние шесть футов, отделяющие нас от дна воронки, каждому из нас пришлось пролететь. Надо было не рисковать, и спускаться по верёвке. Мы потратили слишком много времени на высадку. У всех гуков в округе было полно возможностей засечь место нашей высадки.

Мы выкарабкались из воронки и пробежали пятьдесят футов на север, прежде чем нырнуть в большую купу папоротников рядом с гребнем хребта. Мы заложили собаку на час. Я хотел быть точно уверен, что наша высадка не привлекла чужого внимания. Ракер просигналил мне, что связь работает прекрасно. Так и будет, пока мы остаёмся на вершине. Что бы ни случилось, нам не следует спускаться на западный склон хребта. У нас не было «эксреев». Мы были на прямой видимости с Кэмп Игл. Оказавшись по ту сторону хребта, мы будем в мёртвой зоне, и лишимся связи.

С артиллерией тоже были проблемы. Прямо на юг от нас находилась база огневой поддержки «Кирпич», но сейчас она пустовала. Нас могли поддержать с базы «Винтовка», к юго-востоку

от нас. Но если мы будем на тыльной стороне хребта, они ничего не смогут сделать. Я сообщил группе, что если нам придётся разделиться в ходе E&E, пунктом сбора будет западный берег реки Благовоний, прямо напротив северной оконечности Пиявочного острова.

Ракер повёл нас, медленно, но целеустремленно двигаясь сквозь пышные джунгли. Я был в восторге от того, что мы вновь оказались под их покровом. В трехъярусных джунглях зелень была гораздо более богатой. Растительная жизнь доминировала в этих местах. Растительный покров был настолько густым, что временами мы проходили по пятьдесят или более метров, не видя земли. Казалось, что мы идём вброд сквозь доходящий до колен слой растительности.

Мы не производили никакого шума. Влажная земля поглощала все звуки. Ничто не было достаточно сухим, чтобы хрустеть под ногами. Я шёл ведомым и, оглянувшись через плечо, поразился тому, как камуфлированные рейнджеры медленно двигались позади меня. Они были бы невидимы, не зная, что они там должны быть. Я решил, что противник найдёт их столь же трудно обнаружимыми.

Мы вели патрулирование до 16.00, пройдя добрую тысячу метров. Я выдвинулся вперед и, похлопав Машу по плечу, дал ему знак искать место, где мы сможем провести ночь. Он свернул на восточный склон хребта и спустился к находящемуся у самого гребня нагромождению валунов, среди которых густо росли огромные «слоновьи уши». Прекрасно! Укрытие, маскировка, да ещё и отличная связь в придачу!

Мы поставили четыре Клеймора, развернув три из них вверх по склону, а оставшийся направив на восток, вдоль предполагаемого направления отхода. Я был уверен, что нам удалось остаться незамеченными.

В джунглях темнело рано. К 17.30 укрывшиеся внутри периметра рейнджеры были едва различимы. Мы расстелили на земле подстёжки от пончо, предварительно убрав оттуда мелкие камешки и палки. Я расположил всех очень компактно, поскольку из-за густой растительности следить за действиями каждого из нас было практически невозможно.

Ночь прошла спокойно. Пожалуй, в этот раз я спал до и после своей смены в охранении лучше, чем на любом другом задании.

15 апреля 1969

Мы быстро съели завтрак и двинулись дальше. Мне хотелось за второй день пройти ещё один клик.

Ракер остановил группу в ста метрах от места нашей ночёвки. Он стоял на краю ровной тропы, которая, похоже, пересекала хребет под углом, с юго-запада на северо-восток. Тропа не была старой, но ею долго не пользовались. На замшелых камнях не было свежих следов.

Мы прошли по ней метров пятьдесят на северо-восток, пока она не начала сбегать вниз по склону в направлении реки Благовоний. Я дал Ракеру сигнал оставить ее и возвращаться на гребень. Если идти по ней вниз по горному склону, мы вскоре выйдем из своего района разведки. Кроме того, я знал, откуда идет эта тропа. Она вела к броду на реке, обнаруженному нами пару месяцев назад.

Мы ничего не обнаружили, пересекая гребень туда-сюда, и в конце дня вновь забрались в густые заросли. Где-то по ходу патрулирования мы подцепили нескольких сухопутных пиявок. В свете угасающего дня каждый из нас по очереди раздевался, чтобы угостить каждого раздувшегося паразита

порцией репеллента. Было здорово видеть, как эти ублодки реагируют на жгучий «жучиный сок». Джиллет завоевал лавры лучшего поставщика, насчитав тринадцать штук. Я обнаружил на себе только шесть, но парочка этих сучьих детей приютилась у меня на мошонке.

16 апреля 1969

К 14.00 мы прошли последний клик, не обнаружив признаков того, что противник когда-либо бывал на хребте. Тропа, пересекающая хребет в полутора тысячах метров позади, была единственной вещью, не позволяющей считать нашу зону ответственности ещё одним нетронутым уголком азиатских джунглей.

Мы нашли воронку и отправились под густой покров растительности на её дальней стороне, в то время как я связывался с ротой, вызывая эвакуацию. Они немедленно отозвались, сообщив, что вертолёт будет у нас через тридцать майков.

Я нарушил собственные правила и зажёл сигарету. После известия о том, что птички уже в пути, по какой-то непонятной причине мне внезапно за-

хотелось ощутить её вкус. Я глубоко затаился, дав дыму наполнить мои лёгкие. Ещё несколько затяжек, и я передал его следующему человеку, сидящему в кустах рядом со мной.

Хьюи прибыл точно в срок. Грофф выдернул чеку у жёлтой дымовой гранаты и бросил ее в воронку. Пилот заметил дым и начал приближаться к прогалине. На какое-то мгновение я решил было, что переоценил ее размеры, но передумал, когда он направил слик вниз сквозь деревья, переведя его в висение возле самого края воронки.

Мы быстро набились внутрь, стремясь свалить оттуда ко всем чертям. Выход оказался не слишком захватывающим, но, как и на большинстве из них, адреналин бурлил в наших жилах до тех пор, пока мы не оказались на обратном пути в Кэмп Игл. Я буду скучать по всему этому, когда вернусь домой. Знаю, что это кажется глупым, но от такой жизни в итоге начинаешь получать удовольствие. Там, в Мире нет ничего, способного сравниться с ней. И связывающие нас узы... они не походили ни на что из пережитого мною доселе в эмоциональном или социальном плане. Да, я действительно буду скучать без этого.

17 апреля 1969

Весь день шёл дождь. Не суровый, проливной ливень, как в сезон муссонов, а спокойный, равномерный дождик, прибивший пыль и на несколько градусов понизивший температуру. Впервые за весь срок моего пребывания в Наме у меня появилось время как следует оглядеться. Мой срок службы уже подходил к концу, а я так и не воспользовался возможностью оценить окружающую меня страну. Да, я наделал кучу фотографий, отснял больше двадцати бобин киноплёнки, но что я сам увидел при этом? Да ни черта!

Я провёл десять месяцев, пытаюсь выжить в стране, известной своей незамысловатой красотой, и едва не упустил возможность составить о ней собственное впечатление. Слишком многое я считал само собой разумеющимся и не очень-то пытался сам понять происходящее. Я недолго любил и относился с подозрением к местному населению не потому, что они были непривлекательны физически или нечестны по своей природе, а потому что боялся и не понимал их. Так как я не мог сказать, кто является врагом, то заносил в эту категорию всех —

просто потому, что так было проще. Мой инстинкт выживания возвёл между мной и жителями Вьетнама стену, не дающую узнать что-либо о них, их культуре и их истории.

Меня, белого представителя среднего класса, воспитанного в консервативном духе, учили, что Америка лучше всех, и если что-то было сделано или выросло не в Соединённых Штатах, то это просто ни на что не годно.

Теперь, когда мне осталось провести в стране всего сорок девять дней и утро, я понял, чего лишился. О да, я получил свою долю впечатлений, но прозевал великолепную возможность узнать множество поразительных вещей о чужой культуре, значительно старше моей собственной, которая поддерживала этих людей в течение тысячелетий. Почему никто не научил нас ценить и признавать культуру вьетнамцев? Мы так старались привить им нашу культуру, что пропустили незамысловатую, чистую прелесть их собственной. И неудивительно, что они к нам так относятся. Я со своей стороны не дал им ничего, а теперь удивляюсь, почему они нам не доверяют. «Гад-

кий американец»* еще никогда не был так гадок, как теперь.

18 апреля 1969

Сегодня в расположение роты забрёл кореец, торговавший вразнос всевозможными библиями. Они были прекрасны! С множеством цветных картинок, иллюстрирующих все те знакомые с детства религиозные истории. На протяжении многих лет я был не слишком религиозен, но все же какое-то внутреннее чувство подсказало мне приобрести один из экземпляров в кожаном переплёте и отправить его домой, Барбаре. Она поймёт, зачем я потратил эти тридцать девять долларов. Это были большие деньги, но, делая эту покупку, я испытывал хоро-

* *Ugly American. Тип янки за рубежом. Выделяется своим шумным поведением, высокомерием, нежеланием понимать местное население и пренебрежением к его обычаям, тем самым дискредитируя образ США. Фраза получила распространение после издания в 1955 одноименной повести Ю. Бердика (Burdick, Eugene) и У. Ледерера (Lederer, William), в которой сатирически изображалась деятельность американских представительств в Юго-Восточной Азии (прим. перев.)*

шие чувства. Теперь если со мной вдруг что-то случится, библия будет для моих любимых... ну, отчасти ответом на некоторые вопросы и определённым утверждением, которое я, кажется, просто никогда не смогу изложить в письме.

Господи, это был приступ меланхолии, что ли? Я никак не мог понять, что творится у меня внутри. Я был переполнен угрызениями совести и предчувствиями. Похоже, это была неделя рефлексии и глубоких раздумий. Мне следовало бы радоваться тому, что через девять дней я еду в отпуск, а через сорок девять – домой. Боже, я был действительно короток! Без балды! Я уже не говорил это потому лишь, что это здорово звучит. Я был «окончательно короток». Раньше я завидовал парням, которые не были так коротки, как я теперь. Я даже не мог вспомнить, какие у меня были ощущения, когда я только прибыл в страну. Тогда почему я так чертовски хреново себя чувствую?

19 апреля 1969

Только что получил письмо от мамы и ещё одно от папы. Они только что переехали в совсем новенький двухэтажный дом с пятью ванными и ше-

стью спальнями. Им потребовались два долгих десятилетия тяжёлой работы и неосуществлённых мечтаний, чтобы достичь цели своей жизни. Имея доход нижнего среднего класса, они смогли воспитать восьмерых детей, проделав хорошую работу. Для нас это были тяжёлые времена. Старые, ветхие дома и десятилетние автомобили не портили нашего настроения. Мои братья и сестры учились не падать духом даже в самой плохой ситуации. Мои родители отдавали все немногое, что имели нам, своим детям, пытаясь помочь нам сохранять достоинство среди наших одноклассников, которым повезло больше, чем нам. Похоже, они проделали хорошую работу, потому что никто из нас не рос, чувствуя себя неимущим.

Теперь у них был этот новый дом. Их письма подробно описывали его и заканчивались заявлением, что мне больше не будет стыдно привести домой своих друзей. Боже мой! Так вот о чем они думали!? Все эти годы я неосознанно причинял своим родителям страдания, заставляя их считать, что я стыжусь своего наследия.

У меня есть замечательная семья и красавица, на которой я женюсь через два коротких месяца,

и я пережил год во Вьетнаме. У меня было все, чего только можно пожелать в двадцать два года. Почему я чувствую себя таким растерянным?

20 апреля 1969

В 09.00 вокруг меня начал рушиться мир. Ко мне в хибару зашёл Клоссон, сообщивший невероятную новость. Он только что получил предварительное распоряжение на выход этим вечером. Группа будет состоять из него, Хиллмена, Соерса, Ракера, Чемберза и меня.

Я не мог поверить, что правильно понял его. «Чемберз! Да ни за что, мужик. Должно быть, это какая-то ошибка. Не Чемберз! Мы с Чемберзом никогда не ходили в одной группе». Клоссон, Соерс и Ракер тоже. «Не, чувак, только не я», ответил я. «Я не пойду на эту чёртову задачу. Боже мой, Клоссон, разве ты не знаешь о моем сне? Господи, Ларри, том самом сне. Вспомни, черт побери – пророчество! Скажи мне, что ты просто пошутил. Вот именно, да? Шутка! Это Чемберз тебя подговорил? Вот сукин сын! Я убью его, когда поймаю. Я должен знать. Ты не шутишь, да?»

Клоссон уронил голову, уставившись в пол. Это было на самом деле. Мы пойдём вместе, в одной группе. Ну так и что! Черт, это ничего не значит. По крайней мере, мы пойдём не в Ашау. Ни одна из наших групп не выходила куда-либо в окрестности Ашау... «Клоссон, куда мы идём?» Тишина! «Черт возьми, Клоссон! Куда мы идём?»

Он беспомощно оглянулся, пожал плечами, а потом покачал головой и медленно пробормотал: «Ашау. Да, мы идем в Ашау».

Я вскочил с края сундучка, на котором сидел, не в состоянии что-либо сказать. Слова просто не шли на язык. Клоссон тоже хотел что-то сказать, но, в конце концов, просто повернулся и медленно вышел из казармы. Прошло несколько минут, прежде чем ко мне вернулась способность соображать.

Наконец мой разум прояснился достаточно, чтобы воспринять весь смысл сказанного Клоссоном. Кошмар, приснившийся мне в марте, превращался в реальность. В конце концов, ничего не подлаешь. Я умру в долине Ашау, именно так, как это было в моем сне. Внезапно я понял, почему последние несколько дней испытывал такую меланхолию. Я знал! Как-то, каким-то образом, я подсознательно

понял, что вскоре умру. Я больше никогда не увижу свою любимую Барбару и свою семью. Как такое могло случиться?

Чувство ужасающей предопределенности окутало меня подобно тяжёлому савану. Я испытывал глубочайшее горе и жалость по отношению к себе, но, в то же время, какое-то болезненное облегчение. Все становилось на свои места. Как жаль, что так должно будет случиться, но все это не в моей власти – и не в чьей либо еще. Это Вьетнам, и дерьмо здесь случается! Полная херня...

Выйдя на свет из тесной казармы, я натолкнулся на Соерса, Ракера и Чемберза. Выражение их лиц сказало мне, что уже повидались с Клоссоном. Я не верил, что они тоже всерьёз относились к моему предчувствию, но испытал странное облегчение, поняв, что ошибся. Чемберз вымученно усмехнулся, и произнёс: «На самом деле ты же не...» Он не закончил предложение.

Мы повернулись, чтобы отправиться в хибару Клоссона узнать остальные детали и справиться о предварительном облёте. По дороге с нами столкнулся первый сержант Карден. Когда мы проходили мимо, он остановил меня и придержал, в то вре-

мя как остальные двинулись к казарме командира группы.

Когда мы остались одни, он сказал: «Линдерер, я знаю о твоём сне. Я сделал это не специально. Все остальные группы в поле, либо не в полном составе. Я понимаю, что ты, Соерс и Ракер уже совсем накоротке, но не могу же я отправить Клоссона в Ашау с группой из одних вишенок». Он схватил меня за руку и заглянул в лицо. «Ты как, сможешь сделать это?»

Я кивнул, опасаясь, что если заговорю, голос выдаст мои чувства. С трудом сглотнув, я пробормотал: «Со мной все будет в порядке, старшой. Со всеми нами. Этот дурацкий сон ничего не значит». Поворачиваясь, чтобы последовать за остальными членами группы, я увидел его гримасу. Он верил в ту ерунду, что я нёс, не больше меня самого.

Соерс будет ЗКГ Клоссона и займет позицию ведомого. Чемберз пойдёт в голове. Ракер отвечает за связь в качестве старшего радиста. Хиллмену поручили тащить вторую рацию. Я буду прикрывать тыл, идя замыкающим. Это будет хорошая группа. За исключением Хиллмена, у каждого из нас больше пятнадцати выходов. У меня он будет двадцать

восьмым. Трое из нас ходили командирами групп, еще двое – заместителями. Соерс, Чемберз и Клоссон прошли через школу Рекондо в Нячанге. Соерс даже стал почётным выпускником своего курса, а Чемберз занял второе место. Если мы не доживём до конца выхода, то уж точно не из-за отсутствия опыта.

Пока Клоссон был на облёте, остальные собирали снаряжение. Для большинства из нас это было не более чем добавление к тому, что было постоянно уложено в наши рюкзаки, пайков, воды и специального снаряжения. Я взял «вилли-питер» и наступательную гранату, и рассовал их по боковым карманам рюкзака. Закончив с этим, я положил поверх всего Клеймор, и накрыл его клапаном. Соерс привязал к боковине рюкзака одноразовый гранатомёт LAW. У нас были разведданные о бронетехнике NVA, действующей в лаосской части Ашау.

Вместо возбуждения и бравады, предшествующих обычному выходу, над нами витала тихая, мрачная решимость. Никто не разговаривал друг с другом, мы работали в тишине.

Хиллмен выглядел совершенно сбитым с толку. Его не было в моем сне, и в тот момент он

не знал, в чем причина столь серьезного падения духа остальных членов группы. Молодой чернокожий рейнджер побывал всего на паре заданий и до этого не сталкивался с такого рода проблемами. Пожалуй, для него это будет гораздо тяжелее, чем для нас. Мы более или менее примирились с судьбой, а он все ещё полагал, что мы просто отправляемся на ещё одно обычное задание.

Клоссон вернулся с облёта в полдень. Он сообщил, что в западной части нашей зоны ответственности находится чертовски большая гора. По ее обратному склону проходит граница с Лаосом. Наша задача состояла в том, чтобы разведать местность и попытаться найти основные тропы, идущие из-за границы в Южный Вьетнам. В долине Ашау границу пересекала тропа Хошимина. Там всегда хватало свежих троп. И войск противника.

Когда постановка задачи закончилась, и мы отправились по казармам, я заметил на лицах наших приятелей-рейнджеров выражение участия и поддержки. Молва разнеслась быстро. Многие из них позже заходили, пытаясь ободрить нас. Некоторые доходили до того, что пытались относиться к сложившейся ситуации несерьёзно, но тут же прекра-

щали, поняв, что их усилия не достигают желаемого эффекта. Казалось, что от моего предчувствия пострадала вся рота, но я ничего не мог с этим поделать.

Я чувствовал себя опустошённым. Ничто больше не имело смысла. Я знал, что уже практически мертвец, и неважно, когда именно это случится. Единственное, что имеет значение – я не вернусь с этого задания. Мне нужно написать несколько писем, а время истекало. Я схватил блокнот и ручку, и бросился к бункеру на периметре. Я знал, что там никого не будет.

Внутри было почти прохладно. Света, проникающего сквозь амбразуры, было вполне достаточно, чтобы я мог видеть, что делаю. Первое письмо было моим родителям. Я трижды начал писать его, но никак не мог найти правильный подход. Наконец я избрал трусливый выход из положения. Я написал, что срок моей службы во Вьетнаме подходит к концу, и я ценю полученную от них и остальных членов нашей семьи любовь и поддержку. Они помогли мне перенести этот год во Вьетнаме. И если под конец игры со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы они знали: я всегда был горд

тем, кто я есть, и как я распорядился своей жизнью. Я в долгу перед ними. Они научили меня отличать правду ото лжи и дали мне ряд моральных устоев, следуя которым, мне нечего будет стыдиться в своей жизни.

Второе письмо я адресовал одному из моих лучших друзей ещё со школьных времен. Джон Мис был моим товарищем по охоте и школьным приятелем. Он часто писал мне на протяжении последних месяцев. В нашем классе он был буяном, одним из тех парней, которые никогда ничего не воспринимали всерьёз. Однако когда мне пришёл приказ отправляться во Вьетнам, именно Джон, похоже, лучше всех понял охватившие меня эмоции.

Именно Джон предложил позаботиться о моей девушке и заходить, чтобы посмотреть, как там проживают мои близкие.

Я рассказал ему о задании и моих предчувствиях в отношении него. Я решил попробовать отправить домой пистолет .45 калибра, снятый мной с майора NVA, которого я убил в ноябре. Это было оружие американского производства, так что отправка его в Штаты была запрещена. Но в сложившейся ситуации меня это больше не волновало. Я взял

его в бою, и он мой. Джон поймёт, что с ним делать. Я сообщил ему, что собираюсь раскидать его по четырём разным посылкам и попрошу нескольких своих товарищей отправить их в течение нескольких следующих дней. Я брал его с собой на задания. Теперь же я не хочу, чтобы он вновь достался гукам.

В конце я написал Джону, что вкладываю в это письмо ещё одно. Оно для Барб, и его следует вручить ей лишь если со мной что-нибудь случится. Если же я счастливо вернусь домой, он должен будет сжечь его.

Закончив письмо Джону, я написал письмо своей девушке. На удивление, написать его оказалось совсем не трудно.

Моя любимая:

Боже, как мне жаль, что так случилось. Пожа-луйста, прости меня! Я надеялся, что тебе никогда не придётся прочесть это, но, похоже, даже моей огромной любви к тебе оказалось недостаточно, чтобы вернуть меня обратно. Барбара, милая Барбара, я так любил тебя. Боль, которую ты сейчас испытываешь, станет памятником нашей с тобой любви. Воспоминания! Это все, что я могу

оставить тебе. Воспоминания о хороших временах... и о плохих. У меня нет ни малейших сожалений о наших отношениях, длившихся последние семь лет. Я помню только счастье... нежность твоих прикосновений! Твою заботу... твой смех над моими глупыми шутками. Я никогда не заслуживал тебя. Я никогда не стоил боли, которую вызывал у тебя все эти годы и боли, причиной которой стал теперь.

Обещай мне лишь, что будешь помнить меня. Воспоминания – это то, где я всегда буду с тобой. Не горюй обо мне. Случившееся со мной было предначертано задолго до того, как мы встретились. Ты и я... мы... нам не было начертано этого. Но я благодарю бога за время, что мы были вместе.

Теперь ты продолжишь без меня. Найдётся кто-нибудь еще, кто будет любить тебя и будет любим тобой. Это то, чего мне хотелось бы для тебя.

Прощай, моя любовь! Ты всегда будешь со мной. Вся моя любовь, вся моя жизнь.

Гэри.

Я запечатал письмо не перечитывая. Я знал, что если сделаю это, то уже не смогу отправить

его. Я сложил его и затолкал в конверт с письмом для Джона. Быстро написав адрес и надписав печатными буквами в верхнем правом углу конверта «БЕСПЛАТНО», я отложил его и начал ещё одно письмо для Барб. Оно было коротким и уклончивым. Я написал ей, что готовлюсь выходить на задание. Я не в восторге от района, в который нам предстоит идти, но, по крайней мере, наша группа состоит из лучших парней роты L. Я не упоминал о предчувствии, которое, похоже, было на верном пути к исполнению. Если это случится, она так или иначе достаточно быстро узнает о нем. В заключении я попросил её лишний раз помолиться за меня. Закончив, я поспешил в канцелярию и опустил все три письма в почтовый ящик. Было 15.30 и нужно было начинать подготовку к выходу.

По дороге к казарме меня остановил Шварц. Сперва он мялся, желая что-то сказать, но не зная, с чего начать. Наконец он выпалил, он хочет пойти вместо меня. Господи, он винил себя за то, что разболтал о моем кошмаре? Он пошёл на жертву из чувства вины? Какое проявление дружбы! Я был весьма польщен его предложением, но смог лишь отрицательно помотать головой, будучи не в состо-

янии даже поблагодарить его за этот символ дружбы. Вот такими были парни, служившие рейнджерами.

Пришёл Клоссон и сказал, что через десять минут мы должны быть на вертолётной площадке. Я посмотрел на часы, прицепленные к левой лямке моего полевого снаряжения, висящего над койкой. Было 16.50. Вылет был назначен на 17.15.

Я влез в снаряжение, схватил рюкзак и винтовку, и покинул казарму, чтобы проделать короткий путь под горку до вертолётки. Вертушки ещё не прибыли, однако остальные члены группы уже были на краю площадки, в последний раз проверяя снаряжение и нанося финальные штрихи камуфляжа на лица. Все было так же, как на предыдущие разы, но на сей раз отсутствовали возбуждение перед выходом на задачу и добродушное подтрунивание.

Когда я присоединился к остальным, никто не произнёс ни слова. Это походило на футбольную команду, в середине финала чемпионата откатившуюся с сорок пятой на нулевую отметку. Над группой сгустилась мрачная, почти фаталистичная аура. Я заметил, что каждый из нас старался даже не смотреть на остальных. Все были молчаливы и погло-

щены в собственные мысли. И причиной этому была я? Мой глупый кошмар превратился в сбывающееся само собой пророчество? Парни были психологически не готовы к выходу. Я невольно запустил цепную реакцию, поставившую под угрозу жизнь невинных людей. Особую вину я ощущал перед Хиллменом. Он не был участником моего кошмара. Но если сон сбудется, то он окажется в нем.

Моё внимание привлёк звук приближающихся вертолётов. Пара Хьюи подошла юго-запада, сделала круг над расположением кавалеристов и зашла на посадку перед нами. Мы повернулись спиной к летящей пыли и мусору, пока оба борта приземлялись и глушили двигатели.

Пока мы готовились к погрузке, из дежурки спустился капитан Кардона. «Мужики, перед тем как высадить вас, мы ненадолго приземлимся на базе огневой поддержки «Блейз». Там к нам должны будут присоединиться ганшипы. Вы окажетесь на месте за добрых полчаса до наступления сумерек. Это даст вам шанс осмотреться на местности и засветло найти хорошее место для ночёвки». Не дожидаясь комментариев с нашей стороны, он отправился оповестить пилотов об изменении планов.

К нам на вертолётку подтянулись Луни и ещё трое рейнджеров из секции связи. Они останутся на базе «Пламя» в качестве группы ретрансляции. Ожидая, когда вертушки запустят движки, мы вели ничего не значащие разговоры. Закурив сигарету, мы пустили ее по кругу.

Раздавшийся, наконец, вой турбин сообщил нам, что пришло время начать шоу. Мы сели, прислонившись спинами к нашим тяжёлым рюкзакам, и просунули руки в лямки. Подтянув ремни, чтобы подогнать их по месту, мы, кряхтя, поднялись на ноги и разделились на две группы по трое для посадки в вертолёт. Я заметил на краю площадки Шварца, снимавшего нашу подготовку к отлёту на свой Пенн-ЕЕ.

Длинные лопасти ротора начали вращаться по мере того, как двигатель набирал обороты. Вскоре их шум перерос в мощную, пульсирующую вибрацию, означающую, что взлёт близок. Моё внимание привлёк шум подлетающих вертолётов. Пара Хьюи приближалась с юго-запада, облетая по дуге расположение кавалеристов. Затем взлетела вертушка управления, направляясь на запад, к горам. Я почувствовал, что и наша птичка внезапно ото-

рвалась от асфальта, стремясь нагнать её. Мы быстро набрали высоту, и я почувствовал, как наклонился нос, когда мы набрали скорость и помчались вслед за вертолётom ротного.

Я смотрел вниз, пока мы летели над лежащими вокруг Кэмп Игл пологими холмами. Мы пересекли реку Благовоний и прошли над Лысой Горой. Позади Банановой горы внезапно показалась Нуйки. Я вспоминал о тех заданиях, на которые я ходил туда. Казалось, все это было так давно.

Пролетев над базой огневой поддержки «Бирмингем», мы последовали вдоль похожего на красный рубец шоссе № 547, ведущего к «Бастони». Потом мы пролетели над базой «Венгель». Она выглядела заброшенной. Я понятия не имел, насколько близко мы находились от «Блейза». Это, должно быть, была новая точка. Прежде я никогда не слышал о ней.

Наш вертолёт резко развернулся и начал терять высоту. Я выглянул, чтобы рассмотреть лежащую под нами базу. Она была маленькой, едва занимая вершину высокого мыса, вдающегося в небольшую долину, лежащую к юго-западу от «Венгеля». Я видел уходящие на запад горы, но они, каза-

лось, не доходили до горизонта. Я знал, что лежит за ними – Ашау! Казалось, долина чуть ли не манила нас. На всей земле не было другого такого места, которого мне столь сильно хотелось бы избежать. Но долина была там, прямо за этими горами – и она ждала нас.

Мы приземлились на сооружённую из новеньких металлических листов вертолётку, и выпрыгнули наружу, когда пилот сбросил обороты до холостых. Нужно было убить время до прибытия «Кобр». Вертолёт ротного приземлился перед нами, высадил группу «эксреев» и взлетел вновь, отправившись обратно на восток, навстречу ганшипам.

Мы шатались без дела, ожидая команды «по коням» и наблюдая, как связисты обустриваются в бункере на юго-западной стороне периметра. Луни показал нам большой палец, когда мимо проехал маленький транспортёр, нагруженный 155-миллиметровыми снарядами для находящихся в центре базы гаубиц.

Молодой офицер-артиллерист и пара штабс-сержантов подошли к нам и представились. Офицер был старшим над 155-ками, а сержанты – командирами орудий. Они расстелили карту приле-

гающей местности и показали, что, если случится так, что мы перевалим на противоположную сторону Донг Ап-Биа, горы, возвышающейся над нашим районом разведки, мы окажемся вне пределов досягаемости артиллерии, и они не смогут поддержать нас. Я хотел сказать им, что, кроме всего прочего, мы окажемся в Лаосе. Этот факт, похоже, совершенно ускользнул от их внимания.

Мы поблагодарили их за информацию. Как я мог видеть, у нас будет артиллерийская поддержка, если мы останемся в восточной части зоны наших действий. В западной половине мы, вероятнее всего, окажемся под огнём северовьетнамских батарей, находящихся в Лаосе!

Через пятнадцать минут наш пилот просигналил, что пришло время выдвигаться. Мы забрались в вертолёт, разбившись по группам, каждая со своего борта.

Мы взлетели, набирая высоту и уходя от одинокой точки, охранявшей восточные подступы к долине Ашау. Обороняющие её солдаты будут ближайшим подразделением наших войск. Если погода испортится, а нам придётся уходить, мы должны будем пройти через ряд горных хребтов, пересечь до-

лину, а потом ещё серию высоких гребней, чтобы добраться до них. Двадцать километров по жуткой местности, наводнённой тысячами крутых северовьетнамских солдат!

Наш вертолёт развернулся и направился на запад. Высоко над нами виднелись борт управления и пара «Кобр». Наш пилот шёл на бреющем, над самой землёй, то взмывая над вершинами, то ныряя вдоль склонов бесконечных хребтов. Затем мы оказались над долиной. Её пёстрое дно, казалось нереальным, когда мы пролетали над ним. Я чувствовал, как будто тысячи глаз наблюдают, как мы направляемся к горной гряде, возвышающейся над западной стороной долины. Она была грандиозной, и выглядела угрожающе. Лаос с его бесчисленными базовыми лагерями северовьетнамцев был менее чем в трёх кликах от нас.

Внезапно вертолёт снизился, зависнув над заросшей кустарником прогалиной на гребне возвышающегося над долиной вторичного хребта. Ложная посадка! Я задумался и даже не заметил этого. Мы вновь набрали высоту, лишь чтобы броситься вниз вдоль обратного ската хребта. Я увидел, что под нами появилась заросшая травой по-

ляна, лежащая у подножия Донг Ап-Биа. Клоссон кивнул. Настоящее место. На сей раз никаких ложных высадок.

Я быстро переместился к краю кабины и вылез на посадочную лыжу рядом с Соерсом. Мы двое и Хиллмен покинем вертушку с левого борта. Остальные трое рейнджеров пойдут в правую дверь.

Площадка оказалась больше, чем я ожидал. Трава выглядела довольно редкой и оказалась высотой лишь по колено, когда я оттолкнулся от лыжи и тяжело плюхнулся на грунт. Я бросился бежать к находящейся в тридцати метрах полосе деревьев, но увидел, как Клоссон и Соерс залегли передо мной. Решив, что мы оказались под огнём, я развернулся и бросился на землю лицом назад, в готовности прикрыть их спины.

Хьюи уже набирал высоту, звук его двигателя затихал вдали. Я услышал шепот Клоссона: «Мины!» Я не мог понять, о чем это он, пока не видел, как он указывает на находящуюся прямо перед ним нажимную пластину большой противопехотной мины, обнажившуюся из-за эрозии.

Вот дерьмо! Да неужто! Эдак мы не доживём даже до ухода с площадки приземления. Ракер взял-

ся за проверку связи и доложил о проблеме, с которой мы столкнулись. Ему ответили «ждать минуту», пока они что-то там перепроверят. Через пару минут радио вновь ожило. Ракер выслушал, подтвердил получение, и в свою очередь прошептал, что мы высадились не на той точке. Мы оказались на краю старого минного поля, установленного 1-й Кавалерийской.

В нескольких футах перед Клоссоном начиналась промоина. Дожди промыли мелкую канаву, бегущую в направлении Донг Ап-Биа, чей силуэт вывышался к западу от нас. Командир группы дал нам сигнал выстроиться цепочкой и следовать за ним вдоль промоины в направлении деревьев, находящихся с другой стороны зоны высадки.

Преодолев пятнадцать метров в считанные секунды, мы нырнули в окаймляющую прогалину густую растительность. Забавно, но опасность, исходившая от минного поля, с которого мы только что свалили, похоже, не обеспокоила никого, кроме Горца. Его глаза были вытарашены и полны ужаса. Остальные рейнджеры группы действовали так, как если бы это был всего лишь учебный выход. Как будто они знали, что время волноваться ещё не наступило.

Ракер передал новый ситреп, в то время как Клоссон вытащил свою карту, чтобы разобратся, где же нас высадили. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что мы оказались примерно в трёхстах метрах к северо-западу от намеченной площадки приземления. Не так плохо, как могло быть, но мы были менее чем в пяти сотнях метров от Лаоса – если карта была точна.

Мы видели, что прямо перед нами, к юго-западу, местность начинала подниматься, образуя протяжённый склон, тянущийся к северному краю Донг Ап-Биа. Где-то примерно посередине, если верить карте, подъем резко увеличивался и сливался с крутым склоном горы, уходящим к гребню.

На самом деле в нашем нынешнем положении мы оказывались даже в более выигрышной позиции для осуществления планов патрулирования, чем оказавшись на основной площадке приземления. Нам нужно будет лишь двинуться сначала на юго-восток, затем развернуться по дуге на юго-запад, и мы разведем всю часть подножья Донг Ап-Биа, находящуюся на территории Южного Вьетнама.

У нас оставалось меньше пятнадцати минут, чтобы найти хорошее укрытие для ночёвки. Мы находились неприятно близко к точке высадки, а связь работала гораздо хуже, чем хотелось бы. Клоссон решил, что вместо того, чтобы устраиваться на ночь на том же уровне, на котором мы высадились, будет лучше двинуться вверх по лежащему перед нами склону, и поискать какое-нибудь укрытие на нем. На возвышенности у нас улучшится связь, и будет больше вариантов в случае, если ночью на нас попытаются напасть северовьетнамцы.

Мы выстроились в патрульный порядок с Чемберзом во главе, и быстро двинулись вверх по склону. Не пройдя и двадцати метров, мы натолкнулись на свежую тропу. Она шла откуда-то из того же места, где мы высадились и, похоже, следовала очертаньям ребра, по которому мы шли.

Чемберз быстро повел нас по правому склону к покрывающей его двухъярусной растительности. Менее чем в двадцати метрах от гребня он резко обрывался, круто уходя в лежащую внизу долину. Становилось слишком темно, чтобы двигаться, имея тропу вверху и крутой обрыв внизу. Чемберз нашел ровный пятачок, находящийся между тремя

большими деревьями, и привёл нас к нему. Он был меньше восьми футов в диаметре, но это все равно лучше, чем пытаться устроить НОП непосредственно на склоне.

Ракер занялся связью, в то время как Соерс, Чемберз и я устанавливали Клеймору. Тропа, идущая вверх по хребту, находилась менее чем в двадцати метрах. Мы расположили Клеймору поблизости, направив их вверх по склону. Если противник придёт за нами, то только с того направления.

Когда мы вернулись, Ракер развешивал на окружающих нашу позицию деревьях импровизированную антенну. Он жестами объяснил, что со штыревой антенной едва смог связаться с находящейся на «Блейзе» группой ретрансляции, так что решил попытаться достичь больших успехов, соорудив на скорую руку проводную антенну. Закончив, он вновь попытаться вызвать «Блейз». Появившаяся на его лице улыбка дала нам знать, что на сей раз он получил более сильный сигнал.

Через десять минут на нас опустилась темнота. Клоссон передал на базу данные для артиллерийского огня по тропе над нами и площадке, на которую мы высаживались. Если ночью нам понадобится

ся быстро уйти, артиллерийский обстрел установленного кавалеристами минного поля сделает его сделать достаточно безопасным для посадки вертолета.

Было чуть позднее 21.00, когда мы услышали первых северовьетнамцев. Они были на тропе и двигались в гору. Около двадцати или тридцати вражеских солдат шли с интервалом около трёх метров. Было непохоже, что они ищут нас, однако они не производили большого шума. Клоссон распорядился, чтобы остаток ночи мы провели в половинной готовности.

Спустя полтора часа в сторону вершины Донг Ап-Биа прошла ещё одна группа примерно той же численности. Там, должно быть, что-то находилось. Северовьетнамцы были не настолько амбициозны, чтобы карабкаться на такую высокую гору лишь затем, чтобы добраться до ее противоположного склона. Нет, там что-то происходило.

Немного после полуночи тишину ночи пререзал звук бензинового двигателя. Вряд ли по ночам в джунглях кто-то будет косить траву, так что этот шум, должно быть, исходил от электрогенератора. Казалось, его источник находится где-то в четырёх

или пяти сотнях метров вверх по горе, возле того места, где наш склон переламывался, резко уходя вверх. Однако никто из нас не мог быть уверен точно. Джунгли искажают звук.

Мы собрались в центре периметра. Клоссон, Соерс и я достали несколько подстёжек к пончо и уселись на корточки, накрывшись ими, чтобы попытаться найти на карте местонахождение генератора. Красный светофильтр фонаря Клоссона давал жутковатый отблеск от покрывающей его карту ацетатной плёнки. Командир группы хотел вызвать огонь артиллерии и, давая поправки, накрыть зону, из которой, предположительно, доносился звук, однако мы с Соерсом возразили, что таким образом мы предупредим NVA о нашем присутствии. Они поймут, что поблизости есть кто-то, корректирующий огонь. Поскольку совершенно ясно, что мы не можем находиться выше, их первой реакцией будет осмотр лежащего ниже склона. До рассвета ещё целых шесть часов и никому из нас не улыбается провести их, играя в пятнашки с кучей разъярённых гучков.

В конце концов, он решил просто выйти на связь, доложить об имеющемся у нас звуковом контакте

и ждать дальнейшего развития событий. Там, наверху был базовый лагерь противника, мы были уверены в этом.

Я заступил в охранение первым, вместе с Раке-ром и Хиллменом. Наша смена длилась до 03.30. Джунгли были черны как смоль. Сквозь нависающие над нами густые кроны двухъярусных джунглей просачивались капли прошедшей днём грозы. Генератор работал непрерывно где-то до 03.00, а потом замолк на весь остаток ночи. После того, как моя смена закончилась, я некоторое время пролежал, размышляя, не станет ли следующий день для меня последним.

21 апреля 1969

Над Ашау возшло солнце. Клоссон разбудил меня, тряся за плечо, и прижал палец к губам. Я продрал глаза ото сна и подполз к нему. Он прошептал, что ещё одна группа гуков только что прошла мимо наших позиций, направляясь вверх по склону. Он мог легко разглядеть их головы, торчащие над возвышающимся над нами гребнем. Их было больше двух десятков.

Я тихо дотянулся до висящей на ремне справа сзади фляги и отлепил закрывающие чехол липуч-

ки. Сделав глоток прохладной, отдающей пластиком воды, я прополоскал рот, пытаюсь смыть несвежий налёт, образовавшийся в нем за время сна. Наклонившись к земле, я открыл рот, дав воде тихо просочиться сквозь листву. Сплёвывание наделало бы слишком много шума.

Клоссон дал мне и Соерсу сигнал подобраться поближе. Он прошептал, что, как он думает, нам следует переместиться дальше по хребту и найти хорошее место, где можно будет устроить базу. Я спросил, сколько, по его мнению, мы должны пройти. Он ответил: «Может быть, ещё пару сотен метров». Мы с Соерсом кивнули. Мы были чертовски близко к тропе, чтобы забазироваться прямо там, где находились в данный момент. Возможно, дальше мы сможем найти более подходящее место. Кроме того, в этом случае должна улучшиться связь. Никому из нас не нравилась развешенная на ветках над нашими головами импровизированная антенна, в то время как мы находились так близко к тропе.

Мы по очереди перекусили холодными пайками, потом, соблюдая все меры предосторожности, закопали мусор и придали периметру перевозданный

вид. Закончив, мы принялись снимать Клеймору, пока Ракер проводил запланированный сеанс связи. Когда мы вернулись внутрь периметра, он уже снимал антенну.

Мы осторожно начали движение, держась параллельно тропе и пригибаясь к земле. Мы поднимались в гору, стараясь держаться за гребнем ребра, по которому шли. Нам понадобилось больше часа, чтобы покрыть расстояние в полторы сотни метров. Чемберз остановил нас посреди густых зарослей, и мы принялись обдумывать дальнейшие шаги. Клоссон хотел пересечь тропу и выйти на восточный склон хребта. Западный склон был слишком крут для маневра, кроме того, если мы перевалим через гребень, то у нас улучшится связь – мы окажемся практически на линии прямой видимости с «Блейзом».

Соерс и Чемберз двинулись вверх, чтобы проверить тропу. Они вернулись спустя десять минут и дали нам сигнал следовать за ними к гребню. Мы начали бесшумное движение, держась в пяти метрах друг от друга, и вскоре добрались до густых зарослей на краю тропы. Клоссон дал сигнал пересечь ее парами и продвинуться на двадцать метров дальше, а затем остановиться.

Первыми перешли тропу Соерс с Чемберзом, быстро, но тихо углубившись в растительность на её противоположной стороне. Через пару минут за ними последовали Клоссон и Ракер. Мы с Хиллменом заняли позицию в метре от тропы. Я мог видеть её прямо перед собой, когда сидел скорчившись, вглядываясь сквозь кусты. Это было совсем не то, что я себе представлял. Никакой широкой, утоптанной тропы, идущей к гребню хребта, не было. Это была всего лишь узкая, грязная тропинка, извиляющаяся по джунглям. Она была темной, почти чёрной, совсем не такой, как красные глинистые тропы, столь часто встречающиеся на другой стороне Ашау. Я приложил к ушам сложенные чашечкой ладони, тщательно вслушиваясь в обоих направлениях. Не услышав ничего, кроме обычных звуков джунглей, я привстал в кустах, чтобы взглянуть вверх и вниз по склону в поисках любых признаков приближения солдат противника. Все было чисто. Я обернулся к Хиллмену, присевшему рядом с большим махагониевым деревом, и, мотнув головой, дал ему сигнал следовать за мной. Я быстро двинулся вперёд, в последний момент повернувшись боком, чтобы про-

скочить сквозь окаймляющие тропу кусты, и перемахнул через нее одним гигантским шагом – очень осторожно, чтобы не повредить растительность. Когда я добрался до места, где, образовав плотный периметр, залегла остальная часть группы, то оглянувшись взглянуть на Хиллмена. Он следовал за мной по пятам.

Мы бросились на землю, заняв свои позиции в поспешно организованном периметре. Группа «заложила собаку» почти на пятнадцать минут, пытаясь засечь какие-либо признаки того, что нас могли обнаружить. Придя в относительную уверенность в том, что пересечение нами тропы прошло незамеченным, мы двинулись дальше, прочь от тропы, в направлении восточного склона хребта. Мы перевалили через ребро и вновь замерли, забившись вглубь густых зарослей.

Клоссон выглядел удовлетворённым нашим продвижением. Теперь мы находились дальше от тропы, чем были до того. Новое место позволяло нам вздохнуть свободнее и могло послужить отличной базой. Он распорядился установить три Клеймора на стороне периметра, обращённой к тропе, и ещё по одному на каждом фланге.

Чемберз сказал мне, что видел на тропе свежие следы. Переступая через неё, я не останавливался для осмотра. Остаток дня мы провели в укрытии, пытаясь расслышать движение на проходящей в трёх десятках метров от нас тропе. Если NVA и пользовались ею в дневное время, они не производили никакого шума.

Примерно в 15.30 мы услышали, как выше по склону кто-то рубит деревья. Это, похоже, было ближе к нам, чем местонахождение генератора. Мы вышли на связь и доложили о вероятном строительстве бункера и его предположительные координаты.

В 16.00 с запада начали приближаться тёмные облака. Через несколько минут вокруг нас засверкали молнии. Дно долины Ашау находилось почти в двух тысячах футов над уровнем моря. Когда гроза добралась до нас, мы оказались в облаках, прямо в ее центре.

Гром и молнии продолжались в течение тридцати минут. Начался проливной дождь, быстро промочивший нас до костей. Видимость во время ливня упала, составляя менее десяти метров. Более редкие джунгли на этой стороне хребта давали

мало защиты от непогоды. Мы вытащили из рюкзаков камуфлированные подстёжки к пончо и натянули их на головы. Под ними мы не могли остаться сухими, но тяжёлые струи ливня, по крайней мере, не лупили по нам со всей силы.

Все кончилось так же быстро, как и началось. Мы развесили наши промоченные дождём одеяла на низких кустах ниже по склону от нашего периметра. Если нам удастся хоть немного просушить их до наступления темноты, ночь окажется гораздо менее бедственной. Через три часа станет темно, и на нас опустится вечерний холод.

Чередуясь, мы съели последний на сегодня паек. Доставшаяся мне порция спагетти по вкусу была похожа на дерьмо. Холодная вода, которую я залил в неё сразу после ливня, успела лишь частично размочить еду. Хрустящие на зубах макароны с холодным томатным соусом не вызывали никакого аппетита.

Тьма опустилась на нас как сырое одеяло. Это была наша вторая ночь в буше, и я убедился, что находящиеся в Донг Ап-Биа NVA понятия не имеют о нашем пребывании в этом районе. Если в течение следующих двух дней мы избежим столкновения

с каким-нибудь из их патрулей, я искренне надеялся, что мы сможем пережить это задание, доказав этим, что моё предчувствие было ложным.

Примерно в 22.45 мы вновь услышали движение на тропе. Кто-то поскользнулся и шлёпнулся на сырую землю, а затем приглушённое бормотание на вьетнамском языке предупредило нас о том, что ещё больше вражеских солдат карабкается вверх к югу от нас.

Генератор врубился снова через несколько минут после полуночи. На сей раз, он проработал только около часа, а потом заткнулся.

22 апреля 1969

Мы пережили ещё один день. У меня появилось ощущение, что, возможно, мы сможем пройти через это, когда Клоссон заявил, что хочет подняться вверх по хребту и разузнать, что там делает противник. Да ему надо расстрелять меня на месте! Внутри меня что-то оборвалось! Я смотрел на него как на чокнутого. «Клоссон, меня никакими, бля, силами не загонишь на этот хребет. Какого черта тебе надо, мужик? Ты и так знаешь, что там происходит».

Неприятие мной его идеи, очевидно, было для него весьма болезненным. Он встал передо мной и сказал: «Наша задача в том, чтобы узнать, что тут делает противник, и именно этим-то я и собираюсь заняться».

Он был серьёзен! «Ну смотри, Клоссон, хочешь рискнуть – иди. А я остаюсь тут. Мужик, если мы сейчас поднимемся туда, гарантирую, мой сон сбудется. Я не пойду».

Я видел, что он очень расстроен. Он терял контроль над ситуацией, и должен был немедленно что-то сделать с этим. «Линдерер, я отдам тебя под трибунал, если ты откажешься выполнять приказы». Я засомневался было, имеет ли он в виду именно то, что сказал, но он уже зашёл слишком далеко, чтобы остановиться: «Я имею в виду именно это, я подам обвинение, как только мы вернемся».

Чтобы предстать перед трибуналом, мне для начала нужно остаться в живых! «Вперед, Ларри. Делай то, что должен делать. Все, что я знаю – я уже чертовски короток, чтобы отправляться с тобой на этот хребет. Джон и Мамаша тоже слишком коротки, а Чемберз не пойдёт, если остальные не сде-

лают этого. Если хочешь, иди вместе с Хиллменом. Вы, парни, сможете стать героями. А я остаюсь здесь, пока нас не эвакуируют завтра днём». Я принял его блеф и втянул в него остальную часть группы – на своей стороне. Теперь, если они не поддержат меня, я окажусь в жопе.

Я оглянулся на Ракера и Соерса. Они переглянулись, потом повернулись к Клоссону и заявили, что тоже не пойдут. Соерсу оставалось провести в стране двадцать восемь дней, а Ракеру – тридцать пять. Чемберз поднялся, и сказал, что для обладания здравым смыслом не обязательно быть на коротке. Он тоже не собирается быть убитым лишь для того, чтобы убедиться в том, что нам и так известно.

Клоссон был изумлён. Он не мог поверить в происходящее, равно как мы не могли себе представить, что ему хочется взобраться на ту проклятую гору. По возвращении в Кэмп Игл он должен будет отправить нас всех под трибунал. Я посмотрел на Хиллмена. Он был ошеломлен. Бедный малый не мог понять, то ли мы затеяли какую-то охренен-

ную шутку, то ли он стал свидетелем повторения мятежа на «Баунти»*.

* *Мятеж на «Баунти» (англ. Mutiny on the Bounty) – произошедшее 28 апреля 1789 года восстание части экипажа британского корабля «Баунти». Корабль совершал экспедицию за хлебным деревом на тихоокеанский остров Таити. Мятеж против капитана Уильяма Блая возглавил его помощник, Флетчер Кристиан. Капитан Блай с оставшимися верными ему членами экипажа был высажен в шлюпку и, спасая, сумев преодолеть свыше 3600 морских миль. Кристиан с остальными членами команды, прихватив с собой своих таитянских подружек (из-за которых, по некоторым свидетельствам, и произошёл мятеж), попытался организовать на одном из островов собственную колонию. Однако вскоре между мятежниками вспыхнул кровавый раздор, и они разделились. Часть из них во главе с Кристианом поселилась на острове Питкэрн. Остальные же остались на Таити, где были арестованы, возвращены в Англию и преданы суду. Поселившиеся на острове Питкэрн были обнаружены лишь в 1808 году американским торговым судном «Топаз». К тому времени из непосредственных участников мятежа в живых оставался лишь один, некто Джон Адамс. В 1825 году он получил помилование. Его именем была названа столица острова: Адамстаун (прим. пер.)*

В конце концов, Клоссон сдался. Он, должно быть, понял, что все это чертовски серьёзно. Кроме того, мы находились не в лучшем месте, чтобы обсуждать достоинства наших аргументов, так что в соответствии с нормами демократического общества его только что «прокатили» простым большинством голосов.

Остаток дня мы провели в напряжении, пытаюсь услышать движение противника по тропе. Становилось очевидно, что они пользовались ею только ночью.

В 16.00 налетела ещё одна сильная гроза, пытавшаяся превратить нас во флотских «тюленей». Она обрушила на нас огромное количество воды и вытряхнула всю душу непрерывными залпами молний. Я начал понимать, откуда взялось название Арк Лайт.

Когда через полчаса все это закончилось, Клоссон сказал, что хочет перебраться в другое место, поскольку проводить две ночи подряд в одном и том же месте не годится. Я, похоже, решил испытать судьбу, беспечно заявив ему: «Отправляйся. А я остаюсь здесь, пока меня не заберут». Но к этому моменту от моего стремления быть настоящим

рейнджером ничего не осталось. Выживание было единственной мыслью, оставшейся в моем мозгу. Всего через каких-то двадцать четыре часа прилетит вертолёт и заберёт нас отсюда. А если Клоссон хочет куда-то пойти, да пожалуйста!

И вновь он не оспаривал мою точку зрения. Но на сей раз он был прав, нам нужно было переместиться. Было глупо слишком долго задерживаться на одном месте.

Наша последняя ночь прошла быстро. Около полуночи вновь включился генератор и промолотил почти до самого чёртова рассвета. Однако мы не слышали никакого движения на тропе. Я начал ощущать лёгкую вину за то, как я обошёлся с Клоссоном. Он всего лишь пытался делать свою работу. Если бы не тот дурацкий сон и тот факт, что я уже был так короток, я в ту же минуту отправился бы с ним на этот хребет. И тут меня поразила мысль о том, что как рейнджер я кончился. Мои нервы не выдержали. Мне уже приходилось видеть, как это происходит. Было четыре случая, когда LRP и рейнджеры, с которыми я служил, внезапно решали, что больше не будут ходить на выходы. Это были хорошие парни и хорошие солдаты, но они

дошли до той точки, когда вдруг поняли, что с них довольно. Никто не стал думать о них хуже. Это было политикой роты – никогда не заставлять кого-либо идти на задачу. Оказавшись там, неспособный к этому человек мог подвергнуть опасности всю группу. Возможно, они смогут понять ситуацию, в которой я оказался.

В конце концов, я забылся сном, пытаюсь понять, как же я умудрился потерять своё мужество. Я не мог найти оправдания своим действиям в тот день. Я стыдился и знал, что никто никогда не поймёт этого.

23 апреля 1969

Я проснулся замёрзшим, но успокоившимся, готовым встретить свой последний день в буше. Все, что нам оставалось, это провести следующие одиннадцать часов не вступая в контакт, а потом Хьюи подберёт нас с основной площадки приземления.

Я пропустил завтрак. Цыплёнок с рисом из сухого пайка, пакет с которым я замешал перед сном, показался мне не слишком аппетитным. Мой желудок не был расположен к такого рода вторжению.

Клоссон избегал меня. Я не мог сказать, был ли он все ещё разозлён, или просто болезненно переживал мой отказ следовать за ним на гору. Что-то поменялось, это витало в воздухе. Мы все начали ощущать себя как обитатели камеры смертников, которым в последнее мгновение смягчили приговор.

Остаток дня мы наблюдали за тропой и по очереди дремали. Мимо нашей позиции больше не прошло ни одной группы солдат противника, но пару раз до нас донёлся слабый звук ударов.

В 15.00 Клоссон передал запланированный сигнал. Передав гарнитуру обратно Ракеру, он прошептал, что нас эвакуируют в 18.00, с той самой площадки, на которую мы изначально должны были высадиться. Мы начнём движение сразу после того, как закончится дневная гроза, и постараемся выйти на площадку за пятнадцать минут до запланированного времени эвакуации. Согласно нашей карте, площадка находилась всего в трёхстах метрах к западу юго-западу от нас, у подножия горного хребта, на котором мы находились.

Чуть меньше трёх часов, и мы уберёмся с этого места. Предчувствие превратится в дурное вос-

поминание, а я начну собирать вещи, чтобы через четыре дня отправиться в отпуск. Когда я вернусь в роту – где-то седьмого мая, мне останется всего двадцать девять дней и утро. Есть шанс, что мне больше не придётся ходить на задания.

За несколько минут до 16.00 мы увидели, как над и вокруг Донг Ап-Биа начали собираться облака. Я подивился причудливости этого явления. И такое происходит каждый день? Конечно же, это должно меняться в зависимости от времени года.

Ровно в 16.00, как по расписанию, облака двинулись в нашу сторону. Мы слышали раскаты грома, когда они неслись к нам. Серое небо разорвали полосы молний, казалось, расстегнувшие выпирающее брюхо низко висящих облаков, заставив их истекать струями проливного дождя. Ливень был настолько плотным, что я едва мог разглядеть Чемберза, находящегося в восьми футах от меня, на другой стороне периметра. Он скорчился возле своего рюкзака, завернувшись в клеенчатое северовьетнамское армейское пончо, которое всегда таскал с собой. Оно нравилось ему, поскольку в дождь не давало такого шума, как стандартное американское пончо из тяжелой ткани с пласти-

ковым покрытием. Именно поэтому никто из нас не брал их в поле. В течение некоторого времени нас могли защитить наши нейлоновые подстёжки к пончо. Если же дождь был продолжительным, мы просто мокли. Если это не был сезон муссонов, мы знали, что, в конечном счёте, вскоре вновь выйдет палящее солнце, и высушит нас.

Минут через десять после начала дождь слегка ослаб, но лишь для того, чтобы смениться градом. Без балды! Град во Вьетнаме. Самые настоящие куски льда посреди этой похожей на доменную печь страны. Что-то будет дальше? Может быть, у парней будет снег на это Рождество? Жаль, что я не собираюсь оставаться здесь, чтобы поглядеть на это!

Клоссон сидел в центре периметра, спиной ко мне. Я пристроил свой рюкзак возле молодого деревца и использовал его в качестве сидухи. По крайней мере, мне не приходилось сидеть задницей в грязи. Я взглянул на Клоссона, сидящего у меня в ногах, и не смог удержаться от искушения. Наклонившись, я подобрал пару градин и бросил их ему за шиворот. Он отреагировал, как будто его подстрелили, когда кусочки льда размером около дюйма прокатились вдоль его позвоночни-

ка. Соерс достал свою камеру и принялся фотографировать мои проделки. Командир группы наконец понял, что случилось, и добродушно прислонился к моим коленям, позируя для следующего кадра. На лице Клоссона появилась его знаменитая широкая улыбка. Я почувствовал, что прощён, и все вернулось на круги своя.

Соерс закинул камеру обратно в прозрачный пластиковый мешок из-под аккумулятора и засунул его в боковой карман рюкзака.

Клоссон толкнул меня локтем в колено: сигнал, что игры и забавы кончились. Уже почти настало время выдвигаться к точке эвакуации. Он дал Ракеру команду связаться с «эксреями», находящимися по ту сторону долины, на базе огневой поддержки «Блейз», и сообщить им, что мы выдвигаемся на площадку приземления.

Я видел, как «Мамаша» повернулся и достал гарнитуру, засунутую под клапан его рюкзака. Для предохранения от влаги она была завернута в упаковочный пластик от аккумулятора. Хилмен не уследил за гарнитурой своей радиостанции, она промокла на второй день, и с тех пор не работала.

Ракер склонился над своим шифроблокнотом, составляя сообщение, должное известить группу ретрансляции о нашем выдвижении. Закончив, он поднес гарнитуру к уху и нажал на кнопку передачи.

Нас объяла вспышка ослепительного света, сопровождаемая оглушительным взрывом, от которого мои уши, казалось, встретились вместе где-то в центре черепа. Я открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как на нас накатывает волна чёрного дыма и летящего мусора. Она накрыла Чемберза со спины, и он исчез в ней. Я помнил, как взлетел в воздух и сильно ударился обо что-то, перед тем как упасть обратно на землю... потом все пропало.

Что-то капало мне на щёку... текло по губам. Я не мог вспомнить... где я? Должно быть, это ночь. Ничего не вижу. Стоп! Я вижу что-то... как сквозь вощёную бумагу. Звон в ушах... они болят. Такая тишина – только звук дождя. Что случилось? Где я? Боже мой, почему я не могу пошевелить ногами?

Меня охватила паника. Сон... сон... это произошло! Я умираю – может быть, уже мёртв. Я ничего не чувствую кроме воды, стекающей по мое-

му лицу. Мои руки... пошевелить ими... ощупать лицо. Да, боже, да – я могу двигать руками.

Я поднёс правую руку к щеке, а потом к глазам. Я видел! Грязь! Моя рука была покрыта грязью. Мои глаза метнулись по сторонам. Все выглядело незнакомым. В поле зрения не было никого из членов группы. Все выглядело по-другому... ярче, светлее. Я понял, что вся находившаяся у нас над головой листва исчезла. Я попробовал повернуть голову, чтобы посмотреть налево. Было больно, но она двигалась. Я вытаращил глаза, увидел в считанных дюймах от своего лица большой ствол тикового дерева. Ничто не понимаю. Где остальная часть группы?

Мне нужно встать... узнать, что случилось. Последнее, что я помнил – это Ракер, выходящий на связь. Вспышка... взрыв... дым. Господи, в нас попали! Тогда почему я не умер? Двигаться... найдите своё оружие. Нет! Мои ноги... нет. Я не чувствую их. Взглянуть. Нет!

Я потянулся правой рукой вниз, вдоль бока, мимо бедра, к задней части ноги. Я медленно провёл ладонью по чему-то, находящемуся там, где должно было быть моё правое бедро. Осязание подсказыва-

ло мне, что оно там, но от правой ноги в мозг не поступило никаких ощущений. Я сжал находящийся позади меня предмет. По консистенции он напоминал скорее желе, нежели плоть. Если это не моя нога, то что же? Я повернул голову, повторив глазами путь, проделанный моей рукой. Боже, нет! То, что сжимала моя рука, было именно моей ногой. Но я не чувствовал её. Нога больше не была частью меня. Осознание этого ошеломило меня. Я был парализован! Потерял ноги! Я ничего не чувствовал ниже середины торса. Вот так мне и предстоит умереть – одному в джунглях, неспособному пошевелиться?

Мне хотелось кричать. Я умирал... хотел умереть. Я всегда знал: лучше умереть, чем оказаться в ловушке, заключенным в тюрьму из бесчувственной плоти и костей. Вопрос о том, выживу ли я, больше не стоял. Я не могу допустить, чтобы то, что от меня осталось, предстало перед девушкой, которую я любил. Я живо представил выражение жалости и горя на её милом лице, и понял, что не в состоянии осудить её на жизнь в качестве круглосуточной сиделки при калеке. Черт возьми, она заслуживает гораздо большего, чем это.

Мою душу охватило спокойствие. Я принял решение. Я умру там, где пал. Если меня вскоре не найдёт противник, я просто умру сам по себе. Мне было незачем жить дальше. Я не чувствовал боли, но знал, что получил серьёзные повреждения. Наверняка где-нибудь было кровотечение. Смерть от кровопотери безболезненна – это как заснуть. Я повернулся лицом к земле и закрыл глаза в ожидании конца. Передо мной возникло лицо Барб. Она плакала. Осталось недолго. Просто оставить все как есть... пока это не произойдёт.

Я услышал голос, где-то вдалеке. Не мог разобрать произнесённое. Он звучал у меня в мозгу... Нет, я услышал его вновь. Теперь ближе. Послышался треск кустов, чьё-то тяжёлое дыхание. Враг на подходе... ищет меня. Скоро все будет кончено.

«Линдерер! Линдерер, эй, хреносос... отзовись!» Это был Чемберз. Он был позади, ниже по склону. «Как ты там, сильно досталось?»

Я почувствовал, как он схватил меня за плечи, пытаюсь перевернуть. «Держись, чувак. Ща поможем тебе. Просто держись».

Я повернул голову направо: «Оставь меня, Ларри. Дай мне умереть. Я не хочу вернуться таким.

Я потерял ноги. Все прямо как в том сне, черт возьми. Просто уходи».

Он не сдавался: «Жопошник! Твои ноги в порядке. Что с тобой за херня?»

Я не ответил. Пускай суетится. Я знал, насколько все хреново, и собирался умереть прямо здесь. Чемберз никак не мог остановить меня.

«Я вернусь. Держись. Я приведу помощь». Я слышал, как он отползает назад. Вот и славно! Теперь я могу спокойно умереть.

Через несколько минут он вернулся. С ним был Соерс. И лишь тогда я понял, что Чемберз не мог ходить. Он полз, не в состоянии шевелить ногами. Соерс стоял, держась за левую руку. Он был ошеломлен и не мог понять, что происходит. Чемберз сказал, чтобы он помог затащить меня внутрь периметра. Я почувствовал, как они ухватили меня подмышки и поволокли.

Должно быть, я потерял сознание, потому что очнулся, лежа на спине, окружённой товарищами по группе. Соерс все еще держался за левый локоть. Я слышал его бормотание: «Где моя рука? Где моя рука? Она должна быть где-то тут».

Ракер стоял на коленях рядом с рацией, уставившись на свою почерневшую руку, и что-то кричал.

Клоссон стоял на краю периметра, его левая рука беспомощно висела вдоль тела. Было похоже, что мысли его находятся далеко отсюда... очень, очень далеко.

Хиллмен находился чуть выше по склону, все ещё держа в руках оружие. Глаза нашего чернокожего красавца были широко раскрыты. Он никак не мог понять, что случилось с остальными членами его группы.

Я услышал, как Чемберз говорит Соерсу: «Это не гуки, говорю тебе. В нас ударила молния. У Ракера расплавилась гарнитура и разворотило половину радиостанции. Все наши Клейморы взорвались. Где все наше снаряжение... наше оружие?»

Ракер, похоже, начал отходить от испытанного шока. Я слышал, как он говорит: «Давайте я займусь ремонтом второй рации. Нам срочно нужна помощь». Хиллмен принес её и поставил перед ним. Он взял гарнитуру, пощёлкал переключателями и вызвал группу ретрансляции. До этого рация не работала двое суток, но сейчас ответила голосом Луни, громким и чистым, как колокольчик. Ракер уменьшил громкость, а потом доложил, что у нас пятеро раненых и требуется срочная эва-

куация всей группы. Луни подтвердил приём и сказал, чтобы мы держались: помощь в пути.

Менее чем через двадцать минут рация ожила вновь. Это был медэвак, запрашивающий дым. Хиллмен кинул на склон под нами жёлтую дымовую гранату, пока Хьюи нарезал круги вверху. Он развернулся, зависнув над самыми верхушками деревьев. Я увидел, как он спускает на тросе эвакуационную корзину. Она повисла на верхушке возвышающегося на краю периметра дерева около шести дюймов толщиной. Было видно, как борттехник пытается стряхнуть её с ветки, но, похоже, ему никак не удавалось выдернуть её. Соерс подобрался к стволу дерева и начал раскачивать его, пытаясь сломать. Внезапно, Клоссон бросился вниз по склону и всем телом обрушился на него. Дерево начало клониться, валясь в сторону от образовавшейся над нашими головами прогалины. Оно начало падать, когда командир группы всем телом навалился на его ствол.

Освободившись от препятствия, корзина продолжила свой путь вниз, оказавшись в итоге на земле в пяти футах от места, где лежал я. Чемберз подхватил её и пододвинул ко мне. С помощью Соер-

са и Хиллмена он закатил меня на неё и закрепил ремнями. Я не верил в происходящее. Почему они не могут просто дать мне умереть? Но у меня больше не было ни сил ни желания протестовать.

Я почувствовал, как трос натянулся, а потом я оторвался от земли. Соерс отвёл корзину в сторону от деревьев и, пока я был в его досягаемости, не давал ей цепляться за кусты. Я видел, как уходят вниз деревья и приближается брюхо Хьюи. Вскоре показалась облачённая в шлем голова борттехника, смотревшего на меня. Он протянул руку и схватился за трос, затаскивая меня в вертолёт. Когда он оттащил корзину к задней стенке кабины и отцепил трос, на мои глаза навернулись слезы. Я почувствовал, что гибну, теряя сознание... уплываю. Наконец-то! Я не буду бороться с этим, а просто ускользну, и пусть благословенная тьма сомкнётся надо мной...

Мне снилось, что я лежу на мягком белом облаке. Должно быть, я оказался на небесах. Это не может быть адом. Я только что покинул его. Он был зелёным и влажным. Яркий, ослепительный свет... в отдалении... голоса, приглушённые и неразборчивые. Лица, человеческие лица кружились вокруг

меня, то расплываясь, то обретая чёткость. Они смотрели на меня. Ко мне тянулись руки... касались меня... тянули. Я слышал, как ножницы разрезают ткань. Я был в госпитале. Я не был мёртв. «Давайте его на рентген». Кто-то обтёр мне лицо. Меня окружило несколько человек в костюмах хирургов. Свет был таким ярким... от него болела голова. Почему бы им не выключить его... не убрать от моих глаз?

Лица исчезли. Я почувствовал толчок. Свет отодвинулся. Кто-то сказал мне, что я в порядке: «Похоже, просто контузия. Никаких ранений». Не может быть, чтобы они говорили обо мне! Я же потерял ноги.

Меня откатали в другую комнату. Свет здесь не был таким ярким. Двое парней перетащили меня на стол. Я чувствовал его холод у меня под спиной. Почему я не чувствую его в других местах?

Кто-то сказал: «Замри, не двигайся». Они, конечно, имели в виду не меня. Я не смог бы пошевелиться, даже если бы захотел.

Подняв взгляд, я увидел над собой серый корпус рентгеновской установки. Раздался щелчок и шум откуда-то сбоку, когда техник сделал первый сни-

мок. Потом он быстро поменял пластины и сделал ещё один. Выйдя из-за просвинцованного экрана, он переместил находящуюся над ногами штангу к середине моего тела. Вновь исчезнув за своим щитом, он сделал ещё один снимок моего позвоночника.

Меня оставили лежать. Казалось, прошло несколько часов пока они проявляли снимки. Наконец, появилась пара тёмнокожих медиков, которые переложили меня на каталку, а затем повезли по длинному коридору в палату. Я поднял голову и увидел, что кто-то, проявив порядочность, прикрыл мою наготу чистой белой простыней.

Через несколько минут пришёл доктор с планшеткой в руках, и спросил, как моё самочувствие. Я ответил, что ничего не чувствую. Он улыбнулся и сказал, чтобы я не беспокоился. Мой паралич и потеря чувствительности вызваны травмой. Он переговорил с четырьмя из членов моей группы, находящимися в соседней палате, и смог восстановить ход событий. Молния ударила в нашу радиостанцию, когда радист нажал на кнопку гарнитуры, выходя на связь. Электрический разряд вызвал взрыв наших Клейморов и находящейся в бо-

ковом кармане моего рюкзака наступательной гранаты. Он сказал, что, поскольку я пострадал сильнее всех, да так, что у меня на ногах спалило все волосы, скорее всего, большую часть повреждений причинила именно эта граната. Чего он не мог понять, так это почему молния не взорвала остальные наши гранаты или одноразовый гранатомёт, закреплённый на рюкзаке Соерса. Мне не хотелось даже думать о «вили-питере», находившемся в противоположном кармане моего рюкзака. Кто-то там, наверху, явно присматривал за нами. Он продолжил, сообщив, что рентген не показал никаких повреждений скелета. Так что чутка времени и немного везения – и он не видит причин, по которым я не смогу выздороветь.

Я не мог поверить в его прогноз. Ведь лишь несколько часов назад я хотел умереть! Я спросил его, как там остальные. Он улыбнулся и ответил, что все они в разной степени пострадали от контузии, но находятся в лучшей форме, нежели я.

Я начал задрёмывать, размышляя, стоит ли написать Барб и моей семье о том, что случилось, или подождать, чтобы понять, удастся ли мне выздороветь, и насколько. В конце концов, понимая,

что, с другой стороны, армия тоже может отправить телеграмму, я написал короткую весточку для Барб, сообщив ей, что у меня все в порядке, и я скоро поправлюсь. Оставалось надеяться, что доктор был прав.

24 апреля 1969

В 03.00 меня разбудила медсестра, сделавшая укол в бедро и давшая пару таблеток. Впервые в жизни я получил совершенно безболезненный укол. Я обратил внимание, что на моей подушке полно песка и кусочков коры. Проведя руками по волосам, я почувствовал, что там столько дерьма, что хоть цветы сажай. Я задумался, сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь решит, что настало время вычистить эти джунгли.

В 07.00 принесли завтрак. Я не ел уже больше тридцати шести часов. Еда была хорошей, куда лучше, чем стандартная армейская жрачка. Чтобы я смог поесть, меня пришлось поддерживать. Нижняя половина моего тела не работала. От внезапного понимания, что я запросто могу провести весь остаток своих дней в таком состоянии, на мои глаза навернулись слезы. Я не мог смириться с тем,

что омертвевшие конечности, лежащие под простыней на другом конце моей койки, принадлежат мне.

Ближе к вечеру возле моей койки появилась симпатичная темноволосая медсестра и сказала, что сержанты Соерс и Клоссон выписались. Они полностью выздоровели за исключением звона ушах и лёгкого онемения. Она сказала, что они рассказали о случившемся с нами, и что мы все чрезвычайно удачливые молодые люди. Я ответил: «Да, мэ, все так, уверен, я определённо удачлив». Если бы она знала, насколько удачливым я чувствовал себя в тот самый момент, она бы засунула мне в рот пистолет и спустила курок. «Все правильно, сержант! Через пару-тройку дней вы вновь будете на ногах. Шок, от которого вы пострадали, вот-вот должен начать проходить. О да, вы можете испытывать некоторое онемение и покалывание в ногах, но все это должно полностью пройти. Да, кстати, сержант Соерс сказал, что через несколько месяцев вы женитесь. Удачи вам». Она повернулась и быстро вышла из палаты.

Я уставился в потолок, когда меня охватило чувство облегчения. «Боже мой, я действительно смогу пережить все это, оставаясь одним куском? В конце концов, тот сон – он ведь был всего лишь сном?» Внезапно я понял, что для меня война закончилась. Когда я выздоровею, то у меня ещё будет отпуск. А к тому времени, когда я вернусь в роту, мне останется меньше четырёх недель.

25 апреля 1969

Утром двадцать пятого я проснулся в тревоге, надеясь, что к моим бесполезным конечностям вернулась чувствительность. Ничего! Я пытался сопротивляться волне страха, зародившейся где-то в кишках, и пытающейся ледяными пальцами сжать моё сердце. О боже, как же хотелось верить, что я выздоровею. Они обещали, уверяли меня, что чувствительность вернётся. Когда? Когда?

Во время ужина ко мне зашла все та же милашка-медсестра и сказала, что у Ракера и Чемберза восстановилась чувствительность конечностей. Они вернутся в роту L двадцать шестого. Она спросила, начал ли я что-нибудь ощущать. Я смог лишь покачать головой и ответить: «Ничего!»

26 апреля 1969

Сразу после завтрака ко мне пришёл врач с парой медсестёр и сказал, что они хотят провести несколько тестов, если я готов к этому. Я ответил: «Давайте, действуйте».

Они стянули простыню, обнажив мои ноги. Вдруг обнаружилось, что меня кто-то помыл. Я лишь никак не мог вспомнить, когда именно.

Они провели ряд тестов, проверяя рефлексы, кожную чувствительность и реакцию мышц на стимуляцию, температуру и боль. Все результаты оказались провальными. Это выглядело, как будто я лежал, наблюдая, как они тыкают, толкают и колотят кого-то, находящегося на соседней койке. Закончив, они улыбнулись и попытались продемонстрировать, что со мной все в порядке, однако я ощутил возникшее у них беспокойство, противоречащее их виду. Я был вовсе не в порядке!

Сразу после обеда меня приподняли в койке и я попытался написать своей невесте, сообщив ей правду о моем состоянии. Какой-то чувак в другом конце палаты слушал на своём магнитофоне Литла Ричарда – очень громко. Мне было тяжело сосредото-

точиться. Я лежал там, размышляя о том, как сказать то, что я должен сказать, и разглядывал свои безжизненные ноги. Те самые ноги, существование которых я в течение двадцати двух лет считал само собой разумеющимся, и мне никогда не приходило в голову, что настанет время, когда они откажутся служить мне. Находясь в туманном состоянии жалости к себе, я едва не упустил движение. На самом деле, я даже не был уверен, что это было движение. Но что-то привлекло моё внимание. Я быстро оглянулся. Там никого не было! Я вновь взглянул на ноги. Они были все там же, в положении «вольно». Черт возьми, но что-то же пошевелилось! Я вновь посмотрел на них... желая вдохнуть в них жизнь. Двигайтесь, ублюдки! Шевелитесь! Пальцы на моей левой ноге согнулись. Я не мог сказать, был ли это ответ на мою команду, но они зашевелились. Я был в восторге! Я начал кричать – звать медсестру, кого угодно.

В ответ на мои вопли с поста медсестры примчался тёмнокожий медик. Он усмехнулся, увидев, что я показываю на пальцы своих ног. Они бешено шевелились. Он быстро вышел из палаты и вскоре вернулся с моим врачом и симпатичной медсестрой-

брюнеткой. Они все улыбались, стоя вокруг кровати и наблюдая за моими упражнениями.

Я не мог поверить, насколько быстро обрёл полный контроль над мышцами своих ног. К 15.00 я уже расхаживал взад-вперёд по палате. Вряд ли я смог бы выиграть в каком-нибудь забеге, но ей-богу, я хотя бы не отправлюсь домой в инвалидном кресле.

Доктор вновь проверил меня спустя три часа и заявил, что за исключением лёгкого онемения и плохой кожной чувствительности я опять как новенький, и на следующий день меня выпишут. Я на мгновение задумался, а потом попросил, чтобы он выписал меня прямо здесь и сейчас. На следующий день я должен отправляться в отпуск. Если я не вернусь в подразделение, то пропущу свой рейс. Он рассмеялся: «Солдат, три дня назад ты уверял меня, что ты уже мертвец. А теперь волнуешься, как бы не пропустить свой отпуск. Будь я проклят, если встану на твоём пути!»

Через час я стоял у главного входа госпиталя, одетый в поношенное тропическое обмундирование, и ожидал прибытия джипа из роты L. Я чувствовал себя вернувшимся из мёртвых. В мои ноги

вернулось достаточно сил, чтобы я вновь мог ходить, ни за что не держась.

Когда я вернулся в расположение рейнджеров и доложил, Первый сержант Карден сказал, что штаб-сержант Дедмен из 1-го взвода был убит в шести кликах от того места, где нас ударило молнией. Слик, на котором он летел беллименом, на подходе к площадке приземления получил гранату из РПГ.

27 апреля 1969

В 11.00 следующего утра я снова оказался в Фубае, ожидая вылета С-130 в Биньхоа. Получалось, что я окажусь на Гавайях за день или два перед тем, как написанное прошлым вечером письмо доберётся до моей девушки. Я срочно отправил его, написав, что буду в Гонолулу тридцатого. До этого я писал ей двадцать пятого, чтобы сообщить, что не смогу отправиться в отпуск из-за ранения. Я планировал позвонить ей в день прибытия и рассказать, что случилось. Я, конечно, совсем запутаю ее, но она будет счастлива.

С-130 летел без промежуточных посадок, прямо до оживлённого аэропорта Биньхоа. Я прибыл

в 14.30 и доложил в центре отправки отпускников, предъявив им копию моего приказа. Они отправили меня в медпункт, где сделали пару уколов и проверили на отсутствие симптомов инфекционных заболеваний. Медик полюбопытствовал, что случилось с волосами на моих ногах. Не думаю, что он поверил рассказанной мною истории.

Пройдя медосмотр, я поспешил на склад, чтобы получить оставленные там на хранение парадную форму и гражданскую одежду. Кто-то залез в мой вещмешок и спёр спрятанные на самом дне «Ливайсы», спортивные рубашки и мокасины. Мои хаки и пилотка были скомканы и засунуты под прыжковые ботинки. Тыловой убудок, копавшийся в моих вещах, прибрал даже гражданское нижнее белье. Ну и ладно, мне просто нужно будет снова завести все это, как только я доберусь до Гавайев.

Я поспешил в корейскую прачечную и отдал свою хаки, чтобы они вычистили его и нашли шевроны Е-5. Потом я бросился в лавку, чтобы купить колодки. К ленточке «Национальной обороны», которую я носил ещё в Штатах, добавилась неплохая компания. Я взял планки за Вьетнамскую Кампанию,

за службу во Вьетнаме, Бронзовую Звезду со знаком V, Пурпурное Сердце и Серебряную Звезду. Боевой пехотный знак, который я приобрёл затем, будет хорошо выглядеть рядом с двумя рядами планок и парашютными «крылышками». По крайней мере, никто не примет меня за чертового вишенку.

29 апреля 1969

Проведя пару дней, загорая и купаясь, я погрузился на 707-й авиакомпании «Пан Американ» для двенадцатичасового перелёта на солнечные Гавайи. На борту нас было 126 человек, в большинстве своём офицеров. О званиях, похоже, забыли, когда мы начали веселиться, стараясь по максимуму использовать предоставленную нам передышку в войне.

30 апреля 1969

Когда мы приземлились в международном аэропорту Гонолулу, я увидел множество женщин, ждущих нас на балконе здания терминала. Я слышал подобные истории про Сидней в Австралии, но никто из возвращавшихся с Гавайев не расска-

зывал об этом. Когда мы выгружались из самолёта, я подготовился отбиваться. В конце концов, в течение почти одиннадцати месяцев моего нахождения в экзотическом Вьетнаме я избегал кишасщих болезнями очагов греха и разврата. Я решил настроиться и оставить все по-прежнему в течение последнего месяца моей службы, чтобы потом получить гораздо большее удовольствие, занимаясь любовью с женщиной, которая так преданно ждала моего возвращения. В то время это казалось слащавым, но соответствовало благородному облику вернувшегося солдата, в котором я пытался предстать.

Я сдерживался, пока мы шли по бетону перрона к терминалу. По крайней мере, мне не придется пробиваться сквозь них. Когда мы подошли ближе, девушки принялись бешено размахивать руками. Некоторые из этой толпы женщин были настоящими красотками. Моей решимости предстояло серьёзное испытание.

Они ждали нас, когда мы прошли таможеню. Я был поражён, увидев, что они, казалось, точно знали, кого из солдат они хотят. Когда безумный порыв завершился, я огляделся, увидев, что остались лишь я и младший капрал морской пехоты. Ладно,

возможно, я не самый красивый парень в мире, но, черт возьми, достаточно далёк от того, чтобы считаться полным уродом. Я не мог поверить, что оказался на последнем месте среди 126 солдат – разделив его с лысым морпёхом. Лишь резинки, стягивающие мои штаны, не дали моей самооценке сползти по ногам и растечься по полу терминала.

Я заметил, что морпёх присматривается ко мне. Вспомнив слухи о том, что они там, у себя в Корпусе, склонны к мужеложеству, я надеялся, что он лишь пытается быть дружелюбным. Я улыбнулся в ответ, и он двинулся ко мне, стоящему рядом со своим вещмешком. «Что, тоже возникает желание оказаться женатым, не так ли?»

Я полагаю, удивлённое выражение моего лица заставило его уточнить. «Да, все эти женщины прилетели сюда из Штатов, чтобы встретить своих мужей. Практически все, кто сюда приезжает, женаты. Это был мой второй вариант. Я хотел в Сидней, но чтобы оказаться в Австралии нужно дослужить до середины второго срока или отсосать у какого-нибудь генерала. Полагаю, ты тоже не женат, а?»

Я покачал головой. «Нет, но, черт возьми, скоро буду!» Мы вышли наружу и поймали такси до цен-

тра Гонолулу. Я был совершенно уверен, что не собираюсь отправляться в Форт Деросси, чтобы армия объясняла, как мне следует наслаждаться моим собственным отпуском. В моих планах было в течение следующих шести дней поехать в каждом из ресторанов Гонолулу. В качестве тренировки между кормёжками я буду загорать на Вайкики-Бич. Таковы были мои мысли по поводу отдыха и релаксации.

5 мая 1969

Возвращение во Вьетнам было тяжёлым. Цивилизация проделала героические усилия, чтобы вернуть меня в своё лоно. Я вверг себя в почти сексуальные удовольствия изысканных трапез и обильных возлияний, и в итоге прожрал и пропил все кишки.

Трехсотдолларовый, двух с половиной часовой телефонный разговор с моей невестой стал исполнением всех сексуальных фантазий, какие я мог себе представить. Ей не терпелось выйти за меня замуж, так же как и мне. Я обещал ей, что, когда наступит 20 июня, ведомый похотью LRP/рейнджер сделает ее брачную ночь действительно незабываемой.

На протяжении всего отпуска меня терзало чувство вины перед моими товарищами, оставшимися в поле. Как я могу наслаждаться жизнью, когда они там, в Наме, страдают и умирают в горных джунглях? Да уж, если шесть паршивых дней смогли вызвать у меня такой комплекс вины, что должен будет сотворить со мной дембель?

9 мая 1969

С-130 мягко коснулся взлётно-посадочной полосы в Фубай. Я почувствовал, что вернулся домой. Меня не было почти две недели, а казалось, что прошли годы. Я беспокоился, не потеряли ли мы кого-нибудь, пока меня не было. Каждый из рейнджеров был мне братом, и потеря любого из них оставит неизгладимый шрам в моей душе. Когда я шёл по горячему, липкому асфальту в сторону терминала, меня охватила паника. Я ощутил предчувствие. Я не стал тратить время, звоня в роту, чтобы вызвать джип, а напросился на поездку в грузовик к инженерам, направляющимся в 326-й батальон.

Они высадили меня у входа в расположение роты. Я кивнул знак благодарности и быстро пошёл вверх по дороге, по направлению к дежурке.

Я бросил мешок у входа в канцелярию и вошёл в затянутую сеткой дверь. Тим Лонг сидел за своим столом и читал последний выпуск «Звезд и Полос». Он поднял голову и улыбнулся, а затем взял протянутые ему бумаги и полюбопытствовал, как прошёл мой отпуск. Я ответил, что, должно быть, поправился фунтов на пятьдесят.

Я вышел обратно на яркий солнечный свет и направился мимо линии казарм в сторону второй с конца, служившей жильём 22-й и 24-й группам. Я натолкнулся на Кена Миллера, переходившего дорогу, возвращаясь из складской палатки. Увидев меня, он помахал рукой, и я остановился, дожидаясь, пока он догонит меня.

«Слышал про Хаммонда и Рейнольдса?» спросил он, когда вскарабкался на насыпь рядом со мной.

«Нет! А что случилось?» я засомневался, хочу ли услышать то, что, вне всякого сомнения, будет плохой новостью.

«Хаммонд погиб на задании четыре дня назад. Этому тупому сукину сыну приспичило сходить хоть на один выход перед тем, как дембельнуться. Не мог просто быть водителем ротного и смотреть, как остальные все время ходят на задания.

Говорил со мной, чтобы я взял его к себе в группу. Ни за что не надо было соглашаться». На глазах у Миллера появились слезы, когда он начал свой рассказ.

«Мы получили предварительное распоряжение на выход первого числа, наш район разведки находился к юго-востоку от Ашау. Во время постановки задачи нам сказали, что за прошедшие двенадцать месяцев в этом районе бесследно исчезли две разведгруппы «зеленых беретов», одна с ПОБ-1*, а другая из «Проекта Дельта»**. Обе группы не вышли на связь в назначенное время. Перед

* *Передовая оперативная база (Forward Operating Base – FOB), лагерь, используемый подразделениями т.н. «Группы Исследований и Наблюдений» (Study and Observations Group – SOG) как место постоянной дислокации и обучения разведгрупп (прим. перев.)*

** *Другое наименование – Отряд В-52 5-й группы специального назначения (Detachment В-52, 5-th Special Forces Group). Подразделение специальной разведки, подчиняющееся непосредственно командованию главного военного советника во Вьетнаме, одной из задач которого было добывание разведданных оперативного и стратегического характера в глубине контролируемых Вьетконгом территорий (прим. перев.)*

своим исчезновением ни одна из групп не докладывала о каком-либо движении или чем-либо подозрительном. Нам дали координаты их последнего известного местонахождения, но не сообщили никакой информации о предполагаемых маршрутах передвижения, которые они должны были подготовить перед выходом.

Местность была гористой, с сильно изгибающейся долиной, в которой была довольно широкая речка, которую мы видели с воздуха во время предварительного облёта. Речка находилась восточнее нашего района разведки. В основном там были двухъярусные джунгли, но было несколько достаточно открытых участков, поросших высокой травой с кучами деревьев на склонах и гребнях. Часть долины с севера на юг была полностью покрыта трехъярусными джунглями, однако в сегментах на северо-запад и юго-восток от излома была только лишь слоновая трава и отдельные деревья.

Мой ЗКГ, Диринг, решил, что, должно быть, несколько лет назад в той части долины случился чертовски сильный пожар. Мне показалось странным полное отсутствие воронок от авиабомб практиче-

ски на всей территории нашего района разведки, кроме хребта, на котором нас высадили.

Мы должны были выйти утром третьего. Хаммонд просил нас взять его с собой на выход. Он должен был дембельнуться через десять грёбанных дней, и хотел иметь возможность, вернувшись домой, рассказать хотя бы одну настоящую военную историю. Со времени твоего отъезда в отпуск он заведовал рейнджерской ложей. Не надо было мне соглашаться. У меня было плохое предчувствие относительно этого задания, но я выбросил его из головы, решив, что это первое проявление нервозности, характерной для всех, кто становится короток.

К нам заявился майор из разведотдела и сказал, что мы получим паллету пива и ящик виски любого сорта, какого захотим, если притащим пленного. Ещё он хотел, чтобы мы попытались найти какие-нибудь следы тех двух исчезнувших групп Зеленых Беретов. Они даже дали нам новый малогабаритный ночной прицел – размером с бутылку содовой. Он выдал нам недавно разработанные складные противогазы, годные лишь против слезоточивого газа, и порекомендовал при взятии языка использовать гранаты с CS. Все это показалось

мне полным дерьмом, но я просто не стал придавать этому значение.

Наша «высадка на рассвете» закончилась тем, что мы оказались на месте где-то около 10.00. Мы высадились на покрытом воронками хребте и провели довольно много времени, заложив собаку. Пока мы прятались там, к моей руке присосалась здоровенная пиявка. Она лопнула как фейерверк, когда я ткнул в неё горячей спичкой.

Мы спустились по склону, и обнаружили целую сеть троп, идущих вдоль хребта параллельно друг другу. Растительность между ними была недостаточно густой, чтобы обеспечить маскировку. В паре сотен метров от точки высадки мы нашли комплекс из пяти или шести заброшенных хижин, которыми не пользовались на протяжении нескольких месяцев. Они находились возле перекрестка трех троп. Мы сделали несколько снимков, а потом продолжили движение вниз по склону.

Не успели мы отойти далеко, как обнаружили ещё одну тропу со свежими следами на ней. Мы укрылись в густых зарослях, в то время как Хаммонд и Дириг отправились на разведку. Они вер-

нулись через несколько минут, сообщив, что обнаружили свежий тайник.

Я вывел к этому месту всю группу и дал команду организовать круговое охранение. Мы разрыли свежую землю, и вытащили старый деревянный гроб. Видел бы ты это! Все выглядело так, как будто эту проклятую хреновину только что закопали, но сам гроб был очень старый. Я проверил его на предмет ловушек, а потом медленно поднял крышку. Внутри был скелет, лежащий поверх слоя чёрной грязи. Больше в могиле ничего не было. Мы сфотографировали её, а потом зарыли все обратно.

Остаток дня мы провели, наблюдая за находящимися ниже нас по склону тропами. Мы все ещё находились под покровом двухъярусных джунглей, но должен заметить, что ниже нас шли уже только трава и кусты. Мы обнаружили несколько мест, где рядом с тропами была расчищена растительность. Они были достаточно большими, чтобы там мог встать на ночь целый взвод. Мы нашли поблизости хорошее укрытие и провели там ночь, вслушиваясь, не появятся ли гуки.

Около полудня следующего дня мы спустились по склону хребта ещё ниже, туда, где начиналась

трава. Мы нашли широкую, утоптанную и хорошо проходимую тропу, и устроили НП для наблюдения за ней. Место выглядело подходящим для захвата пленного и быстрого отхода, так что мы установили вдоль тропы несколько гранат со слезоточивым газом с электрическими детонаторами и засели в ожидании.

Через час мы услышали, что кто-то поёт, и увидели чёртова гука, одетого в форму, идущего по тропе. У него не было оружия, но он нёс большой брезентовый ранец. Мы взорвали наши CS, когда он оказался прямо перед нами. Дириг и Док Глэссер бросились вперёд, чтобы схватить этого чувака, пока он не пришёл в себя, но тот ринулся прочь по тропе, вопя и зовя на помощь. Дириг и Глэссер поняли, что не смогут поймать его, и открыли по нему огонь. Они попали в него, но это нисколько не замедлило его. Мужик, похоже, CS этого ублюдка даже не побеспокоил.

Мы услышали, как с дальнего конца тропы кто-то закричал в ответ, тут же вскочили и со всех ног повалили оттуда. Мы покрыли пару сотен метров, и я укрыл группу в густых зарослях. Было похоже, что установившаяся у нас хорошая погода со-

биралась подойти к концу. С запада надвигалась облачность. Зная, что нас засекли, я вышел на связь и запросил эвакуацию с нашей запасной площадки приземления. Группа ретрансляции передала запрос ротному, и я услышал, как этот ублюдок отвечает связистам, чтобы мы и не думали об этом. Он хотел, чтобы мы остались на месте и выяснили обстановку.

Не стал я ни хрена выяснять. Так что, мы изо всех сил бросились к нашей запасной площадке эвакуации. Погода испортилась даже раньше, чем мы добрались до неё. Это был чертовски сильный ливень, самый хреновый из всех, что я когда-либо видел. Вокруг потемнело, а дождь обрушился с такой силой, что кроме него мы ничего не слышали. Я не знал, обгадиться мне, или вознести благодарность.

Мы провели ночь, заняв круговую оборону лежа пятками друг к другу посреди самых густых зарослей, какие только смогли найти. Они находились прямо между двух троп, одна из которых была прямо под нами. У нас не было связи и мы провели всю ночь, морозя задницы и наблюдая, как гуки шляются вокруг с фонарями, разыскивая нас. Паре наших

парней даже почудилось, что они слышали собак. Никто из нас не сомкнул глаз.

На следующее утро дождь ослаб. У нас вновь появилась связь, и я доложил, что творилось вокруг ночью. Ротный сказал, чтобы мы выдвигались на площадку приземления для эвакуации.

Мы немедленно начали движение. На земле повсюду были отпечатки подошв. Мы никого не видели, и я не думаю, чтобы кто-нибудь нас заметил, но кто может сказать наверняка? Когда прибыл вертолёт, мы увидели, что Майнер, бывший беллименом, готовится сбросить верёвочную лестницу. Ненавижу эти долбаные лестницы. Проклятые перекладины находятся слишком далеко одна от другой.

Ветки мотались туда-сюда, когда мы начали подниматься. Диринг держал конец лестницы. Когда первые четверо парней взобрались наверх, я услышал стрельбу. Я полез вверх и махнул Дирингу, чтобы он следовал за мной. Едва я начал забираться в кабину, как увидел, что бортстрелок машет и орет, чтобы я прыгал с лестницы. Я решил, что он просто спятил.

Внезапно вертушка закрутилась на месте и я понял, что мы вот-вот погибнем. Мы пару раз подпрыг-

нули, а потом покатались вниз по склону. Я помню, как затрещали деревья, когда мы переворачивались. Должно быть, тогда-то я и вывалился за борт. Я ска- тился вниз по склону – один, без рюкзака, без ору- жия. Почувствовал боль в руке и, глянув на неё, об- наружил, что кусок металла проткнул её насквозь.

Увидев лежащие выше по склону обломки вер- толета, я направился к ним. Я нашел свой рюкзак и рядом с ним тот сраный ночной прицел, но ни- где не мог обнаружить свой CAR-15. Я остановился возле небольшого ручейка, стекающего по склону, чтобы смыть грязь лица, и тут понял, что это было топливо с вертолѐта.

Я решил, что Дирина прихлопнуло первым же ударом. Хьюи должен был свалиться ему пря- мо на голову. Потом я увидел его возле точки эва- куации. Я находился в пятидесяти метрах от того места, с которого вертушка пыталась забрать нас. Объединившись, мы двинулись к месту крушения.

По дороге мы обнаружили тело Хаммонда. Верх- няя часть его головы была срублена – ровно и чи- сто. Я не мог поверить – отправиться на одно- единственное чёртово задание, и тут же получить такое. Его рюкзака и оружия нигде не было видно.

Мы двинулись к верхнему концу небольшой лощины. Пилот, капитан, метался вокруг, обвиняя нас в том, что его борт сбили, и пытался отдавать совершенно бессмысленные приказы. Чтобы заставить его успокоиться, мне пришлось достать пистолет и сунуть ему в морду. Я сказал, что здесь, на земле, командую я, а не он. Он, наконец, заткнулся. Мы вытащили из обломков таблицы радиосвязи, пулемёты М-60 и радиостанции. Бортстрелки сидели там, совершенно ошеломленные.

Я знал, что гуки могут подойти к нам в любой момент. Взглянув наверх, я увидел «Кобру», нарезающую круги, делая заход за заходом. Мы связались с капитаном Кардоной, и тот сообщил, что во всей зоне I Корпуса нет свободного борта, оборудованного сёдлами Макгвайра или верёвочными лестницами, так что пройдёт некоторое время, прежде чем мы сможем получить какую-нибудь помощь.

«Кобра» расстреляла боекомплект, и ней пришлось отправляться обратно на перезарядку. Следом за ней улетел ротный на своей вертушке управления. Единственно, кто мог составить нам компанию, это группа ретрансляции – и гуки. К этому времени мы уже слышали, как они движутся

по сторонам и выше нас. По какой-то неизвестной причине они так и не решились спуститься к нам.

Мы выбрали тело Хаммонда как раз перед тем, как к нам вернулся ротный. Я запросил разрешения уничтожить вертолёт, прежде чем они займутся нашей эвакуацией. Он ответил, что ему не достаточно моих слов или утверждений пилота о том, что вертушка пострадала настолько, что не подлежит восстановлению. Чтобы дать нам разрешение на его уничтожение, он должен получить одобрение от вышестоящего командования. Я не мог поверить этому. Какая разница, мы его взорвём, или гуки.

Наконец прибыл даст-офф и завис над нами. Я связался с ним через нашу группу ретрансляции, чтобы сообщить, что внизу «горячо». Когда я сообщил ему, что вижу, как он получает попадания в брюхо, тот отозвался и передал, что все в порядке – он хочет вывезти тело нашего друга. Боже, я бы хотел, чтобы он прилетел, чтобы эвакуировать нас! Он вновь вышел на связь и спросил, есть ли у нас раненые. Я дал отрицательный ответ и отослал его. Я уже вытащил кусок металла из своей руки и заматал её бинтом. На минуту я испытал трусливое желание эвакуироваться как раненый, но иску-

шение прошло столь же быстро, как и наступило. И все равно, я до сих пор стыжусь, что мне пришла в голову такая мысль.

Наконец, через полтора часа, к нам прибыл оснащённый лестницей вертолёт с Чемберзом в качестве беллимена. Мне пришлось заставить экипаж сбитого Хьюи вскарабкаться на нос их вертолета и прыгать, чтобы поймать нижнюю перекладину лестницы. Мужик, ни за что бы не подумал, что они смогут сделать это. Забавно, какой результат может дать немного адреналина!

Они проделали половину пути, а потом обгадились и застряли. Чемберзу пришлось вылезти на посадочную лыжу, а потом ещё и спуститься до середины лестницы, чтобы помочь им залезть. Пилот опустил вертолёт так низко, как только смог, а Чемберз находясь снаружи, направлял его и помогал карабкающимся по лестнице. Вертолёт оказался буквально в окружении препятствий. Я подумал было, что он вот-вот цапанет лопастями находящийся над ним склон.

Снова появилась «Кобра», её обстреляли, она сделала несколько заходов, а потом опять ушла.

Я так больше и не видел вертолёта управления. Я слышал ротного по радио, но ему удалось остаться

ся вне поля зрения. Эвакуационный борт забрал экипаж вертолёта вместе с тремя нашими парнями и направился к ближайшей базе огневой поддержки.

Наконец, спустя пять или шесть часов после того, как нас сбили, на земле остались только я и Маккейн. Я раздобыл пистолет, М-79 и чью-то М-16. У нас обоих были рации. Я взглянул наверх и увидел, что на нас вновь надвигаются чёрные штормовые облака. Так и знал, что они вернуться как раз вовремя.

Потом мы увидели возвращающийся вертолёт, совсем крохотную точку, несущуюся впереди облачного фронта. Вскоре он был уже над нами, и Чемберз поднял нас на борт в тот самый момент, когда начался шторм. Мужик, ещё несколько минут и мы бы так там и остались.

Когда мы уже улетали, налетели «шустрилы», пытающиеся уничтожить обломки Хьюи. По видимому, где-то далеко отсюда какой-то генерал, наконец, дал нашему ротному разрешение. Предполагаю, что там-то он все это время он и находился!

Ох, парень, я испытал огромное облегчение, убравшись оттуда. Когда мы вернулись в Игл, Чем-

берз рассказал, что пилот думал, что нас собьют, как только мы начнём набирать высоту. Он глянул вниз и увидел, как по всему склону, с которого мы только что взлетели, роятся гуки. Очень похоже, что они ждали, когда мы будем взлетать. Надеюсь, F-4 их всех поймали».

Я стоял столбом, все ещё пытаюсь осмыслить смерть Хаммонда. Он был опрятным парнем, старше большинства из нас, с хорошим образованием. Он получил степень магистра в каком-то из роскошных университетов Восточного побережья. Он был рейнджером, но не годился для задач, подобных этой. Я мог лишь надеяться, что мой друг, Миллер, не винит себя в смерти Хаммонда. Он выглядел очень расстроенным тем, что армия не отнесла Хаммонда к погибшим в результате действий противника. Он числился как погибший в результате несчастного случая.

Я покачал головой, а потом спросил Миллера, что случилось с Рейнольдсом. Он ответил, что ещё не знает все в точности, однако группа Рейнольдса днём раньше вышла на задание в район заказника. Они шли вдоль выходящей из джунглей тропы. Рейнольдс занял место в голове. Когда они

вышли на открытое место, гуки уже ждали их. Они открыли огонь по группе, убив Рейнольдса на месте. Группа забрала его тело и отступила, запросив срочную эвакуацию. Они вызвали огонь артиллерии по позициям противника, чтобы, пока они не взлетят, прижать гуков к земле.

Рейнольдс был высоким, красивым Е-6, закончившим курсы подготовки сержантского состава в Беннинге. Всего за месяц до этого он получил почетный кинжал «Гербер» в Школе Рекондо. Он был чертовски хорошим командиром группы до того как дал себя прикончить.

Мы с Миллером зашли за казармы. Утрата ещё двоих рейнджеров тяжёлым грузом легла на каждого из нас. Мы забрались на крышу крайнего бункера и, выкурив сигарету за сигаретой полпачки Винстона, рассуждали о том, как оно будет, когда мы вернёмся домой. Предполагалось, что он уедет через пару дней и свой заключительный месяц проведёт в Биньхоа, отбирая пополнение для роты. Мне оставалось двадцать семь дней и утро, и я просто хотел выжить в течение этих четырёх недель.

12 мая 1969

Кто-то собрался грохнуть нашего Первого сержанта. Вчера вечером он нашёл под своей койкой Клеймор, направленный прямо туда, где должна быть его голова. Провод от него уходил из-под его хибары к тыльной стороне нашего расположения. Похоже, он был слегка шокирован произошедшим и назначил охрану, которая должна будет патрулировать вокруг казармы лайферов в тёмное время суток.

По подразделению прошёл слух, что 3 батальон 187-го полка вляпался в какое-то дерьмо в Ашау. «Раккассаны»* полковника «Блэкджека» Ханикатта

* *Полуофициальный девиз 187-го пехотного полка. Происходит от японского слова, означающего «зонтик». Оно закрепилось за полком во время его нахождения в оккупированной Японии сразу после Второй Мировой войны. Когда переводчик (не знающий, как будет «воздушно-десантный» по-японски) пытался объяснить, какую подготовку прошло его подразделение, он использовал фразу «люди, прыгающие с зонтиками» (раккасан). Местных жителей позабавило это неуклюжее слово, и они начали звать так всех военнослужащих полка. Вскоре прозвище прижилось и стало предметом гордости подразделения (прим. перев.)*

наткнулись на выстроенный на склонах Донг Ап-Биа комплекс бункеров NVA. Мы слышали, что это совсем рядом с тем местом, где мы пострадали от молнии 23 апреля. Я ничуть не завидовал им. Само название этого места теперь вызывало у меня страх, так что это было совсем не то, с чем я в данный момент хотел бы иметь дело.

14 мая 1969

У нас появились кое-какие проблемы с членами банды из 501-го батальона связи. Они попытались пройти в расположение роты после наступления темноты, но натолкнулись возле входа на одного из наших парней. Когда он сообщил им, что вход в расположение рейнджеров запрещён, они навалились на него и ему пришлось довольно худо, пока Первый сержант и ещё несколько рейнджеров не услышали шум и не пришли на помощь. Избиение было прекращено, но прежде чем наконец уйти, бандюки разразились непристойными угрозами. Никто из нас не имел ни малейшего понятия о том, что происходит, но дела, похоже, стремительно катились ко всем чертям.

16 мая 1969

Около 23.00 я сидел на своей койке, сочиняя письмо невесте, когда на другом конце линии казарм разверзся настоящий ад. Сначала раздался глухой взрыв, за ним последовал кратковременный шквал огня из автоматического оружия. Я схватил свою М-16 и бандольеру с патронами, и выскочил через задний ход казармы, намереваясь зайти со стороны тыльной части находящегося между моей и соседней казармами бункера. Я решил, что это сапёры, пытающиеся прорваться сквозь наш периметр.

Когда я выскочил из хибары, то услышал ещё одну автоматную очередь, и увидел, как красные трассера рикошетят в направлении расположения 501-го батальона связи. Моей первой мыслью было, что гуки позади нас, и уже серьёзно углубились на территорию базового лагеря.

Я передернул затвор и направился к месту событий вместе с ещё пятнадцатью вооружёнными рейнджерами. Когда мы добрались до задней стороны хибары лайферов, то обнаружили, что стрельбу устроил рейнджер, нёсший охрану возле сержантской казармы.

Он сказал, что заметил кого-то, стоящего с внутренней стороны проволочной спирали, натянутой вдоль тыльной части нашего расположения. Он крикнул, чтобы тот остановился и назвал-ся, и тут же услышал щелчок отлетающего рычага гранаты, а потом глухой стук, когда что-то тяжё-лое приземлилось на верх выложенной из мешков с песком защитной стенки, окружающей казарму лайферов – примерно в том месте, где спал Первый сержант Карден.

Часовой схватил гранату, прежде чем она взорва-лась, и вышвырнул её за находящуюся позади де-журки насыпь, а потом дал по диверсанту очередь из своей М-16. Когда граната взорвалась, не причи-нив никому вреда, он выпустил остаток магазина в направлении убегающей фигуры.

К счастью, в этом происшествии никто не по-страдал. Напуганный Первый сержант немедленно удвоил охрану вокруг сержантской казармы и пок-лялся, что это, должно быть, были те бандиты, ко-торых он заставил убратся пару дней назад. Они вернулись, чтобы свести счёты.

Ситуация в Наме стремительно ухудшалась. Каждую неделю до нас доходили известия о фрэг-

гинге* и солдатах, отказывающихся исполнять приказы. У нас, в 101-й это было редкостью, но в находящихся южнее нас подразделениях «прямоногих» такого хватало. Нарастающие дома антивоенные настроения и межрасовая напряженность начинали ощущаться и в войсках. До сих пор это, похоже, в основном проявлялось в небоевых подразделениях. Во Вьетнаме было достаточно опасно и без такого рода дерьма.

* *Фрэггинг (fragging) – производное от «осколочная граната» (fragmentation grenade). Термин, появившийся в конце XX века, обозначает умышленное убийство командира находящимися под его командованием военнослужащими (как правило, рядового состава). Убийство обычно выдается ими за несчастный случай или боевые потери. Чаще всего фрэггинг (как и следует из этимологии понятия) производится с помощью ручной гранаты, так как ее осколки не поддаются баллистической экспертизе, а в боевой обстановке граната может якобы отскочить от препятствия или же военнослужащий вражеских сил может забросить её обратно. Ещё более сложным представляется установить и доказать преступный умысел, даже если точно известно, кто именно из солдат бросил гранату (прим. перев.)*

19 мая 1969

Ночью восемнадцатого я возглавил группу из восьми человек, отправившуюся в засаду за периметр. Должен признаться, это было здорово – вновь оказаться на выходе. Это была сушная ерунда, никто так и не появился в нашей зоне поражения. Хотелось бы мне в последний раз шваркнуть по врагу, прежде чем покинуть страну. Хотя конечно, я повидал достаточно случаев, когда мои друзья погибали и получали ранения на таких вот пустяковых заданиях, на которых ничего не должно было случиться.

Когда мы вернулись на рассвете, я узнал, что в ночь накануне на задании погиб мой товарищ по бриджу, Билл Марси. Его группа на закате высадилась на вершину горы, находящейся неподалеку от базы огневой поддержки «Раккассан», к западу от Кэмп Эванса. Они заложили собаку до наступления темноты, а потом начали спускаться с гребня. Пройдя по склону двадцать метров, они услышали внизу движение, и Марси отвёл группу обратно на точку высадки.

Вскоре движение было уже повсюду вокруг них. Марси вышел на связь и сообщил, что их высадка была замечена, и запросил эвакуацию.

Когда вертолёты были на подходе, Билл выбрался за периметр и включил свой стробоскоп. Он передал пилоту, чтобы тот садился в двадцати пяти метрах от сигнального огня, рядом с местом, где укрылись остальные члены группы. Подобравшиеся совсем близко гуки начали группироваться для штурма. Марси бросился бежать в сторону периметра. Шквал огня из АК-47 ударил ему в спину, убив на месте.

Фрэнк Андерсон принял командование и вышел на площадку приземления, чтобы забрать тело Марси и его рацию. К счастью, NVA отошли, и группа смогла эвакуироваться.

Это был печальный день для роты L. Билла любили. Родом из Массачусетса, он был сыном адмирала флота. Отец отрёкся от него за то, что тот отказался от шанса поступить в Военно-морскую Академию, пойдя вместо этого на службу в армию. Это была большая трагедия! Марси был ещё одним прекрасным командиром группы. Мы не могли позволить себе такие потери. Меньше чем за четыре недели мы потеряли убитыми четверых, и трое из них были командирами групп. По количеству понесённых ротой потерь май вышел на второе место.

Восемнадцатого нас покинул отправившийся домой Соерс. Он обещал быть на моей свадьбе двадцатого июня. Тим Лонг, Джим Шварц и Джон Луни, они все тоже поклялись, что будут там – чтобы удостовериться, что я довёл это дело до конца. Если бы они только знали!

Я не мог не думать о Терри Клифтоне. Терри был бы там, если бы не был убит в ноябре. Я избегал думать о его смерти, но по мере приближения к дембелю она постоянно приходила мне на ум. Моя вина в его смерти, всегда лежавшая под самой поверхностью, превратилась для меня в эмоциональный кризис. Он был бы жив сейчас, если бы не вызвался поменяться местами с другим членом группы лишь для того, чтобы пойти со мной. Я был в ответе за его смерть.

23 мая 1969

Пару дней назад завершились боевые действия на высоте Донг Ап-Биа. Операция получила названия «Апачи Сноу». 3 батальон 187-го полка наступал на позиции 29-го полка NVA, закрепившегося на вершине горы в Ашау. Прежде чем длившиеся одиннадцать суток бои закончились, в них успели

принять участие 1 и 2 батальоны 506-го полка, дру-
гие части 3-й Бригады 101-й и два батальона 1-й пе-
хотной дивизии ARVN. Мы уничтожили полк NVA,
но понесли в ходе этого тяжёлые потери. Основ-
ной частью операции стал штурм базового лагеря
полка NVA, расположенного на вершине горы, на-
ходившейся в западной части долины Ашау. Четы-
ре недели назад, когда мы наблюдали, как больше
двух сотен солдат NVA, направляясь вверх по скло-
ну, прошли мимо нашего НП, ее называли Донг
Ап-Биа. Месяц спустя оставшиеся в живых бойцы
3-й бригады назовут ее «Высота Гамбургер».

24 мая 1969

Всего лишь двенадцать дней и утро, и я сва-
лю отсюда. Я получил приказ о назначении в 82-ю
воздушно-десантную дивизию, в Форт-Брэгг.
Вполне возможно, что из-за ранения в правую ногу
и повреждения позвоночника, причинённое взры-
вом наступательной гранаты, я больше не смо-
гу прыгать с парашютом. Если у меня будут меди-
цинские ограничения, то, скорее всего, я подам ра-
порт о переводе в другое место службы, поближе
к дому. Я не буду служить в 82-й и не смогу пры-

гать, но моей будущей жене будет легче, если я смогу быть ближе к дому. В конце концов, я столь многим ей обязан.

27 мая 1969

До меня только начала доходить понимание, что я стал «карликом» с однозначным числом дней. Где-то там, в Штатах, какой-то гражданский пилот уже получил расписание полетов, согласно которому ему предстоит прилететь на «птице свободы»*, чтобы забрать меня и отвезти в Мир. Быть короче уже просто невозможно!

29 мая 1969

После обеда я должен буду вылететь из Фубая в тыл. Неделя на оформление и ожидание рейса, и Вьетнам станет всего лишь воспоминанием. Я понял, как буду скучать по этим парням. Большинство из них уже разъехалось. Джон Соерс, Джим Шварц, Дэйв Бидрон, Джо Билеш, Кен Миллер и «Мамаша»

* *Самолет, на котором возвращались в США военнослужащие, отслужившие свой срок во Вьетнаме. Обычно это были чартерные рейсы различных гражданских авиакомпаний (прим. перев.)*

Ракер уже отправились в тыл. Джон Луни, Джон Мезэрос, «Клеймор» Оуэнс и «Бум-Бум» Эванс поедут в Биньхоа примерно в то же время, что и я.

Поздним утром в роте провели церемонию награждения. Мне вручили ещё одну Серебряную Звезду. Приказ гласил, что я награждён за действия во время засады, устроенной нами утром 20 ноября 1968. Для меня это была бессмыслица. Я уже получил Серебряную Звезду за свои действия в тот день – её мне вручили прямо в госпитале. Теперь они решили разделить засаду, организованную нами и засаду, в которую мы попали. Никогда не смогу понять армию.

Мне также вручили ещё одно Пурпурное Сердце. Вот это действительно имело смысл! В том бою меня ранило дважды. Это должно стоить пары Пурпурных Сердец. Кроме того, Хиллмен и я остались единственными рейнджерами в группе, не получившими Пурпурных Сердец после того, как месяц назад в нас ударила молния. Кроме того, полковник Делоач прикрепил над моим левым нагрудным карманом Бронзовую Звезду за отличную службу, армейскую Благодарственную Медаль со знаком «V» (за действия возле базы огневой поддержки

«Джек»), и Авиационную Медаль с дубовыми листьями. Ну что же, по крайней мере, я не отправлюсь домой с голой грудью.

Я испытывал чувство истинной гордости – не из-за медалей, а за то, что мою работу оценили по достоинству. У медалей и наград за доблесть есть одно свойство – они никогда не расскажут подлинную историю. Но благодаря героизму людей, с которыми я служил, эти медали стали для меня символом того, что я был одним из них. Людям, пересидевшим войну там, дома, никогда не понять чувства, сжавшего в тот момент моё сердце.

5 июня 1969

Большой 707-й авиакомпания Тайгер Эйрлайнс набирал скорость, катясь по взлетно-посадочной полосе авиабазы Биньхоа. Я закрыл глаза и затаил дыхание, когда нос самолета задрался вверх и он оторвался от асфальта, устремившись вверх сквозь раскалённый воздух над самым оживлённым аэропортом мира. Давление в ушах убедило меня, что мы находимся в воздухе. Я открыл глаза и уставился в потолок. Я сделал это! Я прожил свой год в аду.

Внезапно, я обнаружил, что ору как баньши вместе с остальными отправляющимися на родину «джи-ай». Для нас война закончилась. Раны, боль, страдание, ночные кошмары, погибшие товарищи – все это осталось там, позади. Мы были на пути домой, чтобы вновь начать ту жизнь, которая была прервана Вьетнамом. По крайней мере, мы верили в это в данный момент.

На мои глаза навернулись слезы, когда я бросил прощальный взгляд на Вьетнам. Зелёная и коричневая сеть рисовых полей, джунгли, иссеченные извилинающимися ленточками серебрящихся рек и ручьёв, все это выскользнуло из поля зрения, когда самолёт оказался над Южно-Китайским морем. Вьетнам навсегда останется частью меня.

ЭПИЛОГ

Война во Вьетнаме закончилась в 1975 году. Для меня она завершилась пятнадцать лет спустя, в 1990. Я провёл двадцать один долгий год, думая, что оставил свою войну в тех жарких, зеленых джунглях Юго-Восточной Азии. Но нет. Она последовал за мной обратно, в Мир. Она возникала за моей спиной тёмными ночами, открывала старые раны каждый раз, когда я видел фильм про Вьетнам. Она мешала мне любить мою жену и детей так, как это должен делать муж и отец. Она заставляла меня избегать глубоких привязанностей и бояться каких-либо эмоциональных связей, способных впоследствии вновь стать источником боли.

Ее реалистичные, яркие кошмары посещали меня так часто, что я уже не мог спать, как нормальный человек. Мне приходилось заставлять себя бодрствовать каждую ночь, пока, наконец, полное истощение не отправляло меня в бессознательное состояние, в котором отсутствовали сны.

Воспоминания о ней, как хорошие, так и плохие, никогда не покидали меня. Я гордился своей службой, но стыдился того, что выжил. Я потерял мно-

гих хороших друзей и товарищей, чьи лица стоят передо мной по сей день – не преследуя меня, но постоянно возникая в моих мыслях и молитвах. Наши узы, скрепленные огнём, страхом и кровью, не действовали все те годы, что прошли со времен Нама, однако их отсутствие оставило во мне зияющую пустоту, лишило меня ощущения целостности.

В 1986 году, в Форт Кэмпбелл, штат Кентукки, состоялась первая встреча тех, кто служил в LRRP 1 батальона 101-й, роте F (LRP) 58-го пехотного и роте L (рейнджеров) 75-го пехотного полка. Почти двести из нас, доживших до средних лет разведчиков, собрались там, чтобы вновь восстановить и утвердить то чувство товарищества, которое так тесно связывало нас во времена нашей молодости. Не для того, чтобы вернуть молодость, но чтобы вновь разжечь тот дух, который мы никак не могли забыть.

Мы вместе любили и смеялись, играли и веселились, сражались и умирали. Мы делали это не ради Америки, не ради традиций и не ради какого-то архаичного чувства патриотического долга. Мы делали это друг для друга. Когда дело доходило до фи-

нального занавеса, все, что у нас было – это мы сами.

Описание моего года, проведенного во Вьетнаме, помогло залечить открытые раны, оставленные этим событием. Во мне никогда не было озлобленности, и я не винил кого-либо за провал наших усилий во Вьетнаме. Однако во мне всегда подспудно присутствовало чувство вины за свою долю ответственности в этой неудаче. Но теперь я понимаю, что наши усилия были так же доблестны, благородны, чисты, и жертвенны, как любые усилия, предпринимаемые любым солдатом, когда-либо защищавшим наш флаг. К сожалению, в результате позорного и предательского влияния наших СМИ и осуждавшего нас нелояльного и бездушного, но крикливого меньшинства из числа наших сограждан, наши усилия были поставлены в один ряд с нелепой и постыдной политикой нашего правительства.

Мы искали прощения и понимания, но в ответ не получали ничего, кроме презрения и насмешек. Большинство из нас переносило эти раны молча, пряча боль своих воспоминаний в глубинах подсознания, и надеясь, что они никогда больше не воз-

родятся. Однако все мы обнаружили, что бездонные глубины нашего подсознания оказались недостаточно глубоки, чтобы защитить нас от кошмаров и воспоминаний Вьетнама.

Когда временами эти ужасные воспоминания поднимались на поверхность, мы пытались, чтобы нас поняли другие, но никто не хотел слушать наших рассказов. Ну что же, Америка, теперь настала пора послушать. Мы страдали достаточно долго.

Целебный бальзам для наших ран существовал всегда, лишь ожидая, когда мы найдём его. Он не в стыде и боли за службу, которую мы несли. И не в консультациях и советах преисполненных благими намерениями специалистов. И уж точно не в приставленном к виску стволу заряженного револьвера. Нет, друзья мои, средство, столь необходимое нам для заживления старых ран, находится внутри каждого из нас – помогите друг другу восстановить старые узы дружбы и преданности, выкованные в пламени войны. Постарайтесь найти своих старых товарищей. Посещайте встречи. Упокойте демонов, являющихся, чтобы преследовать нас по ночам. Если слова прощания не были произнесены, значит на самом деле мы никогда

и не прощались. Поддерживая друг друга мы выжили во Вьетнаме. Точно так же мы сможем выжить и после него.

ПОТЕРИ**LRRP 1-й бригады, роты F (LRP), роты L (рейнджеров)**

Дата	Звание	Имя	Подразделение
		Погибли в бою	
15.05.67.	Спец. 4-го кл.	Дэвид Аллен Диксон	1/101
15.09.67.	Спец. 4-го кл.	Джон Лестер Хайнс	1/101
01.11.67.	Ряд. 1-го кл.	Джордж Бастер Салленс мл.	1/101
19.12.67.	Сержант	Патрик Ли Хеншоу	1/101
23.01.68.	Спец. 4-го кл.	Джон Ти МакЧесни	1/101
22.03.68.	Спец. 4-го кл.	Томас Джон Стергл	F Co.
23.04.68.	Рядовой	Эштон Ховард Приндл	F Co.
02.06.68.	Сержант	Томас Юджин Рили	F Co.
20.11.68.	Спец. 4-го кл.	Терри Дабл-ю Клифтон	F Co.
20.11.68.	Сержант	Альберт Ди Контрерос мл.	F Co.
20.11.68.	Спец. 4-го кл.	Артур Джей Херрингаузен мл.	F Co.
20.11.68.	Сержант	Майкл Дин Райфф	F Co.
01.04.69.	Спец. 4-го кл.	Барри Ли Голден	F Co.
23.04.69.	Штаб-сержант	Дин Джулиан Дедмен	L Co.
05.05.69.	Сержант	Кейт Тейт Хаммонд	L Co.
08.05.69.	Штаб-сержант	Рональд Барнс Рейнольдс	L Co.
20.05.69.	Сержант	Уильям Линкольн Марси	L Co.
26.10.69.	Ряд. 1-го кл.	Майкл Линн Лайтл	L Co.
11.01.70.	Штаб-сержант	Джеймс Уильям Солтер	L Co.
11.01.70.	Сержант	Рональд Уэйн Джонс	L Co.
08.04.70.	Спец. 4-го кл.	Род Джордж МакСерги	L Co.
11.05.70.	Сержант	Гэри Пол Бейкер	L Co.
11.05.70.	Штаб-сержант	Рэймонд Дин Эллис	L Co.
11.05.70.	Штаб-сержант	Роберт Ли О'юннер	L Co.
11.05.70.	Капрал	Джордж Эдвард Фогльмэн	L Co.
11.05.70.	Ряд. 1-го кл.	Брайан Теотис Найт	L Co.
11.05.70.	Сержант	Дэвид Муноз	L Co.
19.05.70.	Штаб-сержант	Роджер Томас Лагодзински	L Co.
22.05.70.	Штаб-сержант	Джон Томас Донахью	L Co.
25.08.70.	Спец. 4-го кл.	Джек Мосс мл.	L Co.
29.08.70.	Спец. 4-го кл.	Лоуренс Элвуд Шайб мл.	L Co.
29.08.70.	Ряд. 1-го кл.	Гарри Томас Хенгорт	L Co.
18.09.70.	Спец. 4-го кл.	Хершел Дьюэн Кыод мл.	L Co.
25.09.70.	Сержант	Ллойд Харолд Граймс II	L Co.
16.11.70.	Штаб-сержант	Норман Р Стоддард мл.	L Co.
16.11.70.	Сержант	Роберт Джордж Драпп	L Co.
15.02.71.	Сержант	Стивен Гленн Ингленд	L Co.
15.02.71.	Мл. л-т	Джеймс Лерой Смит	L Co.
15.02.71.	Сержант	Гэбриел Трухильо	L Co.
21.02.71.	Спец. 4-го кл.	Ричард Ли Мартин	L Co.
22.03.71.	Спец. 4-го кл.	Дэвид Рой Хэйвард	L Co.
26.03.71.	Капрал	Джозель Ричард Хэнинкс	L Co.
06.04.71.	Штаб-сержант	Леонард Джеймс Трамбули	L Co.
16.04.71.	Капитан	Пол Кобурн Соутелл	L Co.
16.04.71.	Сержант	Джеймс Брюс МакЛаттин	L Co.
24.04.71.	Спец. 4-го кл.	Джонни Рэй Сли	L Co.
08.05.71.	Сержант	Гэри Дьюэн Эллис	L Co.
12.06.71.	Мл. л-т	Ральф Ли Черч	L Co.
13.06.71.	Ряд. 1-го кл.	Стивен Джон Эллис	L Co.

13.06.71.	Капрал	Чарльз Энтони Саннес	L Co.
20.08.71.	Капрал	Джонни Ховард Чепмен	L Co.
20.01.72.	Спец. 4-го кл.	Гарри Джером Эдвардс	L Co.
		Почетный LRP и рейнджер	
09.03.69.	Чиф уоррент-офицер	Дэвид Аллен Поли	2/17 Cav.
		Пропал без вести	
24.04.71.	Штаб-сержант	Джеймс Альберт Чемпион	L Co.
		Умерли	
1968		Джон Джеймс Куик	F Co.
1969		Дональд Л Брики	L Co.
		Терри Н Тайлер	F & L Co.
1971		Варн Дабл-ю Киркленд	F & L Co.
1972		Уильям Р Кирби	L Co.
		Рэймонд П Зоцак	F & L Co.
1975		Кеннет Д Стеймел	L Co.
1976		Стив Косимидис	L Co.
		Джэймс М Майнерс	L Co.
1978		Джэймс Л Уолкер	F & L Co.
1979		Кларенс Джэй Кагден	L Co.
1980		Ник Каберра	F Co.
		Эдвард И Джеймс	L Co.
		Чарльз Уилкерс	L Co.
1981		Питер Пирдаври	L Co.
		Джозеф Р Ривера	L Co.
1982		Рассел Джей Брокер	L Co.
1983		Дейв Кларк	L Co.
1984		Стивен М Юбел	L Co.
1985		Джарвис Л Дэйл	L Co.
1989		Альберт Т Барти	L Co.
1990		Ричард Р Батлер	L Co.
1990		Нил Р Джентри	L Co.
1990		Рональд Х Боумен	F & L Co.

ПОКОЙТЕСЬ С МИРОМ.

Содержание

ПРОЛОГ	3
16 декабря 1968	15
17 декабря 1968	23
18 декабря 1968	24
19 декабря 1968	25
20 декабря 1968	26
22 декабря 1968	29
24 декабря 1968	32
25 декабря 1968	33
26 декабря 1968	42
27 декабря 1968	44
29 декабря 1968	46
3 января 1969	55
5 января 1969	56
6 января 1969	57
7 января 1969	58
8 января 1969	59
9 января 1969	59
10 января 1969	60
11 января 1969	60
12 января 1969	62
13 января 1969	67

18 января 1969	68
20 января 1969	72
24 января 1969	73
25 января 1969	76
26 января 1969	82
27 января 1969	87
28 января 1969	87
29 января 1969	94
30 января 1969	95
31 января 1969	102
2 февраля 1969	109
4 февраля 1969	115
6 февраля 1969	118
10 февраля 1969	119
11 февраля 1969	120
13 февраля 1969	123
16 февраля 1969	125
17 февраля 1969	128
18 февраля 1969	130
19 февраля 1969	142
20 февраля 1969	147
21 февраля 1969	149
22 февраля 1969	150
23 февраля 1969	151

25 февраля 1969	151
26 февраля 1969	157
27 февраля – 1 марта 1969	158
1 марта 1969	187
2 марта 1969	197
3 марта 1969	203
4 марта 1969	205
6 марта 1969	206
7 марта 1969	209
8 марта 1969	234
9 марта 1969	270
10 марта 1969	274
11 марта 1969	278
12 марта 1969	283
13 марта 1969	289
14 марта 1969	303
15 марта 1969	307
16 марта 1969	310
17 марта 1969	311
18 марта 1969	320
19 марта 1969	325
20 марта 1969	329
21 марта 1969	330
23 марта 1969	331

25 марта 1969	335
26 марта 1969	335
27 марта 1969	338
28 марта 1969	359
29 марта 1969	387
30 марта 1969	402
31 марта 1969	404
1 апреля 1969	404
2 апреля 1969	406
3 апреля 1969	407
5 апреля 1969	419
7 апреля 1969	421
8 апреля 1969	422
9 апреля 1969	428
10 апреля 1969	432
11 апреля 1969	451
12 апреля 1969	454
13 апреля 1969	455
14 апреля 1969	457
15 апреля 1969	461
16 апреля 1969	462
17 апреля 1969	464
18 апреля 1969	466
19 апреля 1969	467

20 апреля 1969	469
21 апреля 1969	494
22 апреля 1969	501
23 апреля 1969	507
24 апреля 1969	523
25 апреля 1969	525
26 апреля 1969	526
27 апреля 1969	529
29 апреля 1969	531
30 апреля 1969	531
5 мая 1969	534
9 мая 1969	535
12 мая 1969	552
14 мая 1969	553
16 мая 1969	554
19 мая 1969	557
23 мая 1969	559
24 мая 1969	560
27 мая 1969	561
29 мая 1969	561
5 июня 1969	563
ЭПИЛОГ	565
Потери LRP 1-й бригады, роты F (LRP), роты L (рейнджеров)	570
